Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RGGU BULLETIN

№ 12 (74) / 11

Scientific journal

Historical sciences Series
Historiography, source study,
methods of historical researches

Moscow 2011

ВЕСТНИК РГГУ

№ 12 (74) / 11

Научный журнал

Серия «Исторические науки»
Историография, источниковедение,
методы исторических исследований

Москва 2011

УДК 930.2(07)
ББК 63

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Заместитель главного редактора
Д.П. Бак

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Главный художник
В.В. Сурков

Серия «Исторические науки»

Редакционная коллегия:
Е.И. Пивовар – ответственный редактор серии
М.Ф. Румянцева – заместитель ответственного редактора серии
Д.А. Добровольский – ответственный секретарь
Р.Б. Казаков – ответственный редактор выпуска
С.И. Маловичко
Е.В. Пчелов
Д.Н. Рамазанова
О.И. Хоруженко
Ю.Э. Шустова

ISSN 1998–6769

© Российский государственный гуманитарный университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретико-методологические проблемы исторического знания

Д.А. Добровольский
О видовой классификации древнерусских письменных источников 13

История исторического знания

Е.А. Архипова
Формирование экономической концепции
старообрядческого движения в трудах А.П. Щапова 25

К.А. Соловьев
Предисловия В.И. Кельсиева к «Сборнику правительственных сведений
о раскольниках» и народническая историография раскола 38

В.Г. Ананьев
Александр Николаевич Сперанский:
материалы к научной биографии 49

С.В. Зверев
Новгородские монеты периода шведской оккупации 1611–1617 гг.
История изучения 58

Источниковедческие исследования

И.Е. Ермолова
Tributarii в позднеантичных источниках 69

А.С. Щавелев
Летописные известия о крещении Ярополка Святославича 78

Д.М. Тимохин
Арабо-персидские и армяно-грузинские историки
о деятельности хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны
на Кавказе (1225–1231 гг.) 88

Ю.Э. Шустова
Книга протоколов заседаний Львовского Успенского братства за 1599–1650 гг. как источник по истории книгопечатания 102

М.С. Черкасова
Переписная книга Устюжской епархии 1696/97 г.: из истории практического архивоведения на Севере России в конце XVII в. 117

Д.В. Сень
Источники по истории казачьего населения Дона и Северного Кавказа конца XVII – начала XVIII в.: проблемы поиска и интерпретации 131

Г.А. Алпыспаева
Письменные источники по истории столицы Казахстана Астаны 145

А.Б. Храмцов
Письма граждан во власть как источник изучения повседневной жизни Тюмени начала XX в. 157

А.Н. Мешков
Протокол заседания как основной документ делопроизводства войсковых комитетов действующей армии 1917–1918 гг. 171

Вспомогательные исторические дисциплины

Е.В. Пчелов
Символика регалий российских государей: эмблематика и символическая преемственность 186

С.И. Баранова
Керамическая надпись из ротонды Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря 195

Г.А. Тюрина
Автограф Исаака Ньютона в Российском государственном архиве древних актов 209

Д.Н. Рамазанова
Греческие и латинские книги XVI–XVIII вв. из собрания архимандрита Евфимия (Ливерия) Колетти: проблемы источниковедческого исследования 224

И.А. Вознесенская
Личные печати в Российской империи XVIII–XIX вв.
(оттиски на делопроизводственных документах) 236

С.И. Садовников
Личные опознавательные знаки военнослужащих
второй половины XIX – первой половины XX в.:
создание и применение 245

Personalia

В.И. Дурновцев
Виктор Александрович Муравьев: историк в зеркале историографии 261

Публикации

Завещательное письмо имеретинской царевны Дарьи Арчиловны 1728 г.
Вступительная статья и подготовка текста М.С. Девяткова 276

Два неизвестных письма Р.Ю. Виппера к В.И. Герье
Вступительная статья и подготовка текста Т.Н. Ивановой 281

Е.В. Старостин
Автобиография 291

Критика и библиография

М.Ф. Румянцева
Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия:
[учеб. пособие для высш. учеб. заведений]. – М.: Русский Фонд
Содействия Образованию и Науке, 2009–2010. – 5 т. 295

Н.В. Некрасова
Переписная книга города Твери 1709 года. – Тверь:
ГЕРС, 2007. – 832 с. 298

С.И. Маловичко
Дніпропетровський історико-археографічний збірник. –
Дніпропетровськ: Ліра, 2009–2010. – Вип. 3–4 301

Хроника

Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева
Историографические чтения памяти профессора
Виктора Александровича Муравьева 30 октября 2010 г. 304

Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева
XXIII ежегодная конференция кафедры источниковедения
и вспомогательных исторических дисциплин «Историческая география:
пространство человека vs человек в пространстве» 307

Е.В. Пчелов, С.В. Зверев
Научный семинар по геральдике и вспомогательным
историческим дисциплинам Историко-архивного института РГГУ
(продолжение) 311

In Memoriam

Памяти Евгения Васильевича Старостина (1935–2011) 314

Конференция 2012 316

Abstracts 318

Сведения об авторах 328

CONTENTS

The theoretical problems of historical knowledge

D.A. Dobrowolski
On typology of Old Rus' written sources 13

The history of historical science

E.A. Arkhipova
Formation of the Economic Conception of Old Belief's movement in the works of A.P. Schapov 25

K.A. Solovyov
V.I. Kel'siev's Prefaces to the "Collection of the Government Documents on the Raskolniki" and the Populist Historiography of the Raskol 38

V.G. Ananiev
Alexander Nikolaevich Speransky: proceedings of the scientific biography 49

S.V. Zverev
The Coins of the Svedish intervention of Novgorod in 1611–1617. The history of education 58

Studying thes

I.E. Ermolova
Tributarii in the Late Ancient Sources 69

A.S. Schavelev
Annalistic Notices about Yaropolk Svyatoslavich's Baptism 78

D.M. Timokhin
Arabian and persian historians and armenian and georgian historians on activity horezmshah Jalal ad-Din Mankburni in Caucasus (1225–1231) 88

J.E. Shustova
The Lviv Assumption Confraternity Record Book
for the years 1599–1600 as a source for history of book-printing 102

M.S. Cherkasova
Register book of Ustiug eparchy of 1696/97 year: From the history
of archivistics in the Russian North in the XVII century 117

D.V. Sen`
Historical Sources in Cossacks Studies on Don
and North Caucasus region (end of XVII – beginning XVIII).
Exploration Route and Interpretation 131

G.A. Alpyspayeva
Written sources on the history of Kazakhstan's capital Astana 145

A.B. Khramtsov
Letters of citizens addressed to authorities as a source of studying
Tyumen everyday life at the beginning of the 20th century 157

A.N. Meshkov
Minutes of the meeting as the basic document workflow military
committees of the army in 1917–1918 171

Auxiliary sciences of history

E.V. Pchelov
Symbolics of regalia of Russian monarchs: emblems
and symbolical succession 186

S.I. Baranova
Ceramic inscription from rotunda of resurrection cathedral,
New Jerusalem Monastery 195

G.A. Tyurina
Isaac Newton's autograph from the Russian State Archives
of Ancient Acts 209

Dzh.N. Ramazanova
Greek and Latin printed books of the XVI–XVIII centuries from private
library of Euphemius (Liberius) Coletti: source study problems 224

I.A. Voznesenskaya
Personal seals in the Russian Empire in the XVIII–XIX (prints on business documents) 236

S.I. Sadovnikov
Personal identification marks of servicemen: transformation and use 245

Personalia

V.I. Durnovtsev
Victor Alexandrovich Muraviev: historian in a historiography mirror 261

Publications

Testamentary letter Imereti Princess Darya Archilovna, 1728
(preface and prep. for the publ. M.S. Deviatkov) *276*

Two unknown letters by R. Vipper to W. Guerrier
(preface and prep. for the publ. T.N. Ivanova) 281

E.V. Starostin
Autobiography 291

Reviews and bibliography

M.F. Roumiantseva
Recensio ad opus: Ancient Russia in light of foreign sources: Reader 295

N.V. Nekrasova
Recensio ad opus: Census Record of Tver City. 1709 298

S.I. Malovichko
Recensio ad opus: Collected articles on the history and Archeography 301

Actual events

R.B. Kazakov, M.F. Roumiantseva
Historiographical reading of the memory of Professor Victor Aleksandrovich Muraviev. October 30, 2010 304

R.B. Kazakov, M.F. Roumiantseva
XXIII Annual Conference of the Department of Source and auxiliary historical sciences "Historical geography: space man vs man in space" 307

E.V. Pchelov, S.V. Zverev
Scientific seminar on heraldry and the auxiliary historical sciences of Institute for History and Archives RSUH (continued) 311

In Memoriam

In memory of Eugene Vasilyevich Starostin (1935–2011) 314

Conference 2012 316

Abstracts 318

General data about the authors 328

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Д.А. Добровольский

О ВИДОВОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Критически анализируется традиционный подход к синтетическому описанию корпуса древнерусских письменных источников XI–XVII вв. Обобщаемые в статье результаты последних исследований литературы путешествий, а также летописания и литературного творчества Древней Руси позволяют предложить уточненную видовую модель корпуса исторических источников допетровского периода.

Ключевые слова: Древняя Русь, исторические источники, корпус источников, видовая классификация, сведения иностранных авторов, летописи, литературные произведения.

Работать с упорядоченными объектами существенно проще, чем с неупорядоченными. Более того, при изучении прошлого структурирование корпуса исторических источников позволяет не только определить место данного произведения по отношению ко всем остальным, но и заметить подспудные тенденции, остающиеся невидимыми при изучении отдельно взятых объектов. Это превращает классификацию в одну из важнейших научно-исследовательских процедур[1].

Особое место в ряду классификаций занимает классификация исторических источников по видам, критерием которой являются социальные функции классифицируемых произведений[2]. Произведения (документы, повествовательные сочинения, объекты искусства и т. д.), создаваемые для решения одинаковых или сходных задач, образуют один вид, объединенный как родством смыслов, вкладываемых создателями в свои произведения, так и схожестью форм, избираемых для выражения этих смыслов. Едва ли нужно

© Добровольский Д.А., 2011

специально доказывать, что при таком понимании вида видовой состав корпуса источников (особенно если не ограничиваться источниками письменными) с неизбежностью обнаружит высокую степень корреляции с характерной для изучаемого периода социально-политической структурой. Но это, в свою очередь, выводит видовую классификацию за рамки «чистого» источниковедения, превращая ее в один из инструментов социальной истории как таковой. Более того, понимание социальной структуры как реализации определенного набора функций характерно не только (и даже не столько) для истории, сколько для социальной антропологии, одно из направлений которой не случайно получило наименование «функционализм»[3]. Подобная универсальность используемых категорий обеспечивает видовой классификации центральное место в университетском курсе источниковедения: изложение материала по видам позволяет наглядно продемонстрировать статус преподаваемой дисциплины как методологической основы всех наук о человеке, или, во всяком случае, одной из возможных методологических основ.

Видовая классификация источников сложилась не одномоментно. Однако раскрытие всех аспектов этого процесса не входит в задачи предлагаемой статьи, цель которой существенно скромнее. Ниже предлагается ряд соображений, касающихся проблем классификации письменных источников древнерусского периода, под которым понимается время от возникновения в X в. «державы Рюриковичей» до Петровских реформ рубежа XVII–XVIII вв.

Сегодня при синтетическом описании корпуса письменных источников по древнерусской истории принято выделять в общем и целом следующие виды: летописание, законодательство, акты, делопроизводство (государственное и частное), литературные произведения[4]. Иногда могут быть вынесены в отдельный структурный раздел сведения о материалах писцовых описаний (как возникшие в рамках учетной деятельности), характеристика международных договоров с предшествующей им дипломатической перепиской (что находит себе объяснение не столько в целеполагании соответствующих документов, сколько в их содержательном родстве), а также географические описания и картографические материалы. Кроме того, данью источниковедческим традициям является присутствие в учебниках и программах курсов особого раздела, посвященного «запискам иностранцев». Эта схема освящена авторитетом множества знаменитых ученых, включая Н.М. Карамзина[5] и В.О. Ключевского[6]. Нетрудно, однако, убедиться, что видовой подход, как он описан выше, реализуется в этой классификации не полностью, сочетаясь с тематическим, в основе которого лежит уже не сходство

свойств источников как объектов исследования, а единство характеризуемого предмета.

Очевидно, что такая непоследовательность препятствует реализации теоретических преимуществ видовой классификации, лишая планы курсов и учебники внутренней логической красоты. Но это трудно было бы признать серьезной проблемой. Важнее другое: при группировке источников по тематическому признаку, лежащей в основе «вида» под названием «свидетельства», «записки» или «сказания иностранцев о России», от внимания исследователя ускользают многие особенности изучаемых текстов, задаваемые литературными традициями и специфическими требованиями жанра. Скажем, в «Вопросоответах» Псевдо-Кесария, написанных в середине VI в. и относящихся поэтому к числу древнейших византийских сочинений с упоминанием славян, утверждается, что «склавины <...> с удовольствием поедают женские груди, когда [они] наполнены молоком, а грудные младенцы [при этом] разбиваются о камни» (РК, 110)[7]. Л. Нидерле пытался связать это грубо натуралистическое описание с практикой умерщвления «лишних» детей женского пола, известной у поморян и лютичей вплоть до XII в.[8], а Ф. Малингудис, в свою очередь, поставил сообщение Псевдо-Кесария в связь с балканскими поверьями, согласно которым младенцы, умершие некрещеными, превращаются в духов – похитителей молока[9]. Обе эти интерпретации упоминаются как возможные в известном «Своде древнейших письменных известий о славянах»[10], однако ни одна, ни вторая не объясняют цитируемого текста в полной мере. Напротив, версия Л. Нидерле плохо соответствует ролевой структуре разбираемого фрагмента (по словам самого же исследователя, западные славяне убивали собственных детей, а не чужих, и делали это не из кровожадности, а затем, чтобы помочь матери с воспитанием оставшихся), толкование же Ф. Малингудиса не только требует еще более основательного перераспределения функций (в частности, младенец в понимании ученого уже не жертва, а едва ли не главный «преступник»), но и сомнительно с точки зрения хронологии (во вредных духов превращаются заложные, т. е. «неправильные», покойники, умершие «не по-людски» или не выполнив чего-то положенного на этом свете[11], но смерть без крещения могла быть сочтена неправильной только после принятия христианства, а значит, и упоминаемые исследователем поверья едва ли возникли раньше IX–X вв.). Похоже, в славянском контексте объяснить сообщение Псевдо-Кесария невозможно. Иная картина складывается при обращении к византийской практике описания варварских племен, в рамках которой рассказы об извращенном людоедстве (в том числе пожирании женских грудей) оказываются одним из общих мест[12].

Составители «Свода...» не предлагают окончательного решения проблемы, оставляя выбор за читателем. Очевидно, однако, что при рассмотрении сквозь призму традиций греческой литературы известие Псевдо-Кесария становится существенно понятнее, чем при интерпретации на основе наших знаний о жизни древних славян.

Имеются и менее прозрачные примеры воздействия литературных традиций на восприятие «другого». Так, не только уже упоминавшийся Псевдо-Кесарий, но и более уважаемые византийские авторы (император Маврикий) пишут о неорганизованности славян: «Они вообще вероломны и ненадежны в соглашениях, уступая скорее страху, нежели дарам. Так как господствуют у них различные мнения, они либо не приходят к соглашению, либо, даже если и соглашаются, то решенное тотчас же нарушают другие, поскольку все думают противоположное друг другу и не один не желает уступить другому» (Maur. XI.4.14)[13]. Очень соблазнительно использовать подобные высказывания в критике излишне оптимистичных построений о политическом развитии славянства VI в., но интерпретаторы справедливо подчеркивают, что «надо иметь в виду византийскую политическую доктрину эпохи Юстиниана: истинной властью представлялась лишь прочная монархия, обеспечивающая стабильность правопорядка, подчинение подданных законной власти, соблюдение договоров и т. д.»[14], а с этой точки зрения потестарные структуры у славян если и существовали, то в любом случае оставались незамеченными из-за своего несоответствия сложившемуся в сознании наблюдателей образу настоящего государства.

Есть основания надеяться, что с переходом к Новому времени роль литературных образцов должна ослабнуть, однако знакомство с записками путешественников (травелогами) XV–XVII вв. этих надежд не укрепляет. Напротив, «задача всестороннего описания России была по плечу далеко не каждому иноземцу. Чтобы дать его, автору самому нужно было быть энциклопедистом, иметь интерес и к экономике, и к политике, религии и быту, нужно было быть открытым к восприятию и пониманию чужой культуры и терпимым к ее носителям, гуманистом не только в теории, но и на практике. Большинство же иноземцев, которые по воле случая, распоряжению своего государя или в поисках легкой наживы посещали Россию, подобных качеств были лишены»[15]. Более того, отношения с загадочной Московией развивались неравномерно, и в моменты кризисов «записки теряли сходство с описанием земель и народов, приобретая характер памфлетов»[16]. Использование чужой информации оказывалось фактически единственным выходом для человека, не имевшего ни времени, ни желания глубоко вникнуть в жизнь чужой страны, но все-таки испытывавшего потребность нечто написать. Но

в такой ситуации неудивительно, что, по утверждению В.О. Ключевского, «для большей части иностранцев, писавших о России в XVII и даже во второй половине XVI века, самым обильным источником служили сочинения прежних путешественников, ездивших в Московию. Особенно много встречается заимствований из Герберштейна и Олеария: компиляторы выписывали из их сочинений известия целыми страницами без всякого разбора, не обращая внимания на время, к которому относились заимствуемые известия; у Гваньино даже все описание Московии есть не более, как почти дословное повторение известий Герберштейна, только расположенных в другом порядке; изредка попадаются скудные дополнения самого составителя»[17]. Сохранили свое значение стереотипы, продиктованные идеологией. В частности, хорошо известно, что на Руси, в отличие от средневековой Западной Европы, практически не существовало круглой религиозной скульптуры. Однако датский путешественник Я. Ульфельдт (ок. 1530–1593) сообщает о «многочисленных идолах и иконах» (multis idolis ac sculptilibis), украшающих православные храмы[18]. «Просто» комментатору останется только констатировать, что свидетельство путешественника – неправда, комментатор же, знающий о протестантизме автора[19], отнесется к его словам как к риторической фигуре, внушенной лютеранину спорами с «идолопоклонниками»; содержание этих споров, кстати, излагается самим Я. Ульфельдтом в нескольких абзацах, помещенных непосредственно за цитированным. Естественно, сказанное не следует понимать в том смысле, что все до единого внешние описания нашей (да и любой другой) страны состоят исключительно из стереотипов, со временем образующих питательную почву для произрастания пресловутой «развесистой клюквы». Архетипические образы могут в любых пропорциях переплетаться с собственными наблюдениями пишущего, содержащими иной раз совершенно уникальные сведения о жизни характеризуемого региона; для тех периодов, когда собственная письменная традиция еще не сформировалась, записки иностранцев оказываются почти единственным источником вербального материала. Однако важно отдавать себе отчет в том, что интерпретация травелога как исторического источника требует досконального знания ситуации на родине путешественника, причем речь должна идти как о политической обстановке, так и о тенденциях развития словесного искусства. В данном требовании нет ничего нового, изучение литературы путешествий – динамично развивающаяся отрасль интеллектуальной истории[20]. Очевидно, вместе с тем, что в рамках лекционного курса необходимый уровень ознакомления с внешними по отношению к объекту изучения традициями практически недостижим. А значит, методически правильнее было

бы в учебной практике отказаться от изучения экзохаратеристик, включая и записки иностранцев, в рамках общего курса источниковедения истории России. Соответствующие сюжеты можно было бы выделить в самостоятельный курс.

Вторая проблема существующих описаний источниковой базы российской истории кроется уже собственно в списке видов. По традиции, восходящей опять-таки к Н.М. Карамзину, первая позиция этого списка принадлежит летописям, которые рассматриваются в данной связи как самостоятельный и в значительной степени самодостаточный вид. Важнейшее значение летописей для восстановления сюжетной канвы древнерусской истории, особенно домонгольского периода, очевидно. Однако традиционная композиция курса может быть подвергнута критике, причем сразу по двум направлениям.

С одной стороны, если начинать изложение с летописей, то не остается места для очень значительного и по числу сохранившихся памятников, и по роли в изучаемой культуре пласта древнерусской книжности, связанного с церковным обиходом. Подобные источники не содержат исторической информации в ее традиционном понимании; исключение составляют разве что выходные, вкладные, владельческие и другие записи, из которых, при должном с ними обращении[21], можно получить сведения и о заказчиках книг, и об изготовителях рукописей, и о тех церквах или монастырях, где книги использовались либо хранились. Вместе с тем филологи отмечают исключительную роль сакральных текстов в формировании не столько даже абстрактной «системы ценностей», сколько совершенно конкретного набора образов, использовавшихся книжниками как при написании собственных рассуждений на религиозные темы, так и при характеристике исторических событий[22]. Попытки применения представлений о религиозном характере древнерусской книжности к интерпретации тех же летописей, предпринятые, прежде всего, в работах И.Н. Данилевского[23], получили сдержанную оценку научного сообщества. Возражения не касались общего принципа прочтения летописей и исторических повестей сквозь призму их возможных библейских образцов: эффективность данного приема сомнений у критиков не вызывает. Напротив, отдельные частные параллели между летописью и Библией стали предметом жесткой критики, чему не в последнюю очередь способствовали расхождения между библейским текстом по Синодальному переводу, которым оперирует И.Н. Данилевский, и теми версиями Писания, которые были в ходу в Древней Руси[24]. Однако предположение о том, что средневековый и современный тексты как минимум сопоставимы, с самого начала позиционировалось ученым как

техническое допущение, принимаемое на начальном этапе работы[25]. Неудивительно, что по мере углубления в материал эта рабочая гипотеза себя изжила и стала очевидна необходимость детального ознакомления с историей библейского текста. Значит, для развития предложенного подхода к древнерусской книжности исследователи (особенно начинающие) должны получать максимально полное представление о номенклатуре и структуре тех рукописей, в составе которых распространялись священные тексты, а также об организации церковной службы, которая выступала важнейшим инструментом такого «распространения». Добиться этого можно только в том случае, если хотя бы базовые сведения подобного характера будут включены в учебный курс, чего в нынешних пособиях и программах не происходит. Учитывая же системообразующий статус сакральных текстов в структуре самой древнерусской книжности, изучать соответствующие источники тоже необходимо первыми, раньше всех остальных дошедших до нас источников XI–XVII вв.

С другой стороны, представляется, что определение летописей как самостоятельного вида источников не вполне учитывает связь этих произведений с иными формами исторической книжности, также бытовавшими в допетровской Руси. Классической «реализации» летописания в виде копируемых из рукописи в рукопись цепочек годовых статей предшествовал, судя по всему, некий монотематический рассказ, имевший форму связного повествования, лишь изредка включавшего отдельные даты[26]. Более того, летописцы периодически обращались к сочинениям по всемирной истории (хронографам) и историософским трактатам, таким как Откровение Мефодия Патарского. В частности, первое упоминание славян в Повести временных лет предваряется двумя известиями – о разделе земли между сыновьями Ноя и о Вавилонском столпотворении[27]. Еще А.А. Шахматов указывал, что оба эти сообщения основаны на информации, заимствованной частично из Хроники Георгия Амартола, а частично из т. наз. Хронографа особого состава (в современной терминологии – Хронографа по великому изложению)[28]. В свою очередь, летописное восприятие половцев (а в дальнейшем и татаро-монгол) опиралось на рассуждения Псевдо-Мефодия о восьми коленах Измаиловых, бежавших в пустыню после битвы с Гедеоном[29]. Признаки воздействия этого текста можно найти и в летописных статьях за конец XI в.[30], и в рассказах о битве на Калке[31]. Византийские авторы обеспечивали книжников сведениями об ойкумене, необходимыми для осмысления происходящих событий, и эти сведения составляли неотъемлемую часть картины мира, существовавшей в сознании древнерусского книжника XI–XVII вв.

Нелетописные исторические сочинения упоминаются как в классическом пособии М.Н. Тихомирова, так и в некоторых современных программах и учебниках по источниковедению, но прежде всего как разновидность источников, пришедшая на смену летописанию в момент его кризиса[32]. Однако такая подача материала не соответствует ни статусу хронографов и подобных им сочинений, ни тому факту, что первый (и очень важный для истории древнерусской книжности) местный хронограф – уже упомянутый выше Хронограф по великому изложению – появился самое позднее в середине XI в. Целесообразно, во-первых, изменить традиционную композицию – рассказывать об исторических сочинениях нелетописного жанра раньше, чем о летописях, а во-вторых – переименовать соответствующий вид из *летописей* в *историческую книжность*. Внутри нового вида логично образуются две разновидности – (1) хронографы и другие сочинения по всеобщей истории и (2) летописание. Предлагаемая перекомпоновка позволит полнее представить соотношение произведений, формировавших исторические представления Древней Руси.

Наконец, вызывает возражения широкое употребление термина *литературные произведения* («Литературные произведения XI–XIII вв.» у М.Н. Тихомирова[33], «Литературные и публицистические памятники» в учебнике под редакцией И.Д. Ковальченко[34], «Литературные произведения» в учебном пособии, подготовленном преподавателями кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ[35]). Современные авторы, свободные от идеологических ограничений, уже не обязаны настаивать на «светском» и «патриотическом» характере таких произведений, как, например, Слово о полку Игореве, Моление Даниила Заточника или Задонщина. Напротив, подчеркивается, что «специфика семантического наполнения древнерусской литературы делает весьма условным ее деление на духовную и светскую: чисто светских произведений, ориентированных на секулярное сознание и восприятие, до конца XVII в. не могло быть»[36], а характеристике пресловутых Слова о полку и Задонщины предшествуют существенно бóльшие по объему разделы о поучениях и житиях[37]. Такая позиция совершенно обоснованна: религиозная метафорика древнерусской «воинской повести» была предметом изучения еще в XIX–первой половине XX в.[38], так что современные исследования данного вопроса, завершающиеся выводом о религиозном содержании соответствующих произведений (и, в частности, работы Р. Пиккио[39]), естественно продолжают традиции отечественной филологической науки XIX–начала XX в. Классическая древнерусская «литература» была частным случаем пропо-

веди или торжественного слова, по определению имевших глубокий религиозный смысл. Однако необходимо сделать следующий шаг, дав обсуждаемому виду источников новое название – *учительная книжность*. Правда, за рамками так именуемого вида окажутся многие произведения XV–XVII вв., в которых религиозная составляющая уступит место социально-утопическим представлениям (как это происходит, например, в Повести о Дракуле), а в дальнейшем и сатире (что характерно прежде всего для сочинений XVII в.). Не исключено, кроме того, что в строгий термин *учительное* не впишется Слово Даниила Заточника, где, как убедительно показано в одной из работ И.Н. Данилевского, библейские образы используются широко, но не для провозглашения норм христианской морали, а для восхваления князя, которому, собственно, и адресован весь этот текст[40]. Впрочем, данное обстоятельство едва ли составит серьезную проблему, поскольку сочинения Заточника возникли на географической окраине тогдашней Руси, во Владимиро-Суздальском княжестве, известном специфичностью своего политического устройства, а возникновение (уже в послемонгольскую эпоху) литературы sensu stricto легко поставить в хронологическую параллель с появлением (примерно тогда же, и по родственным – очевидно – социальным причинам) делопроизводства и угасанием в XVI в. летописания, столь бурно развивавшегося в XI–XV вв.

Сказанное выше позволяет предложить следующую систему видов исторических источников древнерусского периода: (1) богослужебная книжность, (2) учительная книжность, (3) историческая книжность, (4) законодательные источники, (5) актовые источники, (6) делопроизводство и учетная документация, (7) публицистика и художественная литература (причем два последних вида будут характерны только для XV–XVII вв.). Реализация этой новой классификации в преподавании и синтетическом описании корпуса письменных источников XI–XVII вв. позволит полнее охарактеризовать доступные исследователю материалы и даст стимул к углублению наших представлений не только об источниках изучения, но и о конкретике исторических процессов, протекавших в допетровской Руси.

Примечания

1 Пользуюсь случаем поблагодарить Р.Б. Казакова за ценные советы, использованные при написании этой статьи.

2 Одно время в литературе предлагалось относить источники к тому или иному виду не по функциям, а по «структуре» или «внутренней форме» (*Пушка-*

рев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 221–225). Однако С.М. Каштанов справедливо отмечает, что «сходные признаки внутренней формы – это лишь следствия формально-юридической однотипности происхождения и содержания источников» (*Каштанов С.М.* Русская дипломатика: учеб. пособие. М., 1988. С. 14). Говорить, что вид определяется функцией, и проще, и логичнее, и рациональнее: эта короткая формулировка существенно полнее схватывает суть.

3 Ср.: *Рэдклифф-Браун А.Р.* Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001. С. 19–20.

4 *Тихомиров М.Н.* Источниковедение истории СССР. М., 1962. Вып. 1. С. 17–336; Источниковедение истории СССР / под ред. И.Д. Ковальченко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981. С. 49–151; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 1998. С. 171–317 (автор раздела – И.Н. Данилевский); Источниковедение: источники российской истории: программа курса // Источниковедение: учеб.-метод. модуль. М., 2004. С. 37–45.

5 В статье под названием «Об источниках российской истории до XVII века», предпосланной тексту I тома «Истории государства Российского», Н.М. Карамзин назвал 14 разрядов источников: «I) Летописи <...>. II) Степенная книга <...>. III) Так называемые Хронографы, или Всеобщая история по Византийским летописям, со внесением и нашей, весьма краткой <...>. IV) Жития Святых <...>. V) Особенные деяписания <...>. VI) Разряды, или распределение Воевод и полков <...>. VII) Родословная Книга <...>. VIII) Письменные Каталоги Митрополитов и Епископов <...>. IX) Послания Святителей к Князьям, Духовенству и мирянам <...>. X) Древние монеты, медали, надписи, сказки, песни, пословицы <...>. XI) Грамоты <...> XII) Собрание так называемых Статейных списков, или Посольских дел, и грамот в Архиве Иностранной коллегии с XV века <...> XIII) Иностранные современные летописи <...>. XIV) Государственные бумаги иностранных Архивов» (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Т. 1. С. 23–28). Хотя позиций в приведенном списке больше, чем в оглавлениях современных учебников, структурное родство перечня Н.М. Карамзина и классификаций, предлагаемых нынешними авторами, представляется совершенно очевидным.

6 *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М., 1866; *Он же*. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871; *Он же*. Источниковедение: источники русской истории // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 5–83.

7 Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. 1. С. 254.

8 *Нидерле Л.* Славянские древности. М., 2002. С. 201.

9 *Малингудис Ф.* К вопросу о раннеславянском язычестве: свидетельство Псевдо-Кесария // Византийский временник. М., 1991. Т. 51. С. 87–92.

10 Свод... С. 257.

11 *Левкиевская Е.Е.* Покойник «заложный» // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 118–124.

12 *Dujčev I.* Le témoignage du Pseudo-Césaire sur les Slaves // Dujčev I. Medioevo Bizantino-Slavo. Roma, 1965. Vol. 1. P. 40–42.

13 Свод... С. 370, 371, 373; у Псевдо-Кесария, как и в предыдущем случае, мысль о дикости славян доводится до крайнего выражения: «Первые живут в строптивости, своенравии, безначалии, сплошь и рядом убивая, [будь то] за совместной трапезой или в совместном путешествии, своего предводителя и начальника» – Там же. С. 254.

14 Там же. С. 258.

15 *Антонов В.А., Хорошкевич А.Л.* Якоб Ульфельдт и его записки о России // Ульфельдт Я. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 80.

16 Там же. С. 81.

17 *Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о московском государстве. М., 1991. С. 13.

18 *Ульфельдт Я.* Указ. соч. С. 185, 307.

19 Ср.: *Антонов В.А., Хорошкевич А.Л.* Указ. соч. С. 91–92.

20 См., напр., соответствующий раздел в материалах конференции Российского общества интеллектуальной истории: Национальный/социальный характер: археология идей и современное наследство: материалы всерос. науч. конф. М., 2010. С. 205–233.

21 Опыт анализа данного материала, представленный в работах Л.В. Столяровой (*Столярова Л.В.* Из истории книжной культуры русского средневекового города XI–XVII вв. М., 1999; *Она же.* Древнерусские записи XI–XIV веков на пергаменных кодексах. М., 1998; *Она же.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000), вызвал у специалистов ряд обоснованных замечаний: *Мошкова Л.В., Турилов А.А.* «Плоды ливанского кедра». М., 2003.

22 *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa: литература и язык. М., 2003. С. 432–473; *Он же.* Смысловые уровни в древнерусской литературе // Там же. С. 474–491; *Naumow A.E.* Biblia w strukturze artystycznej utworów cerkiewnosłowiańskich. Kraków, 1983.

23 *Данилевский И.Н.* Библия и Повесть временных лет: (к проблеме интерпретации летописных текстов) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 78–94; *Он же.* Повесть временных лет: герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004, и др.

24 *Ранчин А.М., Лаушкин А.В.* Еще раз о библеизмах в древнерусском летописании // Ранчин А.М. Вертоград златословный: древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 24–41.

25 *Данилевский И.Н.* Библия и Повесть... С. 80–81.

26 *Алешковский М.Х.* К типологии текстов «Повести временных лет» // Источниковедение отечественной истории, 1975. М., 1976. С. 133–162; *Гиппиус А.А.* У истоков древнерусской исторической традиции // Славянский альманах: 2002. М., 2003. С. 31–35; и др.

[27] Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. Стб. 1–5.

[28] *Шахматов А.А.* «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отд. др.-рус. лит. / Ин-т рус. лит. АН СССР. Л., 1940. Т. 4. С. 42–45, 72–74.

[29] *Истрин В.М.* Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: исследование и тексты. М., 1897. С. 87–88, 91–98, 104–105, 108–113 2-й паг.

[30] Полное собрание... Т. 1. Стб. 234–236.

[31] Там же. Т. 1. Стб. 446. Т. 3. С. 61, 264.

[32] *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 41, 269–271; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории... С. 219–222; Источниковедение: источники российской истории... С. 38.

[33] *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 105–128.

[34] Источниковедение истории СССР... С. 135–151.

[35] Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории... С. 279–315.

[36] Там же. С. 279.

[37] Там же. С. 293–306.

[38] См., напр.: *Перетц В.Н.* К изучению «Слова о полку Игореве» // Изв. Отд. рус. яз. и словесности. РАН: 1924 г. Л., 1925. Т. 29. С. 23–43; напротив, об исследованиях народно-поэтической составляющей Слова В.Н. Перетц не без иронии писал, что «рассуждения о “целостном и гармоническом соединении” книжного элемента и народной словесности в “Слове” бесполезны, пока мы не узнаем памятников этой последней, относящихся к XII в.» (То же // Изв. Отд. рус. яз. и слов. РАН: 1923 г. Л., 1924. Т. 28. С. 162).

[39] *Пиккио Р.* «Слово о полку Игореве» как памятник религиозной литературы Древней Руси // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa... С. 504–525.

[40] *Данилевский И.Н.* Холопское счастье Даниила Заточника // Казус: индивидуальное и уникальное в истории: 2002. М., 2002. С. 94–108.

Е.А. Архипова

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТРУДАХ А.П. ЩАПОВА*

В статье исследуются взгляды А.П. Щапова (1831–1876) на предпринимательскую деятельность старообрядчества и ее место в формировании и распространении этого конфессионального движения. Формирование концепции А.П. Щапова рассматривается как процесс взаимодействия социально-политической практики, идеологической позиции историка, метода работы с источниками. Автор полагает, что А.П. Щапов модернизировал феномен старообрядчества XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: А.П. Щапов, историческая концепция, идеология, старообрядчество, раскол, купечество, Министерство внутренних дел.

Проблема влияния настоящего на интерпретацию прошлого – одна из центральных проблем в изучении истории исторической науки. О чем бы историк ни писал, он так или иначе реагирует на вызовы своего времени. Вызовы времени применительно к историческому знанию можно условно разделить на внешние и внутренние. Внешние продиктованы злободневными проблемами общественной жизни, внутренние – теми задачами, которые ставит перед собой историк. Игнорирование любого из этих факторов заведомо сужает наше понимание процессов формирования исторической концепции. В работе Б. Кроче «Теория и история историографии» проблема влияния настоящего на интерпретацию прошло-

© Архипова Е.А., 2011

* Работа выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. по направлению «Исторические науки». Мепроприятие 1.2.2. Проект: «Переломные периоды в развитии русской историографии XVI–XXI вв. глазами молодых исследователей».

го снимается как таковая, поскольку для автора современность есть неотъемлемое внутреннее свойство истории. Б. Кроче подчеркивает, что «лишь интерес к настоящему способен подвигнуть нас на исследование фактов минувшего: они входят в нынешнюю жизнь и откликаются на нынешнее, а не былые интересы». Вместе с тем ученый отмечает, что история не имеет права на существование, если она не опирается на документ и на его критическое осмысление[1]. Это понимание природы исторического знания определяет такой подход к изучению историографии, который предполагает не только анализ исследовательских приемов историка, но и выявление актуальных проблем, волновавших его и его современников. Чтобы ответить на вопрос, как сформировалась та или иная историческая концепция, почему она была сформулирована именно так, а не иначе, следует рассмотреть ее не только в рамках академического дискурса, но во взаимосвязи с другими возможными дискурсами и существующей социальной практикой.

В литературе, посвященной А.П. Щапову и истории старообрядчества, уже давно стало общим местом утверждение об открытии им социально-политической природы старообрядчества. Однако мало кто из исследователей его творчества задумывался над вопросом о факторах, повлиявших на появление новой интерпретации этого исторического феномена. А.П. Щапова характеризовали как славянофила, демократа, народника, революционного демократа[2]. Но развешивание ярлыков мало давало для понимания созданной А.П. Щаповым новой концепции старообрядчества.

Что же касается центральной его работы «Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской Церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола» (1858, далее – «Русский раскол старообрядчества»), то в литературе вместо анализа этой монографии, ее источников, метода историка, повторялась идея о двойственности щаповской концепции раскола, впервые высказанная еще одним из авторов «Современника»[3]. Исключение составляет диссертация Е.А. Вишленковой, где не только показан процесс формирования и эволюция щаповской концепции раскола, но и дается анализ этой концепции в контексте общественно-политических дискуссий и развития исторической науки середины XIX в., причем большое внимание уделяется источниковой базе работ А.П. Щапова и характеру проделанного историком источниковедческого анализа. Подобный подход позволил исследовательнице прийти к заключению, что общественно-политические идеи демократически настроенной интеллигенции,

с одной стороны, и материалы правительственных экспедиций – с другой, предопределили появление новой социально-политической концепции раскола. Одной из главных заслуг А.П. Щапова, по мнению Е.А. Вишленковой, является то, что он первым среди историков выделил социально-экономические мотивы движения раскольников[4]. Однако автор не объяснила, почему именно в середине XIX в. стало возможным открытие экономической составляющей в феномене старообрядчества.

Экономическая активность старообрядцев является темой многих современных исследований по истории российского предпринимательства. Возникает вопрос: какова «археология» данной проблемы и как дискурс о старообрядческом предпринимательстве эволюционировал в зависимости от изменяющейся социально-политической практики. Не ставя перед собой задачу ответить на этот вопрос в целом, рассмотрим формирование экономического толкования старообрядчества в концепции А.П. Щапова.

Если в магистерской диссертации А.П. Щапов сосредоточил внимание на причинах возникновения раскола, то в монографии «Русский раскол старообрядчества» ученый обратился к вопросу о причинах распространения раскола в XVIII в. В главе «Внутреннее развитие раскольнической общины», которая, по всей видимости, была дописана для книги[5], впервые появляются рассуждения об экономической составляющей старообрядческого движения.

Несмотря на разнообразие согласий и толков, старообрядчество предстает в работе А.П. Щапова как единое движение, противостоящее государству и Церкви и стремящееся к расширению сферы влияния, а в дальнейшем – к господству в России[6]. Такая интерпретация старообрядчества подразумевала и то, что оно стремится укрепить свою экономическую базу. Старообрядцы не просто завлекали в свои сети богатых купцов, они создавали «свой внутренний, торговый, коммерческий союз». Активность старообрядцев в промышленности А.П. Щапов объясняет, с одной стороны, стремлением задобрить правительство мнимым усердием к общественному благу, с другой стороны, желанием обеспечить свое положение и усилить свою общину. Промышленность и торговля позволяли раскольничьим общинам получать значительные средства для дачи взяток чиновникам[7]. В этой трактовке экономическая деятельность старообрядцев не имела самостоятельного значения, а подчинялась задачам сохранения общины.

Характеризуя источники средств и пути распространения раскола, А.П. Щапов отмечает, что старообрядцы успешно использовали местные географические условия, особенно северного и северо-восточного регионов Европейской России. Труднодоступность защи-

щала старообрядческие центры от правительственного контроля. Малопригодная для сельского хозяйства, но имеющая многочисленные торговые пути местность создавала условия для развития торговли и ремесел. Прямым следствием такого уклада жизни была чрезвычайная мобильность населения, которая, в частности, проявилась в появлении особого типа торговцев – ходебщиков или офеней, нередко выступавших в роли распространителей вероучения. «В первой половине XVIII в., – пишет А.П. Щапов, – очень часто было, что эти ходебщики, с одной стороны, сами где-нибудь во время странствования заражались расколом, с другой стороны – расколоучители представлялись такими офенями и ходебщиками, а иногда и действительно были ими, и таким образом странствовали по России с проповедью о расколе»[8]. Финансовое давление властей также не подрывало основ жизни старообрядцев. Напротив, платя двойной оклад, представители древнего благочестия были освобождены от прочих повинностей, в том числе рекрутской. Обобщая свои наблюдения, ученый приходит к парадоксальному на первый взгляд выводу, что положение гонимых не мешало, а скорее способствовало обогащению старообрядцев. Пытаясь найти причины распространения раскола, историк видит одну из них в экономических успехах приверженцев старой веры. Богатые раскольники, которые доминировали во многих отраслях торговли и промышленности, особенно во второй половине XVIII в. Бедняки нанимались к богатым раскольникам в работники, продавали им свои произведения, а чтобы пользоваться доступными старообрядцам выгодами, соглашались на раскол. В качестве примеров распространения старообрядчества с помощью экономических механизмов А.П. Щапов приводит фабрики московского региона и уральские железоделательные заводы[9]. Так что не страстная проповедь, а именно деньги склоняли многих в старообрядчество.

Однако высказывания А.П. Щапова о хозяйственной активности старообрядцев недостаточно аргументированны. Доказательства заменяются риторикой и отрывочными сведениями, почерпнутыми из случайных источников. Так, например, утверждение о том, что уже во второй половине XVII в. купцы-старообрядцы представляли многочисленную группу, опирается, в сущности, только на «Виноград Российский» С. Денисова[10]. Пытаясь объяснить наличие большого числа купцов-старообрядцев, А.П. Щапов прибегает к умозрительным конструкциям, в основе которых лежит его главная идея о социально-политических корнях раскола: «Купцы и крестьяне всего более страдали от чиновников в период распространения раскола: потому в купцах и крестьянах всего более заметна доныне раскольническая злоба против начальства. Поэтому основателей

раскольнических сект, после беглых попов, дьяконов и дьячков, всего более было из купцов и поселян»[11]. Не подкрепленным фактами остается тезис о том, что в результате либеральной политики Екатерины II в Нижегородской губернии старообрядцы «прибрали в свои руки местную издельную промышленность и торговлю»[12]. Из рассуждений А.П. Щапова и приводимых им фактов неясно, насколько велика была купеческая прослойка в старообрядчестве и какова была доля старообрядческого капитала в общероссийском масштабе. Впрочем, ученый и не ставит перед собой таких вопросов. Ему важнее, скорее, обозначить тенденцию.

Идеологическая составляющая доминирует и в других работах А.П. Щапова, посвященных расколу. История России в представлении А.П. Щапова движется противостоянием двух начал, государственного и народного. И если государственное начало олицетворяет собой деспотизм, централизм, насилие, то народное, напротив, – демократизм, федерализм и свободу. Бинарность этой концепции переносится на конкретные исторические явления. Так, в работе о бегунах мы встречаем следующее высказывание: «Купец, своим потовым трудом наживший капиталец, из крестьян записавшийся в купцы, в гильдию, кругом испытывавший придирчивое обирательство, сверх пошлин, придирчивое насильственное закрытие лавок, торга, безгласный в шестигласной думе, раб гильдии и чиновничества, до освобождения купечества от рекрутства долженствовавший за себя поставить рекрута, терпевший от начальников и военнослужащих чинов ругательства, побои и проч., купец этот записывался в бегуны *мирские жиловые* и становился сам покровителем, *пристанодержателем* странствующих бегунов, помощником их пропаганды»[13]. Купец, ущемляемый существующей государственной системой, не имеет другого выбора как стать членом секты, которая представляет собой свободное демократическое сообщество.

Обращение к экономическим сюжетам не было характерно для исследователей раскола, работавших в 50–60-е гг. XIX в. Объяснение особой позиции А.П. Щапова следует искать как в политических убеждениях ученого, так и в особенностях его характера. Н.Я. Аристов характеризует А.П. Щапова как настоящего печальника о русском народе, способного иногда в порыве чувствительности расплакаться о забитом и угнетенном крестьянстве[14]. Однако тот же мемуарист отмечает, что внимание к вопросам современности стало проявляться в исследованиях историка только тогда, когда стало известно о неизбежном освобождении крестьян и других преобразованиях[15]. Именно в начале 60-х гг. А.П. Щапов начинает в противовес историко-юридической школе разрабатывать «народную» концепцию русской истории, так называемую земско-областную

теорию, в центре внимания которой оказывается не только система самоуправления, но и экономический быт народа. А.П. Щапов стремился найти исторические объяснения так волновавшего его тяжелого положения народа. Но в силу специфики самого предмета эти поиски не могли ограничиться только политической сферой, вынуждая ученого обратиться к экономическим основам жизни народа.

Существовал и еще один фактор, заставивший А.П. Щапова обратиться к экономической основе старообрядчества. Этим фактором были результаты исследований раскола, проводившиеся в 40–50-е гг. под эгидой Министерства внутренних дел.

При министре Л.А. Перовском изучение раскола было поставлено на широкую ногу. В 1846 г. Н.И. Надеждиным и И.П. Липранди была разработана программа по составлению новой истории раскола. Работу предполагалось разделить на три части: историческую, догматическую и статистическую. Историческая часть заключалась в выявлении документов, связанных с расколом, и составлении соответствующих выписок. Планировалось разобрать не только текущие дела и дела, находившиеся в архиве МВД, но и документы, находившиеся в архиве Синода и Сената, в Государственном архиве, в ведении Министерства иностранных дел, архивы генерал-аудиторов по военному и морскому министерствам, архив управления Горных дел при Министерстве финансов. В рамках догматической части исследования Н.И. Надеждин и И.П. Липранди предлагали собрать сочинения раскольников. Для этого необходимо было все поступавшие в Департамент общих дел Министерства внутренних дел рукописи и книги передавать в редакцию журнала министерства, где они должны были описываться и храниться. Также предполагалось приобретать материалы у частных собирателей и самих раскольников. Что же касается статистической части, то признавалось, что источники по этому разделу отсутствуют и предстоит произвести секретные исследования в местах проживания раскольников[16]. Обобщающий труд на основе этих материалов написан не был ни при Л.А. Перовском, ни при Д.Г. Бибикове и С.С. Ланском, однако ряд статей по истории раскола был написан и опубликован[17].

Напротив, статистическая часть программы была проработана плохо. Н.И. Надеждин отмечал, что более всего сложностей возникает именно с описанием современного положения раскола: для этого пока нет источников, поэтому их необходимо создавать непосредственным наблюдением[18]. Конечно, в распоряжении министерства были некоторые материалы, но их нельзя было считать надежными. Отчеты губернаторов готовились некачественно: городские и уездные полицейские управления, пишет П.И. Мельни-

ков, придерживались цифр за предыдущий год, постепенно их убавляя. Епархиальные донесения о числе раскольников также были далеки от реального положения дел. Приходские причты, так же как и исправники, придерживались цифр прошлого года, поскольку не были заинтересованы в выявлении точного количества раскольников. Это только усложнило бы их жизнь, возбуждая недовольство вышестоящего начальства[19]. Таким образом, остро чувствовалась необходимость разобраться, что же действительно происходит с расколом на местах.

В 40-е гг. Л.А. Перовский, помимо «кабинетного» изучения раскола, инициировал новую практику, которая заключалась в привлечении к исследованию специально назначенных для этой цели чиновников. Последние направлялись в различные губернии как исключительно для изучения раскола, так и в связи с другими поручениями[20].

В 1850 г. министр представил Николаю I особую записку о расколе, в которой указал на незнание правительством точного количества раскольников. Император, прочитав записку, приказал придумать средства, которые позволили бы собрать верные сведения о числе раскольников, хотя бы в некоторых губерниях[21].

Для исполнения этого поручения в 1852 г. были назначены чиновники МВД: коллежский советник П.И. Мельников, коллежский асессор Л.И. Арнольди, надворный советник П.А. Брянчанинов и статский советник И.С. Синицын, возглавившие статистические экспедиции в Нижегородской, Костромской и Ярославской губерниях.

Та же практика изучения раскола была продолжена и при следующем министре – Д.Г. Бибикове. География исследований была расширена до 35 губерний. В Санкт-Петербургской, Московской, Новгородской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской и Саратовской губерниях проведением исследований руководили специально назначенные чиновники МВД. В остальных регионах проведение исследований было поручено генерал-губернаторам и губернаторам[22].

В Департаменте общих дел МВД были разработаны инструкции чиновникам и губернаторам, которые Д.Г. Бибиков подписал в 1853 г. Составителям отчетов предписывалось выяснить численность раскольников и основные места их проживания, нанести эти поселения на карту и указать их расположение относительно дорог и судоходных рек, определить сословный состав раскольников и их распределение по толкам и согласиям, установить, какое количество раскольников находится в отлучке, в течение какого срока и по каким надобностям, собрать подробные сведения о существующих

скитах и молельнях. Важнейшим был вопрос о нравственном состоянии раскола, который трактовался широко и включал не только духовную жизнь раскольников, но и их занятия. Особое внимание должно было быть уделено лидерам раскола: следовало собрать подробные сведения о характере каждого из них, его средствах и связях, а также высказать соображения относительно тех мер воздействия, которые могли быть применены в отношении них. Наконец, чиновники должны были высказать свое мнение относительно эффективности действий светских и духовных властей против раскола[23]. Таким образом, исследования призваны были не только показать действительное количество раскольников на территории Российской империи и основные места их расселения, но и охарактеризовать различные сферы их жизни. Главное же, что стремилось понять правительство, – насколько его политика в отношении раскольников эффективна, почему раскол до сих пор существует и что надо предпринять, чтобы его уничтожить.

Поскольку живучесть раскола в значительной степени определялась экономическим потенциалом старообрядцев, то вопросам экономики в отчетах чиновников МВД отводилось одно из важнейших мест.

Все составители отчетов сходятся во мнении, что старообрядцы располагают внушительными финансовыми средствами[24], да и вообще гораздо зажиточнее основного православного населения[25]. Причину экономического благополучия раскольников чиновники усматривали не столько в том, что староверы были практически не подвержены таким порокам русского народа, как лень и пьянство, сколько в особой организации старообрядческих общин, выполнявших функции страхового и кредитного учреждения[26]. Констатируя склонность старообрядцев к торговой и промышленной деятельности, П.И. Мельников и П.А. Брянчанинов даже выявили зависимость между промышленным развитием региона и степенью распространения на его территории раскола[27]. При этом П.И. Мельников, в отличие от своих коллег, не ограничился констатацией экономической активности старообрядцев, но и попытался это свойство объяснить: по его мнению, только торговля и промышленность, предполагавшие подвижный образ жизни, позволяли сторонникам древнего благочестия поддерживать связь со своими единоверцами[28]. Эти наблюдения заставляли чиновников сделать вывод, что наличие крупных капиталов и системы взаимопомощи в старообрядческих общинах являлись наиболее эффективным средством пропаганды раскола.

Еще одним немаловажным фактором стабильности старообрядчества признавалось взяточничество местных светских и духовных властей. Вместо того чтобы противодействовать распространению

раскола, они превратили его в источник постоянных доходов[29]. Чиновники МВД приходили к неутешительным для правительства выводам: любые, даже самые строгие меры против раскола будут обречены на неудачу, пока чиновники не перестанут заниматься взяточничеством, а раскольники не лишатся своих капиталов.

Исследования, проведенные чиновниками МВД в 40–50-е гг. XIX в., открыли социальный и экономический аспекты современного им старообрядчества. Они показали, что старообрядческие согласия представляли собой уже не только и не столько сообщества единоверцев, сколько экономически независимые социальные структуры, что учитывалось в политике государства. 10 июня 1853 г. Николаем I было утверждено положение «О ненаграждении раскольников знаками отличия и почетными титулами и о принятии их в гильдии на временном праве»[30]. Согласно положению все предъявители купеческих капиталов должны были предоставить удостоверения о принадлежности к православию или единоверию. В качестве доказательств принимались выписки из метрических или исповедных книг, свидетельство священника о присоединении к Русской Православной или Единоверческой Церквам. Если такие свидетельства не предоставлялись, то выдавались торговые свидетельства «на временном праве». Получавшие такие свидетельства переходили в разряд мещан: они имели право осуществлять торговлю, но при этом лишались всех личных прав и преимуществ купеческого сословия[31]. Представляется, что подобные меры были продиктованы результатами исследований.

Несмотря на то что отчеты были предназначены исключительно для служебного пользования, один из них, а именно отчет П.И. Мельникова «О современном состоянии раскола в Нижегородской губернии», стал известен некоторым слушателям Казанской духовной академии, среди которых был и А.П. Щапов. Составленный в 1854 г., этот отчет был передан министром внутренних дел Д.Г. Бибиковым на рассмотрение казанскому архиепископу Григорию, который в свою очередь летом 1856 г. ознакомил с документом ректора академии Агафангела. Ректор поручил нескольким студентам разделить отчет между собой и переписать[32]. В дальнейшем распространение отчета среди студентов стало причиной конфликта. П.И. Мельников обвинил преподавателей и студентов Казанской академии в том, что они использовали его отчет и отчеты других чиновников МВД при написании статей, опубликованных в журнале «Православный Собеседник». Обвинения в плагиате коснулись и А.П. Щапова, который, как считал П.И. Мельников, составил книгу преимущественно из данных, заимствованных (безо всяких ссылок) из подготовленных чиновниками отчетов[33].

Упреки П.И. Мельникова были справедливы только отчасти. Книга «Русский раскол старообрядчества» была расширенным и дополненным вариантом магистерской диссертации А.П. Щапова. Представляется, что отчеты, наряду с другими источниками, использовались только для третьей части исследования, озаглавленной «Внутреннее развитие раскольнической общины».

Вместе с тем воздействие отчета П.И. Мельникова на формирование взглядов А.П. Щапова несомненно. Почерпнутые из документа сведения использовались для описания хозяйственной деятельности старообрядцев в Нижегородской губернии: «В Нижегородской губернии до 20-х гг. XVIII в. раскольники занимали лучшие для промышленности и торговли места, в числе 86 000 душ. Потом, хотя и уменьшилось это число до 5 000 душ вследствие употребляемых против них мер правительства и особенно епископа нижегородского Питирима, но со второй половины XVIII в. они опять заняли лучшие торговые и промышленные места Нижегородской губернии. Заняв, по обеим сторонам, берега Волги, на пространстве 265 верст, и берега Оки, на пространстве 170 верст, в числе более 46 000 душ, – раскольники завладели судоходством по этим рекам, местною торговлею и изделью промышленностью, каковы: судостроение, деланье посуды, прядение льна и т. п., и важнейшими пунктами нижегородской торговли и промышленности, каковы: Городец в Балахнинском уезде, главнейшая пристань верхового нижегородского судоходства по Волге, откуда вверх по Волге отправляются хлеб и другие запасы, а вниз – разные лесные изделия, куда раскольники саратовские зимою привозят огромный запас соленой рыбы для местного потребления и дальнейшего развоза по разным верхневолжским губерниям, где, одним словом, значительно развита торговая и промышленная деятельность; Горбатов, торговый уездный город с прядильными заводами; знаменитые торговые и промышленные села Павлово, Лысково и другие. Кроме того, раскольники заняли все главнейшие торговые дороги, идущие по Нижегородской губернии в окружные губернии: по торговым дорогам их ныне живет более 64 000 душ»[34]. Этот фрагмент представляет собой сокращенный вариант одного из разделов написанного П.И. Мельниковым отчета[35]. Более того, приведенные А.П. Щаповым цифры – это несколько округленные цифры из текста П.И. Мельникова[36]. Таким образом, обвинения в адрес А.П. Щапова имели под собой реальные основания.

Однако более важным является то, что А.П. Щапов апологетически воспринял сведения, касающиеся социально-экономической деятельности старообрядцев. Он укоренил в историографии тезисы о большем трудолюбии и хозяйственности раскольников по сравнению с православными; о наличии у староверов значительных

финансовых средств; о привлекательности раскола для желающих улучшить свое материальное положение, о заинтересованности местных властей в сохранении раскола. Главным же, что объединяло А.П. Щапова и П.И. Мельникова, был априорный взгляд на старообрядчество как единое сообщество, противостоящее государству. Расходились они лишь в оценке: если первый, занимая демократическую позицию, оценивал старообрядчество положительно, то второй, напротив, отрицательно.

Использование материалов о современном состоянии старообрядчества определенным образом повлияло на конструируемое историком прошлое. Результаты статистических и этнографических исследований, указывавшие на особое место, занимаемое старообрядцами в промышленности и торговле России в середине XIX в., были перенесены Щаповым на более ранние периоды. Представляется, что именно поэтому в «Русском расколе старообрядчества» говорится о существовании множества старообрядческих купцов уже во второй половине XVII в. и о том, что со второй половины XVIII в. богатые раскольники, по мнению историка, захватили многие отрасли торговли и промышленности в различных регионах страны[37]. Современные исследования, в частности статья Н.В. Козловой, позволяют сказать, что А.П. Щапов безусловно преувеличивал число купцов-старообрядцев в конце XVII – начале XVIII в.[38]

В исторических построениях А.П. Щапова идеологический дискурс взял верх как над характером изложения, так и над системой аргументации. В связи с этим, ученый отказался от анализа источников и не использовал инструментарий современной ему исторической науки. Многие элементы образа старообрядчества XVII–XVIII вв., созданного в трудах А.П. Щапова, навеяны историку наблюдениями над раскольниками XIX в.

Примечания

1 *Кроче Б.* Теория и история историографии. М., 1998. С. 9–10.

2 *Маджаров А.С.* Изучение творчества А.П. Щапова в отечественной историографии XIX–XX вв. Иркутск, 1994.

3 *Аристов Н.Я.* Афанасий Прокофьевич Щапов. Жизнь и сочинения. СПб., 1883. С. 46; *Лучинский Г.А.* Афанасий Прокофьевич Щапов: Биогр. очерк // Щапов А.П. Соч.: В 3 т. СПб., 1908. Т. 3. С. XXV–XXVII; *Козьмин Н.Н.* Афанасий Прокопьевич Щапов, его жизнь и деятельность (По поводу 25-ти летия со дня смерти). Иркутск, 1902. С. 17; *Научитель М.В.* Жизнь и деятельность Афанасия Прокофьевича Щапова (1831–1876 гг.). Иркутск, 1958. С. 10–12.

4 *Вишленкова Е.А.* Проблема церковного раскола в трудах А.П. Щапова. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1991. А.С. Маджаров обратил внимание на теоретико-методологический аспект формирования концепции А.П. Щапова и влияние на нее философии Гегеля (*Маджаров А.С.* Афанасий Прокопьевич Щапов: история жизни (1831–1876) и жизнь «истории». Иркутск, 2005. С. 55–67).

5 Мы не можем говорить об этом с полной уверенностью, т. к. магистерская диссертация А.П. Щапова не сохранилась, в «Православном Собеседнике» была опубликована только часть его работы.

6 *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской Церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола // Щапов А.П. Соч.: В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 314–315.

7 Там же. С. 315–317, 320.

8 Там же. С. 301.

9 Там же. С. 316, 319.

10 Там же. С. 286, 293, 300.

11 Там же. С. 439.

12 Там же. С. 317.

13 *Он же.* Земство и раскол II. Бегуны // Щапов А.П. Соч.: В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 550.

14 *Аристов Н.Я.* Указ. соч. С. 39.

15 Там же. С. 30.

16 РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–3; один из вариантов программы Н.И. Надеждина, в которой отдельно выделялась еще и юридическая часть; см.: План «Полного собрания сведений, относящихся к расколам и раскольникам», предоставленный Н.И. Надеждиным бывшему министру внутренних дел графу Л.А. Перовскому // Братское слово. 1876. Кн. 1. С. 118–138.

17 ОР РНБ. Ф. 775. Д. 2336. Л. 64–64об.; *Варадинов Н.* История министерства внутренних дел. СПб., 1863. Кн. 8. С. 470–471, 524–526.

18 ОР РНБ. Ф. 775. Д. 2336. Л. 32об.

19 *Мельников П.И.* Счисление раскольников // Русский вестник. 1868. Т. 73. № 2. С. 415–420.

20 *Варадинов Н.* Указ. соч. С. 445–446, 458–470.

21 *Мельников П.И.* Указ соч. С. 422–424.

22 Там же. С. 424–427, 430–431.

23 РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 116а. Л. 3–5об.; Д. 115а. Л. 1–5об.

24 *Аксаков И.С.* Краткая записка о странниках и бегунах // Отчего так нелегко живется в России? М., 2002. С. 893; РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 480-в. Л. 4об–5, 6об–7.

25 *Мельников П.И.* Отчет о современном состоянии раскола в Нижегородской губернии // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Н. Новгород, 1910. Т. IX. В память П.И. Мельникова (Андрея Печерского).

С. 259–260, 272; *Синицын И.С.* О расколе в Ярославской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 165; *Липранди И.П.* Краткое обозрение существующих в России расколов, ересей и сект // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 2. С. 155–156.

26 *Мельников П.И.* Отчет о современном состоянии раскола. С. 251–252, 285; *Синицын И.С.* Указ. соч. С. 147–148.

27 *Мельников П.И.* Отчет о современном состоянии раскола. С. 282; Из дневника надворного советника Брянчанинова, по исследованиям раскольников в Костромской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 2. С. 25.

28 *Мельников П.И.* Отчет о современном состоянии раскола. С. 282.

29 Записка с.с. И.С. Синицына // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 51–52; Из дневника коллежского асессора Арнольди, по исследованиям раскольников в Костромской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1861. Вып. 2. С. 20–22; *Мельников П.И.* Отчет о современном состоянии раскола. С. 95, 250–251, 277.

30 Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1858. С. 596–597.

31 РГИА. Ф. 1284. Оп. 28. Д. 117а. Л.1–1об, 6об.

32 *Знаменский П.И.* История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870 годы). Казань, 1892. Вып. 2. С. 379.

33 *Мельников П.И.* Письма о расколе. СПб., 1862. С. 2; *Он же.* Счисление раскольников. С. 429.

34 *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества. С. 321.

35 *Мельников П.И.* Отчет о современном состоянии раскола. С. 15–55.

36 П.И. Мельников указывает, что в 1719 г. в пределах Нижегородской епархии проживало 86 тысяч раскольников, не уточняя при этом их сословный статус и занятия. После 1737 г. их количество сократилось до 5 тысяч человек (*Мельников П.И.* Отчет о современном состоянии раскола. С. 6–7). Количество раскольников, проживающих по берегам Оки и Волги, согласно П.И. Мельникову, составляло 46 166, вдоль дорог – 63 179 (Там же. С. 16, 53).

37 *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества. С. 319.

38 *Козлова Н.В.* Купцы-старообрядцы в городах Европейской России в середине XVIII века // Отечественная история. 1999. № 4. С. 3–14.

К.А. Соловьев

ПРЕДИСЛОВИЯ В.И. КЕЛЬСИЕВА К «СБОРНИКУ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ СВЕДЕНИЙ О РАСКОЛЬНИКАХ» И НАРОДНИЧЕСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РАСКОЛА

Произведения В.И. Кельсиева анализируются в контексте народнической историографии раскола, что позволяет установить, что «Предисловия» являются одним из наиболее значимых текстов в народнической историографии раскола, а Кельсиев – автор собственной концепции происхождения и сущности раскола.

Ключевые слова: В.И. Кельсиев, народническая историография, раскол, борьба, государство, народ, сознание.

На протяжении многих десятилетий представители радикальной среды проявляли глубокий интерес к феномену религиозного диссидентства, видя в нежелании держаться обрядов и догматов официальной Церкви внешнюю форму протеста против господствующих в России порядков. Свое воплощение этот интерес нашел не только в многочисленных попытках политического взаимодействия с раскольниками, но и в ряде трудов по истории старообрядчества и сектантства. К настоящему времени существование в историографии раскола мощной народнической традиции является признанным фактом, не вызывающим у специалистов принципиальных возражений[1]. Впрочем, эта традиция никогда не подвергалась всестороннему рассмотрению и является практически неизученной. Внимание уделялось в основном А.П. Щапову[2], в последнее время интерес стало вызывать творчество А.С. Пругавина[3], прочие же авторы по-прежнему остаются малоизученными. Между тем изучение их работ может прояснить ряд вопросов, связанных со становлением и развитием рассматриваемой концепции, а также взаимоотношениями революционной интеллигенции и раскольников вообще.

© Соловьев К.А., 2011

Одним из первых революционеров, занимавшихся проблемой раскола и пытавшихся установить связи со староверами и сектантами, был Василий Иванович Кельсиев (1835–1872). Его интерес к религиозному инакомыслию и пропаганде среди раскольников исследователи в большинстве случаев объясняли либо воздействием идей А.П. Щапова, либо инициативой А.И. Герцена, Н.П. Огарева и М.А. Бакунина. В.Я. Гросул утверждал, что, хотя Кельсиев и был «первым участником русского общественного движения, который начал активную работу среди старообрядцев», «он<...> был далеко не первым и последним русским революционером, вынашивавшим такие планы»[4]. О том, что Кельсиев находился под влиянием работ А.П. Щапова, был его «единомышленником» и «последователем», прямо писали Н.М. Пирумова и М.О. Шахов[5]. Сходную позицию занял и А. Эткинд, утверждавший, что именно А.П. Щапов впервые описал природу «политического протеста» русских сект, а Кельсиев в числе прочих народников лишь пытался претворить в жизнь его мысли[6]. По словам Е.В. Маркелова, ведущая роль в деле сближения революционеров с представителями старообрядчества принадлежала Герцену, который искал «социальную опору в русском обществе, оппозиционную правительству», и поручил Кельсиеву установить непосредственный контакт со старообрядцами[7]; аналогичная в целом точка зрения представлена в статьях Л.Ф. Чащиной и М. Мерво[8].

На этом фоне выделяется подход, продемонстрированный в работе О.П. Ершовой. Свои построения она базирует не на априорных посылках о внешних влияниях, а на предисловиях Кельсиева к составленному им «Сборнику правительственных сведений о раскольниках» и приходит к выводу, что интерес революционера к расколу вытекал в первую очередь из его представлений о русской истории. Кельсиев выделял в ней два противоположных начала: государственное единство и личную и областную независимость. Представителями второго начала и являлись раскольники, облекшие свои политические пристрастия в религиозную форму[9]. Таким образом, в работе Ершовой Кельсиев предстает как более или менее самостоятельный деятель, имевший собственную точку зрения на феномен раскола и даже выразивший ее в конкретном тексте. В этой связи очевидна необходимость детального анализа предисловий, который позволил бы более четко определить место Кельсиева в ряду народнических авторов, занимавшихся проблемами раскола.

«Сборник правительственных сведений о раскольниках» был составлен Кельсиевым на основе материалов, высланных в Вольную русскую типографию из России, и издан в Лондоне в 1860–1861 гг. Обращение к этим материалам было обусловлено глубоким интересом к религии, который он пронес сквозь всю свою жизнь. По собст-

венному признанию, он вырос «на “Сионском вестнике”, на мистиках конца прошлого и начала нынешнего века», в университете изучал религиозно-философские системы буддизма и конфуцианства, и даже после того как проникся «нигилистическими» идеями и стал атеистом, не потерял живого интереса к вопросам веры. Оказавшись в Англии и примкнув к кружку Герцена и Огарева, он активно общался с британскими теологами и планировал писать «о браке, о христианстве, о личности»[10]. Герцен назвал его «нигилистом в дьяконовском стихаре», «нигилистом с религиозными приемами»[11], и эта характеристика, основывающаяся на продолжительном личном знакомстве, в своих главных чертах поразительно совпадает с первыми впечатлениями, которые Кельсиев производил на малознакомых людей, считавших его священником[12].

Учитывая круг интересов Кельсиева, его «теологические эксцентричности»[13], Герцен предложил ему ознакомиться с присланными из России бумагами, которые касались проблемы раскола. Сам Кельсиев так передал его слова: «Да постойте, вы, богослов <...> просмотрите-ка заодно и документы о раскольниках. Они у меня давно валяются, прочесть я их все не соберусь, а мне говорили, что они очень интересны. Я <...> в богословских вопросах ничего не смыслю, стало, это по вашей части <...> может, что и найдется извлечь из них для “Колокола”». Изучение этих бумаг привело его в неописуемый восторг. «Я всю ночь не спал за чтением, – вспоминает Кельсиев. – <...> Точно жизнь моя переломилась, точно я другим человеком стал<...>. Мне казалось <...>, что я вхожу в неведомый, таинственный мир <...>. Скопцы с их мистическими страдами и их исполненными поэзии “распевцами” <...>, хлысты, с их причудливыми верованиями, мрачные типы беспоповцев, интриги старообрядческих вожаков, существование русских сел в Пруссии, в Австрии, в Молдавии и в Турции – все это неожиданно открылось мне в эту ночь <...> я читал, читал, перечитывал, голова кружилась, дух спирался в груди <...>». Кельсиев почувствовал такое воодушевление, что решил написать книгу о расколе, однако материал был слишком объемен, а главное, совершенно бессистемен, поэтому времени и сил хватило лишь на приведение его в порядок и публикацию в четырех выпусках, трем из которых были предпосланы обширные предисловия. Таким образом, Кельсиев подготовил сборник исключительно по собственной инициативе, а не по «поручению» Герцена, как полагали некоторые исследователи. Вожди эмиграции ограничились лишь посильной поддержкой, так как вообще не разделяли надежд, возлагавшихся им на раскольников: «На меня смотрели <...> с недоумением, не понимали, чему я так радуюсь, и изо всех моих рассказов о верованиях наших сектантов заключили только, что они очень глупы»[14].

Раскол представился Кельсиеву внешним выражением принципиально важных политических феноменов. К их числу в первую очередь относится разрыв между народом и государством, коренной антагонизм государственного и областного начал, который составитель сборника возводит в доминанту русской истории. Уже в предисловии к первому выпуску, вышедшему в 1860 г., он пишет: «в нашей истории <...> видна глухая, но беспрерывная борьба двух противоположных начал: государственного единства с личной и областной независимостью»[15]. В ходе исторического процесса эта борьба облекалась в различные формы. В XIV–XV вв. имело место прямое противостояние вечевых традиций и нарождающейся государственности; после убедительной победы самодержавия в конце XVI столетия начала равенства и выборного самоуправления обнаружили себя в казачестве, которое на протяжении двух последующих веков неоднократно потрясало основы государственного строя. Одновременно с казачеством поднялась новая сила – раскол, также носивший антиправительственный характер и воплотивший в себе принципы равенства и свободы. Религиозная сторона, которая на первый взгляд кажется определяющей, является, по мнению Кельсиева, только формой, отражающей глубинные политические устремления русского народа. «Мы ищем в вере не самой истины, – пишет он, – <...> а тех спорных догматов, решение которых, если оно не сходно с общепринятыми <...> взглядами <...> дает несогласному случай заявить свою личность и стать в оборонительное положение <...> эта-то инстинктивная вражда к правительству и Церкви <...> и произвела раскол с его фанатизмом»[16].

Таким образом, раскол, понимаемый как разрыв между государством и народом, является не просто неприятием догматов и обрядов, навязываемых официальной Церковью, но одной из основ русской истории, одним из тех механизмов, на которых базируется весь ее ход. Догматические споры, как и вечевые сходки и казачьи бунты, представляют собой чисто внешнее выражение тяги русского человека к свободе и выборному строю, антиподом которого выступает деспотическое государство.

В какой же мере на эту концепцию могли повлиять идеи Щапова? Очевидно, основной работой историка, с которой Кельсиев имел возможность ознакомиться, была его диссертация «О причинах происхождения и распространения раскола, известного под именем старообрядчества, во второй половине XVII и в первой половине XVIII в.», опубликованная в журнале «Православное обозрение» за 1857 г., а затем дважды (в 1858 и 1859 гг.) издававшаяся отдельной книгой под названием «Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием Русской

Церкви и гражданственности в XVII в. и первой половине XVIII в.: опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола». Непосредственное обращение к тексту заставляет признать, что акценты в нем расставлены совершенно иначе. «Раскол, – утверждает историк, – <...> сложился из двух начал: во-первых, из начала собственно церковного <...> во-вторых, из начала гражданского или противогосударственного»[17]. Иными словами, именно религиозная составляющая была, по мысли Щапова, основной, а «гражданские беспорядки» носили сугубо вторичный характер, как бы наслаиваясь на вероисповедное противостояние. Более того, нашедшее свой выход в расколе социально-политическое недовольство не принадлежало к числу «сквозных» черт русской истории, а было лишь реакцией на проводимые Алексеем Михайловичем и Петром I преобразования, необходимость и благодетельность которых признается автором безоговорочно. Страницы, посвященные политическим аспектам раскола, проникнуты апологией европеизации и, соответственно, критическим отношением к раскольникам как ретроградам, поборникам «темной старины», всего отсталого и косного. Нельзя не согласиться с А.С. Маджаровым, по словам которого Щапов «исследовал староверческое движение с просветительной, либеральной позиции, опираясь на отдельные положения философии Гегеля»[18]. Впрочем, под влиянием роста оппозиционных настроений Щапов в 1857–1858 гг. проделал некоторую эволюцию влево и отдельному изданию предпослал небольшое предисловие, в котором писал, что раскол был протестом и против таких явлений, как, например, рекрутчина, налоговый гнет, крепостничество[19], однако концепция работы осталась прежней. По словам А.Н. Цамутали, «Щапов продолжал рассматривать и реформы Никона и внутреннюю политику царя Алексея Михайловича как способствовавшие упорядочению положения в стране, а раскол выглядел как следствие отклонения от “прямого пути”, по которому шла Православная Церковь»[20]. Лишь работа «Земство и раскол» приняла по-настоящему оппозиционный характер, однако ее публикация началась в 1861 г., т. е. через год после выхода первого выпуска сборника.

Как мы видим, прямо повлиять на воззрения Кельсиева Щапов не мог. В гораздо большей мере они созвучны идеям Н.И. Костомарова, одного из самых известных историков того времени. В 1857–1858 гг. он выпустил несколько работ, две из которых – «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России» и «Бунт Стеньки Разина» – были посвящены казачеству. В истории допетровской Руси ученый усматривает два основных уклада: «удельно-вечевой», который господствовал до воцарения Иоан-

на III, и «единодержавный», возобладавший на рубеже XV–XVI вв. Определяющими чертами первого уклада были доминирование центробежных сил, выборное самоуправление в форме веч, обычное право, свобода, общинность, прямое народное волеизъявление. Им Костомаров противопоставляет характерные для «единодержавия» центростремительные тенденции, объединение всех частей страны под властью царя, упадок «народоправства», закон как источник права, повинности и т. п. Между двумя этими укладами нельзя провести жесткой грани: как в удельно-вечевой период существовали ростки единодержавия, так и позднее сохранялись остатки прежней «воли», к которым историк и относит казачество[21].

Параллель между этой концепцией и уже рассмотренными идеями Кельсиева напрашивается сама собой. Следуя за Костомаровым в общей характеристике русской истории и определении казачества как носителя вечевых и общинных идей в эпоху торжества единодержавия, он добавил в эту схему принципиально новый элемент – раскол. Таким образом, можно констатировать, что он совершенно независимо от Щапова пришел к взгляду на раскол как на форму политической борьбы и был вполне самостоятельной фигурой в народнической традиции, а не просто чьим-либо «учеником» или «последователем». Подтверждением сказанному является то, что он стремился не просто отыскать в расколе отмеченные Костомаровым признаки удельно-вечевого строя, но и рассмотреть его как самостоятельный феномен, выявить новые, специфичные именно для общественной жизни старообрядцев и сектантов черты. К основным атрибутам политического сознания раскольников он отнес требование полной свободы совести, отказ от сотрудничества с правительством, подчинение «*выборным* старшинам и наставникам» (в том числе и в судебных делах), стремление к личной свободе, ненависть к полиции, требование «уплаты подати не лицом, а обществом», неприятие рекрутчины и готовность организовать армию на добровольных началах, наконец, даже больший авторитет образования, чем среди православного населения, и «предприимчивость», умение «вести дело»[22].

Таким образом, Кельсиев не видел существенной разницы между древними вечевыми институтами и принципами современной демократии. По его представлениям, это были явления одного порядка, и восходили они к «личной и областной независимости», противостоящей самодержавному государству. Из текста статьи следует, что навести мост между требованиями раскольников и широко распространенными тогда идеями совсем нетрудно: от подчинения выборным старостам всего один шаг до выборного представительства и суда присяжных, свобода личности и совести является

основополагающим принципом демократии вообще, а стремление платить подать всей общиной свидетельствует о распространенности социалистических настроений в этой среде. Кроме того, раскольники вообще люди очень надежные: они и грамотные (в глазах шестидесятника это очень важно), и предприимчивые, на них всегда можно положиться. Большое внимание Кельсиев уделяет и их воззрениям на семью и брак. И здесь шестидесятника ожидает очередное приятное открытие: как и «новые люди» той поры, раскольники отрицают «брак во всех видах», поскольку традиционная семья «душит» их в не меньшей степени[23]. С нескрываемым интересом Кельсиев описывает брачные эксперименты беспоповщинцев, представляющие собой различные интерпретации знаменитой формулы «женатый – разженись, неженатый – не женись»: от характерного для федосеевцев полного отказа от брака и сожительства поморян по «взаимному согласию» до распространенного в некоторых хлыстовских «кораблях» свального греха[24].

Вывод здесь может быть только один: радикальная интеллигенция и раскольники имеют общие надежды и цели, им обоим глубоко чуждо «нынешнее правительство», вследствие чего их будущее взаимодействие оказывается неизбежным. «Каковы бы ни были верования русских людей – у всех <...> одно общее дело: *дело заменения существующего правительственного произвола – возможно более свободными учреждениями* <...>», – пишет Кельсиев[25]. В отдельных местах он доходит до подлинного апофеоза раскола, считая религиозных диссидентов носителями всего самого прогрессивного и вообще лучшего, что есть в стране: «Не только он не будет мешать ни в чем хорошем и согласном с духом нашей народности, но <...> во многом и сам поможет и покажет <...> каким путем надо идти великорусам <...> Мы видим в самом существовании раскола великий залог будущего развития России»[26].

Благоговение Кельсиева перед раскольниками, однако, не является беспредельным. Революционер сознает, что религиозное диссидентство по своей сути не однородно и включает в себя самые разные толки и направления. Поскольку же для русского народа вера всегда «служит <...> предлогом вести чисто политическую борьбу», то и способность раскольников к ней напрямую зависит от толка, к которому они принадлежат. Кельсиев проводит классификацию великорусских исповеданий и выделяет в них три основных типа: «православные», к которым относятся «никоновское» (официальное) православие, а также старообрядчество и беспоповщина, затем «молоканские», включающие в себя духоборчество, духовное христианство и субботничество, и, наконец, «веры Божьих людей», т. е. хлыстовщину, скопчество, наполеоновщину и скакунство. Если

говорить о православии, то оно, «во всех его видах, вера по преимуществу консервативная». Хоть старообрядцы и находятся в оппозиции к нынешнему правительству, они также являются консерваторами, так как их политический идеал, непосредственно связанный с идеалом религиозным, лежит в прошлом, в допетровской Руси. «Оттого мы и не видим у них положительных, ясно высказанных политических начал об отношении народа к царю и вообще к образу правления <...> православные <...> умеют только одно – молча терпеть и вести малую войну с правительством, не предпринимая ничего решительно». Однако общее обострение политической борьбы в современную Кельсиеву эпоху вселяло в него надежды и на некоторую активизацию беспоповщинцев и старообрядцев. По-другому революционер относился к молоканам (его анализ касается прежде всего духоборцев и духовным христиан). Адепты этого направления полностью отказались от обрядности и даже догматики и основывают свою веру исключительно на рационалистических выводах из Священного писания. «У молокан, – пишет Кельсиев, – <...> допускается полная свобода мысли и исследования»; следовательно, и в политическом плане они гораздо более свободолюбивы и считают современный социально-экономический строй условностью. Он называет их «республиканцами и социалистами» и считает ядром их политических воззрений отказ от государства, границ и таможен[27].

Позиция Кельсиева относительно скопцов и их политической мифологии заслуживает отдельного рассмотрения. Согласно гипотезе Л. Энгельштейн, он идеализировал представителей самого радикального направления в расколе вплоть до личной встречи с ними, когда понял, что скопцы аполитичны и даже лояльны по отношению к властям, их быт далек от принципов демократии, а главное, их внешний облик, несущий на себе печать страшных увечий, вызывает у него глубокую антипатию[28]. Привлечение «Предисловий» позволяет взглянуть на этот вопрос несколько иначе. Хотя Кельсиев и считает обвинение в насильственных кастрациях совершенно бездоказательным, он называет скопцов «выродками раскола»[29]. «Болезненно отзывается мысль об его (скопчества. – *К. С.*) существовании в нашем народе, и страшно подумать о положении этих несчастных, которым нет возврата <...> наложение печати (т. е. оскопление. – *К. С.*) так отвратительно, так возмущает всякого мало-мальски живого человека, что мы понимаем людей <...> говорящих, что скопцам не должно быть пощады <...>», – пишет он во вступительной статье к третьему выпуску, целиком посвященному этой секте[30].

Более значимым с точки зрения поставленной проблемы представляется рассмотрение того, как он интерпретировал основной

скопческий миф, согласно которому сектантский вождь являлся одновременно Царем небесным (т. е. Богом) и истинным Царем земным. Объясняя обожествление глав скопческих (и хлыстовских) общин, Кельсиев пускается в общие рассуждения о характере русского народа, о его «легковерии», о распространенности в нем представлений о том, что святость должна покупаться страданием и т. п.[31] Гораздо более четок предложенный им анализ мифа о царской природе ересиархов, т. е. о самозванстве. По его мнению, это явление возникает в XVII в., когда значительно укрепляются позиции служилых людей, заинтересованных в формировании в России военно-бюрократического государства и нарушающих тем самым гармонию существовавших прежде прямых взаимоотношений между царем и народом. Крестьянские массы, чувствующие все больший гнет российского «Левиафана», сохраняют, однако, слепую веру в доброго царя, который за попытку возражать злым господам бывает убит и подменен «ложным царем». При благоприятном стечении обстоятельств возникают многочисленные «истинные цари» из народа, оспаривающие власть «боярского ставленника». Такова была, согласно Кельсиеву, эпоха Екатерины II, когда в ответ на убийство освободившего дворян от службы Петра III (следующим шагом которого, по народным представлениям, должно было стать освобождение крестьян), появляются самозванцы, среди которых был не только казак Емельян Пугачев, но и основатель скопчества Кондратий Селиванов. Таким образом, и в самозванстве революционер видит проявления «народного» начала, противостоящего самодержавию. В тексте «Предисловия» чувствуется смутная надежда автора на то, что вскоре появится «законный Александр Николаевич»[32].

Ритуальные кастрации, как полагает Кельсиев, не являются единственной негативной чертой раскола. Радикал признает, что раскольники грубы, фанатичны, даже жестоки, но объясняет это низким уровнем их образования и суровыми гонениями. Единственный порок, который он не может простить религиозным диссидентам, – это отсутствие политической сознательности. По мнению Кельсиева, «безотчетность и недосказанность стремлений» является одной из главных черт русского народа, присущей и казачеству, и расколу, и составляет основную причину его политического бессилия. «Никто нейдет дальше мысли о смене нескольких лиц и об уничтожении нескольких постановлений», – сетует революционер; с другой стороны, сейчас наступает эпоха, когда мы «перестаем жить растением или полипом и просыпаемся <...>»[33]. Из текста можно понять, что перемены связаны с появлением на политической арене нового, сознательного элемента – «образованного меньшинства»,

интеллигенции, задачей которой должно стать пробуждение сознательности в раскольничьей среде. Именно этот мотив и лег в основу предпринятой Кельсиевым пропаганды. Как мы видим, уже в этом тексте был поставлен активно дискутировавшийся на протяжении последующих десятилетий вопрос об «уме» и «чувстве», «сознательности» и «стихийности».

Таковы основные идеи, изложенные в предисловиях к сборнику. Жизнь показала всю наивность подобного взгляда на раскол: попытки Кельсиева возбудить у раскольников «политическое сознание» завершились полным провалом. И все же, в контексте народнической историографии раскола предисловия обладают бесспорной ценностью. По существу, они представляют собой первую попытку анализа религиозного инакомыслия с радикальных позиций, а их автор является вполне самостоятельным народническим деятелем и мыслителем, внесшим весомый вклад в развитие «революционной версии» раскола, наряду с А.П. Щаповым, А.С. Пругавиным, И.И. Каблицем и В.Д. Бонч-Бруевичем. Все это позволяет утверждать, что рассмотренный текст может занять место в ряду наиболее значимых манифестов русского радикализма.

Примечания

1 *Ершова О.П.* Старообрядчество и власть. М., 1999. С. 18–67.

2 История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период: Библиогр. М., 1965. С. 422–425.

3 *Сажин Б.Б.* Проблема народных религиозных движений в народничестве А.С. Пругавина: 70–80-е гг. XIX века: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 411 с.

4 *Гросул В.Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе (1859–1874 гг.). Кишинев, 1973. С. 108.

5 *Пирумова Н.М.* Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989. С. 131; *Шахов М.О.* Философские аспекты староверия. М., 1997. С. 174.

6 *Эткинд А.* Хлыст: Секты, литература и революция. М., 1998. С. 649.

7 *Маркелов Е.В.* Издания А.И. Герцена и М.Н. Каткова как источник по истории раскола Русской Православной Церкви середины XIX века // Проблемы источниковедения истории книги: Межвед. сб. науч. тр. М., 1997. Вып. 1. С. 79–82.

8 *Чащина Л.Ф.* Русская революционно-демократическая эмиграция и старообрядчество Юго-Восточной Европы («революционное агентство» в Тульче в 1862–1865 гг.) // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX века). Кишинев, 1980. С. 196–214; *Mervaud M.* Une alliance ambiguë: Herzen, Ogarev et les Vieux-Croyants // Revue des études slaves. 1997. № 1/2. P. 119–134.

9 *Ершова О.П.* Указ. соч. С. 38.

[10] *Кельсиев В.И.* Пережитое и передуманное. СПб., 1868. С. 250, 248.
[11] *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1957. Т. 11. С. 331.
[12] Россия под надзором: Отчеты III Отделения 1827–1869. М., 2006. С. 509.
[13] *Герцен А.И.* Указ. соч. С. 333.
[14] *Кельсиев В.И.* Исповедь // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41–42. С. 284, 285.
[15] Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост., вступ. ст. В.И. Кельсиева. Лондон, 1860. Вып. 1. С. III.
[16] Там же. С. XIII.
[17] *Щапов А.П.* Сочинения: В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 178.
[18] *Маджаров А.С.* Эволюция демократического направления в русской историографии в 50-х – 70-х гг. XIX в. (историческая концепция А.П. Щапова): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993. С. 15.
[19] *Щапов А.П.* Указ. соч. С. 173.
[20] *Цамутали А.Н.* Историк-демократ: Афанасий Прокофьевич Щапов // Историки России: XVIII – начало XIX века. М., 1996. С. 381.
[21] *Костомаров Н.И.* Бунт Стеньки Разина. 2-е изд., доп. СПб., 1859. С. 1, 2.
[22] Сборник правительственных сведений о раскольниках... Вып. 1. С. XXVIII–XXX.
[23] Там же. Лондон, 1861. Вып. 2. С. XIV.
[24] Там же. Вып. 1. С. XVIII.
[25] Там же. Вып. 2. С. XVIII.
[26] Там же. Вып. 1. С. XXVIII.
[27] Там же. Вып. 2. С. VI, VIII, IX, X, XI.
[28] *Энгельштейн Л.* Скопцы и Царство небесное: Скопческий путь к искуплению. М., 2002. С. 96–99.
[29] Сборник правительственных сведений о раскольниках... Вып. 1. С. XXVIII.
[30] Там же. Лондон, 1862. Вып. 3. С. IV–V.
[31] Там же. Вып. 2. С. XIII.
[32] Там же. С. XIII, XVII.
[33] Там же. Вып. 1. С. VI.

В.Г. Ананьев

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СПЕРАНСКИЙ: МАТЕРИАЛЫ К НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ

Анализируются письма А.Н. Сперанского к А.И. Андрееву 1936–1942 гг. (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН), которые позволяют уточнить научную биографию первого заведующего кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института.

Ключевые слова: А.Н. Сперанский, А.И. Андреев, источниковедение, Историко-архивный институт, история исторической науки.

9 ноября 2011 г. исполнилось 120 лет со дня рождения Александра Николаевича Сперанского, талантливого отечественного историка, специалиста в области социально-экономической истории Московского государства второй половины XVII в. Он в 1939 г. стал первым заведующим только что созданной в Историко-архивном институте в Москве кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. Именно ему пришлось организовывать здесь учебный процесс, он «сумел привлечь на кафедру прекрасных специалистов и заложил основы преподавания в Историко-архивном институте вспомогательных исторических дисциплин»[1]. При нем происходило становление кафедры. 9 января 1943 г. А.Н. Сперанский скончался. Несколько месяцев обязанности заведующего выполнял профессор П.П. Смирнов, а в июне 1943 г. новым заведующим был назначен выдающийся отечественный источниковед и археограф, ученик А.С. Лаппо-Данилевского Александр Игнатьевич Андреев. Вклад А.И. Андреева в развитие исторической науки был по достоинству оценен в отечественной историографии[2], фигура А.Н. Сперанского привлекала значительно меньшее внимание исследователей[3]. Наиболее полный и обстоятельный очерк жизни и деятельности ученого, выполненный на основании документов архива Историко-

© Ананьев В.Г., 2011

архивного института, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН), Архива г. Варшавы (Польша) и др. собраний, был опубликован в 1994 г. Е.И. Каменцевой и Л.Н. Простоволосовой[4].

Выявленные архивные материалы позволят полнее представить себе атмосферу, в которой жили и работали в науке А.Н. Сперанский, А.И. Андреев и их коллеги, особенности их взаимоотношений, способствуя тем самым разработке того направления исторических исследований, которое было определено С.О. Шмидтом как источниковедение историографии.

В архивном фонде А.И. Андреева находится 12 писем от А.Н. Сперанского за 18 мая 1936 – 26 ноября 1942 г. (СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 5. Д. 327. Далее ссылки на листы дела следуют в тексте). Судя по всему, какая-то часть писем была утрачена, однако сохранившиеся представляют собой вполне показательный комплекс[5].

А.Н. Сперанский в 1934 г. стал сотрудником Московского отделения Института истории, А.И. Андреев после ссылки вернулся в Ленинград и почти сразу же вновь приступил к научной деятельности. Он был приглашен в Институт народов Севера для участия в подготовке к изданию трудов Г.Ф. Миллера, но поддерживал и тесные контакты с коллегами из Историко-археографического института. В феврале 1936 г. этот институт был преобразован в Ленинградское отделение Института истории АН СССР, его работа более тесно, чем прежде, оказалась связанной с работой московских коллег. Хотя именно первой половиной 1936 г. датируется первое из известных нам писем А.Н. Сперанского к А.И. Андрееву, общий тон письма не оставляет сомнений в том, что ученые к этому моменту были уже хорошо знакомы. Судя по всему, между ними сложились близкие отношения: в письмах А.Н. Сперанский свободно пишет ленинградскому коллеге о домашних делах, здоровье родных, предлагает останавливаться у него во время визитов в Москву. Но в центре переписки, конечно, находятся вопросы научной жизни.

В самом начале первого же из дошедших до нас писем А.Н. Сперанский предлагает для проведения работ по подготовке очередного издания источников по русской истории («Памятников истории народов СССР XV–XVII вв.») привлечь группу «историков (молодых)» в составе В.И. Шункова, Н.В. Устюгова, работавших тогда над «Материалами по истории наемного труда в Московском государстве», С.С. Гадзяцкого, занимавшегося средневековой историей Карелии и новгородских десятен, а также Н.Г. Бережкова, изучавшего Литовскую метрику. Он писал: «Все эти лица работают сейчас (за исключением Гадзяцкого) в бригаде, “бригадиром” коей являюсь я[6]. В данной работе, по подбору и подготовке к изданию актов, они живо заинтересованы, но ни они, ни я не могут идти в сравнение

с теми сотрудниками, которые вошли в секцию по изданию актов в Ленинграде. Никто из них не занимался специально дипломатическими исследованиями, за исключением Бережкова. Следовательно, здесь необходимо постоянное руководство ленинградских товарищей. Руководство С.Б. Веселовского не изменит положения, в силу особого взгляда Степ. Бор. на дипломатику и ее методы. Сегодня я послал С.Н. Валку письмо с просьбой ускорить официальное предложение приступить к данной работе, т. к. без ленинградских распоряжений включить в план новую работу товарищи не решаются, а Институт, по обыкновению, упорно молчит» (Л. 1–2). Проект этот в данном виде так и не был реализован, опубликовать выявленные документы удалось ученице А.Н. Сперанского и Н.В. Устюгова Н.Ф. Демидовой только в конце 80-х гг.[7]

История научных проектов, оставшихся не реализованными по разным причинам, вообще может рассматриваться как чрезвычайно важная часть истории исторической науки. А.Н. Сперанский сумел опубликовать единственную монографию «Очерки по истории Приказа каменных дел» (1930)[8]. Его письма дают возможность проследить судьбу нереализованных замыслов, более четко проследить эволюцию научных интересов исследователя. Из них мы узнаем, что в конце 1930-х гг. А.Н. Сперанский размышлял над планами двух крупных работ, ни одна из которых так и не была им закончена. В марте 1937 г. во время продолжительной болезни он начал обдумывать проект исследования истории городов Московского государства конца XVII в.: «...в отдаленном будущем мерещится толстая книга на тему: “Очерки социально-экономической истории городов Московского государства и его колоний во второй половине XVII в.”. Лежа на диване, в период полного истощения, только намечаю план работы. Думается, что было бы правильно начать с очерка экономической географии Московского государства (экономич[еские] районы и их центры, дороги и пр.), а затем перейти к характеристике состава населения посадов, в том виде, как оно сложилось к середине <...> XVII в. Дальнейшее изложение будет связано с историей изменений в отношениях “города и деревни”, в связи с ростом значения поместной городовой армии, с влиянием включения в состав Московского государства новых территорий (Левобережная Украина, Смоленский край, Азов, Прибалтика) и в связи с предреформенными опытами примирить практику Московского административного управления с непосильными для него новыми задачами. Сюда и должны войти очерки положения города в Сибири, на Украине, Прибалтике (очень бегло) и очерк финансово-военной политики конца XVII – начала XVIII в., приведшей к констатированию наличия “рассыпанной храмины” на местах

посадов. Закончить хотелось бы краткой характеристикой искания правительством Петра новых организационных форм, для восстановления тяглоспособности “подлого народа”, живущего в городах, с тем причудливым переплетением старой московской практики и прибалтийских образцов, которое так характерно для начала XVIII в.» (Л. 4об.–5). История русских городов этого периода не была случайной темой для А.Н. Сперанского. К ней он обращался на протяжении почти всей своей научной деятельности. В его фонде (Архив РАН. Ф. 1935) отложились фрагменты монографии «Посады Двинской земли в XVII в.», над которой ученый работал еще в конце 1920-х гг., а позже, в 1930-е гг., им, в соавторстве с П.П. Смирновым и Е.Н. Кушевой, были написаны соответствующие части для подготавливавшегося Институтом истории многотомного издания «История СССР»[9]. Хотя создать обобщающую работу по данной теме он так и не успел. Однако об интенсивности работы над ней свидетельствует хотя бы тот факт, что в личном фонде самого ученого сохранилось около ста тетрадей с подготовительными материалами к этому труду[10].

Нереализованным остался и еще один масштабный проект, задумывавшийся ученым в конце 1930-х гг. В ноябре 1939 г. он писал А.И. Андрееву: «...начинаю думать о пенсии. А эти думы вызывают другую думу о необходимости писать докторскую диссертацию. Все планы молодости пришлось бросить. Решил заняться приказами и написать книгу a’la С.В. Юшков: Боярской думы не было, приказов тоже не было, вообще ничего не было, а был феодализм. Хотя новые работы начинают меня убеждать в противном <...>. Хочу объявить войну Ивану III и доказать, что, кроме дворцовых управлений, в его время никаких приказов не было». И далее: «Мне очень хочется выяснить вопрос о существовании “дворцов” в Московском государстве и времени их исчезновения, когда остались только два – Большой и Казанский». Монография 1930 г. о приказе каменных дел была написана на материалах конца XVI и, в первую очередь, XVII в. Собственно, для изучения архивных материалов именно XVII в. А.Н. Сперанский и был направлен в Москву Киевским университетом еще в 1921 г. Эпоха Ивана III была для него во многом новой, поэтому не странно, что в письме к А.И. Андрееву он не только ищет одобрения выбранной темы («Как Вы смотрите на тему о приказах? Стоит ли за нее браться?»), но и прямо просит помочь с выявлением источников, хранящихся в архивах Ленинграда (Л. 14–15об.). О работе над новой темой он продолжает сообщать корреспонденту и в следующем году. Вероятно, из-за новизны выбранной проблематики А.Н. Сперанский избрал и несколько непривычный для себя метод работы: «Вопреки обыкновению, начал с из-

данных материалов и думаю в первую очередь изучить организацию управления в В[еликом] Новгороде, после падения новгородской вольности, управление в Твери, Рязани и т. д. Отсюда уже попытаюсь разрешать вопросы, связанные с организацией центрального управления» (Л. 18). В январе 1940 г. он писал: «Пока сижу и читаю всякие умные книги по теме, о которой Вам писал. Ставлю себе пока задачу выяснить вопрос о том, чем заменялись органы управления в княжествах, присоединявшихся к Москве, и когда в Москве возникли органы государственного управления» (Л. 17). Впрочем, и этот проект А.Н. Сперанского остался нереализованным. Причин тому было несколько.

Конечно, нельзя не учитывать общее психологическое состояние ученого («нахожусь в постоянном унынии. Не знаю, что и зачем что-нибудь делать») (Л. 20), еще более ухудшившееся после смерти супруги в феврале 1938 г. (Л. 11).

Серьезным препятствием была загруженность преподавательской деятельностью в Институте красной профессуры и Историко-архивном институте. В марте 1937 г. он, например, писал: «Пропуск целого месяца в середине учебного года сказывается очень сильно, и я без передышки читаю лекции, веду практические занятия и пр. пр. Так все это мне надоело, что на будущий год предполагаю совершенно не брать никакой педагогической работы» (Л. 4). Много сил отнимало руководство созданной кафедрой вспомогательных исторических дисциплин. Необходимо было составление новых программ, организации отобранных курсов в единую программу.

О ситуации, в которой кафедра находилась в первый период своего существования, красноречиво свидетельствует такая цитата из письма ученого от ноября 1939 г.: «Исполняю обязанности заведующего кафедрой вспомогательных дисциплин, куда отнесли историю учреждения СССР, древне-русский язык, древне-русскую литературу. Одним словом, все, что не вошло в другие кафедры» (Л. 14). Особую важность в таких условиях приобретали разработка программ учебных курсов и подготовка учебных пособий. Сам А.Н. Сперанский, читавший лекционные курсы по русской палеографии и дипломатике, принял в этой работе самое активное участие[11].

Еще в годы обучения в аспирантуре Института истории РАНИОН он подготовил доклад по историографии дипломатики и разработал программу соответствующего учебного курса[12]. В Историко-архивном институте, читая лекционный курс «Палеография», большую часть его он посвящал проблемам дипломатики. Об этом можно судить по стенограмме лекционного курса 1937 г.[13] Еще в мае 1936 г. он сообщал А.И. Андрееву, что пишет

для «Архивного дела» рецензию на подготовленные институтом «Правила» издания документов XVI–XVII вв., которые оценивались им весьма критически (Л. 2об.). По его инициативе к работе над учебниками был привлечен ленинградский историк, ученик А.И. Андреева Н.С. Чаев. С первой половины 1939 г. он начал пересылать в Москву готовые главы своей работы по палеографии, положительно оцененной А.Н. Сперанским (См. в письме от 23 мая 1939 г.: «Н.С. Чаев прислал первую главу своих “Основ палеографии”. Написано хорошо. Жду продолжения») (Л. 13). Но уже в конце того же 1939 г. решительность А.Н. Сперанского тает, и он с сомнением говорит о возможности своего участия в этом проекте, стараясь освободить время для собственных научных изысканий. Он пишет: «Предполагалось, что я не буду писать никакой диссертации и присоединю к его размышлениям по палеографии свои размышления по дипломатике. Но ничего из этого не вышло и не выйдет. Не возьметесь ли Вы, Александр Игнатьевич, набросать эти главы? Ведь это же Ваш ученик. Ну, и учите его и дальше, хотя он теперь и профессор» (Л. 15). Работа так и не была закончена. Сам Н.С. Чаев к началу 1941 г. тянул с присылкой готовых глав (Л. 24–24об.), А.Н. Сперанский также не выказывал прежней заинтересованности. И А.Н. Сперанский, и Н.С. Чаев умерли в годы войны, и рукопись Н.С. Чаева, дополненная уже Л.В. Черепниным, была издана лишь в 1946 г.[14]

Впрочем, одной из главных причин такого обилия оставшихся нереализованными планов, возможно, была общая неблагоприятная ситуация (столь характерная для эпохи), в которой приходилось работать А.Н. Сперанскому. Он, в отличие от А.И. Андреева, никогда не был репрессирован. Однако и его жизнь в условиях тоталитарного государства была отнюдь не безоблачной. Еще в июне 1937 г. он писал ленинградскому корреспонденту: «Начиная с марта месяца я нахожусь под обстрелом, все усиливающимся. Никак не формулировавшиеся первоначально обвинения, сейчас сводятся к следующему: а) я затянул работу над подготовкой тома документов по истории ремесленного и наемного труда в Моск[овском] государстве; б) руководя бригадой, я лично не вел “конкретной” работы в архивах; в) руководя работой производственного сектора, я фактически, вместо Морозова, руководил Археографическим сектором; г) я допускал “очковтирательство” в своих отчетах.

Последнее обвинение отпало, но первые 3 остались. Недавно должен был рассказывать свою автобиографию общему собранию сотрудников Института, а 20 мне был произведен “допрос с пристрастием” зам. директора тов. Кретовым. В результате всех разговоров, связанных с этими обвинениями, я просил: 1) освобо-

дить меня от руководства подготовкой к изданию кабальных книг; 2) освободить меня от участия в работе по подготовке “Актов”, 3) освободить от руководства бригадой; 4) освободить от руководства мл[адшими] научными сотрудниками.

Мне дан срок (1/VIII) представления статьи к тому документов о труде и сдачи всей работы, после чего, я думаю, надо будет уйти из Института. Дело в том, что во всей этой кампании принимает участие старая профессура и обиженные мной по разным поводам мелкие сотрудники. К первым принадлежат: Бахрушин (в связи с моим выступлением по его археограф. докладу), Яковлев (в связи с кабальными книгами). Ко вторым – Сивков, Тихомиров и мелкое начальство, ищущее “козла отпущения”. Вся обстановка стала до такой степени тягостной, что работать трудно» (Л. 8об.–9об.).

Из Института истории А.Н. Сперанский ушел в 1938 г.[15], но и работа в Историко-архивном институте спокойствия не приносила. В мае 1939 г. он отмечал: «А сейчас треплют меня по всем пунктам, тем более что новое начальство Гл[авного] Арх[ивного] Управления решило проводить реформу, а всякая реформа связывается с “перебором людишек”» (Л. 12). Вероятно, с этим «перебором» и было связано его ноябрьское замечание о том, что в институте «...какая-то постоянная смена начальств. Профессорско-преподавательский состав пестрый и меняющийся» (Л. 14). В мае 1941 г. институт был переподчинен Управлению учебными заведениями НКВД СССР, и это также наводило на тревожные размышления: «Пока это сказывается только в некоторой неустойчивости и неуверенности разных инструкций и в полной индифферентности к нам со стороны Главного (Архивного. – *В. А.*) Управления. Но в дальнейшем, конечно, могут быть всякого рода изменения» (Л. 23об.).

Тем важнее отметить, что и в этих условиях нормальная научная жизнь продолжалась, и А.Н. Сперанский часто, хотя и кратко, сообщал своему ленинградскому корреспонденту обо всех примечательных новостях московской науки: защите диссертаций («...диспут П.П. Смирнова прошел без особого подъема, но хорошо. Выступали А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин и К.В. Базилевич. Выступление С.В. Бахрушина было таким, каким и следовало его ожидать: старые споры, которые известны из работ и диссертанта, и Бахрушина. Хорошую и содержательную речь произнес А.И. Яковлев. Интересным (для меня) было его замечание о том, что П.П. Смирнов в своей работе (я ее не читал) игнорировал роль города в финансовой системе Московского государства. К.В. Базилевич сказал несколько общих фраз, познакомившись с диссертацией (а она около 1000 страниц машинописи) только на диспуте. Зачем нужно было это выступление, я, по правде говоря, не понял») (Л. 25об.–26об.); докладах

(«С.Б. Веселовский 12.12. 40 г. прочел в секции Института Истории доклад на тему: “Что такое опричнина, как она была учреждена и как в 1572 г. отменена”. Эта работа явилась, по-видимому, результатом изучения Веселовским состава “двора” великих московских князей. В исследовании устраняются некоторые ошибки в представлениях Платонова об опричнине и оспаривается правильность утверждения, что она была создана, главным образом, для борьбы с удельными традициями. Большое исследование Ст[епан] Бор[исович] сжал до размеров двухчасового доклада. Изложение получилось недостаточно отчетливым, и результатом доклада явилась довольно бессодержательная дискуссия. Будем ждать появления статьи в печати») (Л. 21–21об.); выходе новых книг. Особо следует упомянуть об обсуждении нового вузовского учебника по истории СССР, состоявшемся в январе 1940 г. (Л. 16–16об.)[16].

Естественный ход научной жизни был прерван началом Великой Отечественной войны. Последнее из сохранившихся писем датировано ноябрем 1942 г. В нем все приметы того времени: сообщения об умерших коллегах (Н.С. Чаеве) и упоминания о тех, кто был эвакуирован (И.Л. Маяковском и В.К. Лукомском). Заканчивается оно также очень характерной для того времени просьбой: «Если приедете в Москву, привезите, пожалуйста, мне Ташкентского табаку. Курю махорку, а она мне достаточно надоела» (Л. 25–26об.).

Представляется, что проанализированные письма добавляют новые штрихи к портретам двух выдающихся ученых, делают яснее представления об их отношениях, однако для того, чтобы приблизиться к более точной картине истории исторической науки в первой половине XX в., необходимо продолжить исследование эпистолярного наследия ученых в более широком историко-культурном контексте.

Примечания

1 *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин. М., 1990. С. 12.

2 *Яцунский В.К.* Александр Игнатьевич Андреев: Краткий очерк жизни и научной деятельности // Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири XVII в. М.; Л., 1960. Вып. 1; *Гольденберг Л.А.* Александр Игнатьевич Андреев как историко-географ // Вопросы истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1973; *Преображенский А.А.* Творческий путь Александра Игнатьевича Андреева // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979; *Сербина К.Н.* А.И. Андреев – ученый и педагог: Из воспоминаний об учителе // Вспомогательные исторические дисциплины. 1985. Вып. 17; *Ананьев В.Г.* Петровское

время в учебной и научной деятельности А.И. Андреева второй половины 1940-х гг. // Труды Государственного Эрмитажа. СПб., 2010. Т. 52.

3 Из-за условий военного времени не были опубликованы даже некрологи памяти ученого. Краткие воспоминания о нем см.: *Рабинович М.Д.* Выдающиеся ученые-архивисты (А.А. Покровский, М.С. Вишневский, А.Н. Сперанский) // Вопросы архивоведения. 1963. Т. 3. С. 46–49.

4 *Каменцева Е.И., Простоволосова Л.Н.* Основатель кафедры вспомогательных исторических дисциплин Александр Николаевич Сперанский (1891–1943) // Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации. М., 1994. С. 157–169.

5 *Лысенко Т.И.* Фонд А.И. Андреева в ЛО Архива Академии наук СССР // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979.

6 Имеется в виду бригада (в которую также входил А.Н. Штраух), готовившая в Археографическом секторе Института истории АН СССР «Материалы по истории наемного и ремесленного труда Московского государства в XVII в.»: *Булгаков М.Б.* Обзор фонда А.Н. Сперанского // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 287.

7 История форм труда в Русском государстве первой половины XVII века: В 3 вып. / Сост.: А.Н. Сперанский и др.; Предисл. Н. Демидовой. М., 1988–1989. 3 вып.

8 *Тихомиров Б.* [Рец.] // Историк-марксист. 1931. Вып. 22. С. 178–181. Рец. на кн.: *Сперанский А.Н.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства, РАНИОН, Институт истории; М. 1930, с. 221 + 1.

9 *Сперанский А.Н.* Автобиография // Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л. Указ. соч. С. 42.

10 *Булгаков М.Б.* Указ. соч. С. 287.

11 *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.Л.* Указ. соч. С. 12–13; *Каменцева Е.И., Простоволосова Л.Н.* Указ. соч. С. 164–166.

12 Там же; *Середа В.Н.* Материалы о преподавании вспомогательных исторических дисциплин в фонде А.Н. Сперанского // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981.

13 *Казаков Р.Б.* Из научного наследия Кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ 30-х гг. XX в. // Сообщество историков высшей школы России: науч. практика и образоват. миссия. М., 2009. С. 160–163.

14 В фонде Н.С. Чаева в СПФ АРАН сохранились письма А.Н. Сперанского, его отзыв на написанную Н.С. Чаевым работу по палеографии и подготовительные материалы к ней (СПФ АРАН. Ф. 741. Оп. 1. Д. 35; Оп. 2. Д. 35). В данной работе мы не касаемся этих материалов.

15 *Сперанский А.Н.* Автобиография. С. 41.

16 *Дубровский А.М.* Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930–1950-е гг.). Брянск, 2005. С. 170–304.

С.В. Зверев

НОВГОРОДСКИЕ МОНЕТЫ ПЕРИОДА ШВЕДСКОЙ ОККУПАЦИИ 1611–1617 гг. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Шведские войска Якоба Делагарди использовали возможность чеканки денег в оккупированном Новгороде в 1611–1617 гг. Анализируются труды российских и зарубежных ученых второй половины XX – начала XXI в., посвященные истории чеканки новгородских копеек 1611–1617 гг.

Ключевые слова: Новгород, монетный двор, копейка, шведы, атрибуция.

После захвата Новгорода 16 июля 1611 г. шведскими войсками под командованием Якоба Делагарди был заключен договор, по которому город признавал покровительство шведского короля Карла IX и определял избрание одного из его сыновей на престол. Когда шведский престол унаследовал Густав II Адольф, для новгородцев стало более предпочтительным приглашение его младшего брата Карла Филиппа. До прибытия принца в Новгород управление переходило к Я. Делагарди, а новгородский воевода князь И.Н. Большой Одоевский и митрополит Исидор должны были «держать с ним совет»[1]. В 1611–1612 гг. шведы сумели занять значительную территорию на северо-западе Русского государства, что потребовало больших затрат на содержание гарнизонов и управление. В организации финансов «Королевичевой державы» важное место занимала чеканка русских монет на Новгородском денежном дворе.

Сами монеты долгое время не получали правильной атрибуции в нумизматических исследованиях и каталогах. Они были выделены И.Г. Спасским из всей массы копеек начала XVII в. только в 1947 г.[2] Это оказались копейки с именем Василия Шуйского, более легкие, чем монеты времени его правления – копейки с датой «от Сотворения Мира» РІН ((7)118 = 1609/10) со средним весом 0,53–0,54 г

© Зверев С.В., 2011

и копейки с датой НРГІ (Новгород, (7)113 = 1604/05) со средним весом 0,48 г.[3] И.Г. Спасский доказал, что после 1617 г. шведы продолжали чеканку поддельных копеек уже на отошедших к Швеции русских землях[4]. История атрибуции этих монет в публикациях XVIII – середины XX в. прослежена в специальной статье[5].

Перед историками встала задача дальнейшего изучения работы Новгородского денежного двора в период шведской оккупации 1611–1617 гг., систематизации «шведских» копеек, анализа состава кладов монет для определения состава денежного обращения страны в разные периоды. Исследование роли и значения скандинавских монет в России и русских монет в Скандинавии в XVI–XVII вв. выполнил В.М. Потин. Он отметил особенности русско-шведской торговли и денежного обращения того времени, привел сведения об изготовлении русских поддельных копеек на территории Шведского королевства[6].

В 1977 г. А.С. Мельникова опубликовала работу о чеканке копеек в Новгороде в период шведской оккупации 1611–1617 гг., подтвердив на основании нумизматических данных факт использования после 1617 г. на Новгородском денежном дворе некоторых старых лицевых штемпелей, оставшихся после ухода шведов. А.С. Мельникова выявила компактную группу монет с обозначениями разных монетных дворов и именем Михаила Федоровича, имеющую связь по штемпелям со «шведскими» копейками пониженного веса с именем Василия Шуйского. Эти копейки были отнесены к чекану шведов в Новгороде в 1615–1617 гг. Было указано, что внешний вид этих монет свидетельствует о плохом качестве серебра, а апробирование трех экземпляров показало 750-ю пробу. Монетную стопу новгородских копеек периода шведской оккупации исследовательница, вслед за И.Г. Спасским, определила 3,6 рубля из гривенки в 1611–1614 гг. и 3,9 рубля из гривенки в 1615–1617 гг., но указала, что шведы «чеканили монеты по заведомо заниженной весовой норме – вместо 4-х рублевой у них получалась стопа около 4,5 рублевой». При этом А.С. Мельникова поставила вопрос о том, какие типы монет могли чеканить после 1617 г. в шведских владениях «Нефедка с товарищи». Изготовление лицевого маточника с буквами ПС, являвшимися обозначением Псковского денежного двора, она отнесла к первой половине 1615 г. и связала с осадой Пскова Густавом II Адольфом. По ее мнению, этот маточник предназначался для использования на Псковском дворе после захвата города, но осада Пскова была безуспешной и маточник нашел применение на Новгородском денежном дворе. А.С. Мельникова сделала вывод, что к июлю 1615 г. шведы переключились на выпуск копеек с именем Михаила Федоровича и следствием этого решения стало изго-

товление оборотных маточников с его именем, а также двух новых лицевых маточников с обозначением Московского двора – буквами М и МО. Проведенный анализ схемы соотношения штемпелей заставил предполагать, что после 1617 г. в Швеции была налажена чеканка копеек новгородскими штемпелями периода оккупации, но были вывезены не все штемпели или часть была позднее возвращена в соответствии с требованиями русского правительства. А.С. Мельникова отметила, что «схема соотношения штемпелей в новгородском чекане не может дать прямого ответа на вопрос – какие именно штемпели были вывезены шведами»[7].

Этот вопрос был решен В.Л. Яниным, который в 1983 г. опубликовал новые материалы о Новгородском денежном дворе в начале XVII в. Он исследовал данные описи Новгорода 1617 г., составленной сразу после ухода шведов, где содержались важные сведения о состоянии денежного двора. Это позволило уточнить представление о действительном ходе новгородской чеканки 1611–1617 гг. и дать правильную атрибуцию опубликованным А.С. Мельниковой монетам. К новгородскому чекану при шведах были отнесены копейки пониженного веса с именем Василия Ивановича и обозначениями РІН и НРГІ. Группа связанных с ними по штемпелям монет с обозначениями разных денежных дворов была определена как продукция русских мастеров, насильно вывезенных в Швецию в 1617 г. В.Л. Янин верно отметил, что схема штемпельных взаимосвязей четко разграничивает две группы монет с именем Михаила Федоровича, одна из которых имеет все признаки законного новгородского происхождения, поскольку тесно связана по штемпелям с копейками с именем Василия Шуйского периода шведской оккупации. Другая группа также связана с чеканкой шведов в Новгороде, но эта связь слабая, обозначенная лишь одним типом фальшивой копейки с буквами ПС под конем. В.Л. Янин сделал вывод: «Поскольку именные маточники Василия Ивановича были вывезены шведами из Новгорода, что следует из наставления боярам 1618 г., а к одному из них привязана вся цепочка штемпельных связей шведской чеканки на имя Михаила Федоровича, очевидно, что тайная чеканка этих монет велась вне Новгорода, после вывоза указанных маточников и изготовления новых штемпелей насильственно перемещенными в Швецию русскими мастерами», указав, что проблему нельзя было решить «без прямых показаний письменных источников, оставаясь в русле исключительно нумизматической методики»[8].

Первая книга о работе Новгородского денежного двора в период шведской оккупации была выпущена американскими нумизматами А. Берглундом и В.В. Захаровым. Авторы не согласились со И.Г. Спасским и высказали мнение, что документация Новгород-

ского денежного двора сохранилась полностью и попавшие в Стокгольмский Государственный архив книги, начатые в декабре 1613 г., реально отражают весь период чеканки монет в Новгороде при шведах. Цифровые данные из Сплавочных и Мастерских книг были сведены в наглядные и информативные таблицы. Однако гораздо более объемные Покупочные книги серебра и «старых денег» не были исследованы, и из них были взяты только итоговые помесячные записи об объемах закупок, сведенные в две небольшие таблицы. Из всех типов книг были приведены небольшие выдержки, передающие характер делопроизводства. Весьма важными результатами работы А. Берглунда и В.В. Захарова стали расчеты монетной стопы периода шведской оккупации. Для копеек РІН была определена монетная стопа 3,75 рубля из гривенки, а для копеек НРГІ – 4,06 рубля из гривенки серебра. Было уточнено, что изменение монетной стопы произошло в марте 1615 г. Изучение документов позволило определить, что известный по опубликованным письмам Густава II Адольфа план о переделе значительных сумм талеров в копейки на Новгородском денежном дворе никогда не был выполнен.

Вместе с тем при обработке данных книг Новгородского денежного двора американские исследователи допустили ряд неточностей и ошибок при определении количества поступавшего в передел серебра, при подсчете денежных сумм, при указании периодов работы денежных мастеров, при прочтении имен и прозвищ. Например, денежный мастер Посник Иванов обозначен как два человека – Посник и Иван, а Яков «куретник» (т. е. коретник. – *С. З.*) определен как торговец табаком. Кроме того, из-за неверно понятого текста итоговой записи за июнь 1616 г. авторы сделали ошибочный вывод о существовании в этом месяце монетной стопы 132 рубля из 100 рублей «старых денег»[9]. Но несмотря на недостатки, публикация А. Берглунда и В.В. Захарова ввела в научный оборот цифровые данные книг Новгородского денежного двора, дающие четкое представление о динамике его работы.

Другие зарубежные публикации, посвященные русским монетам «царского периода», лишь повторяли выводы и предположения И.Г. Спасского и А.С. Мельниковой[10].

В 60–80-х гг. XX в. А.С. Мельникова проделала большую работу по дальнейшей систематизации русских монет XVI–XVII вв. Она проследила основные этапы развития русской денежной системы и тенденции ее развития. А.С. Мельникова выполнила новую систематизацию монет «царского периода», ставшую надежной основой для дальнейших исследований, для описания личных и музейных коллекций, публикаций состава кладов и монетных находок[11]. Итогом ее многолетних исследований стала монография «Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого»[12].

Один из параграфов книги был посвящен чеканке шведов в Новгороде в 1611–1617 гг. и выпуску поддельных копеек мастером Нефедкой «в Свее» после 1617 г. А.С. Мельникова не приняла вывод А. Берглунда и В.В. Захарова, что архив Новгородского денежного двора периода шведской оккупации сохранился полностью, и поддержала мнение И.Г. Спасского об утрате записных книг за 1611–1613 гг. Она предложила новую схему монетной чеканки в Новгороде при шведах. В отличие от своих более ранних работ, теперь А.С. Мельникова не согласилась с выводом И.Г. Спасского о снижении нормативного веса копеек сразу после захвата города в 1611 г. и высказала мнение, что в начальный период шведы по политическим соображениям оставили в неприкосновенности трехрублевую монетную стопу. По предположению ученого, только после организации чеканки монет пониженного веса II Ополчением в Ярославле шведы с осени 1612 г. изменили монетную стопу копеек РІН. Весовую норму, по которой чеканили эти монеты, А.С. Мельникова вновь определила исходя из ошибочного убеждения, что сырьем для чеканки могли быть только полновесные «старые деньги» трехрублевой стопы и 100 рублей «старых денег» четко соответствовали нормативному весу. Поскольку шведы до марта 1615 г. за 100 рублей «старых денег» давали 6 рублей наддачи и при переделе получали 14 рублей прибыли, и всего выходило 120 рублей, а позднее стали давать 10 рублей наддачи и получать 20 рублей прибыли, и выход вырос до 130 рублей, то монетную стопу она определила 3,6 и 3,9 рубля из гривенки и указала весовые нормы 0,57 и 0,52 г. А.С. Мельникова повторила основанный на ошибочном чтении текста вывод А. Берглунда и В.В. Захарова о существовании в июне 1616 г. нормы 132 рубля из 100 рублей «старых денег» и даже произвольно распространила такую норму на июль 1616 г.[13]

Поскольку рассчитанные весовые нормы не находили рационального соотношения с весом почки Торговой книги (0,17 г), на которую, по убеждению А.С. Мельниковой, ориентировалось русское денежное дело после 1534 г.[14], она высказала предположение об использовании при шведах старой новгородской почки XV в. (0,20 г). По ее мнению, весовая норма копеек РІН получалась уменьшением весовой нормы копеек трехрублевой стопы на 0,5 новгородской почки, а весовая норма копеек НРГІ – уменьшением на 0,75 новгородской почки, а в июне и в июле 1616 г. – на целую новгородскую почку. Использование старых весовых эталонов времени самостоятельности Великого Новгорода А.С. Мельникова объяснила усилением сепаратистских тенденций в годы Смуты[15]. Эта гипотеза, на наш взгляд, требует специальной проверки на основе явной информации книг Новгородского денежного двора периода шведской оккупации.

При анализе вопроса об организации чеканки подделок на территории Шведского королевства после 1617 г. А.С. Мельникова предложила иное, чем В.Л. Янин, разделение монет на две группы. Новая гипотеза во многом базировалась на ее идеях и предположениях, высказанных в статье 1977 г. Связанные по штемпелям с новгородскими копейками периода шведской оккупации весьма редкие копейки с буквами ПС под конем и именем Василия Ивановича, а также уникальная копейка с такой же лицевой стороной и именем Дмитрия Ивановича были отнесены к выпускам Новгородского денежного двора во второй половине 1615 г. А непосредственно связанные с этой группой многочисленные типы подделок с именем Михаила Федоровича были отнесены к чекану мастера Нефедки «в Свее» после 1617 г. По наблюдениям А.С. Мельниковой, реальный вес шведских подделок составил 0,46 г, что указывает на нормативный вес в пределах 0,47–0,48 г и приближается к весу копеек НРГІ 1615–1617 гг. А.С. Мельникова отметила высокую 960-ю пробу этих фальшивых копеек, среди которых, однако, оказались монеты 750-й пробы, и сделала вывод, что плохое качество шведских фальшивых копеек в какой-то степени свидетельствует о кустарной организации чеканки, поскольку на денежных дворах Швеции сумели бы придать копейкам более совершенный вид[16].

Различные аспекты работы Новгородского денежного двора в период шведской оккупации 1611–1617 гг. рассмотрены в работах С.В. Зверева в 1992–2008 гг.[17] Было продолжено изучение записных книг Новгородского денежного двора и других новгородских финансовых документов начала XVII в., которые в составе «Делагардиевского архива» попали в Стокгольмский Государственный архив. Задача облегчалась тем, что большая часть документов была сфотографирована в конце 1950-х гг. группой советских ученых[18]. По документам были прослежены особенности организации монетной чеканки в Новгороде в период шведской оккупации. Было установлено, что при расчетах нормы выхода «новых» копеек использовали не нормативный вес монет трехрублевой стопы, как считали ранее, а «весовой рубль» – стандартный вес монетного серебра в виде «старых денег»[19]. Удалось определить, что чеканка монет в Новгороде при шведах началась не сразу после захвата города в 1611 г., а не ранее осени 1612 г.[20]

На основе письменных источников и нумизматического материала был сделан вывод о чеканке монет в Новгороде в 1612–1613 гг. еще по одной монетной стопе – 115 рублей из стандартного веса 32,5 гривенки, который считали за 100 рублей «старых денег». Также были найдены «черновые» книги Новгородского денежного двора 1613–1614 гг., которые заполнялись непосредственно в про-

цессе работы и содержат интересную информацию о чеканке монет и оплате денежников[21]. Были уточнены периоды работы денежных мастеров в Новгороде в 1613–1617 гг., выявлены имена работников денежного двора – кузнецов, подкладчиков, волочильщиков, бойцов. По документам было прослежено изменение состава денежного обращения в Новгороде при шведах, отмечено использование в платежах мелких шведских монет[22]. Было высказано предположение о чеканке в 1612–1613 гг., наряду с копейками РІН, также копеек с обозначением НРД и именем Василия Ивановича с нормативным весом 0,58 г.[23] С.В. Зверев поддержал вывод В.Л. Янина о чеканке копеек с буквами ПС и обозначениями других денежных дворов мастером Нефедкой «в Свее»[24].

В 1996 г. И. Леймус обнаружил в Стокгольмском Государственном архиве два документа, уточняющих начальный период чеканки монет в Новгороде в 1612–1614 гг. Было установлено, что в 1612–1613 гг. в Новгороде работал немецкий монетный мастер И. Вернберг. Из документов следовало, что из весовой марки чистого серебра в 1612 г. чеканили около 375 копеек, а в 1614 г. 390 копеек[25]. Эти документы позволили подтвердить ранее высказанные исследователями предположения о работе Новгородского денежного двора при шведах до 1613 г. и чеканке копеек РІН еще по одной весовой норме.

В 1997 г. С.В. Зверев при изучении наградной политики шведских властей в Новгороде в 1611–1617 гг. высказал предположение о сохранении в этот период старинного русского обычая награждать за службу золотыми и позолоченными монетами, отметив, что пока с уверенностью можно говорить о существовании позолоченных копеек шведской чеканки и зафиксированном в документах их бытовании в Новгороде еще до возвращения в состав Русского государства в феврале 1617 г.[26] В 2005 г. И.В. Ширяков сообщил о находке в 2002 г. во Владимирской области золотой копейки РІН весом 0,565 г, которую он отнес к новгородской чеканке в период шведской оккупации[27].

Изучение техники денежного дела в Русском государстве в XVI–XVII вв. было продолжено в исследованиях М.П. Сотниковой, А.С. Мельниковой, В.А. Пазухина, В.А. Калинина, С.В. Зверева[28].

В вышедшей в 2005 г. монографии Е.И. Кобзаревой были подробно рассмотрены политические, социальные и экономические причины установления и достаточно долгого сохранения шведской власти. Была прослежена политика ограбления Новгорода, вызвавшая разорение жителей и рост социального недовольства. Е.И. Кобзарева использовала многочисленные документы оккупационного архива, связанные со сбором «кормов» шведским

войскам, с поместными делами, с пребыванием Я. Делагарди в России. В то же время документы о работе Новгородского денежного двора в 1611–1617 гг. автором не привлекались, а сведения о чеканке монет в Новгороде при шведах были взяты из книги А.С. Мельниковой[29].

Уточнение существующей систематизации монет XVI – первой половины XVII в. сделаны И.В. Гришиным и В.Н. Клещиновым в 1998, 2001 и 2004 гг. Использование авторами специальных методов фотографирования позволило для многих монет воссоздать документально точные изображения штемпелей, что, в отличие от традиционных рисунков, превращает их в более надежный исторический источник. В каталогах были опубликованы новые типы монет, связанных по штемпелям с чеканом мастера Нефедки, что значительно увеличило группу шведских подделок. Авторы также согласились с выводом В.Л. Янина, что в Новгороде при шведах чеканили только копейки РІН и НРГІ с именем Василия Шуйского, а копейки с буквами ПС под всадником на лицевой стороне и с именами Василия Шуйского и Михаила Федоровича на обороте, а также с обозначениями М, МО, МОС/КВА, МО/СК, ОМ, НО и именем Михаила Федоровича относятся к фальшивкам мастера Нефедки и его последователей, работавших на территории Швеции[30]. Такую же точку зрения вновь высказал в 2002 г. С.В. Зверев при рассмотрении вопроса о деятельности фальшивомонетчиков и характере денежного обращения в Кексгольмском лене в первой половине XVII в.[31]

Однако в 2005 г. А.С. Мельникова опять повторила утверждение о чеканке в занятом шведами Новгороде в 1615 г. копеек ПС с именами Василия Ивановича и Дмитрия Ивановича. По ее мнению, выпуск этих подделок был связан с далеко идущими планами Густава II Адольфа по организации в Швеции тайной чеканки русских копеек[32].

Следует отметить, что наиболее дискуссионным остается вопрос о монетной чеканке в Новгороде в 1615–1617 гг. На основании лишь данных нумизматики невозможно определить, в какой мере были реализованы планы шведского короля по увеличению объемов чеканки русских копеек. Необходимо всестороннее изучение записных книг Новгородского денежного двора периода шведской оккупации, а также привлечение иных исторических источников.

Примечания

1 *Коваленко Г.М.* Договор между Новгородом и Швецией 1611 г. // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 133.

2 *Спасский И.Г.* Классификация русских монет XVI и начала XVII в.: Тез. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947.

3 *Он же.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 по 1617 г. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1955. Вып. 44. С. 214–363.

4 *Он же.* Чеканка копеек шведскими властями в Новгороде в 1611–1617 гг. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1972. Вып. 4. С. 160–173; *Он же.* Новые материалы о Новгородском денежном дворе в 1611–1617 гг. // Новое в археологии. М., 1972. С. 294–301; *Он же.* Новые документы о Новгородском денежном дворе в 1611–1617 гг. // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований 1971 г. М., 1972.

5 *Зверев С.В.* Новгородские монеты периода шведской оккупации 1611–1617 гг. История атрибуции // Вестник РГГУ. М., 2010. № 4.

6 *Потин В.М.* Скандинавские монеты на территории Русского государства и русские монеты в Скандинавии в XVI–XVII вв. // Скандинавский сборник. Таллин, 1974. Т. 19. С. 188–215.

7 *Мельникова А.С.* Новые данные о чеканке монет в Новгороде в 1611–1617 гг. // Нумизматический сборник ГИМ. М., 1977. Ч. 5, вып. 2. С. 179–193, особ. 185, 187.

8 *Янин В.Л.* Новые материалы о Новгородском денежном дворе при Михаиле Федоровиче // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Вып. 14. С. 81–100, особ. 89, 90.

9 *Berglund A., Zakharov V.V.* The Novgorod Mint during the Swedish Occupation 1611–1617. Alexandria, 1983. P. 10, 12, 13–16, 25–26, 29–33, 39–40.

10 *Lapa F.A.* Russian wire money. 1967. P. 11; *Lang D.M.* Hoard of Sixteenth and Seventeen Century Russian Silver Coins. 1955. Vol. 14; *Anaszewicz G.* The time of troubles and its money // Journal of the Russian numismatic society. 1987–88. № 29. P. 25–40.

11 *Мельникова А.С.* Денежная система Русского государства во второй половине XVI – первой четверти XVII в.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985; *Она же.* Таблицы соотношения штемпелей русских монет XVI–XVII вв. М., 1984. 2 л., 9 отд. табл.; *Она же.* Материалы к определению русских средневековых монет (XVI – первая четверть XVII в.) // Советский коллекционер. М., 1986. № 24. С. 133–141.

12 *Она же.* Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989.

13 Там же. С. 136–151.

14 *Она же.* Почка «Торговой книги» и ее эволюция в XVII в. // Вторая всесоюзная нумизматическая конференция. 1987 г.: Тез. докл. и сообщений. М., 1987. С. 22; *Она же.* Русские монеты... С. 30.

15 *Она же.* Русские монеты... С. 140.

16 Там же. С. 149–151.

17 *Зверев С.В.* Новые материалы о деятельности Новгородского денежного двора в период шведской оккупации 1611–1617 гг. // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской деятельности за 1991 г.». СПб., 1992. С. 55–59; *Он же.* Работа Новгородского денежного двора в 1611–1613 гг. // Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. СПб., 1994. С. 18–20; *Он же.* Западноевропейские монеты в русском денежном обращении в период Смуты // Вспомогательные исторические дисциплины: Высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации: Тез. докл. и сообщений науч. конф. М., 1994. С. 63–64; *Он же.* Западноевропейские монеты в русском денежном обращении в период Смуты начала XVII в. // Монета: Междунар. нумизмат. альманах. Вологда, 1995. Вып. 1. С. 13–16; *Он же.* Наградная политика шведских оккупационных властей в Новгороде в 1611–1617 гг. // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. М., 1997. С. 75–76; *Он же.* Денежное обращение и монетное дело на Северо-западе Русского государства в первой половине XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; *Он же.* Участие иностранных специалистов в русском монетном деле XV–XVII веков // Западноевропейские специалисты в России XV–XVII веков: Тез. докл. науч. конф. М., 2002. С. 13–15; *Zverev S.* The work of the Novgorod mint in the time of the Swedish occupation // XII International Numismatic Congress. Abstracts of Papers. Berlin, 1997. P. 188.

18 РГАДА. ЗА–10, ЗА–11; *Черепнин Л.В.* Обзор фонда новгородских документов, хранящихся в Государственном архиве Швеции в Стокгольме // Проблемы источниковедения. М., 1961. Вып. 9.

19 *Зверев С.В.* Новые материалы... С. 55–59.

20 *Он же.* Работа Новгородского денежного двора... С. 18–20; *Zverev S.* The work of the Novgorod mint... P. 188.

21 *Зверев С.В.* Работа Новгородского денежного двора... С. 18–19; *Он же.* Денежное обращение и монетное дело... С. 2.

22 *Он же.* Западноевропейские монеты... С. 13–16; *Он же.* Денежное обращение и монетное дело... С. 16.

23 *Zverev S.* The work of the Novgorod mint... P. 188.

24 *Зверев С.В.* Денежное обращение и монетное дело... С. 14–17, 19–21.

25 *Леймус И.А.* Некоторые дополнения к изучению вопроса о чеканке монет шведскими властями в Новгороде // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. М., 1996. С. 93–94.

26 *Зверев С.В.* Наградная политика шведских оккупационных властей в Новгороде... С. 76.

27 *Ширяков И.В.* Несколько замечаний о золотой чеканке в России начала XVII в. // XIII Всероссийская нумизматическая конференция: Тез. докл. М., 2005. С. 123.

28 *Сотникова М.П.* К вопросу о технике чеканки русских монет в XV в. // КСИИМК. 1956. Вып. 66. С. 31–35; *Она же.* Русские денежные маточники

XV в. // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г.». СПб., 1992. С. 52–54; *Мельникова А.С.* Новый («Английский») денежный двор в Москве в 1654–1663 гг. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1971. Т. 9. С. 144–158; *Пазухин В.А.* О попытке иноземцев поставить на Московский денежный двор низкопробные ефимки // Нумизматика и эпиграфика. М., 1968. Т. 7. С. 96–166; *Калинин В.А.* Некоторые вопросы техники чеканки русских монет второй половины XV – начала 30-х годов XVI века // Прошлое нашей родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. С. 37–49; *Зверев С.В.* К истории монетного производства в Русском государстве в XVI–XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. 2005. Т. XVII. С. 219–252, табл. XLII–XLV.

29 *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII века. М., 2005. С. 230.

30 *Гришин И.В., Клещинов В.Н.* Каталог русских средневековых монет. С правления царя Ивана IV Васильевича до шведской оккупации Новгорода (1533–1617 гг.). М., 1998; *Они же.* Каталог русских средневековых монет времени правления царя Михаила Федоровича (1613–1645 гг.). М., 2001. С. 58–61, 80–83; *Они же.* Дополнения к каталогам русских средневековых монет с 1533 по 1645 г. // Нумизматика. М., 2004. Март. С. 28.

31 *Зверев С.В.* Денежное обращение в Кексгольмском лене в первой половине XVII в. // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 177.

32 *Мельникова А.С.* Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М., 2005. С. 114–115.

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

И.Е. Ермолова

TRIBUTARII В ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Анализируются данные позднеантичной нарративной традиции и правовых памятников, содержащих термин tributarii, для выяснения содержания и основных характеристик термина, который мог обозначать поселенцев из числа варварских племен, в контексте взаимоотношений Римской империи с варварами в IV – начале V в.

Ключевые слова: варвары, трибутарии, поселенцы, земледельцы, новобранцы.

В последние века существования Римской империи она испытывала все усиливавшееся давление внешних народов, с которым на первых порах достаточно успешно справлялась, продолжая давно привычную политику, так или иначе интегрируя пришельцев и приспосабливая их к своим нуждам.

В IV в. напор варваров был уже столь велик, что государство вынуждено было разрешать некоторым переселенцам сохранять их социальную структуру, систему управления, обычаи, оставляя этим племенам значительную долю самостоятельности на собственной территории. Таковы были федераты. Но все же большую часть новых жителей, главным образом когда удавалось их покорить, Рим стремился включить в обычные законные рамки, как успешно делал это на протяжении многих веков.

Среди терминов, которые встречаются в римских источниках и могут обозначать тех или иных поселенцев, немаловажное место занимает слово tributarii, но его социальное содержание неясно. Античные авторы и правовые документы не дают четкого представления о нем. Между тем особенности и изменения положения различных групп населения являются значимой характеристикой римского

© Ермолова И.Е., 2011

общества, и их исследование может внести свою лепту в решение сложнейшего комплекса проблем, связанных с закатом Римской империи. В данной статье делается попытка выяснить содержание такого понятия, как tributarii, в позднеантичных источниках.

Из сохранившихся книг выдающегося римского историка Аммиана Марцеллина известно, что на протяжении описанных им 25 лет (353–378 гг.) императоры и цезари неоднократно селили в различных провинциях побежденных сарматов, аламаннов, тайфалов, готов в качестве трибутариев. Так, по словам Аммиана, «ширилась молва, распространяемая устами разных народов о его [Юлиана. – *И. Е.*] великих трудах и деяниях, вознося возвышенные похвалы за уничтожение некоторых аламаннских царств и возвращение галльских городов, прежде разграбленных и опустошенных варварами, которых он сделал трибутариями и наследственными арендаторами (quos tributarios ipse fecit et vectigales)» (*Amm. Marc.* XX. 4. 1)[1]. Спустя несколько лет «...Феодосий, в то время магистр конницы, напав через Рецию на аламаннов <...> многих уничтожив, всяких, кого захватил, по приказу принцепса отправил в Италию, где они, получив плодородные земли, живут отныне вокруг Пада как трибутарии (ubi fertilibus pagis acceptis iam tributarii circumcolunt Padum)» (*Amm. Marc.* XXVIII. 5. 15)[2]. Во время войн императора Констанция II с племенем сарматов-лимигантов на дунайской границе последние, попав в безвыходное положение, стали просить даровать им жизнь и «...клятвенно обещали [платить] ежегодный трибут (tributum annuum)» (*Amm. Marc.* XVII. 13. 3)[3]. Задумав коварное нападение на Констанция, сарматы-лимиганты говорили, что «они готовы получить в пространстве римского мира, если это будет угодно, совсем отдаленные земли, чтобы, предавшись продолжительному миру и почитая покой словно спасительное божество, принять на себя тягостные обязанности и название трибутариев (tributariorum onera subirent et nomen)» (*Amm. Marc.* XIX.11. 6)[4]. Видимо, названные варвары попадали в привычное для многих жителей империи положение, так как Аммиан Марцеллин, с торжеством описывая покорение Юлианом аламаннских вождей, противопоставляет их прежнюю свободу жизни в империи: «Так эти цари, когда-то чрезвычайно надменные и приученные обогащаться грабежами наших, подставили уже усмиренные шеи под ярмо римской силы и, словно рожденные и воспитанные среди трибутариев, охотно повиновались властям (velut inter tributarios nati et educati obsecundabant imperiis ingravate)» (*Amm. Marc.* XVII.10. 10)[5].

Поскольку данная форма использования варваров внутри государства была, вероятно, достаточно широко распространенной, следует попытаться выяснить, становились ли они особой категорией

лиц, или «эта группа варваров по своему правовому статусу ничем не отличалась от обычных римских налогоплательщиков»[6]. Правда, каков этот статус «обычного римского налогоплательщика», еще предстоит выяснить. Во всяком случае, выражение Аммиана Марцеллина tributariorum <...> nomen может, вероятно, в какой-то мере служить основанием для того, чтобы видеть в трибутариях отдельную категорию римского общества.

Римская юридическая и социальная терминология не является строго определенной, раз навсегда установленной. Один и тот же термин мог меняться не только во времени, но даже в одно и то же время мог иметь различные значения. Так, не вполне ясно содержание термина «трибутарий»[7]. Многие исследователи видят в нем более нейтральное наименование колона – «налогоплательщик»[8], за выплаты которого отвечал землевладелец[9]. По-видимому, более продуктивным является подход авторов «Кембриджской античной истории», которые полагают, что трибутариями могли называть не только колонов, но и другие группы поселенцев, живших в похожих условиях[10].

Слово tributarius ведет свое происхождение от названия налога tributum, взимавшегося еще в царский период с римских граждан на военные нужды (Dig. L. 16. 27)[11]. По возможности эти затраты возмещались: после победы с потерпевших неудачу врагов взималась контрибуция, и за счет нее трибут возвращался римским гражданам, перекладываясь таким образом на неприятелей. В связи с существенным пополнением римской казны в результате победоносных войн второго века римские граждане были освобождены от трибута, но взимание его в провинциях сохранилось quasi victoriae praemium ac poena belli (*Cic.* Verr. II.III. 12)[12]. В этом происхождении термина tributarius и кроется появившееся противопоставление трибутариев, как лиц покоренных и потому облагаемых этим налогом, римским гражданам[13]. Собственность на земли за пределами Апеннинского полуострова сначала принадлежала римскому народу, позднее принцепсу (*Gai.* Instit. II. 7)[14]. Поэтому те, кто их получал, обязаны были платить налог, который в императорских провинциях назывался tributum (*Gai.* Instit. II. 21)[15]. Провинциалы платили tributum capitis и tributum soli (Dig. L. 15. 3)[16].

Но по эдикту Каракаллы почти все свободное население провинций получило права римского гражданства. Со времени правления Аврелиана была упразднена необлагаемость фискальными взносами италийских земель[17], правда, Аврелий Виктор считает, что это произошло при императоре Диоклетиане (*Aurel. Vict.* De Caes. XXXIX. 31)[18]. Диоклетиан ввел всеобщую подушную и поземельную подати, которые платили в основном сельские жители[19]. Не

ясно, как стали соотноситься capitatio и tributum, остался ли tributum. Всех ли налогоплательщиков стали называть трибутариями, или это «люди, отличные от обычных cives romani, причем отличие это имеет основанием <...> особое положение в системе государственных сословий»[20].

Во всяком случае, этот термин применялся к сельским жителям римских провинций. Так, в 367–368 гг. отец будущего императора Феодосия Великого, посланный в Британию, чтобы восстановить там порядок и прекратить разбойные нападения местных племен, отнимает у них награбленную добычу и возвращает имущество, в том числе угнанный скот, «несчастнейшим трибутариям» (*Amm. Marc.* XVII. 8. 7: tributarii <...> miserrimi)[21]. Совокупность налоговых сборов, видимо, называлась res tributaria. Аммиан Марцеллин сообщает, что император Юлиан до самого конца правления и жизни не позволял образовываться недоимкам (tributariae rei <...> reliqua) путем так называемых индульгенций, поскольку знал, что от них выигрывают только богатые, а бедные вынуждены платить все безо всяких послаблений (*Amm. Marc.* XVI. 5. 15).

Таким образом, положение, в которое попадали варвары, поселенные на римской территории в качестве трибутариев, характеризуется следующими признаками.

Прежде всего, следует отметить их подчиненность римским законам. В отличие от федератов, трибутарии вынуждены были отказываться от собственных традиций и повиноваться римским нормам. Недаром Аммиан Марцеллин четко противопоставляет прежнюю свободу аламаннских вождей новым условиям жизни в империи (*Amm. Marc.* XVII. 10. 10). Возможно, на таких же условиях бастарны, побежденные императором Пробом, были поселены во Фракии, где «стали жить по римским законам» (*Zosim.* I. 71. 1)[22]. Автор «Истории августов» приводит, вероятно, сильно приувеличенные цифры, сообщая, что их было сто тысяч (SHA. Prob. XXVIII. 18. 1)[23].

Во всех известных случаях новые поселенцы-трибутарии становились земледельцами. По всей вероятности, им предоставлялись незанятые земли. Практика заселения опустошенных областей империи варварами засвидетельствована автором одного из так называемых «галльских» панегириков. Неизвестный оратор, в 297 г. произнесший хвалебную речь в честь цезаря Констанция Хлора, сообщает: «Таким образом, как прежде по твоему, август Диоклетиан, приказу Азия заселила свои пустынные районы переселенными туда жителями Фракии; <...> так и сейчас благодаря твоим, непобедимый цезарь Констанций, победам, малонаселенные земли амбианов, белловаков, трикассинов и лингонов вновь процветают под рукой земледельца-варвара» (Pan. Lat. VIII (V). 21. 1)[24].

К вышеприведенным примерам можно, вероятно, добавить эпизод с разбойничавшими готами и тайфалами, описанный Аммианом Марцеллином: «...уничтожив Фарнобия со многими другими <...> он [Фригерид. – *И. Е.*], вняв обращенным к нему мольбам, пощадил оставшихся в живых и удалил всех живых, чтобы они возделывали пашни вокруг италийских городов Мутины, Регия и Пармы» (XXXI. 9. 4)[25].

Безусловно, такие земледельцы оказывались в зависимом положении. Поскольку землю варварам, ставшим трибутариям, предоставлял император или должностные лица, они находились в зависимости непосредственно от римских властей, от государства, а не от частных лиц. А поскольку земля давалась не в собственность, а в пользование на условиях выплаты налогов, то закономерным является противопоставление Аммианом Марцеллином свободного существования германцев за римскими границами и нового состояния поселенцев (*Amm. Marc.* XVII. 10. 10). Его сообщение о том, что сарматы-лимиганты «клятвенно обещали повиновение (servitium spoponderunt)» императору Констанцию II (*Amm. Marc.* XVII. 13. 3) перекликается с утверждением Тертуллиана о том, что «ведь земли, отягощенные трибутом, теряют ценность, <...> ибо это признаки рабства» (*Tert.* Apol. XIII. 6)[26].

Судя по сведениям нарративных источников, сельских поселений различных варварских народов на территории Римской империи в IV в. становилось все больше, но все попытки идентифицировать их археологически пока не увенчались успехом, по-видимому, в том числе и потому, что «они были интегрированы в римское крестьянское общество»[27]. Как пишет А.В. Коптев, обозначение колонов термином «трибутарии» подчеркивало в их положении то обстоятельство, что они являлись «широким устойчивым, а значит, оседло живущим крестьянским населением провинций»[28]. Данная характеристика, вероятно, допустима и для трибутариев из числа варваров.

Помимо пользы от освоения силами новых трибутариев заброшенных сельскохозяйственных угодий, римские императоры одновременно рассчитывали получать от них много воинов. Сарматы-лимиганты, кроме всего прочего, обещали императору Констанцию II «и набор в войско выносливой молодежи (delectumque validae iuventutis)» (*Amm. Marc.* XVII. 13. 3). Констанций, со своей стороны, ведя с ними переговоры, надеялся, что «он получит в виде прибыли больше пролетариев и сможет набирать очень крепких новобранцев» (*Amm. Marc.* XIX. 11. 7)[29]. Очень интересно использование Аммианом Марцеллином в данном пассаже слова proletarius. С одной стороны, со времени Сервия Туллия этим термином в Риме

обозначали самых бедных и потому не платящих подати людей, с другой стороны, это была хоть и беднейшая, но часть гражданского коллектива. Хотел ли Аммиан сказать, что варвары, становившиеся трибутариями, получали римское гражданство?

Вопрос о правовом статусе низших слоев сельского населения Римской империи, в сходном положении с которыми оказывались новые поселенцы, чрезвычайно сложен и не решен до сих пор, поскольку дискуссионным остается содержание эдикта Каракаллы 212 г. Среди антиковедов нет единого мнения по поводу того, наделяла ли данная конституция римским гражданством селян и, особенно, дедитициев[30]. А.Г. Гемп считает, что гражданских прав они не получили и, соответственно, трибутарии их не имели[31]; А.В. Коптев полагает, что, по крайней мере, формально «основная масса сельского населения провинций имела гражданство. Но то ли его качество, то ли возможность его реального использования у сельских жителей была иной, чем у горожан»[32]. Состояние источников, к сожалению, не позволяет однозначно решить эту проблему.

Но то, что трибутарии были бедной, если не беднейшей, частью римского населения, страдающей от налогового бремени и имеющей мало реальных прав, подтверждает сочинение Сальвиана Марсельского «De gubernatione Dei». Сальвиан, так же как Аммиан Марцеллин, противопоставляет образ жизни варваров и римлян: «Таким образом, наши братья не только совершенно не хотят переходить от них [варваров готов. – *И. Е.*], но нас оставляют, чтобы искать убежища у них. И я, со своей стороны, мог бы удивляться, что не все совершенно бедные и нуждающиеся трибутарии делают это, если бы только единственная причина, почему они этого не делают, не состояла в том, что они не могут перевезти туда свои состояньица, домишки и семьи. Ведь хотя многие из них бросают свои клочки земли и лачуги, чтобы спастись от насилия налогового сбора, разве не хотели бы они то, что их заставляют бросать, каким-либо образом унести с собой, если бы в их распоряжении была возможность? Поэтому, так как они не в состоянии делать то, что предпочли бы, они делают то одно, что могут. Они передают себя под защиту и покровительство более сильных, делают себя дедитициями богатых и как будто переходят в их право и власть» (Salv. De gub. Dei. V. 8)[33]. Вероятно, здесь Сальвиан употребляет слово «дедитиции» в переносном смысле, и передававшие себя под патронат формально не теряли гражданские права, которыми они, видимо, обладали. Но издавно реально существовавшая в римском обществе категория «дедитициев», как известно, их не имела.

Таким образом, термин tributarii охватывает широкий слой сельского населения Римской империи, как привычного для IV в.

провинциального, так и новых поселенцев. Варвары, получавшие статус трибутариев, по-видимому, ничем не отличались от его старых носителей. Они, попадая в зависимость от государства, должны были беспрекословно подчиняться римским законам, исправно производить сельскохозяйственную продукцию и платить налоги, прежде всего поземельный, а также пополнять новобранцами римскую армию. Такие способы использования пришельцев издавна были известны римлянам, в поздней Римской империи продолжалась многовековая практика.

Вероятно, довольно приниженное положение, в которое попадали на территории империи варвары, становившиеся трибутариями, было уделом наголову разбитых и побежденных племен или оставшихся от них отдельных разрозненных групп, тех, кто не мог претендовать на что-то иное.

Примечания

1 *Ammiani Marcellini.* Rerum gestarum libri qui supersunt / Ed. W. Seyfarth. Leipzig, 1978. Vol. 1–2. Здесь и далее перевод автора статьи. Ю.А. Кулаковский и А.И. Сонни переводят: «...которых он теперь сделал данниками Рима» (по изд.: *Аммиан Марцеллин*. Римская история / Пер. с лат. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. СПб., 1996).

2 Ю.А. Кулаковский и А.И. Сонни переводят: «...живут теперь, как податное население...».

3 Там же: «...ежегодную дань».

4 Там же: «...нести податные тяготы и стать данниками».

5 Там же: «...словно родились и выросли среди платящих подати, беспрекословно подчинялись приказаниям». Таким образом, переводчики трактуют трибутариев то как данников, то как налогоплательщиков, что не одно и то же.

6 *Банников А.В.* Варвары в римской армии в IV в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Ист. 2005. № 3. С. 135.

7 *Гемп А.Г.* Трибутарии и инквилины поздней Римской империи // Вестник древней истории. 1954. № 4. С. 76 (далее – ВДИ).

8 *Фюстель де Куланж.* История общественного строя древней Франции. СПб., 1904. Т. II. С. 457; *Он же*. Римский колонат. СПб., 1908. С. 103; *Ранович А.Б.* Колонат в римском законодательстве IV–V вв. // ВДИ. 1951. № 1. С. 93; *Коптев А.В.* От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда, 1995. С. 95, прим. 88; 150; 200.

9 *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire (284–602): A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford, 1964. Vol. II. P. 799.

10 *Whittaker C.R., Garnsey P.* Rural Life in the Later Roman Empire // The Cambridge Ancient History. Cambr., 2001. Vol. XIII. P. 290.

11 Digesta Iustiniani. Дигесты Юстиниана / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002–2006. Т. I–VIII: Et sane appellatur ab intributione tributum vel ex eo quod militibus tribuatur.

12 «как награда за победу и наказание за войну».

13 *Гемп А.Г.* Указ. соч. С. 77.

14 Gai. Institutiones. *Гай*. Институции / Пер. Ф. Дыдынского. М., 1997: Sed in provinciali solo <...> dominium populi Romani est vel Caesaris...

15 *Санфилиппо Ч.* Курс римского частного права / Пер. с ит.; Под общ. ред. Д.В. Дождева. М., 2002. С. 161.

16 *Бартошек М.* Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 316.

17 *Schwahn W.* Tributum und Tributus // Pauly's Real-Encyklopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa / Hrsg. Von W. Kroll. Stuttgart, 1939. Hbbd. XIII. Sp. 53; *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. Vol. I. P. 64; *Санфилиппо Ч.* Указ. соч. С. 162.

18 Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus/ Ed. Fr. Pichlmayr. Leipzig, 1970; *Pekáry Th.* Tributum // Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike. Stuttgart, 1965. Bd. V. Sp. 952.

19 *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire. Vol. I. P. 464; *Джонс А.Х.М.* Гибель античного мира. Ростов н/Д; М., 1997. С. 243.

20 *Гемп А.Г.* Указ. соч. С. 80–81.

21 Ю.А. Кулаковский и А.И. Сонни переводят: «...несчастного податного населения...».

22 *Zosime*. Histoire nouvelle / Texte établi et trad. par F. Paschoud. P., 1971. T. 1; *Банников А.В.* Указ. соч. С. 135.

23 Scriptores Historiae Augustae / Ed. E. Hohl. Leipzig, 1971. Vol. II; *Суровенков Д.И.* Некоторые замечания относительно описания триумфов в *Scriptores Historiae Augustae* // Antiquitas iuventae. Сб. науч. тр. студ. и асп. Саратов, 2008. С. 120–129.

24 XII Panegyri Latini / Ed. W. Bährens. Lipsiae, 1911. P. 247: Itaque sicuti pridem tuo, Diocletiane Auguste, iussu deserta Thraciae translatis incolis Asia complevit, <...> ita nunc per victorias tuas, Constanti Caesar invicte, quidquid infrequens Ambiano et Bellovaco et Tricassino solo Lingonicoque restabat, barbaro cultore revirescit. Пер. И.Ю. Шабага по изд.: Латинские панегирики / Пер. с лат., вступ. ст. и коммент. И.Ю. Шабага // ВДИ. 1996. № 3. С. 263.

25 cum aliis multis perempto Farnobio, <...> obtestatus prece impensa superstitibus pepercisset, vivosque omnes circa Mutinam Regiumque et Parmam Italica oppida, rura culturos exterminavit.

26 *Tertullianus*. Apologeticus adversus gentes pro Christianis // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series latina. P., 1844. T. 1. Col. 257–535: Sed enim agri tributo onusti viliores, <...> nam hae sunt notae captivitatis.

27 *Whittaker C.R., Garnsey P.* Op. cit. P. 280.

28 *Контев А.В.* Указ. соч. С. 95, прим. 88.

29 proletarios lucrabitur plures et tirocinia cogere poterit validissima. Ю.А. Кулаковский и А.И. Сонни нейтрально переводят: «приобретет много людей, гото-

вых лично нести военную службу, и получит возможность набирать сильных рекрутов».

30 Данная категория заслуживает отдельного рассмотрения.

31 *Гемп А.Г.* Указ. соч. С. 81.

32 *Коптев А.В.* Указ. соч. С. 46.

33 Salviani presbyteri Massiliensis De gubernatione Dei libri VIII. Rec. C. Halm // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. B., 1877. T. I, p. prior. P. 1–108: Itaque non solum transfugere ab eis ad nos fratres nostri omnino nolunt, sed ut ad eos confugiant, nos relinquunt. Et quidem mirari possim quod hoc non omnes omnino facerent tributarii pauperes et egestuosi, nisi quod una tantum causa est quare non faciunt, quia transferre illuc resculas atque habitatiunculas suas familiasque non possunt. Nam cum plerique eorum agellos ac tabernacula sua deserant ut vim exactionis evadant, quomodo non quae compelluntur deserere vellent, sed secum, si possibilitas pateretur, auferrent? Ergo quia hoc non valent quod forte mallent, faciunt quod unum valent. Tradunt se ad tuendum protegendumque majoribus, dedititios se divitum faciunt, et quasi in jus eorum ditionemque transcendunt.

А.С. Щавелев

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О КРЕЩЕНИИ ЯРОПОЛКА СВЯТОСЛАВИЧА

Анализируются практически не изученные летописные известия Комиссионного списка Новгородской первой летописи младшего извода XV в. и Пискаревского летописца XVII в., которые могут восходить к аутентичной краткой записи о финале княжения Ярополка. Это позволяет, не прибегая к зарубежным источникам, сформулировать гипотезу о том, что Ярополк действительно был крещен во время своего правления в Киеве.

Ключевые слова: христианство на Руси, Ярополк Святославич, Комиссионный список Новгородской первой летописи, Пискаревский летописец.

Возможность принятия христианства князем Ярополком Святославичем – дискуссионный сюжет периода становления Древней Руси. Старую догадку о том, что возможные симпатии Ярополка к христианству имели конкретные генеалогические, политические и конфессиональные последствия[1], превратил в полноценную гипотезу А.В. Назаренко[2].

Между тем критики предложенных А.В. Назаренко аргументов солидарно указали на отсутствие прямых древнерусских свидетельств, которые могут эту гипотезу поддержать. П.П. Толочко пишет, что «русские летописи об этом ничего не говорят»[3]. Т.Л. Вилкул подчеркивает, что гипотеза основана на косвенных свидетельствах и интерпретациях ученого[4]. Точно такое же замечание делает Н.И. Милютенко[5]. Похожей, скорее скептической, позиции по этому вопросу придерживается А.Ю. Карпов[6]. А.П. Толочко коротко укоряет А.В. Назаренко за «соблазн» использовать в своих построениях «татищевское известие» о христианских симпатиях Ярополка[7].

© Щавелев А.С., 2011

Но прямые известия о крещении Ярополка Святославича в русской летописной традиции все-таки есть. Во-первых, в Пискаревском летописце, во-вторых – в перечне князей, помещенном в начале Комиссионного списка Новгородской первой летописи. Эти известия не были учтены А.В. Назаренко, хотя они дают совершенно независимое подтверждение данных «иностранных» источников о крещении Ярополка.

Уникальное известие Пискаревского летописца, памятника летописного дела начала XVII в., упоминали в своих работах только двое критиков гипотезы А.В. Назаренко. М.Б. Свердлов, коротко и безапелляционно оценивший его как «летописнообразную запись» (sic! – *А. Щ.*), считает, что перед нами банальная позднейшая выдумка[8]. Е.В. Пчелов оценивает интересующее нас известие как сугубо «фантастическое»[9]. Известие, читающееся в Комиссионном списке Новгородской первой летописи, никогда никто не привлекал. Между тем детальный анализ обеих записей совершенно необходим как очередной шаг в дискуссии о гипотезе о том, что Ярополк Святославич был приобщен к новой вере.

В Пискаревском летописце во вполне стандартный рассказ о смерти Ярополка, текстуально практически не отличающийся от «канонической» версии «Повести временных лет», после фразы: «И тако убиен бысть Ярополк» добавлено «Бысть княжения Ярополча 50 лет, а во крещении княжив 17»[10]. Можно предполагать, что эта фраза заимствована либо непосредственно из перечня князей, находящегося в Комиссионном списке Новгородской первой летописи, либо из аналогичного перечня новгородского происхождения, либо же из общего первоисточника сведений.

В перечне князей под заголовком «кто колико княжилъ» читается: «Рюрик княжилъ 17 лет... Ярополкъ 8 лет. А въ крещении кьняжи 17 лет. А крещеныи князи княжили 127 летъ. Володимиръ княжи 35 лет...»[11]. В дефектном виде похожий список есть в т. н. Летописи Авраамки, тоже относящейся летописанию XV столетия[12].

Сразу отметим, что сведения о сроке княжения Ярополка после принятия христианства могли возникнуть в результате простой описки или проекции срока княжения Владимира после крещения (27 лет, в некоторых перечнях ошибочно – 37). Могла произойти также гаплографическая ошибка: в некоторых перечнях в «опасной близости» от сообщения о Ярополке читается упоминание временного отрезка в 17 лет, прошедшего от начала правления императора Михаила III до крещения болгар[13]. Но никаких формальных признаков ошибки в интересующем нас известии не наблюдается.

Рассмотрим оба памятника подробнее. Интересующий нас перечень князей, судя по всему, составлен в Новгороде в XV в.

Сам жанр «перечня» (городов, епископий, посадников, архиереев, князей) был наиболее распространен в новгородской книжности этого периода, хотя известен и в памятниках других древнерусских земель[14]. Такие новгородские перечни, как правило, вбирали в себя значительный объем информации из внелетописных источников[15]. Уникальное сообщение о крещении Ярополка могло быть заимствовано как раз из каких-либо более древних кратких записей исторического содержания.

Пискаревский летописец подробно исследовался как памятник позднего русского летописания[16]. Основной его текст составлен в 1611–1613 гг. в «приказной среде». Датировка дошедшей до нас рукописи, произведенная Т.В. Дианова по филиграням, – 40-е годы XVII в. Но протограф основного текста восходит к XVI в. Как отметил М.Н. Тихомиров, летописец представляет собой сложную компиляцию самых разных по происхождению источников. Кто бы ни был автор летописца («печатник», как считал М.Н. Тихомиров, или «дьяк разрядного приказа», как считают Я.Г. Солодкин и С.И. Хазанова), он явно имел доступ к какому-то приказному архиву. Кроме того, неизвестный книжник имел склонность к поиску цифровой, календарной и прочей количественной информации. Летописный текст предваряет обширная сводка самых разных способов ведения счета, автора также привлекали различные списки имен и топонимов[17]. А предположение С.И. Хазановой о наличии второго автора, близкого церковным кругам, переписавшего и дополнившего текст, только расширяет спектр гипотетических источников Пискаревского летописца. Кстати, именно этот переписчик использовал неясный «краткий летописец северорусского происхождения»[18].

В обоих случаях перед нами обширные компиляции, явно опирающиеся на средневековые архивы. Зависимость известия Пискаревского летописца от «новгородского перечня князей» возможна, однако более вероятно, что оба известия параллельно восходят к общему источнику, сохранившемуся в новгородской традиции.

С исторической точки зрения в обоих случаях мы имеем дело с ошибочными датировками княжения Ярополка Святославича. Но именно наличие таких ошибок в цифрах может служить необходимой гарантией того, что перед нами переписанный из какого-то источника текст, а не самостоятельные расчеты позднейших авторов на основе хронологии Повести временных лет.

В Повести временных лет основные вехи судьбы Ярополка выглядят следующим образом: первое упоминание под 6476 (968) г., затем, под 6478 (970) г. – вокняжение в Киеве после ухода его отца, Святослава, в Переяславец на Дунае. Весной 6480 (972) г. Святослав погибает. Под 6481 (973) г. читается краткое сообщение:

«Нача княжити Ярополкъ». Под 6485 (977) г. после войны с Олегом Святославичем Ярополк «бе володея единъ в Руси». 6488 (980) г. датирована его смерть[19]. Княжение Ярополка при отце действительно составляло чуть больше года. Время его самостоятельного княжения, по Повести временных лет, составляло около 7 лет.

Согласно Пискаревскому летописцу Ярополк княжил 50 лет и 17 в крещении, т. е. (при записи буквенной цифирью) **Н** и **ЗІ**. В перечне князей – 8 и 17, т. е. **И** и **ЗІ**. Появление лишнего знака десятки (и десятеричное) после буквы «земля» – обычная и типичная описка[20]. Совпадение ошибки в цифре 17 может как свидетельствовать об общем дефектном источнике, так и о зависимости Пискаревского летописца от новгородского перечня князей. Однако, если бы автор или авторы Пискаревского летописца работали с перечнем князей, они бы с большой долей вероятности включили бы его в свой текст полностью. Поскольку же этого не произошло, то следует думать об использовании какого-то иного источника. В свою очередь, цифра 50 **(Н)** легко могла появиться из 8 **(И)** в силу палеографического брака, тем более что графика букв «иже» и «наш» зачастую совпадала[21]. Возможно, сыграло свою роль и незнание поздними компиляторами особенностей ранних почерков – уставная и раннеполууставная «иже» часто графически тождественна скорописной «наш».

В оригинале текст, видимо, выглядел так: *«Ярополкъ (княжи) **И**(8) летъ. А въ крещении кьняжи **З**(7) летъ». Эти сведения не имеют аналогов в летописной традиции, однако идеально согласуются с ситуацией – по сообщению Повести временных лет Ярополк был посажен в Киеве своим отцом Святославом, который затем, через год-полтора, погиб от рук печенегов, возвращаясь после войны с Византией. До смерти отца, резко отрицательно относившегося к христианству, Ярополк не мог принять крещение, а сразу после его гибели – вполне имел такую возможность.

По форме это известие можно считать краткой маргинальной исторической записью, например припиской ко княжескому помяннику. Оно перекликается с кратким известием «нача княжити Ярополкъ», помещенным под 6481 г.[22] Оба этих известия отличаются от основного нарративного повествования о войне Ярополка и Владимира, распределенного по годам явно задним числом.

Вполне вероятно, что перед нами остатки каких-то кратких записей, посвященных Ярополку – от вводной «Нача княжити Ярополкъ» – до финальной *«Ярополкъ (княжи) 8 лет. А въ крещении кьняжи 7 лет». К этому же комплексу известий надо отнести и полную дату вокняжения в Киеве Владимира Святославича, приведенную Иаковом Мнихом. Вне зависимости от правильности или ошибочности этой датировки, ее с большой долей вероятнос-

ти можно связать с датой смерти Ярополка[23]. Само наличие таких записей косвенным образом свидетельствует в пользу гипотезы о приобщении Ярополка к христианству и, соответственно, близкого знакомства с письменной культурой.

Кроме того, хочется отметить, что в поздних летописях именно этому, в общем-то заурядному во всех отношениях князю посвящено рекордное количество «уникальных» дополнительных известий[24]. Б.М. Клосс считает вполне убедительной гипотезу Б.А. Рыбакова о том, что краткие известия Никоновской летописи «на пространстве 6486–6516 гг., относящихся ко времени княжений Ярополка и Владимира» восходят к более древним источникам. Часть этих статей есть в Хронографическом списке Новгородской пятой летописи, а одна – в Воскресенской летописи, т. е. они обнаруживаются и в более ранних летописных источниках[25].

Еще более соблазнительно отметить, что уникальные известия В.Н. Татищева о том, что «Ярополк <...> бе муж кроткий и милостивый ко всем, любляше христианы и асче сам не крестися народа ради, но никому не претяше»[26], хорошо согласуются с историческими обстоятельствами, насколько они нам известны. Как раз в последний год жизни своего отца Святослава Ярополк мог осуществлять такую двойственную политику – самому не креститься, но разрешать принимать новую веру другим. Предполагается, что Иоакимовская летопись, на которую ссылается Татищев, происходит из того же круга летописных памятников XVII в., что и Пискаревский летописец[27]. Вполне вероятно, что цитируемое рассуждение В.Н. Татищева – отклик на еще одно какое-то позднее летописное известие о христианских предпочтениях Ярополка[28].

Видимо, определенную роль в сохранении исторической памяти о Ярополке сыграл его биологический сын Святополк. Известно, что Святополк использовал в качестве княжеской тамги вариацию двузубца своего отца, тогда как Владимир Святославич и его потомки перешли на трезубец[29]. Его реальное происхождение было хорошо известно и даже подчеркивалось «геральдически».

Если сравнить объем древнерусских известий о сыновьях Святослава, то совершенно логично абсолютное первенство по числу и объему упоминаний будет у Владимира – победителя, чьи потомки и сформировали княжеский род. Меньше всего известий связано с именем Олега. А вот Ярополк занимает некое промежуточное положение. В поздних летописных компендиумах (Никоновская летопись, новгородские списки князей XV в., компиляции XVII в.) отдельные известия о нем периодически возникают. Возможно, за время княжения Святополка при Владимире (около двадцати пяти лет) и при его недолгом самостоятельном княжении в Киеве (по

летописной хронологии – около четырех лет[30]) сложилась историческая традиция, повествующая о его отце[31]. Естественно, что эти известия не попали в «мейнстрим» летописания (Начальный свод, Повесть временных лет), сложившийся после гибели Святополка, чей образ был запятнан убийством братьев и стал нарицательно-отрицательным.

В пользу выдвигаемой гипотезы говорит и тематика поздних известий о Ярополке Святославиче. Они посвящены союзническим отношениям с печенегами и контактам с латинской Европой. Именно эти связи стали главными ресурсами Святополка в борьбе с Ярославом[32].

Рассмотрим два ключевых аргумента «против» возможной христианской принадлежности Ярополка – многоженство и посмертное крещение его останков[33]. Оба эти аргумента, в общем-то, косвенные и легко отводятся путем логических рассуждений.

Ярополк был женат на гречанке-монахине, а дочь князя Рогволда Рогнеда только желала выйти за него замуж. Было ли дано Ярополком согласие на этот брак, нам неизвестно, но в историографии ему все равно приписывается многоженство[34]. Не прояснен и будущий статус Рогнеды в предполагаемом браке, между тем христианская вера правителя не была препятствием к того или иного вида конкубинату. И что еще более важно, нам также не понятен юридический характер «брака» Ярополка и монахини-гречанки, которую Святослав Игоревич привез в подарок сыну «красоты ради лица ея».

Второй аргумент – сообщение раннего летописания о «крещении костей» князей Ярополка и Олега Ярославом Владимировичем в 1044 г. также не может означать, что князья были непременно язычниками. Для рассматриваемого периода не имеет смысла обсуждать соответствие этого действия церковным канонам. Как показал Ф.Б. Успенский на примере скандинавских источников, в раннехристианский период практиковались самые разные гибридные формы «обезвреживания покойников» и самые причудливые формы символического приобщения умерших родичей к христианской вере[35]. Другой исследователь, А.Е. Мусин, видит в происшедшем вполне христианский обряд «омовения останков-мощей» (βαπτισματος), который был перепутан летописцем с крещением[36].

Проведение обряда диктовалось политическими целями Ярослава Мудрого, который вряд ли ориентировался на какие-либо исторические соображения. Сам факт крещения костей можно интерпретировать и как реализацию памяти о приобщении погребенных к христианству, и как посмертное крещение язычника. Оба варианта находят убедительные аналогии в практиках раннего Средневековья.

Обращает на себя внимание, что исследователи, обсуждая вероисповедание Ярополка и обряд крещения его останков, навязывают жесткое понимание принципов язычества или, напротив, требуют от новообращенных неординарного канонического рвения. Но такой категоризм едва ли уместен. Поучительным примером в данной связи может быть судьба норвежского конунга Хакона Доброго (погиб около 906 г.). Хакон воспитывался при дворе английского короля Этельстана и был там крещен. Прибыв в Норвегию, он оказался среди язычников, и ему пришлось соизмерять свое поведение с окружением, в котором он оказался: «Конунг Хакон был хорошим христианином, когда он приехал в Норвегию. Но так как вся страна была тогда языческой и жертвоприношения – в обычае, а в стране было много влиятельных людей, в поддержке которых, как и в любви всего народа, он очень нуждался, он решил скрывать свое христианство. Однако он соблюдал воскресенья и постился по пятницам. Он сделал законом, что йоль должен был начинаться в то же время, что и христианское рождество... Хакон рассчитывал ввести христианство, когда он настолько укрепится в стране, что подчинит ее всю. Пока он склонял к христианству только тех, кто был ему всего ближе...»[37]. Затем конунг вызвал епископа из Англии и поставил несколько церквей. А во время жертвоприношений он крестил выпиваемый и возливаемый кубок или рог с вином, а его приближенные говорили другим участникам пира, что этот жест есть знак молота бога Тора. Конунга постоянно принуждали нарушать христианские запреты, например – есть конину. Похоронен Хакон был по смешанному обряду, ему в курган положили только оружие и не стали класть другие обычные погребальные дары[38].

Не будет большой натяжкой предположить, что похожая ситуация могла сложиться вокруг Ярополка[39], в результате чего реальная конфессиональная принадлежность этого князя была не совсем ясна даже его современникам и подданным, не говоря уже о потомках и преемниках на киевском княжеском столе.

Итак, даже на основе только древнерусских известий можно, хотя и с определенной долей осторожности, принять гипотезу о крещении Ярополка, наличие же подробно собранных и проанализированных А.В. Назаренко латинских источников делает ее еще более вероятной.

Примечания

[1] *Пархоменко В.* Начало христианства на Руси: Очерки из истории Руси IX–XI вв. Полтава, 1913. С. 158–170; *Он же.* Христианство в Киевской Руси при Ярополке, брате Владимира Святого. Харьков, 1913; *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII. СПб., 2003. С. 20.

[2] *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 46, 284, 339–390; *Он же.* Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991. М., 1994. С. 99–131; *Он же.* Русь и Германия в 70-е годы X века // Russia Medievalis. München, 1987. T. VI–1. S. 38–89. См. ответ на критику П.П. Толочко: *Он же.* Был ли крещен Ярополк Святославич, или Кое-что об «исторической реальности» // Византийский временник. М., 2006. Т. 65 (90). С. 66–72.

[3] *Толочко П.П.* Принимал ли крещение Ярополк Святославич // Київ і Русь. Вибрані твори. 1998–2008 рр. Київ, 2008. С. 87; *Он же.* Крещение Ярополка Святославича: историческая реальность или ученая фикция // Византийский временник. 2004. № 88. С. 59–66.

[4] *Вилкул Т.Л.* Рец. // Средневековая Русь. М., 2004. С. 287–291. Рец. на кн.: *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях...

[5] *Милютенко Н.И.* Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. М., 2008. С. 135–136. Н.И. Милютенко допускает, что Ярополк мог быть крещен.

[6] *Карпов А.Ю.* Владимир Святой. М., 1997. С. 73–78, 376–378.

[7] *Толочко А.П.* «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 199.

[8] *Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 247.

[9] *Пчелов Е.В.* Генеалогия древнерусских князей. М., 2001. С.152.

[10] ПСРЛ. М., 1978. Т. XXXIV. С. 47.

[11] ПСРЛ. Т. III. С. 466. На это известие, насколько мне известно, никто в историографии не обращал внимания.

[12] ПСРЛ. М., 2000. Т. XVI. С. 308. Примечание издателей к этой странице № 8 к этому известию – ошибочно.

[13] ПСРЛ. М., 2004. Т. XLIII. С. 16.

[14] Здесь я опираюсь на исследование Т.В. Гимона «Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование». Пользуясь случаем, выражаю ему признательность за уникальную возможность воспользоваться его неопубликованной монографией и высокопрофессиональные советы.

[15] Это хорошо видно на примере списка новгородских посадников (*Гимон Т.В.* К характеристике летописного перечня новгородских посадников // Столичные и периферийные города Руси и России в средние века и раннее новое время (XI–XVIII вв.): Проблемы культуры и культурного наследия: Докл. Третьей науч. конф. (Муром, 17–20 мая 2000 г.). М., 2003. С. 128–136; *Хорошев А.С.*

Летописные списки новгородских владык // НИС. 1984. Вып. 2(12). С. 128, 131–132; *Янин В.Л.* Новгородские посадники. М., 2003. С. 23–63).

16 Пискаревский летописец / Подгот. текста, ввод. ст., примеч. О.А. Яковлевой // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. II. С. 7–22; *Тихомиров М.Н.* Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI – начала XVII в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 232–247; *Дианова Т.В.* К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца // Летописи и хроники, 1976. М., 1976. С. 142–147; *Солодкин Я.Г.* История позднего русского летописания. М., 1997. С. 58–67; *Он же.* По поводу атрибуций Пискаревского летописца // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. XLIV. С. 387–396; *Хазанова С.И.* Пискаревский летописец: происхождение, источники, проблема авторства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

17 ПСРЛ. Т. XXXIV. С. 31–35 и далее.

18 *Солодкин Я.Г.* История позднего летописания... С. 67; Ср.: *Хазанова С.И.* Пискаревский летописец... С. 17. Ранее А.Н. Насонов отметил в памятнике «нить новгородских известий» (*Насонов А.Н.* История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969. С. 360–361).

19 Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлова; отв. ред. В.П. Адрианова-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. С. 31–36 (далее – ПВЛ).

20 *Лихачев Д.С.* Текстология. На материале русской литературы X–XVII веков. СПб., 2001. С. 70. На такие ошибки жаловался еще Иосиф Волоцкий в своем «Просветителе».

21 *Черепнин Л.В.* Русская палеография. М., 1956. С. 154–155, 249–250, 362–363.

22 ПСРЛ. М., 1997–1998. Т. I. Стб. 74; Т. II. Стб. 62.

23 *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях... С. 284, 376–379; *Пчелов Е.В.* Генеалогия... С. 152–154.

24 ПСРЛ. М., 2000. Т. IX. С. 39.

25 *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: (Сказания. Былины. Летописи). М., 1963. С. 182–187; *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 187; *Он же.* Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода // Летописи и хроники, 1973. М., 1974. С. 252–270.

26 *Татищев В.Н.* История российская // *Татищев В.Н.* Собр. соч.: В 8 т. М., 1994. Т. I, ч. 1. С. 111. «По сказанию Иоакима за склонность к христианству (Ярополка. – *А. Щ.*) славяне на брата поострили и того престола и жизни лишили...» (Там же. С. 291).

27 *Шамбинаго С.К.* Иоакимовская летопись // Исторические записки. М., 1947. Т. 21. С. 254–270.

28 Даже если вслед за А.П. Толочко предположить, что Иоакимовская летопись не оригинальное сочинение, а подделка (*Толочко А.П.* «История Российская»... С. 196–248), то она все равно должна была быть компиляцией позднесредневековых летописных текстов с добавлением рассуждений автора-фальсификатора, т. е. своеобразным списком XVIII в.

[29] *Белецкий С.В.* К вопросу о правовом статусе Святополка Ярополчича в годы великого княжения Владимира Святого // Восточная Европа в древности и средневековье. X Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. М., 1998. С. 7–9.

[30] Тем более что, по правдоподобному предположению К. Цукермана, сроки правлений Святополка Окаянного в Киеве в Повести временных лет и предшествующих летописных сводах были искусственно сокращены (*Цукерман К.* Наблюдение над сложением древнейших источников летописи // Борисо-глебский сборник. Collectanea Borisoglebica. Париж, 2009. Вып. 1. С. 220–222).

[31] Предположение о существовании летописания Святополка с известиями о его отце Ярополке выдвинул М.Н. Тихомиров (*Тихомиров М.Н.* Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 27–29).

[32] *Назаренко А.В.* Древняя Русь... С. 451–476, *Милютенко Н.И.* Святые князья-мученики Борис и Глеб. СПб., 2006. С. 70–82, 103–124; *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 114–179.

[33] *Пчелов Е.В.* Генеалогия... С. 153–154; *Карпов А.Ю.* Владимир Святой... С. 90–93.

[34] ПВЛ. С. 36; ПСРЛ. Т. I. Стб. 299.

[35] *Успенский Ф.Б.* Скандинавы. Варяги. Русь: Ист.-филол. очерки. М., 2002. С. 141–168. Статья А.И. Алексеева на эту тему повторяет и развивает выводы Ф.Б. Успенского. Особенно интересна трактовка этого действия как «обряда экзорцизма» (*Алексеев А.И.* Крещение костей (К интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.) // Древняя Русь. 2003. № 1(11). С. 102–106).

[36] *Мусин А.Е.* Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002. С. 64, 82. Исследователь считает, что «крещение костей» означает погребение по обряду трупоположения, без сожжения. А сам обряд – «обмывание останков», принятое в христианском мире в отношении мощей святых. Все это, по мнению ученого, означает, что оба брата были крещены. Рассуждения А.Е. Мусина по этому поводу достаточно шатки, его предположение требует слишком много сложных недоказуемых допущений вроде «греческого источника» рассматриваемой летописной статьи.

[37] *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1995. С. 74–77.

[38] Там же. С. 86.

[39] Его отец Святослав «аще кто хотяше креситися, и не браняху, но ругахуся тому», дружина Святослава «смеялась» над христианами (ПВЛ. С. 30).

Д.М. Тимохин

АРАБО-ПЕРСИДСКИЕ И АРМЯНО-ГРУЗИНСКИЕ ИСТОРИКИ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОРЕЗМШАХА ДЖАЛАЛ АД-ДИНА МАНКБУРНЫ НА КАВКАЗЕ (1225–1231 гг.)

Завоевание Кавказа армией Джалал ад-Дина Манкбурны оказало огромное влияние на последующее развитие этого региона и нашло отражение в источниках, написанных как современниками, так и более поздними историками.

Ключевые слова: арабские, персидские, армянские и грузинские источники, хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, Кавказ, историография, монголы.

Деятельность хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны на Кавказе отразилась в составе исторических сочинений двух разных историографических традиций – арабо-персидской и армяно-грузинской. Исследование этих сочинений важно тем, что позволит проанализировать сочинения историописателей разных регионов, посвященные оценке деятельности хорезмшаха и содержащие оригинальную аргументацию. Кроме того, это позволит реконструировать сформировавшийся «образ» хорезмшаха, возможные отличия в построении такого «образа» в двух историографических традициях и их причину.

Среди ранних арабо-персидских исторических сочинений деятельность хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны на Кавказе особенно подробно описана в трудах Ибн ал-Асира «Ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод по истории»)[1], Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави «Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны» («Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны»)[2] и Сибта ибн ал-Джаузи (1185–1256 гг.) «Зеркало времени в летописях знаменитостей»[3]. Среди более поздних памятников отметим труды Джувейни «Тарих-е джахан гошай» («История Миропокорителя»),

© Тимохин Д.М., 2011

Рашид ад-Дина «Джами ат-Таварих»[4], Хамдаллаха Казвини «Тарих-е Гузиде» («Избранные истории»)[5].

Отдельную группу памятников составляют труды армянских и грузинских историков Киракоса Гандзакеци «История Армении»[6], «Летопись»[7] епископа Степаноса, «Летопись»[8] Себастаци, исторические сочинения Григора Акнерци (инока Магакии)[9], Вардана Вардапета, Мхитара Айриванеци, Степаноса Орбеляна и Смбата Спарапета. В грузинской историографии той эпохи отметим сочинение XIV в. «Столетняя хроника» или «Хронограф»[10], которое является частью грузинского летописного свода «Картлис Цховреба» («История Грузии»), где содержится пласт информации о жизни и деятельности Джалал ад-Дина Манкбурны, в частности о его Кавказской кампании.

Необходимо отметить, что в отличие от арабо-персидских историков, которые подробно описывали жизнь этого правителя до его прихода на Кавказ, армянские и грузинские историки практически ничего не пишут об участии Джалал ад-Дина в отражении монгольского нашествия на Центральную Азию, а также о его индийской «кампании», и предлагают лишь самые общие сведения о жизни хорезмшаха до кавказской кампании, упоминая зачастую лишь о том, что Джалал ад-Дин был вынужден покинуть из-за монгольской угрозы пределы своей страны и бежать на Кавказ.

Например, епископ Степанос так описал появление хорезмшаха и его армии: «В году 674 (1225) не было царя. <...> Появился из Хорасана султан Джелал-ад-дин, сын хорезмского шаха. Он бежал от преследования народа стрелков. Разрушая и истребляя страну персов, он вторгся в страну армянскую, предал ее огню и мечу, разрушил и разорил страну»[11]. В большинстве арабо-персидских исторических сочинений можно увидеть гораздо более подробную картину жизни хорезмшаха до 1225 г. и без столь явных ошибок, как у епископа Степаноса, который обвинял Джалал ад-Дина в разрушении «страны персов», к чему последний был явно не причастен.

Наличие столь кратких и ошибочных сведений о деятельности хорезмшаха до его прихода на Кавказ и его делах можно объяснять по-разному, например тем, что армянские и грузинские историки черпали сведения о ситуации в Центральной Азии от беженцев из этого региона и эти сведения могли быть противоречивы и ошибочны и в большей степени касались монгольских завоевателей, а не династии хорезмшахов. Однако, на наш взгляд, это объяснение сомнительно, поскольку ровно таким же образом получал информацию арабский историк Ибн ал-Асир, однако у него сведения о Джалал ад-Дине не только обширные, но и весьма точные. Армянских и грузинских историков мало интересовали события, которые напря-

мую не касались их стран, именно поэтому историю деятельности хорезмшаха на Кавказе и в прилегающих регионах они описывали гораздо точнее и подробнее, чем историю его пребывания в Центральной Азии, а тем более в Индии.

По информации арабо-персидских источников, хорезмшах, покинув в 1225 г. территорию северной Индии, попал сначала на территорию южного Ирана и уже оттуда с большой армией вторгся на территорию Азербайджана. Сместив правителей Азербайджана, Джалал ад-Дин сосредоточил в своих руках власть над обширными территориями Ирана, части Ирака и Азербайджана и лишь после этого начал подготовку к войне с новым соперником – Грузинским царством. Столкновение было неизбежным, поскольку грузинские правители претендовали на ряд территорий Азербайджана и даже на власть над всем этим регионом. «В шаабане 622 г. х. (август 1225 г.) 60-тысячная армия грузин под командованием Иване Мхаргрдзели сосредоточилась у крепости Гарни, близ Двина, с намерением начать наступление на Азербайджан»[12]. Примерно те же цифры сообщали Ибн ал-Асир и епископ Степанос, у Джувейни – лишь 30 тысяч. Видимо, стоит довериться более ранним источникам: епископ Степанос и Ибн ал-Асир были значительно ближе к месту событий и географически, и хронологически.

Ибн ал-Асир упоминал о посольстве султана Джалал ад-Дина к грузинам накануне войны: «Как только он захватил Азербайджан, он отправил посольство к грузинам, чтобы объявить им войну. Они (грузины) ему ответили так: “Татары, о которых ты знаешь, и знал твой отец, который, несомненно, был правителем более могущественным и более храбрым, чем ты, и располагал более многочисленной армией, [эти татары] завоевали ваше государство; затем татары направились против нас. Мы не испугались, и они закончили тем, что бежали от нас”»[13]. Известно, что целью посольства было формальное объявление войны грузинам. Возможно, Джалал ад-Дин хотел запугать врага и склонить его сдаться без боя. Однако грузинская сторона демонстрировала уверенность в победе и даже указывала на то, что именно грузинам удалось устоять против татар. Но известно, что грузинские войска под руководством царя Лаши и военачальника Иванэ были в 1220 г. наголову разбиты монголами. В той битве татары «нанесли великое поражение войску христианскому. Бежали царь и все князья. А неприятель, забрав военную добычу, унес ее в свой стан»[14].

Армяно-грузинские историки не упоминали о хорезмийском посольстве 1225 г. и, более того, в своих сочинениях выставили агрессором именно Джалал ад-Дина. С их точки зрения, Иванэ собрал войско не для вторжения на территорию Азербайджана, а лишь

для защиты собственно грузинских территорий: узнав о захвате хорезмийцами армянского города Гандзак, Иванэ посчитал, что следующей целью завоевателей будет уже Грузия. «Вышеупомянутый северо-восточный народ, именуемый татарами, довел до крайности хорезмийского султана Джалал ад-Дина, разбил его войско и ниспроверг его страну. Его [самого] обратили в бегство в Агванк: он пришел в город Гандзак и захватил его. [Султан] собрал бесчисленное войско из персов, мусульман и тюрок и вторгся в страну армян. Узнав об этом, Иванэ сообщил грузинскому царю и стал собирать большое войско против султана»[15].

Можно говорить о первом существенном расхождении при описании действий Джалал ад-Дина на Кавказе в двух группах памятников: причина такого противоречия очевидна и заключается в том, что арабо-персидские и армяно-грузинские историки пытались выставить виновником столкновения противника. Другое расхождение касается численности войск хорезмшаха. Армяно-грузинские историки писали либо о «бесчисленном войске» Джалал ад-Дина, либо уточняли, что «собрав двухсоттысячное войско, он (Джалал ад-Дин. – *Д. Т.*) вторгся в страну армянскую. Грузинский полководец Иванэ, собрав войска, выступил против него войной»[16]. В свою очередь арабо-персидские историки, в частности ан-Насави, подчеркивали количественное превосходство грузин в битве при Гарни над войском хорезмшаха, не приводя каких-либо точных цифр: «Когда он достиг Гарни, то увидел, что грузины расположились на возвышенности, как высокая гора на горе, сплошной черной массой, как беспросветная ночь. Но султан испугался их многочисленности не более чем волки пугаются свободно пасущихся овец, или как голодные львы боятся бродячего скота. Весь тот день он ожидал, что грузины спустятся с гор для сражения, но они не спускались...»[17].

Двести тысяч солдат хорезмшаха – явное преувеличение, ведь накануне вторжения в Грузию Джалал ад-Дин предпринял попытку захватить Багдад, что стоило ему немалых сил. Прибыв из Индии с небольшим количеством войска (ан-Насави упоминал о 4 тысячах человек[18]), Джалал ад-Дин копил военные силы, но самым существенным усилением, о котором говорят арабо-персидские историки, был переход к нему на службу Игана-Таиси с 50-тысячным войском. Ни о каких иных столь же крупных силах, присоединившихся к армии хорезмшаха, арабо-персидские историки не упоминали. И если считать верным указание на 60-тысячное грузинское войско, то, видимо, армия Джалал ад-Дина была примерно такой же или немногим больше, учитывая потери в ходе «багдадской» кампании.

В армянских и грузинских исторических сочинениях можно найти примерно сходное описание сражения при Гарни. «Выступил

и Иванэ с грузинским войском и расположился против них, [чуть] повыше. Увидев их, он испугался, застыв на месте, а султан двинул вперед свои войска и пошел навстречу им. Когда увидели это один из грузинских вельмож (звали его Шалвэ) и брат его Иванэ – мужи храбрые и знатные, победоносные в бою, – они велели остальным воинам: "Вы пока подождите. Мы пойдем врежемся в их ряды; если хоть кого-нибудь из них мы вынудим к отступлению, победа будет за нами, наступайте и вы. Если же они победят нас, вы бегите, спасайте свою жизнь!" И они смешались с войском султана и стали тут же громить их. Но воины грузинские, не обратив на это внимания, стали разбегаться так, что во время бегства и товарищей своих не узнавали. И бежали, не будучи преследуемы никем. От страха они бросались вниз, и ущелье повыше селения Гарни было заполнено ими. Когда увидели это воины султана, они стали преследовать их, многих вырезали, а остальных сбросили вниз со скал. Султан, поднявшись на скалу над ущельем, увидел это печальное зрелище – множество людей и лошадей свалены были, подобно камням, в кучи – покачал головой и сказал: "Это дело [рук] не человека, а лишь Бога Всемогущего"»[19]. Большинство армяно-грузинских историков увидели в поражении грузинского войска при Гарни не заслугу Джалал ад-Дина, а скорее наказание за грехи как вельмож, так и всего грузинского народа. «Божий гнев постиг Иване, он потерпел поражение возле городка Гарни»[20].

Арабо-персидские историки (в частности, на этом настаивал Ибн ал-Асир), подчеркивая ожесточенность сражения, писали о том, что Джалал ад-Дин отдал приказ не щадить грузин, но при этом именитых грузин все-таки не убивали: «Многие их командующие вошли в число пленных, а вместе с другими и Шалва»[21]. Скорее всего сообщение о жестоком приказе хорезмшаха подтверждает ожесточенность самого сражения, но вряд ли приказ касался пленников. После победы войска хорезмшаха разграбили Грузию, но были вынуждены ее покинуть в связи с тем, что хорезмшах получил письмо о якобы готовящемся восстании в Табризе.

По некоторым сведениям, грузинские правители пытались переманить на свою сторону некоторых подвластных Джалал ад-Дину правителей, например Узбека, атабека Азербайджана, отправив к нему посольство. Это не подтверждают армянские историки, по всей видимости из-за того, что посольство было тайным, однако у Ибн ал-Асира, хорошо осведомленного о делах на Кавказе и Иране, есть следующее описание действий грузин: «Они отказались от своего плана и отправили посольство к Узбеку, правителю Азербайджана, чтобы склонить объединиться с ними, чтобы атаковать Джалал ад-Дина. Они побуждали его (Узбека) бояться этого правителя

(Джалал ад-Дина), и ему говорили: “если мы не будем действовать сообща, он захватит твое, затем наше”»[22].

Подробно освещены в арабо-персидских и армяно-грузинских исторических сочинениях взятие и разгром хорезмийцами Тифлиса. В январе–феврале 1226 г. хорезмшах занимался подготовкой ко второму походу против грузин, но накануне он предложил брак грузинской царице Русудан. Обращаясь к грузинской аристократии, он предлагал следующее: «Слышал я, что царствует над вами женщина, сделайте меня ее супругом и вашим царем, и одолеем мы всех врагов наших. Когда же вы не примете этого, да разорится царство ваше. И пусть я даже удалюсь, но татары-то ведь пришли, а противостоять им вам непосильно и не выдержите вы борьбы с ними. Отправь посланника к царице вашей, и поведайте ей все сказанное мною, а именно: не желаю я разорения Грузии, но защиты ее от врагов и при вашем содействии моего усиления и пребывании нашем [во взаимном] мире»[23]. Это разумное предложение было отвергнуто, и началась война: разгромив, в нескольких боях, объединенную армию грузин, аланов, лакзов и кыпчаков, хорезмшах осадил Тифлис.

Ибн ал-Асир подробно описал взятие Тифлиса: «Как только он достиг Тифлиса, то оставил в засаде в различных местах большую часть своего войска. Затем подъехал к стенам с тремя тысячами конных. Как только грузины, укрывшиеся в городе, увидели это событие, они вдохновились надеждой победить врагов, ввиду их небольшого количества, и поэтому они проигнорировали, что перед ними находится Джалал ад-Дин. Они вышли навстречу и атаковали. Джалал ад-Дин отступил перед ними. Их надежда на победу заставила их попасться на эту хитрость; они представили, что враг обратился бегство, и его преследовали. Но как только достигли тысячи засад, те (воины в засадах) обрушились на них и устроили великую резню»[24].

Сообщение Ибн ал-Асира содержит любопытную и очень важную деталь – описание тактики, которую использовал Джалал ад-Дин против грузинского войска. Описание вплоть до мелких деталей совпадает с описанием взятия Самарканда монголами. Можно думать, что Джалал ад-Дин использовал в данном случае тактику своих врагов. Мы не находим в источниках сведений о подобной военной тактике хорезмшаха до его возвращения из Индии. Видимо, после битв с монголами при Перване и Синде Джалал ад-Дин решил взять на вооружение ряд тактических приемов, используемых монголами, и сделал это очень эффективно.

Тифлис был взят 9 марта 1226 г. не без помощи местных мусульман, которые открыли городские ворота, и предан страшному

опустошению, которое, согласно Ибн ал-Асиру и Джувейни, можно сравнить с разгромом Иерусалима императорами Веспасианом и Титом: «Мусульмане взяли город силой, а не капитуляцией, и убили всех грузин, которых там нашли. Джалал ад-Дин не пощадил ни старых, ни малых, кроме тех кто принял ислам, и объявил о принятии мусульманской веры. Мусульманские жители Тифлиса допустили все эти зверства, как убийства, так и грабежи»[25]. Ибн ал-Асир указывал, что, кроме мирного населения, перебито 10 тысяч пленных воинов гарнизона, отказавшихся принять ислам. Взятие Тифлиса стало одной из самых кровавых страниц в деятельности султана Джалал ад-Дина Манкбурны. По мнению Ибн ал-Асира, походы Джалал ад-Дина только увеличили упадок и разгром Грузии[26].

Арабо-персидские историописатели, особенно Ибн ал-Асир, подчеркивали зверства войск Джалал ад-Дина при взятии Тифлиса. Это единственный факт в биографии Джалал ад-Дина Манкбурны, в трактовках которого арабо-персидские и армяно-грузинские писатели совпадают. Так описывал ужасы взятия Тифлиса составитель «Столетней хроники» или «Анонимного хронографа»: «...Нещадно они распоясались, отрывая от грудей материнских младенцев и пред матерями разбивали их о камень; у иных вышибали глаза и мозжили головы и затем умерщвляли матерей; старцев на улицах затаптывали копытами лошадей, зарубали юнцов, и текли кровавые реки. Мозги людей – женщин, старцев и младенцев, волосы и кровь, головы и отсеченные части тел. Кишки, растоптанные и затоптанные лошадьми, – все было перемешано. Не являли милосердия, предавали смерти отсечением плеча, опрокидыванием навзничь и распарыванием живота»[27]. Однако даже после взятия Тифлиса полностью подчинить себе Грузию Джалал ад-Дин не смог из-за дестабилизации собственного государства, волнений в Кермане.

Следующий этап военных действий на территории Кавказа хорезмшаху пришлось отложить вплоть до 1228 г., поскольку он сначала был занят наведением порядка на территории собственного государства, а затем ему пришлось отражать попытку монгольского вторжения на территории Ирана и Ирака, закончившуюся битвой при Исфахане 1227 г. Отметим, что и в армяно-грузинских, и в арабо-персидских сочинениях инициатором новой войны представлены грузинская царица Русудан и ее приближенные, собравшие под свои знамена практически все народы Кавказа. Сначала грузинская армия захватила Тифлис, затем продолжила наступление, чтобы окончательно уничтожить хорезмийское войско. Однако в сражении армия грузинской царицы потерпела поражение. Автор «Столетней хроники» писал: «Когда же разгорелся бой пуще, пало с обеих сторон неисчислимое множество людей, гневно глянул Гос-

подь на племя грузинское... и одолели войско царское, и бежали от хорезмийцев. Султан же вновь вступил в Тпилиси. И всех, кого где-либо настигали, грабили. И разорял хорезмшах вышеупомянутые страны»[28].

Как и в случае с описанием битвы при Гарни, главной причиной поражения историку виделись грехи грузинского народа, а поражение выступало логичным наказанием за грехи. Обратим внимание на то, что грузинский автор отмечал не только военный талант, но и доблесть хорезмшаха, несмотря на зверства его войска в Тифлисе. А в армянских исторических сочинениях Джалал ад-Дин представлен жестоким и свирепым предводителем врагов христиан, лишенным любых положительных качеств (эти отличия в оценках личности Джалал ад-Дина особенно проявились и при описании его гибели).

В арабо-персидских исторических сочинениях описание этой битвы лишь в некоторых деталях отличается от сообщений грузинского автора. Ан-Насави повествовал: «Когда он приблизился к упомянутому озеру, столкнулись два авангарда: авангард грузин обратился в бегство, и помощь Аллаха принесла победу. Привели нескольких из них, и он приказал отрубить им голову. Затем султан направился против их войск, а они улетели на крыльях бегства, как пичужки, завидевшие парящих соколов или взмывших с места орлов. Они пустились врассыпную и рассеялись группами по дорогам. Мечи стали искать их плеч и преследовали их, пока не делали их прямыми»[29].

Анонимный грузинский автор сообщал о «промежуточной» победе грузин в этой битве, о чем нет сведений в сочинении ан-Насави. Сложно сказать, чье описание поражения грузинской армии ближе к истине, ведь обоим авторам тяжело было быть здесь объективными. Возможно предположить, что автор «Столетней хроники», упомянувший о некоторых возможных успехах грузинской армии, всего лишь хотел немного скрасить рассказ об ее очередном разгроме.

Ряд армянских и грузинских историков рассказывали о событиях из жизни хорезмшаха, прямо не касающихся Кавказа, например о битве при Йассе-Чамана между хорезмийскими войсками и коалицией ближневосточных правителей: «...Коннийский султан Ала ад-Дин Кей-Кубад I создал против Хорезмшаха коалицию, в которую вошли владетель Дамаска ал-Малик ал-Ашраф, владетель Хаша Ибрахим Ширкух, владетель Хартаберта Уртук-хан, владетель Халеба Шамс ад-Дин Саваб, султан Майафарикина Шихаб ад-Дин Гази и султан Банйаса ал-Азиз Усман»[30]. 10 августа 1230 г. в долине западного Евфрата у Йассы Чамана произошло сражение, где войска Джалал ад-Дина были разбиты, и он бежал в Азербайджан.

Персидский историк Джувейни описывал это сражение, подчеркивая, что Джалал ад-Дин был болен и слаб: «Тогда его (Джалал ад-Дина) слуги сказали, султану надо немного отдохнуть, пока он не наберется сил, и его штандарты были унесены. Увидав это, правый и левый фланги подумали, что султан отступает, и также повернули назад. Однако поскольку враги посчитали это уловкой султана, задумавшего выманить их на равнину, глашатай, находившийся в центре войска, объявил, чтобы никто не двигался с места и не преследовал их»[31]. По-видимому, это отчасти может объяснить поражение от сил коалиции ближневосточных владык, чьи войска Джалал ад-Дин не раз побеждал.

Армянский автор, сообщив о создании коалиции против Джалал ад-Дина, привел новые подробности о сражении: «И когда они приблизились друг к другу, страх овладел обеими сторонами, и ни одна из сторон не осмелилась начать наступление. Тогда христиане из армян и франков, уповая на Бога, бросились на них. Число их было невелико – меньше одной тысячи, но могуществом Христа они ударили по войскам (хорезмийцев) и обратили их в бегство. Видя это, напали на них мусульманские войска и, ударив, истребили множество (людей). Сеча продолжалась до захода солнца. Затем султаны приказали не преследовать отступающих, якобы потому, что те были их единоверцами»[32].

Решающая роль армянских и европейских войск в битве 10 августа 1230 г. представляется весьма сомнительной. Об этом не упоминали все известные нам мусульманские авторы, а в армянских источниках подобные сведения встречаются только у Киракоса Гандзакеци. Видимо, небольшой отряд армянского войска мог принимать участие в битве, но решающей роли он не сыграл, поэтому источники не упоминали об этом вполне рядовом обстоятельстве. Столь фантастические сведения из жизни хорезмшаха – одна из особенностей армянских исторических сочинений, которым была мало известна деятельность Джалал ад-Дина вне пределов Кавказа.

Арабо-персидские и армяно-грузинские исторические сочинения подробно сообщали о гибели Джалал ад-Дина Манкбурны в 1231 г.

В сочинении Хамдаллаха Казвини говорилось: «Войска монголов искали Джалал ад-Дина. Они его атаковали в Курдистане ночью в середине месяца шаввале года 628 (= 16 августа 1231 г.). Он был пьян и спал. Однако он убежал, показав 1000 хитростей. Он зашел в горы курдов, когда сон завладел им, и он уснул, один курд, страстно желавший его одежды, взял его в плен. Султан был узнан и просил довести его в Ардебил. Курд увел его и пошел искать лошадь, но другой курд, брат которого был убит под Ахлатом[33] войсками султа-

на, убил султана Джалал ад-Дина. Династия Хорезмшахов закончилась, государство попало в руки монголов»[34].

В сочинении личного секретаря султана ан-Насави, который был очевидцем последних дней жизни Джалал ад-Дина, обстоятельства гибели султана описывались подробнее: «Когда татары напали на него (султана) в селении, как мы об этом уже говорили, его спутники, попавшие в плен, сообщили татарам, что это был султан. Они тотчас же отрядили погоню, послав вслед за ним пятнадцать всадников. Двое из них догнали его, но он убил их, а остальные потеряли надежду захватить его и вернулись. Затем султан поднялся на гору, где курды стерегли дороги с целью захвата добычи. Они, по своему обычаю, поймали султана и ограбили, как они делали это и с другими захваченными ими [людьми]. Когда они хотели его убить, он по секрету сказал их вожаку: "Я в самом деле султан, и не спеши решать мою судьбу. У тебя есть выбор: или доставь меня к ал-Малику ал-Музаффару Шихаб ад-Дину, и он вознаградит тебя, или отправь меня в какую-либо мою страну – и ты станешь князем". И человек согласился отправить его в его страну. Он отвел его к своему племени, в свое селение и оставил его у своей жены, а сам пошел в горы, чтобы привести лошадей. Во время отсутствия этого человека вдруг появился презренный негодяй – курд с копьем в руке. Он сказал женщине: "Что это за хорезмиец? И почему вы его не убили?" Она ответила: "Об этом нечего говорить, мой муж пощадил его, узнав, что он султан". Курд ответил: "Как вы поверили ему, что он султан? У меня в Хилате погиб брат, который лучше его". И он ударил его копьем так, что другого удара не потребовалось, и отправил его душу в вечный мир. Так злодей пренебрег правом своего предводителя и обагрил землю запретной кровью. И было этим [деянием] разорвано сердце времени, пролит напиток судьбы, из-за него опустились знамена веры и разрушено здание ислама. Разверзлось небо, молнии которого видели сыны веры, а безбожные и неблагородные боялись его мечей. И сколько сражений он дал в разных краях земли, вырвался в них из клыков смерти и освободился из пасти бедствий! А когда пришло его время, гибель могучего льва случилась от лап лисиц. И лишь всевышнему Аллаху жалуются на беды времени и превратности судьбы! Да!»[35]. По всей видимости, именно ан-Насави привел наиболее детальную и достоверную историю гибели хорезмшаха. Эта версия в различных вариациях будет фигурировать в более поздних арабо-персидских сочинениях.

Несколько более туманно выглядел рассказ о гибели Джалал ад-Дина в сочинении Рашид ад-Дина, более позднего по времени, нежели сочинение ан-Насави: «Султан, пустившись один в путь, ехал как можно быстрее. О его конце рассказывают разное. Одни

говорят, что в горах Хаккар он спал ночью под деревом. К нему подошли какие-то бродяги. Позарившись на его коня и одежду, они распороли ему живот, надели его платье и оружие и пришли в город Амуд[36]. Некоторые вельможи узнали одежду и оружие султана и их [бродяг] забрали. Владетель Амуда, узнав, в чем дело, казнил их, а [тело] султана перенес в Амуд, похоронил его и построил купол над его могилой. Некоторые же утверждают, что он по своей воле отдал оружие и платье, взял их грубую одежду и в обличье суфия бродил по областям. В общем, как бы то ни было, царствование его прекратилось. Аллах лучше знает истинное положение дел»[37]. Очевидно, что Рашид ад-Дин был гораздо хуже осведомлен об истинных причинах смерти правителя. Он мог не знать труда ан-Насави.

Иные подробности излагал Киракос Гандзакеци: «А султан Джалал ад-Дин возвратился с великим позором в страну Агванк – плодоносную и плодородную долину, называемую Муганской, и, устроившись там, хотел собрать войско. Тогда татары, вынудившие его к бегству с родины своей, напали на них, погнали до Амида и там нанесли жестокое поражение его войску. В этом бою и погиб нечестивый властитель. Другие говорят, что когда он бежал пешим, его встретил кто-то и, узнав, убил (мстя) за кровь какого-то своего родственника, которого тот когда-то убил. И так зло было уничтожено злом»[38]. В целом армянский историк предлагал версию ан-Насави, опустив при этом некоторые подробности.

В сочинении грузинского историка «Столетняя хроника» также говорилось о гибели Джалал ад-Дина: «Узнав об этом, султан спешно собрал всех домочадцев и бежал в Грецию. Татары же пустились за ним вслед и нагнали его в Басиани; увидя татар, хорезмийцы рассеялись. Таким образом, султан остался один, добрался до какой-то небольшой деревушки и заснул под деревом. Заметил это некий человек ничтожный и убил его. Кушак, седло и колчан султана были отделаны драгоценными каменьями, и из-за них был умерщвлен сей человек – высокий и знаменитый государь»[39]. Этот рассказ во многом приводил те же сведения, что и Рашид ад-Дин, и с той же степенью знания обстоятельств гибели хорезмшаха.

Таким образом, арабо-персидские и армяно-грузинские исторические сочинения, повествующие о деятельности хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны на территории Кавказа, имеют существенные различия. В армяно-грузинских сочинениях, в отличие от арабо-персидских памятников, крайне скудны сведения о деятельности хорезмшаха до прихода на Кавказ. Это возможно объяснять тем, что армянских и грузинских историков мало интересовала деятельность Джалал ад-Дина вне пределов Кавказа. Косвенным подтверждением тому являются описания военных и политичес-

ких действий Джалал ад-Дина Манкбурны в 1225–1231 гг., прямо не касающихся Кавказа: в большинстве армянских исторических сочинений такие описания или отсутствуют, или крайне скудны и ошибочны. В этом случае видится та же закономерность: все действия хорезмшаха вне кавказского региона не входят в сферу интересов армянских и грузинских историков.

В свою очередь, завоевания и политическое доминирование Джалал ад-Дина на Кавказе описываются в обеих группах памятников одинаково подробно. Разница заключается в оценках этой деятельности: армяно-грузинские историки единодушно отрицательно отзывались о жестокостях хорезмийского правителя и его войск. В среде арабо-персидских историков нельзя найти подобного единодушия: если большинство авторов, следуя линии ан-Насави, восторженно сообщало о завоеваниях хорезмшаха, то Ибн ал-Асир в значительной степени критически отзывался о всей кампании в целом и об отдельных ее событиях, что в некоторой степени делает его точку зрения схожей с сочинениями армянских и грузинских историков. Отметим, что арабо-персидские историки видят в победах хорезмшаха на Кавказе закономерный успех талантливого полководца, а их армянские и грузинские коллеги оценивали все победы хорезмшаха как наказания за грехи грузинского народа, не выделяя при этом каких-то особых талантов Джалал ад-Дина.

В обеих группах памятников одинаково подробно описывалась гибель хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны. Кроме того, в описаниях гибели Джалал ад-Дина намечается очередное расхождение между армяно-грузинскими и арабо-персидскими историками. Последние пишут о его смерти как о большой утрате для всего исламского мира, а ан-Насави и Сибт ал-Джаузи даже приводят слова старого врага Джалал ад-Дина правителя Джазиры и Хилата ал-Малика ал-Ашрафа: «Вы поздравляете меня с его смертью? Но вы будете пожинать последствия этого, ибо, клянусь Аллахом, его гибель означает вторжения неверных в страны ислама. Теперь нет подобного Хорезмшаху, который был стеной между нами и Гогом и Магогом»[40]. Эти слова ан-Насави точно отражают восприятие мусульманским миром смерти Джалал ад-Дина, которая связана с близким нашествием монгольских войск. Армянские и грузинские историки усматривали в смерти хорезмшаха закономерный итог жизни жестокого завоевателя и в ряде случаев не скрывали своего восторга по этому поводу.

Проанализированный корпус сведений о войнах и завоеваниях Джалал ад-Дина обнаружил сходства и отличия в полноте информации источников и оценках деятельности хорезмшаха, достоверные и недостоверные детали описания. Возможная полная реконструк-

ция истории жизни и деятельности хорезмшаха Джалал ад-Дина Манкбурны требует выявления максимально полного корпуса сочинений разных традиций историописания и их сравнительного исследования.

Примечания

1 *Al-Asir ibn*. Al-Kamil fi-t-tarih // Journal Asiatique. P., 1849–1850. T. 13–15; *Ибн ал-Асир*. Материалы по истории Азербайджана из Тарих ал-Камиль (Полного свода истории) Ибн ал-Асира. Баку, 1940.
2 *Ан-Насави*. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны. Баку, 1973.
3 *Sibt al-Jauzi*. Miraat az-zaman fi tarih al-ayan. Chicago, 1907. Vol. 8. P. 1–2; *Idem*. Miraat az-zaman fi tarih al-ayan. Haidarabad, 1952. Vol. 8. P. 1–2.
4 *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. М., 1952. Т. 2.
5 *Hamdallah Kazvini*. Tarihi Guzide. P., 1903. Vol. 1; *Idem*. Tarihi gouzide. L., 1913. Vol. 14, II.
6 *Гандзакеци Киракос*. История Армении. М., 1976.
7 *Степанос, епископ*. Летопись // Армянские источники о монголах. М., 1962; История монголов по армянским источникам. СПб., 1873. Вып. 1–2.
8 «Летопись» Себастаци // Армянские источники о монголах.
9 История монголов инока Магакии. СПб., 1871.
10 *Цулая Г.В*. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники, 1980. М., 1981; Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. М., 2005.
11 *Степанос, епископ*. Указ. соч. С. 34.
12 *Буниятов З.М*. Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231 гг. М., 1986. С. 166.
13 *Al-Asir ibn*. Op. cit. // Journal Asiatique. P., 1849. T. 14. P. 482. Здесь и далее перевод автора.
14 *Гандзакеци Киракос*. Указ. соч. С. 138.
15 Там же. С. 149.
16 «Летопись» Себастаци // Армянские источники о монголах. С. 23.
17 *Ан-Насави*. Указ. соч. С. 157.
18 Там же. С. 139.
19 *Гандзакеци Киракос*. Указ. соч. С. 149.
20 «Летопись» Себастаци // Армянские источники о монголах. С. 24.
21 *Al-Asir ibn*. Op. cit. // Journal Asiatique. P., 1849. T. 14. P. 483.
22 Ibid. P. 481.
23 *Цулая Г.В*. Указ. соч. С. 10.
24 *Al-Asir ibn*. Op. cit. // Journal Asiatique. P., 1849. T. 14. P. 488.
25 Ibid. P. 489.
26 Ibid. P. 492.

27 *Цулая Г.В.* Указ. соч. С. 11.
28 Там же. С. 13–14.
29 *Ан-Насави.* Указ. соч. С. 217.
30 *Буниятов З.М.* Указ. соч. С. 175.
31 *Джувейни.* Чингиз-хан. История завоевателя мира. М., 2004. С. 319.
32 *Гандзакеци Киракос.* Указ. соч. С. 149.
33 Ахлат – Хилат.
34 *Hamdallah Kazvini.* Tarihi Guzide. P., 1903. Vol. 1. P. 430.
35 *Ан-Насави.* Указ. соч. С. 287–288.
36 Имеется в виду, вероятно, город Амид.
37 *Рашид ад-Дин.* Указ. соч. С. 31.
38 *Гандзакеци Киракос.* Указ. соч. С. 152.
39 *Цулая Г.В.* Указ. соч. С. 13–14.
40 *Ан-Насави.* Указ. соч. С. 296; Цит. по: *Буниятов З.М.* Указ. соч. С. 186.

Ю.Э. Шустова

КНИГА ПРОТОКОЛОВ ЗАСЕДАНИЙ ЛЬВОВСКОГО УСПЕНСКОГО БРАТСТВА ЗА 1599–1650 гг. КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КНИГОПЕЧАТАНИЯ

Анализируется первая из сохранившихся книг протоколов заседаний Львовского Успенского Ставропигийского братства с информацией об организации управления типографией, взаимоотношениях братства с типографами, продаже и распространении книг. Особое внимание уделяется реконструкции репертуара изданий типографии Львовского братства.

Ключевые слова: типография Львовского Ставропигийского братства, продажа книг, источники по истории книготорговли.

Изучение истории книгопечатания является актуальной задачей современной исторической науки. В истории кириллического книгопечатания особое место занимает типография Львовского Успенского Ставропигийского братства, продолжившая традицию книгопечатания во Львове после Ивана Федорова и просуществовавшая более 350 лет. Важно отметить, что сегодня известны не только книги, изданные в этой типографии, но и архивные документы, которые входят в состав архива Львовского братства. Составители этих документов не связывали себя общепринятыми нормами делопроизводства, ориентируясь на традиции, существовавшие внутри самого братства, что делало документацию очень пестрой. Данное обстоятельство требует от исследователя скрупулезного изучения каждого отдельно взятого источника.

Исследования, посвященные деятельности центра кириллического книгоиздания во Львове, делятся на две группы. Первую составляют описания изданий типографии в библиографических трудах и сводных каталогах старопечатных книг[1], вторую – специальные работы по истории типографии Львовского братства[2]. Особая роль в разработке соответствующего комплекса проблем

© Шустова Ю.Э., 2011

принадлежит А.С. Крыловскому, который, опираясь на неизвестные ранее архивные документы, впервые реконструировал организацию книгоиздательского процесса, книготорговли и распространения книг в XVII в.[3], а также попытался составить репертуар изданий типографии (в том числе определить разыскиваемые книги) и установить тираж многих изданий[4].

Работу с архивом Львовского братства продолжил Я.Д. Исаевич[5]. Он отмечал особенности отдельных видов источников[6], ввел в научный оборот ряд важных материалов по истории типографии[7], обратился к изучению технологии книгоиздательского процесса, уточнил (а иногда и получил впервые) данные о тиражах многих изданий и типографах, их печатавших, поставил задачу реконструкции репертуара изданий[8]. Последняя задача решалась, в частности, в сводном каталоге книг, опубликованном Я.Д. Исаевичем совместно с А.П. Запаско[9].

Однако наличие специальных исследований и публикация множества документов по истории типографии Львовского братства не снимают проблемы достоверности сохранившихся источников и определения их информационных возможностей. Некритичное использование сведений приводит специалистов к некорректным выводам. В связи с этим представляется актуальной разработка методов источниковедческого исследования источников разных видов[10].

Выдающимся в своем роде источником являются протоколы заседаний Львовского братства[11]. Объектом данной статьи является самая ранняя из книг протоколов, содержащая записи за 1599–1650 гг.[12] Протоколы заседаний (включая и указанную книгу) публиковались А.С. Крыловским[13], но доверять его изданию не следует, поскольку исследователь весьма неточно передавал текст источника, опускал (не оговаривая) не прочитанные им места и позволял себе иные купюры. Источниковедческий анализ исследуемых документов требует обращения к оригиналу. Далее протоколы цитируются по оригиналу, хранящемуся в Центральном государственном архиве Украины во Львове, а ссылки даются как на листы соответствующего дела, так и на издание А.С. Крыловского.

Книга протоколов заседаний братства – рукописный кодекс форматом in folio, написанный на бумаге с одной филигранью (двуглавый орел под короной), что позволяет заключить, что она изначально предназначалась именно для протоколов и была заведена в конце XVI в. Записи в книге сделаны на украинском языке, разными почерками, преимущественно четкой канцелярской скорописью. Книга имеет картонный переплет XIX в. с синим тканевым корешком, оклеенный потертой мраморной коричнево-красной

бумагой. Как правило, на переплетах делопроизводственных книг, хранившихся в архиве Львовского братства, имеются ярлыки. Однако на изучаемой книге такого ярлыка нет, и это обращает на себя внимание.

Титульный лист оформлен скромно. На нем полууставом, чернилами, тем же почерком, что и первая запись, написано «Рєєстръ єлєктовый», а ниже красным карандашом по-польски указаны хронологические рамки записей – «od roku 1599 do 1650»[14]. Из названия следует, что книга предназначалась для записи отчетно-выборных собраний (элекций), которые должны были проходить ежегодно. Однако фактически книга содержит протоколы не только элекций, но и регулярных собраний, которые происходили ежемесячно или по мере необходимости.

Несколько записей (включая первую, датированную 26 августа 1599 г.) относятся к первому периоду функционирования типографии, закончившемуся приостановкой ее работы в 1617 г. Я.Д. Исаевич характеризовал этот период как убыточный, так как типография издавала в это время преимущественно учебную литературу. Только четыре издания, вышедшие в типографии в это время, могли использоваться не только в учебном процессе, но и в богослужении (Часослов и Псалтирь)[15]. Источников о деятельности типографии в эти годы чрезвычайно мало, поэтому сведения из книги протоколов заседаний братства являются крайне важными.

Большинство записей, относящихся к первому периоду функционирования типографии, датированы 1612 г. Они весьма разнообразны по содержанию. В их числе – информация о первом «дозорце» типографии Стефане Хомиче. В обязанности «дозорца», избиравшегося из числа членов братства, входило следить за материально-техническим обеспечением типографии, вести расчеты с типографом и заботиться о состоянии помещения. Стефан Хомич, сын члена братства Хомы Кушнира[16], с 1609 по 1631 г. выбирался одним из четырех старейшин организации и пользовался большим уважением[17]. Как явствует из протокола элекции, которая проходила «в неделю анътипасхи» (т. е. 19 апреля) 1612 г., Стефан Хомич представил братству финансовый отчет о расходах на содержание церкви, вернул ключ от церковной ризницы, а также отчитался в тратах и прибылях («з шафованка и прибитку») типографии. Кроме того, Стефан Хомич отдал братству нераспроданные книги и остававшиеся деньги, «за котрую працу и великое старанка в той друкарни и о церковнихъ послугахъ» его поблагодарили и освободили на следующий год ото всех обязанностей, кроме отчета о расходах на работы по восстановлению Успенской церкви («моровання церковнаго»). Впрочем, отчет был представлен не через год, а на той же элекции, о

чем имеется и соответствующая запись, и дополнительная помета на полях («и ѿдалъ»)[18]. Запись свидетельствует, что надзор за работой типографии осуществлялся одним из старейшин братства наряду с другими обязанностями. Небольшой объем издаваемой продукции делал такое совмещение вполне реальным.

Следующие записи относятся к продаже книг. В протоколе от 16 февраля 1612 г. значится, что отец Василий, священник братской Успенской церкви, «купил у братства книжок чтыриста такъ сѧ до Ѱалтыр, ꙗко Часословцов, каждаꙗ книжка по грош. 20». Сумму 266 злотых 20 грошей следовало вернуть братству в два этапа: первую часть на неделе «по с(вя)тѡм Геѡргию», а вторую – «на воздвижение Ч(е)стнаго Кр(ес)та в року томже»[19]. На заседании, проходившем 20 апреля 1612 г., было отмечено, что за продажу Псалтирей и Часословцов отец Василий вернул братству 208 зл. 24 гр. и остается должен 28 зл. 4 гр. Очевидно, за два прошедших месяца бо́льшая часть партии была распродана. Обе записи перечеркнуты, а на полях напротив второй есть помета «Юж таꙗ справа кончена и не потребна»[20], что свидетельствует о полном расчете священника перед братством. Эти записи позволяют представить себе механизм книготорговли и цены на книги, необходимые и для богослужения, и для школьного обучения.

Уникальной для рассматриваемого «Реестра» является запись, имеющая заголовок «Выдатокъ на интреликгатора». В публикации А.С. Крыловского запись датирована 1611 г., хотя в ней самой четко указана другая дата «Року 1612 маꙗ днꙗ десꙗтого в неделю ꙗже ѡ самари(тянине)». В записи говорится о выдаче двух изданий переплетчику, что делает ее самым ранним свидетельством о стоимости переплетных работ для братской типографии. Переплет 40 Грамматик обошелся члену братства Андрею Билдаговичу в 5 зл. 10 гр. (по 4 гр. за книгу), а за 25 Часословов было уплачено 4 зл. 5 гр. (или 5 гр. за экземпляр)[21]. Объемы работ свидетельствуют, что книги переплетались для продажи, а значит, покупатели предпочитали получать учебные книги уже переплетенными, хотя это и обходилось дороже. Очевидно, сказывалась забота о сроке службы книги. Разбираемая запись примечательна еще и тем, что только в ней содержится упоминание Грамматики (т. е. букваря). Археографическая ошибка А.С. Крыловского повлияла на появление в каталоге Я.Д. Исаевича и А.П. Запаско сведений о не сохранившемся до наших дней издании Букваря, вышедшем не позднее 1611 г.[22] Очевидно, однако, что издание следует датировать временем до мая 1612 г.

Следом за записью о расходах на переплетчика следует другая, первую дату в которой А.С. Крыловский не прочитал, заменив при публикации многоточием, хотя именно эта дата делает запись

исключительно важной. Запись гласит: «В року ѧ ѯ тном [1600. – *Ю. Ш.*] дал был п(а)н Степан продавати до Волох Псалтырок 8 Василию Мартичови. Тые книжки зостали были при п(а)ну Лукиянѣ у Волошех, и продавши тое, п(а)н Лукиян ѿдал братству золотых 8 за ѡные книжки, с котрих грошей п(а)на Лукияна квитует братство, же сѧ досыт стало в року 1612 в неделю 6 по Пасце [17 мая. – *Ю. Ш.*]». Далее тем же почерком, но другими чернилами сделана приписка: «Же дал п(а) нъ Лукиян ѿдал все за тии книжъки, не винен нѣчъ»[23]. Цена 1 злотый за экземпляр и уменьшительная форма названия (*Псалтырок 8*) заставляют думать, что речь идет об учебной Псалтири. Самая ранняя такая Псалтирь львовского издания, известная специалистам, датируется временем около 1608 г.[24], атрибутировать типографии Львовского братства более ранние издания нельзя[25]. Дата выдачи книг поставлена post factum, в момент приема вырученных денег. Не исключено поэтому, что в записи допущена неточность. Кроме того, небольшое число книг позволяет предположить, что речь шла об одном из изданий Виленского святотроицкого братства, с которым Львовское братство активно сотрудничало в 90-е гг. XVI в. Но не исключено и то, что не позднее 1600 г. учебная Псалтирь была издана и непосредственно во Львове. Проверка этого предположения потребует дальнейших разысканий.

Наступивший в 1617 г. перерыв в работе типографии Львовского братства был прерван в 1629 г., когда началась подготовка к изданию Октоиха. Подготовка сопровождалась скрупулезной текстологической работой[26], и 15 декабря 1630 г. книга вышла из печати. К 1634 г. тираж книги еще не был полностью распродан. На заседании 29 июня 1634 г. «всѣ згодне позволили братиа», чтобы к оставшимся книгам были допечатаны Каноны Богородице[27]. С печатания Октоиха началось многолетнее и непростое сотрудничество братства с талантливейшим типографом и переплетчиком Михаилом Слёзкой[28]. Следует отметить, что Я.Д. Исаевич и В.С. Александрович считали Октоих 1630 г. несохранившимся[29]. Однако только в собрании Российской государственной библиотеки имеется три экземпляра Октоиха с допечатанными Канонами[30]. А.С. Зернова, Т.Н. Каменева и А.А. Гусева указывают Октоих 1630 г. в обоих его вариантах[31].

Еще два свидетельства из книги протоколов, относящиеся к 1634 г., касаются несохранившегося издания Псалтири[32]. На заседании 29 июня 1634 г. были «депутованы» два члена братства, которым поручалось проверить расходы по печатанию этой «свежо выданной» книги, а также проконтролировать ее продажу[33]. Это свидетельство позволяет уточнить выходные данные издания, появившегося, очевидно, не позднее июня 1634 г. Дата косвенно под-

тверждается сведениями приходно-расходной книги братства, где под 10 ноября 1633 г. помещена запись о покупке у Яна, владельца бумажной мельницы в Зашкове, 14 бел бумаги по 35 зл. на общую сумму 490 зл., переданных в дальнейшем типографу Михаилу Слёзке для печатания Псалтири[34].

Несколько записей книги протоколов рассказывают о применении братством любопытной формы благотворительности: бедные приходы, монастыри и частные лица безвозмездно получали мелкие партии изданий для последующей продажи. Так, 31 августа 1634 г. по просьбе «упадлого» члена братства Габриеля Ярошевича ему подарили 20 Псалтирей, Креховскому монастырю досталось 8 книг, а звонарю «за послуги в ц(е)рки – 5 Ѱалтир»[35]. Какова была цена этих книг, неизвестно. Иногда книги давались на продажу на льготных условиях. Так, в июне 1645 г. Львовское братство потребовало расчет за проданные книги с предместского Богоявленского братства, которое, однако, попросило отсрочить выплату до завершения ярмарки будущего 1646 г.[36]

На заседании, которое проходило 4 сентября 1636 г., обсуждалось, какую цену установить на новоизданное Евангелие[37]. «Для прудшого ѡдбыту» участники заседания приняли решение: продавать в розницу по 14 зл., «а если бы кто гуртом килка ѿкуповалъ, а зараз бы за всѣ личилъ гроши, теды ему пустити по 12 золотыхъ»[38]. Это первое свидетельство об установлении цен на книги типографии братства, но аналогичный механизм будет действовать все время ее существования.

На этом же собрании шла речь о следующем поручении для типографии, которая не должна была простаивать. Хорошо расходился объемистый (523 листа) Анфологион (Минея праздничная), первое издание которого напечатал типограф Андрей Скольский в 1632 г.[39] Однако Михаил Слёзка не спешил приниматься за трудоемкую работу по подготовке нового издания. Братство обещало по 2 зл. 15 гр. за каждую книгу тиража, но мастер «не контентовал» этими условиями и просил время на размышление. На другом заседании была предложена более выгодная для типографа сделка, включавшая уплату по 2 зл. 20 гр. за каждую книгу, право изготовить 60 «прикладок» сверх установленного тиража, а также обещание возместить все дополнительные расходы, «если бы за показанѥм реестру своего (сумнѣнѥм добрым написанного) собѣ в чом шкоду мѣновал». Кроме того, Слёзка предложил перед Анфологионом напечатать Служебник, «абыска за тым в челядь приспособил до болшей роботы, на що пп. братиа поволили»[40]. К 21 апреля 1637 г. Служебник, очевидно, вышел в свет, однако работа над Анфологионом все равно не началась, поскольку члены братства вновь обсуждали в этот

день, что печатать, чтобы типография не простаивала. Слёзка ссылался на недостаток работников, не позволявший приступить «до роботы Трыфолойной, албо Миней великой», и братство разрешило ему напечатать «своим всѣмъ коштомъ» 600 экземпляров Часовника in octavo «для науки малых дѣтей», заплатив за пользование типографией 200 зл. При этом подчеркивалось, что договор заключается только для обучения типографской «челяди» «до дальшей роботы»[41]. Но и этот вариант сотрудничества не осуществился, поскольку, как отмечается в протоколе заседания 9 апреля 1638 г., Слёзка «розмыслилъ для ѡдкладковъ» – передумал выплачивать деньги и предложил рассчитаться книгами[42]. В свою очередь, приписка к записи, выполненная другими чернилами, гласит: «а межи тымъ часомъ братиа розмыслили ся, же с того нѣц»[43]. В результате в печатании Часовников Слёзке было отказано, а для издания Анфологиона был приглашен другой типограф, Иван Кунотович, который и выпустил книгу в 1638 г.[44] Работа Кунотовича была осложнена пожаром в типографии, «которая была през ѡгонь (мало не вся) в попѣл ся обернула». 16 февраля 1638 г. было принято решение закончить ремонт помещения не позднее лета[45].

Михаил Слёзка в это время занимался устройством своей типографии, на что требовались деньги. Возможно, поэтому он собирался купить у братства по оптовой цене в 12 зл. 100 экземпляров напечатанных им Евангелий. При обсуждении покупки старейшина братства Габриель Лангиш уговаривал Слёзку приобрести также по 100 экземпляров Псалтирей и Служебников, плохо расходившихся в розницу. Однако типограф, «долго ѡдмовляючи», говорил, что не может заплатить за столько книг сразу, и предложил приобрести партию в рассрочку на год или до того времени, пока книги не будут распроданы. Лангиш характеризовал Слёзку как человека «способнѣйшого и тым пораючогося, и по ярмаркам ездючаго, и интрелѣгатора», а значит, способного заработать денег и себе, и братству «для церковного пожытку и лѣпшости». Однако члены братства во мнениях разделились, и только благодаря настойчивости старейшины сделка в конце концов состоялась[46]. Никаких дополнительных помет возле цитируемой записи нет. Можно предположить, что Слёзка успешно справился с возложенной на него миссией и не только вернул деньги братству, но и сам получил значительную прибыль.

В 1640–1641 гг. братство вело долгие и сложные переговоры с Михаилом Слёзкой о печатании Триоди. Мастер планировал издать Триодь цветную в собственной типографии[47] и поэтому находил различные предлоги для отказа – завышал цену, предъявлял претензии к состоянию оборудования и т. п. В итоге «п(а)нове братиа презъ увес тот рок з ним ся не могли сторговати для его высокой цены и

нееднословъности, с чого были барзо жалостны»[48], а на заседании братства 23 мая 1641 г. было принято решение пригласить типографом Андрея Скольского: «склонность вшелякую п. пану Андрею Школском увидѣвшы, ѡному друкарню братскую зъинъвентовавши, вшыстко порядне ѿдали и ѡного за друкара своего прынели»[49]. Скольский, учившийся книжному делу в братской типографии, работавший в Молдавии, а по возвращении во Львов сотрудничавший со Слёзкой[50], управлял типографией с мая 1641 по 1643 г. За это время были напечатаны Часослов (1642) и Анфологион (12 апреля 1643 г.).

В 1643 г. братство помирилось с Михаилом Слёзкой, заключив с ним мировое соглашение, в котором, среди прочего, Слёзка обещался не издавать в собственной типографии книг in folio и in quarto[51]. В типографии братства Слёзка приступил к печатанию Евангелия и Октоиха[52]. «ѾДобранка книгъ выдрукованых», т. е. передача изданий из типографии на склад, состоялось на заседании 18 октября 1644 г. Братство приняло решение о полном расчете с типографом и поручило «продажѣ тых книгъ ѡбраным братїям»[53]. Вопрос о расчете с Михаилом Слёзкой слушался на заседаниях 15 ноября[54] и спустя несколько дней после 24 ноября 1644 г. Протокол последнего заседания сообщает важные сведения о тираже изданий: «пп. братка старшые з п. Сліозкою зшедшисѧ на грунти чынили рахунокъ з ѡдебранка книгъ выдрукованых, тоесть ѾОхтаѧ и Евангеліѧ напрестолн(ого). ѾОктоиховъ – их сума цалых штукъ 1224. № указал п. Слозка ѡхтоихов 6 у п. Лангеша, № ѡхтоихов 2 у п. Алеѯандра и зицара, № дефектовых ѡхтаефъ 67, але ты зостали пры п. Сліозкѣ, которые ѡбещал додруковати и дефекта зполнити. Евангелій напрестолных цалыхъ сумма штукъ 1065. № П. Матиѧшу ѡддал п. Сліозка штук 102, № п. Алеѯандру и зицеру 2 Евангелій, № на паперѣ французкомъ 109 цалых Евагеліе, № тых же зостало пры п. Сліозкѣ до увѧзованка в золотѣ на марынес 3»[55]. При публикации текста А.С. Крыловский привел сведения о тираже Евангелия и опустил запись о тираже Октоиха[56]; эта цифра приведена только в исследовании 1904 г.[57] Именно поэтому в сводном каталоге книг, изданных на Украине, тираж Октоиха не указан[58].

С 1642 г. обязанности продавца книг и куратора типографии выполняли разные члены братства. На элекции 17 апреля 1642 г. Александр Прокопович был выбран «провѣзором и адмѣнѣстратором друкарнѣ», а Иван и Василий Григоровичи – «до продана книгъ з друкарнѣ нашей братскои»[59]. На собрании 20 октября 1644 г. «до продана книгъ ухвалили» Матвея Федоровича и Ивана Григоровича. Тогда же объяснялись их обязанности: «мают ѡдбирати з кгрунтуликом книгъ, що чверти року або ѧко продажи укажет, а грошѣ ѡддавати пп. шафаромъ, що уторгуютъ, албо що мѣсѧцъ»[60]. На заседании 22 июня 1645 г. были обозначены обязанности двух других продавцов – Анд-

рея Стрелецкого и Стефана Лясковского. Первого «церковные книги друкованые в нашой друкарнѣ упросили продавати», а именно «Трефолои, М(е)с(я)цесловы, Служебники, Псалтыры, Катехизмы»[61]. Речь идет о Служебнике 1637 г., Псалтири 1643 г. и Анфологионе, продажа которого началась 27 мая 1643 г., вскоре после того, как тираж 1358 экз. поступил на склад братства[62]. Месяцесловы как отдельное издание, поступили в продажу 10 сентября 1642 г., а изданы были тиражом 294 экземпляра[63] (кроме 1105 экземпляров в составе Часослова 1642 г.). Наконец, Катехизис А.С. Крыловский с сомнением атрибутировал как Катехизис Лаврентия Зизания (М.: [Печ. двор, ок. 29 января 1627])[64], что маловероятно, поскольку братство никогда не продавало книги московской печати. Скорее всего, в книжной лавке братства в 1645 г. продавали польскоязычную книгу Петра Могилы «Собрание короткои науки о артикулах веры православно-кафолической»[65]. Под 26 мая 1645 г. в книге протоколов имеется запись Матфея Федоровича, который получил для продажи от братства 200 экземпляров Катехизисов, по-польски напечатанных, по цене 15 гр. книга[66]. В свою очередь, новоизданные Евангелия и Октоихи должен был продавать Стефан Лясковский. Так же как и в 1644 г., в 1645 г. говорилось о том, что продавцы книг должны четыре раза в год «рахунок чынити», а вырученные деньги отдавать старейшине братства Габриелю Лангишу «неѿрочно»[67]. Наконец, кроме продажи пяти перечисленных выше изданий Андрей Стрелецкий отвечал за «книги церковные розные до ужыване в церкви» и за склад, в котором хранились матрицы (формы для отливки литер) и ксилографические доски: «ѿдано п. Андрееви Стрелецкому и матрицы, и куншта друкарские в склепѣ старом под школою и ключъ ѿ него».

Рассмотренный «Реестр електовый» 1599–1650 гг. содержит сведения о 13 изданиях типографии Львовского братства, в том числе о пяти, не сохранившихся до наших дней. Заслуживают внимания сведения о продаже братством киевского издания Петра Могилы, а также о несостоявшихся изданиях. Кроме того, протоколы заседаний раскрывают взаимоотношения братства с типографами, механизмы распространения и продажи изданий.

Приложение

Издания типографии Львовского братства, упомянутые в Книге протоколов заседаний 1599–1650 гг.[68]

1. [Псалтирь. ок. 1608. 4°]. *Запаско/Исаевич № 72.*
2. [Часословец. Не позже 1608. 4°]. *Запаско/Исаевич № 73.*
3. *[Грамматика. Не позже мая 1612]. *Запаско/Исаевич № 83.*
4. Октоих. Тип-ф Андрей Скольский, 15 дек. 1630. 2°. *Запаско/Исаевич № 205.*

5. Каноны Богородице. Тип-ф Михаил Слёзка, 1634. 2°. *Запаско/Исаевич № 244*.
6. [Псалтирь. Тип-ф Михаил Слёзка, не поздн. июня 1634]. *Запаско/Исаевич № 244*.
7. Евангелие. Тип-ф Михаил Слёзка, 20 авг. 1636. 2°. *Запаско/Исаевич № 253*.
8. *Служебник. Тип-ф Михаил Слёзка, не поздн. 21 апр. 1637. 4°. *Запаско/Исаевич № 258*.
9. *[Месяцеслов. Не поздн. 10 сент. 1642]. 4°. [Тир. 294 экз.]. *Запаско/Исаевич № 299*.
10. Анфологион. 12 апр. 1643. 2°. [Тир. 1358 экз.]. *Запаско/Исаевич № 313*.
11. Псалтирь. 1643. *Запаско/Исаевич № 315*.
12. Евангелие. Тип-ф Михаил Слёзка, 25 мая 1644. 2°. [Тир. 1065 экз.]. *Запаско/Исаевич № 322*.
13. *Октоих. Тип-ф Михаил Слёзка, 23 сент. 1644. 2°. [Тир. 1224 экз.]. *Запаско/Исаевич № 323*.

Примечания

1 *Сопиков В.С.* Опыт российской библиографии, или полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на словенском и российском языках, от начала заведения типографий до 1813 года ...: Собр. из достовер. источников. СПб., 1913. Ч. 1; *Строев П.М.* Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке ... графа Федора Андреевича Толстова. М., 1829; *Он же.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке ... Ивана Никитича Царского. М., 1836; *Он же.* Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф.А. Толстова и купца И.Н. Царского. М., 1841; *Сахаров И.П.* Обозрение славяно-русской библиографии. СПб., 1849. Т. 1; *Ундольский В.М.* Очерк славяно-русской библиографии / С доп. А.Ф. Бычкова и А. Викторова. М., 1871; *Каратаев И.П.* Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами: 1491–1730. СПб., 1861; *Он же.* Библиографические заметки о старославянских печатных изданиях 1491–1730. СПб., 1872; *Он же.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами (1491–1652 гг.). СПб., 1883. Т. 1; *Ісаєвич Я.Д.* Львівські видання XVI–XVIII ст.: Каталог. Львів, 1970; *Максименко Ф.П.* Кириличні стародруки українських друкарень, що зберігаються у львівських збірках (1574–1800). Львів, 1975.

2 *Зубрицкий Д.* Летопись Львовского Ставропигиального братства. Львов, 1926; *Zubrycki D.* Historyczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicji. Lwów, 1836; *Зубрицкий Д.* О славяно-русских типографиях в Галиции и Лодомирии // Журнал Министерства народного просвещения. 1838. Ч. 19. № 9. С. 560–585;

Петрушевич А.С. О начале книгопечатания на Руси вообще, а в городе Львове в особенности // Временник Ставропигийского Института. 1884. С. 113–133; *Он же.* Хронологическая роспись церковных и мирских русско-словенских книг, напечатанных кирилловскими буквами в городе Львове, начиная с 1574 до 1800 года // Временник Ставропигийского Института. 1885. С. 113–133; *Он же.* Каталог церковно-словенских рукописей и старопечатных книг кирилловского письма, находящихся на Археологическо-библиографической выставке в Ставропигийском заведении. Львов, 1888; *Свенцицкий И.* Каталог книг церковно-славянской печати. Жовква, 1908; *Свєнціцкий І.* Дещо про печатню Успенського братства у Львові та її видання // Збірник Львівської Ставропігії. Львів, 1921. Т. 1. С. 325–332; *Он же.* Початки книгопечатання на землях України. Жовква, 1924; *Огієнко І.* Історія українського друкарства. Львів, 1925. 2-е вид. Київ, 1994.

3 *Крыловский А.С.* Львовское Ставропигиальное братство: опыт церковно-исторического исследования. Киев, 1904; Архив Юго-Западной России. Киев, 1904. Ч. 1. Т. 11–12 (далее – АЮЗР).

4 *Шустова Ю.Э.* Амвросий Семенович Крыловский как исследователь истории старопечатной книги // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII междунар. науч. конф. М., 2010. С. 101–118.

5 *Ісаєвич Я.Д.* Архів Львівського братства // Архіви України. 1968. № 1. С. 89–90; *Он же.* Джерельні матеріали з історії мистецтва XVI–XVIII ст. в архіві Львівського братства // Третя республіканська наукова конференція з архівознавства та інших спеціальних історичних дисциплін. Друга секція. Київ, 1968. С. 99–111.

6 *Он же.* Джерела з історії української культури доби феодалізму XVI–XVIII ст. Київ, 1972.

7 Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні (XVI – перша половина XVII ст.): Збірник док. / Упор. Я.Д. Ісаєвич та ін. Київ, 1975.

8 *Исаевич Я.Д.* Издательская деятельность Львовского братства в XVI–XVIII веках // Книга: Исслед. и материалы. М., 1963. Сб. 7. С. 199–238; *Он же.* Книгопечатание во Львове XVI–XVII вв., XVIII в. // 400 лет русского книгопечатания. М., 1964. С. 73–77, 218–221; *Он же.* Братства та їх роль в розвитку української культури XVI–XVIII століть. Київ, 1966; *Он же.* Деякі питання бібліографії видань братств // Архіви України. 1970. № 6. С. 9–16; *Он же.* Роль братств в издании и распространении книг на Украине и Белоруссии (конец XVI–XVIII вв.) // Книга и графика. М., 1972. С. 127–136; *Он же.* Джерела з історії української культури доби феодалізму XVI–XVIII ст.; *Он же.* Преемники первопечатника. М., 1981; *Он же.* Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. Львів, 2002; *Isaievych Ia.* Voluntary Brotherhood: Confraternities of Laymen in Early Modern Ukraine. Edmonton; Toronto, 2006.

9 *Ісаєвич Я.Д., Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва: Каталог. Львів, 1981–1984. Кн. 1–2.

10 *Шустова Ю.Э.* Контракты Львовского братства с типографами: проблемы реконструкции истории старопечатной книги и репертуара изданий XVII–

XVIII вв. // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания: Тез. докл. и сообщений XIV науч. конф. М., 2002. С. 532–536; *Она же*. «Книга контрактов с печатниками» Львовской братской типографии (1680–1757) // Книга и мировая цивилизация: Материалы XI междунар. науч. конф. М., 2004. Т. 2. С. 100–105; *Она же*. Каталог 1671 г. продажи книг типографии Львовского Ставропигийского братства // Восточная Европа в древности и Средневековье: Проблемы источниковедения. М., 2005. Ч. 2. С. 362–366; *Она же*. Реестры записей о продаже книг типографии Львовского братства во второй половине XVII в. // Единство гуманитарного знания: новый синтез. М., 2007. С. 377–380; *Она же*. Реестры продажи книг Львовского Успенского братства 40–60-х гг. XVII в. как источники по истории книги // Книга в пространстве культуры. М., 2007. Вып. 1(3). С. 44–62; *Она же*. Источники о продаже книг типографии Львовского Успенского братства во второй половине 60-х – первой половине 70-х гг. XVII в. // Бібліотечний вісник: Наук.-теор. та практ. журн. 2008. № 1. С. 19–28; *Она же*. Продажа книг типографии Львовского Успенского братства Петром Семяновичем в 1692–1696 годы // Книга в пространстве культуры. М., 2009. Вып. 1(5). С. 42–55; *Она же*. Книга контрактов Львовского Ставропигийского братства с типографами (1680–1757): проблемы источниковедческого исследования // Вестник РГГУ. 2009. № 4. С. 108–123; *Она же*. Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): источниковедческое исследование. М., 2009. С. 301–312, 333–397; *Она же*. Продажа книг типографии Львовского Ставропигийского братства по реестрам Анастасии Ласковской (1676–1680 гг.) // Вестник РГГУ. 2010. № 7(50). С. 165–177.

11 *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): источниковедческое исследование. С. 246–265.

12 Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов (далее – ЦГИАЛ). Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 1–79.

13 АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 58–305; Т. 12. С. 164–352.

14 А.С. Крыловский дает документу свое название, не указывая наличие титульного лита в книге.

15 *Ісаєвич Я.Д.* Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. С. 146.

16 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1044. Л. 1.

17 *Ваврик В.Р.* Члены Ставропигиона за 350 лет (1586–1936) // Юбилейный сборник в память 350-летия Львовского Ставропигиона. Ч. II; Временник: Науч.-лит. записки Львовского Ставропигиона на 1936 и 1937 годы. Львов, 1937. С. 67.

18 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 17–18; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 78.

19 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 14; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 75.

20 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 14об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 76.

21 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 15; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 76.

22 *Ісаєвич Я.Д., Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 1. № 83. С. 35.

23 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 15; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 76. Приписка не опубликована.

[24] *Zubrycki D.* Historyczne badania o drukarniach rusko-słowiańskich w Galicji. S. 18; *Ундольский В.М.* Очерк славяно-русской библиографии. № 173; *Каратаев И.П.* Описание славяно-русских книг. Т. 1. № 192; *Крыловский А.С.* Львовское Ставропигиальное братство. № 76. С. 299; *Ісаєвич Я.Д., Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 1. № 72. С. 34–35.

[25] *Ісаєвич Я.Д.* Деякі питання бібліографії видань братств. С. 13–14; *Он же.* Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. С. 143.

[26] Октоих. Львов: Тип. братства, 15 дек. 1630. 2-я группа. Л. [3]; *Шустова Ю.Э.* Предисловия изданий типографии Львовского братства 1630–1640-х годов: источниковедческое исследование // Вивлиофика: История книги и изучение книжных памятников. М., 2009. Вып. 1. С. 105.

[27] ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 38 об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 105.

[28] *Крыловский А.С.* Львовское Ставропигиальное братство. С. 278. О Михаиле Слёзке см.: *Исаевич Я.Д.* Типография Михаила Слёзки и ее роль в межславянских культурных связях // Федоровские чтения, 1973. М., 1976. С. 42–59; *Он же.* Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. С. 211–218, 263–265; *Александрович В.С.* Нововіднайдені джерельні матеріали до біографії львівського друкаря Михайла Сльозки // Вісник Львівського університету. Серія книгознавство, бібліотекознавство та інформаційні технології. Львів, 2007. Вип. 2. С. 172–191.

[29] *Ісаєвич Я.Д.* Львівські видання XVI–XVIII ст.: Каталог. Львів, 1970. № 23; *Ісаєвич Я.Д., Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 1. № 244. С. 55; *Александрович В.С.* Нововіднайдені джерельні матеріали до біографії львівського друкаря Михайла Сльозки. С. 172.

[30] РГБ. НИОКР (Музей книги). Инв. 1824, 1822, 1823.

[31] Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв.: Каталог изд., хранящихся в Гос. б-ке СССР им. В.И. Ленина. М., 1976. Вып. 1 / Сост. Т.Н. Каменева, А.А. Гусева. № 59. С. 25.

[32] *Ісаєвич Я.Д., Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 1. № 246. С. 55.

[33] ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 38об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 106.

[34] ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1054. Л. 2об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 394; Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні. № 95. С. 154.

[35] ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 39; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 107.

[36] ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 70; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 155.

[37] Евангелие. Львов: Тип. братства; Типограф Михаил Слёзка, 20 авг. 1636.

[38] ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 45об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 120–121.

[39] *Ісаєвич Я.Д., Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 1. № 227. С. 53.

[40] ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 45об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 121; *Крыловский А.С.* Львовское Ставропигиальное братство. С. 278.

[41] ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 49об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 129.

[42] ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 51об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 133.

[43] ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 49об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 129; *Крыловский А.С.* Львовское Ставропигиальное братство. С. 280.

44 Анфологион. Львов: Тип. братства; Типограф Иван Кунотович, 26 нояб. 1638.

45 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 50об.–51; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 132.

46 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 51об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 133.

47 Триодь издана в 1642 г.: Триодь цветная. Львов: Тип. Михаила Слёзки, 11 марта 1642; *Ісаєвич Я.Д., Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 1. № 302. С. 63.

48 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 55об., 56; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 140–141.

49 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 56; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 141.

50 О Скольском см.: *Крыловский А.С.* Львовское Ставропигиальное братство. С. 281–282; *Исаевич Я.Д.* Преемники первопечатника. С. 98–100; *Он же*. Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. С. 204, 207–209, 212–213, 218–221, 276–278; *Александрович В.С.* Нововіднайдені джерельні матеріали до біографії львівського друкаря Михайла Сльозки. С. 176–178, 183–184; *Шустова Ю.Э.* Документы Львовского Успенского Ставропигийского братства (1586–1788): источниковедческое исследование. С. 186, 202, 205–206, 422–423.

51 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 562; Першодрукар Іван Федоров та його послідовники на Україні. № 117, 118 № 200–209; *Крыловский А.С.* Львовское Ставропигиальное братство. С. 112; *Ісаєвич Я.Д.* Українське книговидання: витоки, розвиток, проблеми. С. 213.

52 Евангелие. Львов: Тип. братства; Типограф Михаил Слёзка, 25 мая 1644; Октоих. Львов: Тип. братства; Типограф Михаил Слёзка, 23 сент. 1644.

53 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 62об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 148.

54 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 64; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 150.

55 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 65–65об.

56 АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 151.

57 *Крыловский А.С.* Львовское Ставропигиальное братство. С. 284; Украинские книги кирилловской печати XVI–XVIII вв. № 85. С. 31.

58 *Ісаєвич Я.Д., Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 1. № 322, 323. С. 65.

59 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 59об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 145.

60 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 63об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 149.

61 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 69об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 154.

62 Анфологион. Львов: Тип. братства, 12 апр. 1643; ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1058. Л. 1; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 539.

63 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1058. Л. 7; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 541–542. В каталоге Я.Д. Исаевича и А.П. Запаско неверно указан тираж Месяцеслова: 307 экз. (*Ісаєвич Я.Д., Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Кн. 1. № 299. С. 63). Ошибка произошла из-за неточного прочтения текста источника: «Mysiecosłowow xiąg liczba 294, między temy są defektowych 13, nie dostaie zelo pierwsze azbuky», т. е. 13 дефектных экземпляров в числе 294.

64 *Крыловский А.С.* Львовское Ставропигиальное братство. С. 294. № 43.

65 *[Mohiła Piotr, Kozłowski Isaiya Trofimowicz].* Zebranie krótkiey nauki o artikułach wiary prawosławno katolickiey. Киев: Тип. Лавры, 1645.

66 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1058. Л. 11; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 543; *Шустова Ю.Э.* Амвросий Семенович Крыловский как исследователь истории старопечатной книги // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII междунар. науч. конф. М., 2010. С. 115.

67 ЦГИАЛ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 1043. Л. 69об.; АЮЗР. Ч. 1. Т. 11. С. 154.

68 В квадратных скобках указаны не сохранившиеся до наших дней издания; звездочкой отмечены издания с уточненной в результате данного исследования атрибуцией; курсивом приводится ссылка на каталог: *Ісаєвич Я.Д., Запаско Я.П.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Львів, 1981. Кн. 1.

М.С. Черкасова

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА УСТЮЖСКОЙ ЕПАРХИИ 1696/97 г.: ИЗ ИСТОРИИ ПРАКТИЧЕСКОГО АРХИВОВЕДЕНИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В КОНЦЕ XVII в.

Книга (РГАДА. Ф. 236) включает городские и сельские приходы Устюга, Тотьмы, Сольвычегодска и Яренска. Ревизия 1696/97 г. зафиксировала состав церковных архивов и размеры денежных средств в храмах, способы учета и хранения актовой и делопроизводственной документации церковными старостами. Это дает возможность реконструировать состав церковных архивов, расширяет представления о земледельческой, торговой и кредитной деятельности церквей.

Ключевые слова: переписная книга, церковные приходы, реконструкция архивов, архивоведение, документоведение, документооборот.

При изучении источников XVI–XVII вв. российские ученые преимущественное внимание уделяли совокупности писцовых и переписных книг 1620-х, 1640-х и 1670-х годов (М.М. Богословский, А.С. Лаппо-Данилевский, Ю.В. Готье, П.А. Колесников, А.И. Копанев, Я.Е. Водарский, А.Л. Шапиро, Е.Н. Швейковская, В.М. Воробьев, А.Я. Дегтярев, Г.В. Демчук и мн. др). Документы церковного происхождения (окладные, сборные и переписные книги архиерейских кафедр) использовались мало, хотя они содержат независимые от гражданских властей показатели землевладения, демографического состава погостов и приходов, а также отсутствующие в государственных описаниях сведения о платежах в архиерейскую казну, материальном положении городских и сельских причтов, различных аспектах деятельности выборных общинных и приходских институтов.

Объект исследования – переписная книга церквей Устюжской епархии 1696–1697 гг.[1] Ее формат – малая четверка, объем – 1162 л.

© Черкасова М.С., 2011

По позднейшей пагинации незаполненными оказались л. 162об.–164, 244об.–245об., 252об.–253об. Рукопись имеет несколько скреп, писана различными почерками и в отношении палеографическом, филигранологическом и кодикологическом нуждается в специальном исследовании. Книга представляет собой сшитую в один конволют совокупность большого количества переписных книг городских и сельских церквей (ружных, приходских, бесприходных). Она была создана по указной грамоте из приказа Большого Дворца за приписью дьяка Михаила Воинова от 23 января 1697 г. архиепископу Устюжскому и Тотемскому Александру о переписи церковной казны во всей его епархии, взыскании денежных и хлебных долгов по кабалам, нерастрате денежных средств «до государева указу» и присылке приходно-расходных книг церковных старост в Москву[2]. Во исполнение данного указа подьячий архиерейского разряда Семен Красильников совместно с церковными и поповскими старостами произвел описание церквей Устюжской епархии. В книге имеется скрепа архиерейского дьяка Данилы Игнатьева. Отдельные ее «переписные части» составлялись на местах (в приходах) и имеют свои особенности.

Помимо Устюга и уезда, переписная книга охватывает города: Тотьму (Л. 822–899об.), Сольвычегодск (Л. 904–975об.) и Яренск (Л. 1079–1162) с их уездами. Преамбулы уездных разделов книги содержат пересказ указной грамоты от 23 января 1697 г. Устюжский раздел датирован 27 августа, Тотемский – 9 сентября, Сольвычегодский – сентябрем без указания числа, Яренский – 20 сентября. Менее месяца – с 27 августа и до 20 сентября 1697 г. – потребовалось, чтобы городские и сельские церкви Устюжской епархии были описаны (а это несколько сотен приходов и земли, где первичная христианизация известна с XII–XIII вв.). Географический масштаб описания обширен: часть прежней Пермско-Вологодской епархии (по р. Вычегде) и значительная часть прежней Ростовской епархии на севере (Тотьма, Устюг и Сольвычегодск). В 1682 г. эти земли были выведены из-под юрисдикции Вологды и Ростова, из них была образована новая – Устюжско-Тотемская – епархия. В 1685 г. в ее состав был включен Яренск. Преосвященный Александр (1685–1699), при котором была создана переписная книга 1697 г., был вторым (после Геласия) Устюжским архиепископом, современником известного церковного деятеля Севера – Афанасия Холмогорского и Важского[3]. Одновременно и в его епархии намечалось аналогичное мероприятие.

И.А. Булыгин обратил внимание на пересказ петровского указа от 6 декабря 1696 г. (за приписью дьяка Григория Посникова) об установлении государственного контроля над деревянным, камен-

ным и келейным строительством в монастырях и церквах, их неокладными расходами, который приводился в грамоте Афанасия в двинский Михайло-Архангельский монастырь в декабре 1696 г. Его игумен Иеремия обязан был прислать в архиерейский Казенный приказ «счетные списки с подлинною очискою»[4]. Положения указа 6 декабря 1696 г. были развиты, как считает И.А. Булыгин, в указе 1697 г. (в публикации в ПСЗ его число и месяц не отмечены[5]), о прекращении в епархиях строительства новых зданий и присылке в Москву не только денежных, но и *хлебных* приходно-расходных книг монастырей и архиерейских кафедр[6].

Указы 1696 и 1697 гг. показывают усиление государственного контроля над Церковью в начальный период петровских преобразований. Их следует учитывать и для понимания истории создания анализируемой переписной книги и полноты проведенной ревизии. Помимо данных о строительстве в монастырях и церковных приходах (городских и сельских), властям требовались подробные сведения о составе их земельных угодий, количестве крестьянских, бобыльских и половничьих дворов, источниках получения и способах расходования денежных средств, о кредитовании ими хлебом и деньгами нуждающихся горожан и сельчан, состоянии городской недвижимости церквей (дворы, лавки, амбары, подвалы и пр.). Поскольку в практике церквей эта деятельность тщательно документировалась, соответствующие виды актовой и делопроизводственной документации тоже стали предметом описания в рассматриваемой книге. К ревизии церквей кроме церковных старост были привлечены и «лутчие прихожане».

Первым в устюжском разделе книги был описан собор во имя почитаемого в Великом Устюге святого – Прокопия Праведного (ум. в 1303 г., канонизирован в 1547 г.). По «скаске» двух его старост Ивана Шушнина и Михаила Попова, наличных денег в соборе в момент описания было 565 руб., а хлеба: 180 четв. ржи, 111 четв. овса, 6 четв. пшеницы и 5 четв. ячменя (Таблица 1). Далее следовал обширный перечень различных документов: 1) «деревенские крепости», 2) «роздача денег по кабалам и порядным записем» (на сумму 417 руб.), 3) «хлебная раздача» (на 110 «мер»). Данный раздел имеет скрепу церковного старосты И. Шушнина и архиерейского дьяка Д. Игнатьева[7].

Большинство остальных городских церквей Устюга обладало гораздо меньшими денежными ресурсами (до 100 руб.). Лишь церковь Параскевы Пятницы имела свыше 560 руб., полученных с 1690 по 1696 г. старостами и зафиксированных в их приходных книгах. Столь внушительная по тем временам сумма хранилась в двух местах: в церкви, в коробке, и под церковью, в амбаре, в

окованной коробке, положенной в сундук[8]. У Сретенского собора «старые письма объявились в полате под колокольнею в большом сундуке»[9]. Староста этой церкви Яким Кабаков принес «из дому своего за своею печатью» коробку прежних старост, содержащую две тетради – приемную и расходную. Ниже, в Таблице 1, приведены систематизированные сведения о денежных и хлебных запасах устюжских церквей, а в Таблице 2 – сведения о количественном и видовом составе их крепостей. Среди последних преобладали (58%) различные кабалы[10].

Архивы устюжских церквей включали много разновидностей частных и публично-правовых актов – списки с архиерейских указов и царских жалованных грамот; а также данные, «прикладные» (они же вкладные), закладные, заемные кабалы (вариант – «раздаточные кабалы»), купчие и меновные записи, платежные отписи, выписи, памяти, «правые владенные памяти с судного дела», порядные, поступные, мирские выборы и «приговоры», письма, расписки, челобитные, «выборы за руками» земских и церковных старост. В частных актах отражалось все многообразие операций церквей в лице их старост с недвижимостью как в городе («лавочные, харчевые, кузничные крепости»), так и в волостях («деревенские владенные крепости»). Об определенном опрощении частных актов к концу XVII в., богатстве их разновидностей и терминологических самоназваний, что отмечено в общих курсах источниковедения[11] и дипломатики[12], свидетельствуют упоминания «записей» и «памятей» – «запись лавошная», «запись гробовая» (об изготовлении медной раки к гробу Иоанна Блаженного), «запись изустная» (то есть духовная), «раздаточная память», «окружная память преосвященного Геласия». В ходе ревизии переписчики с разной степенью полноты для каждой церкви пересказывали содержание просмотренных ими актов, отмечая контрагентов сделки, ее дату, послухов, способы удостоверения, позднейшие подклейки, «ерлыки», пометки и приписки, ссылки на государственные писцовые и переписные книги. Разбирая кабальные и порядные записи на половников, оформленные церковными старостами, переписчики отмечали наклеенные на них «ерлыки» с пометками о погашении взятой хлебной и денежной ссуды, подмоги, «пожилых денег». Из приписок на обороте крепостей воспроизводились ремарки о том, что зафиксированное в них имущество (лавки, амбары, дворы, участки земли) дано в церковь «за помяновение родителей», иногда конкретно указывался масштаб и вид поминания – «20 имян за упокой да заздравных 9 имян», или «отдано [таким-то] по своему обещанию в дом к своему приходу», или «отдано священнику с причетники во владение и в поминовение по родителем своим и старостам с

прихожаны и иным старостам»[13]. Сами акты дарения оформлялись упрощенно – простой надписью о «поступке церковным старостам и причетникам» на обороте крепости. При описании казны церкви Леонтия Ростовского упомянута грамота царя Федора Ивановича попу Ивану на землю, смежную с Михайло-Архангельским монастырем, «101 году» (1592/93 г.)[14]. Это наиболее ранний документ, зафиксированный данной переписной книгой. Поскольку церковные архивы XVII в. в целостном виде не сохранились, эти сведения важны для научной реконструкции их состава, изучения «практического архивоведения» и «практического актового документоведения» (определение С.М. Каштанова[15]) того времени.

Наименования актов отражают присущее Северу органическое единство города и прилегающей к нему сельской округи («поступная запись на деревню да на лавку в Мылном ряду»), своеобразное преломленние норм вотчинного права в сделках на городские объекты («поступные на лавки и подлавочные земли и з заборы и з замки со всем *без вывода и без выкупа*... впредь в ту лавку не вступатца и не выкупать никоторыми делы»[16]). Не только сельские, но и городские церкви силами наемных половников вели земледельческое хозяйство, их церковные старосты ежегодно учитывали движение хлеба – посева, урожая («приполона»), продажи, раздачи в долг. Ценным для церквей являлось приобретение даже самых небольших участков – «данная на голой новоприсадный песок с порослыми кустами»[17]. В этой связи важны наблюдения Е.Н. Швейковской относительно мелкой оконтуренности севернорусского земледелия, мозаичности регионального аграрного пейзажа, о *традиционализме* как типе севернорусского развития вообще[18].

Вторая значительная группа документов в церковных архивах – совокупность различных учетных «книг» – приходных (вариант – «приемных»), расходных (вариант – «издержечных»), переписных, росписей, ружных, приемных «тетрадей», хранившихся в составе многочисленных «коробок» ямских старост 1650–1660-х гг., всеземских третчиков (собиравших налоги по «третям» года), счетчиков, разрубных целовальников и «зборщиков». Коробки систематизировались так: надписание на лубах соответствующего года («ерлыки наклеены и подписи вырезаны»), имени составителя, скрепление печатями. Подобный архив у Воскресенской ружной церкви был поставлен в приделе царевича Димитрия, двери которого были также «за печатми», а ключ хранился у священника «с роспискою»[19]. Часть коробок стояла у теплой церкви и под алтарем. Будучи ружной, эта церковь не имела своих деревень с крестьянами, бобылями и половники, однако в самом городе активно занималась сделками с недвижимостью, что привело к накоплению в ее казне большого количества документов.

О регулярности составления церковными старостами приходных и расходных книг (иногда «по противням»: один для своей церкви, другой – для архиерейской казны) свидетельствует указание на годы, например, у церкви Леонтия Ростовского – с 1682 по 1696[20]. У старосты церкви Николы Гостинного Е. Клишева в наличии оказались комплекты за 20 лет – с 1672 по 1692, у старосты Пятницкой церкви Я.М. Дружкова – денежные и хлебные книги с 1691 по 1697 г.[21] Движение денег и хлеба по ним обобщено в Таблице 3. Впечатляет масштаб денежных доходов данного храма (свыше 400 руб. в год) и размах его земледельческого производства в деревнях, разнообразие зерновых культур и их соотношение. Наибольшей полнотой отличалось собрание приходных и расходных книг старост церкви Ильи Пророка – за 60 с лишним лет, с 1624 по 1647 и с 1657 по 1697! Несмотря на опосредованный характер (ведь перед нами – источники-*упоминания*, реально же известны главным образом приходно-расходные книги устюжских монастырей и земских старост[22]), подобная информация дает более целостную картину социокультурного и хозяйственного облика севернорусских церквей, нежели материалы только писцовых и переписных книг. При перечислении приходных и расходных книг составители описей нередко указывали, «считанные» они (то есть отчитывались ли по ним церковные старосты перед архиереем и его дьяками) или «не считанные». Фиксировались также и записи о регулярной передаче учетных книг от прежних церковных старост к новоизбранным[23]. Деятельность городских церквей, их включенность в вертикальные (государственно-церковные и внутрицерковные) и горизонтальные (со своими прихожанами, другими жителями города и уезда) информационные связи и обусловили активное функционирование их делопроизводства, их системный документооборот[24].

Имея целью тщательную фиксацию всякого движения денежных сумм в церковной практике, переписчики иногда включали в описи ценную дополнительную информацию. Например, при описании церкви во имя Иоанна Устюжского чудотворца приведена вкладная тетрадь, в которую ревнители этого святого *собственноручно* вписывали свои денежные вклады, предназначенные для сооружения медной раки к его гробнице[25]. В опись церкви Симеона Столпника включена винокуренная поварня на улице Ленивице, зафиксированы ее деревянные и медные сосуды, котлы-«седуны», кубы, трубы. Переписчикам не удалось все это взвесить, поскольку упомянутая снасть была установлена «в печных местах, обмазана глиной для бражной перегонки и винного курения и ныне курят»[26]. Если учесть, что старостой данной церкви являлся состоятельный гость Василий Иванович Грудцын, то связь церковного винокурения

с его собственными торговыми интересами вполне очевидна. Под стать такому старосте был и домашний способ хранения церковных средств: «ящичек з денгами за печатью ево, гостя». Интересны сведения и о хлебной торговле церковных старост, хлебных ценах на рынке Устюга при оптовой и розничной продаже. Необычную информацию находим и о деревнях церкви Симеона Столпника. Они находились на противоположной, Дымковой, стороне р. Сухоны, где были отмечены половничьи дворы, населявшие их половники и количество возделываемой ими пашни в окладных единицах – «лошадях» (пашет на двух лошадях, на четырех и т. п.). Упоминаются иногда и другие окладные единицы, практикуемые в крае, – плуги и выти. Становятся очевидными аграрные черты в облике даже такого торгово-ремесленного города, как Устюг, неполнота выделения торгово-ремесленной сферы из земледельческой.

Фискальное назначение переписной книги Устюжской епархии 1697 г. проявилось в том, что тексты «лавочных и амбарных крепостей» сопоставлялись переписчиками с наличными лавками и амбарами данной городской церкви, размерами получаемых за сдачу их в аренду «кортомных денег с лавочных сидельцев» и уплачиваемых с них оброчных денег в государеву казну. У церкви Рождества Христова было проверено 15 крепостей, а реально на этих местах было расположено 17 лавок, отдача которых в аренду приносило 12 руб. дохода в год. Арендная плата с лавки могла составлять 1 руб. в год, а государев оброк с нее – всего 7 алт., что также было выгодно церковной общине[27]. Выполнение государевых указов 1696–1697 гг., очертивших программу описания, привело к созданию многопланового источника в результате совместной ревизии архиерейских чиновников и верхушки церковно-приходских общин.

Отмечалась переписчиками и форма ведения документов – «переписная роспись на *столбце*», «книги приемные и приходные на *полудестевых тетратех*, в двух или трех *тетратех*», «книги тетрадные», «писано на трех малых ерлыках», «писано на *пол-листу* росписки». Интересны замечания о том, что, например, переписная книга такой-то церкви писана только в одной тетради, «а другая тетрадь к ней привязана белая не писанная», «книга писана набело, а без рук», «белая беззаручная тетрать»[28]. Фиксировались итоговые «перечни»: в конце или в начале («в голове», «головной перечень»), «перечни приходу и росходу денгам и хлебу в конце тех книг». Не обходились вниманием незаконченные учетные документы: «две тетрати, а в них зачато писать в одной приход, а в другой росход»[29].

По сравнению с городскими, сельские приходы Устюжского уезда выглядят значительно беднее – описание показало меньшее количество у них денег и наличного хлеба (Таблица 1). Сказыва-

лись более ограниченные источники дополнительных доходов в волостях, в отличие от крупного торгово-ремесленного центра, каким был Устюг, занимавший выгодное положение на Сухоно-Двинском пути. Мизерный денежный бюджет сельских приходов формировался за счет продажи церковью воска, меда, свеч, практиковалось и предоставление денежной подмоги крестьянам, обусловленное «мирской скудостью и непомерным большим правежом в его, великого государя, денежный збор»[30]. Само же описание волостных церквей в 1697 г. также имело явные элементы правежа, поскольку розданные церковью прихожанам деньги и хлеб были доправлены переписчиками с должников. Возвращенные таким образом деньги были в ходе ревизии переданы церковным старостам с запрещением пускать их в какой-либо расход.

Тотемский раздел переписной книги 1697 г. был составлен архимандритом Спасо-Суморина монастыря Ионой и священником Воскресенской церкви Стефаном. В Тотемском уезде ряд приходов необычно называется *улусцами* – Верхоеденгский, Нутренской, Векшенской, Ихалицкий, Чаловский, Маныловский. Территориально они располагались компактно, на правобережье Сухоны. Исходя из явного тюркизма данного термина, попадание его в источники по Тотемскому уезду могло быть обусловлено каким-то наследием ордынской эпохи в этом крае[31].

В Тотемском разделе четко отражена приходская структура наиболее крупных волостей, например Толшемской, в состав которой входило пять приходов (ц. Успения Пресв. Богородицы, ц. Иоанна Предтечи, ц. Николы Чудотворца, ц. Рождества Богородицы и «новопостроенная» ц. Рождества Христова). В большинстве других случаев территории тотемских приходов и волостей полностью совпадали. В этом уезде объем церковного землевладения был много скромнее, чем в Устюжском. В большинстве случаев у городских и сельских церквей отмечены «сенные покосцы и закосцы», «полоски земли», «огородцы», «пашенные полянки», «пески на островках», сдача которых в кортому давала им небольшой годовой доход.

Некоторые волостные церкви Тотемского уезда не являлись приходскими. Например, церковь Благовещения Св. Богородицы на Усть-Толшме располагала небольшой вотчиной (починком Карповским «со всеми угодьи») еще со времен Василия III, а затем Иван IV в 1551 г. подтвердил право попа с братией «черный лес рассекать и пашню пахать и пожни косити по реке по Сухоне до Галицкого рубежа»[32]. Эта вотчина считалась для церкви «в руги место», и доходами от нее питался священник с братией, исправлялись необходимые «церковные потребы» (расходы на приобретение воска, ладана, вина). «Бесприходность» церквей данной волости могла

объясняться редким населением, трудностями и замедленностью внутреннего освоения в XV–XVII вв. Находясь на стыке вологодских и галицко-костромских земель, этот край не раз становился местом набегов казанских татар, что также затрудняло закрепление здесь населения.

Создателями Сольвычегодского раздела были архимандрит Введенского монастыря Иов и священник Преображенской церкви Савва Мефодиев. Здесь интересны свидетельства лучшей сохранности более ранних частных актов, чем в устюжских храмах. Например, в Борисоглебском (городском) приходе Сольвычегодска описание отметило акты начиная с 1608 г.[33] Они хранились в «казенной коробке прошлых давных старост дачи». Кабалы Воскресенской церкви имелись с 1614/15 г., и хранились они в казенной коробке[34]. Определенный доход шел от сдачи в кортому (погодно и понедельно) 20 торговых лавок и трех амбаров на площадке перед храмом, двух земляных подвалов, что давало 30 руб. в год, «и теми, де, денгами строят церкви Божии и покупают всякие церковные потребы»[35].

Церковные приходы Яренского уезда переписывали игумен Николо-Коряжемского монастыря Павел и священник соборной Преображенской церкви Максим при участии поповских старост, а сведения о наличной денежной казне, доходах, долгах, крепостях, хлебных запасах в церковных деревнях и половничьих дворах в них давали церковные старосты. На рискованный характер земледелия здесь указывает упоминание о «зяблых годах», в которые церкви не имели никакого хлебного сбора[36]. Небольшие посевные участки церквей Яренского городка служили им «для препитания», уплаты государственных налогов и выполнения сибирской ямской гоньбы. Важно то, что содержание и Тотемского, и Сольвычегодского, и Яренского разделов книги также показывает добросовестную реализацию на местах программы ревизии церквей, сформулированной указами 1696–1697 гг.

В заключение подчеркнем, что подробная фиксация в исследуемой переписной книге состава церковных архивов XVI–XVII вв., их функционирования, способов хранения, путей пополнения представляет значительный интерес для изучения системы делопроизводства и документооборота на уровне, во-первых, церковного прихода, а во-вторых, архиерейского разряда в рамках обширной Устюжской епархии. Сравнение содержания книги с предшествовавшими ее составлению указами 1696–1697 гг. раскрывает процедуру принятия решения и полноту его исполнения, регламентацию деятельности должностных лиц и ее письменного оформления[37]. Церковная сфера во многом являлась аналогичной государственной

областью порождения документов, масса которых на этапе качественной трансформации корпуса источников российской истории накануне нового времени нарастала, разновидности и механизм их взаимосвязи усложнялись[38]. И это не случайно, поскольку можно говорить о «взаимном уподоблении» Церкви и государства Московской Руси как существенной черте ее традиционного облика. Региональной особенностью же Севера была тесная, органическая переплетенность церковных и общинно-земских институтов. Проанализированная переписная книга позволяет получить новое знание об эволюции видов актовых и учетно-делопроизводственных источников.

Таблица 1. Наличные запасы денег и хлеба[39]

Название церкви	Денег (руб.)	Хлеба («меры» или четверти)				
		рожь	ячмень	овес	пшеница	горох
Прокопьевский собор	565	180	5	111	6	–
ц. Иоанна чудотворца	210	59	6		10	–
ц. Воскресения Христова	28	–	–	–	–	–
ц. Параскевы Пятницы	561	160	90	364	28	2
Сретенский собор	100	–	1,5	3	0,5	–
ц. Вознесения Господня	22	115,5	19	29	1	–
ц. Николы Гостиного	36	23	–	16	–	–
ц. Леонтия Ростовского	40	15	8	20	3	–
ц. Живоначальной Троицы	3	4	–	9	–	–
ц. Покрова Богородицы	6	–	–	–	–	–
ц. Дмитрия Солунского	56	20	5	1	1	–
ц. Петра и Павла	12	67	50		5	–
ц. Ильи Пророка в Кобылье стане	11,5	–	–	–	–	–
ц. Николы Чудотворца в Енанге	21 ал. 2 ден.	27	–	–	–	–
ц. Воскресения Христова в Енанге	1,5	5	–	–	–	–
ц. Рождества Богородицы в Подосиновской вол.	5	–	–	–	–	–

Таблица 2. Акты в составе церковных архивов Устюга в XVII в.

Название церкви	Разновидности актов						
	вкладные, данные, поступные, прикладные	купчие	меновные	кабалы	порядные	записи, отписи, памяти	челобитные и прочие
Прокопьевский собор	1	3	1	34	10	1	–
ц. Иоанна чудотворца	–	–	–	19	3	–	2
ц. Воскресения Христова	2	1	–	7	–	–	2
ц. Параскевы Пятницы	6	1	1	45	8	15	3
ц. Сретенский собор	10	–	1	19	–	1	3
ц. Вознесения Христова	7	2	–	8	–	–	–
ц. Спаса-Преображения	3	1	1	3	–	–	1
ц. Рождества Христова	1	1	–	–	–	–	–
ц. Леонтия Ростовского	6	–	–	6	2	7	3
ц. Петра и Павла	2	2	–	3	–	–	–

Таблица 3. Приход и расход денег и хлеба у ц. Параскевы Пятницы (1690/91–1696/97 гг.)

Год	Деньги (руб.)		Хлеб («меры»)	
	приход	расход	приход	расход
199-й	76	130	928 ржи 650 овса 100 ячменя 10 пшеницы 6 гороха	359 ржи 367 овса 560 ячменя 7 пшеницы 6 гороха
200-й	203	55	181 ржи 173 овса 28 ячменя 2 пшеницы 1 гороха	70 ржи 930 овса 62 ячменя 3 пшеницы 2 гороха
201-й	57	104	87 ржи 58 овса 27 ячменя 4 пшеницы 3 гороха	150 ржи 229 овса 27 ячменя 9 пшеницы 7 гороха
202-й	69	83	85 ржи 58 овса 26 ячменя 4 пшеницы 3 гороха	264 ржи 360 овса 62 ячменя – 19 гороха
203-й	78	126	224 ржи 261 овса 57 ячменя 10 пшеницы 3 гороха	79 ржи 50 овса 26 ячменя 4 пшеницы 3 гороха
204-й	475	56	196 ржи 268 овса 58 ячменя – –	1011 ржи 639 овса 9 ячменя 9 пшеницы 7 гороха
205-й	307	103	155 ржи 299 овса 110 ячменя 13 пшеницы –	564 ржи 190 овса 66 ячменя 2 пшеницы 2 гороха

Примечания

1 РГАДА. Ф. 236. Патриарший дворцовый приказ. Оп. 1. Кн. 76. Если не ошибаемся, то эта книга упоминалась лишь в одном исследовании: *Покровский И.* Русские епархии в XVI–XIX вв., их открытие, состав и пределы. Казань, 1897. Т. 1. С. 369, примеч. 2.

2 Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Т. 1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1890. Т. XII. Разд. Б. № 268. Стб. 1337–1343.

3 *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския Церкви. М., 2007. Стб. 734; *Камкин А.В.* Православная Церковь на севере России. Вологда, 1992. С. 97.

4 Акты Археографической экспедиции. СПб., 1836. Т. IV. № 315. С. 466–467; *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 66–67. Исследователь ошибочно считал этот монастырь великоустюжским, однако адресат грамоты – игумен Иеремия – руководил именно двинским Михайло-Архангельским монастырем, тогда как великоустюжский Михайло-Архангельский монастырь издавна управлялся архимандритами (*Строев П.* Указ. соч. Стб. 740, 823).

5 ПСЗ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 3. № 1613. С. 426.

6 *Булыгин И.А.* Указ. соч. С. 68.

7 РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 76. Л. 4–18.

8 Там же. Л. 42.

9 Там же. Л. 74.

10 По наблюдениям Е.Н. Швейковской, 59,8% выявленных ею сольвычегодских актов за XVI–XVII вв. являлись купчими (*Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 100, табл. 5).

11 Источниковедение истории СССР. 2-е изд. М., 1981. С. 99–101; Источниковедение: Теория, история, метод, источники российской истории / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М., 2004. С. 327–328, 331.

12 *Каштанов С.М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 230.

13 РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 76. Л. 20, 50об., 84об.

14 Там же. Л. 183об.

15 *Каштанов С.М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теор. и метод. проблемы. М., 1969. С. 151, 153.

16 РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 76. Л. 31об.–32, 112, 140об.

17 Там же. Л. 52.

18 *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России... С. 36–37, 60–61 и др.; *Она же.* Традиционизм как тип социально-экономического развития: Русский Север в XVI–XVII вв. // Россия в средние века и новое время: Сб. ст. к 70-летию чл.-корр. РАН Л.В. Милова. М., 1999. С. 165–185.

19 РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 76. Л. 36–38об.

20 Там же. Л. 189.

21 Там же. Л. 43–49.

[22] *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне... Гл. 4.
[23] РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 76. Л. 34об.
[24] *Медушевская О.М.* Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 214, 216, 239, 241.
[25] РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 76. Л. 21об.–23.
[26] Там же. Л. 244.
[27] Там же. Л. 154об., 196.
[28] Там же. Л. 35, 68, 101.
[29] Там же. Л. 107об.
[30] Там же. Л. 248, 252об., 256.
[31] *Черкасова М.С.* Отражение ордынского ига в источниках по истории Вологды и Великого Устюга // Историческое краеведение и архивы. Посвящается 860-летию Москвы, Вологды и Великого Устюга. Вологда, 2007. Вып. 14. С. 3–21.
[32] РГАДА. Ф. 137. Городовые боярские книги. Оп. 1. Устюг № 117. Ч. 2. Л. 311об. Благодарю И.В. Пугача, указавшего мне на эту грамоту и предоставившего ее текст.
[33] РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 76. Л. 906об.
[34] Там же. Л. 904об.
[35] Там же. Л. 913об.
[36] Там же. Л. 1082об.
[37] *Голиков А.Г., Круглова Т.А.* Источниковедение отечественной истории. М., 2007. С. 149.
[38] Источниковедение: Теория, история, метод... С. 325, 330.
[39] Таблицы 1–3 составлены по: РГАДА. Ф. 236. Оп. 1. Кн. 76.

Д.В. Сень

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII в.: ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Рассмотрены актуальные проблемы поиска и изучения источников по истории казачьих сообществ Дона и Северного Кавказа. Кратко проанализированы достигнутые результаты работы в архивах РФ, обозначены направления поиска восточных источников по теме исследования.

Ключевые слова: исторический источник, казачество, Дон, Северный Кавказ, Крымское ханство, Османская империя.

Тематика статьи включена в масштабную проблему «Казачество Дона и Северного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья»[1], относительно недавно сформулированную в казаковедении. Имеющаяся источниковая база позволяет вести соответствующую дискуссию и проводить новые исследования, что не избавляет от необходимости дальнейшей архивной эвристики. Недавно вновь было обращено внимание специалистов на перспективы расширения источниковой базы за счет документов турецких архивов[2]. При этом очевидно, что трудно ожидать находок значимых документальных комплексов по истории донского казачества, например, XVI–XVII вв. в российских архивах. Кроме того, история Дона последней четверти XVII в. остается малоизученной по сравнению с другими периодами столетия. Прорыв в изучении темы невозможен без анализа источников, принципы выявления и использования которых требуют уточнения.

Формируясь с середины XVI в., донское казачество быстро стало раздражающим фактором в отношениях России с Османской империей и Крымским ханством. При этом нам неизвестны случаи массового перехода казаков в подданство к Гиреям или Османам до событий последней четверти XVII в. Рубеж XVII–XVIII вв. – оче-

© Сень Д.В., 2011

редной переломный этап в истории донского казачества, пережившего ранее (1680-е гг.) первую в своей истории братоубийственную, по точному выражению Н.А. Мининкова, войну. Начиная с 1670-х гг. к развитию отношений на новом уровне – неконфронтационных практик общения – оказались готовы и донские казаки, и Крымское ханство, и Османская империя. Ожидаемым итогом процесса стал переход в начале 1690-х гг. части донских казаков-старообрядцев в подданство к крымским ханам. Очевидна связь практик такого рода с вынужденным характером ухода казаков с Дона, с их отношением к этому как к исходу. Знаковый характер исхода, по нашему мнению, подчеркивается составом групп казаков, оказавшихся в конце XVII в. на Кубани – в ногайских владениях крымских ханов[3]. Значительная их часть – старообрядцы, часто именуемые в российской документации «раскольщиками», «ахреянами». Семиотический характер исхода определялся также перенесением аграханскими казаками на Кубань тела авторитетного среди них Досифея[4]. Подчеркнем, что османскому Азову не менее, чем Крыму, принадлежала важная роль в *актуализации* казаками идеи разрыва с Доном по целому ряду качественных оснований.

Итак, в конце XVII в. крымские ханы обрели новых подданных в лице нескольких сот православных славян, главным образом казаков, выходцев с Дона[5]. Часть казаков сразу появилась на Кубани, покинув Дон, часть – пришла на Кубань с Восточного Кавказа (речь о кумских и аграханских казаках, тоже донских по происхождению)[6] после поражения на р. Сунже (сентябрь 1692 г.). Казаки «били челом крымскому хану, чтобы их принял к себе в холопство». После нескольких поездок казаков уже с Кубани в Бахчисарай и рассмотрения казачьих просьб в крымском Диване ситуация с их правовым статусом качественно изменилась. Крымский хан «принял их... с великою любовью и велел им жить... Казыева улусу татаром [т. е. среди Малых ногайцев, в районе междуречья Кубани и Лабы, где они кочевали. – *Д. С.*]. И впред... казаки ожидают к себе приходу на житье з Дону многих казаков»[7]. На рубеже XVII–XVIII вв. казаки Кубани превратились в мощную составляющую вооруженных сил Крымского ханства. Их воинские традиции, пройдя становление на Дону, активно развивались уже в Крымском ханстве. Казачьи сообщества Северного Кавказа (казаков кумских, аграханских и кубанских) прекрасно иллюстрируют мысль Ф. Барта о том, что, меняя идентичность (например, по основаниям подданства), «человек может, делая ровно то же самое, получить гораздо более высокий результат, измеряемый по иной, становящейся в этом случае релевантной шкале»[8]. В 1708 г. сообщество казаков Кубани пополнится еще одной группой вы-

ходцев с Дона, члены которой – участники Булавинского выступления. В истории эти казаки получат имя казаков-некрасовцев. Их появление на Кубани определило новый этап в истории местного казачества, славянства и старообрядчества.

Исследовательскую перспективу определяют, на наш взгляд, следующие задачи:

– изучение связи событий раскола с массовым уходом на Северный Кавказ донских казаков *именно* в конце XVII в.; т. е. выявление изменений в социальном поведении донских казаков, обусловленных их религиозностью и частично конфликтом идентичностей;

– рассмотрение отношений донских казаков с Крымом и Османской империей в контексте не только событий внутрироссийского характера, но и реализации казаками собственных (войсковых, внутригрупповых) интересов; особое внимание необходимо уделить пограничным отношениям Войска Донского и османского Азова, включая историю «замирения/розмирения» сторон, их торговых связей и пр.;

– составление сводной таблицы данных о побегах/уходах донских казаков в Азов и Крым и, напротив, «азовских людей» – на Дон; среди некоторых других указанная проблема впервые формулируется в данной области казаковедения и носит принципиальный характер;

– выявление общего и особенного в отношении различных казачьих групп Дона, Кавказа к мусульманскому присутствию в регионе, индивидуальных и коллективных представлений казаков о тюркско-татарском мире и, наоборот, татар и турок – о казаках;

– определение параметров принятия/непринятия Гиреями и Османами казаков и как союзников в борьбе с Россией, и как своих возможных подданных;

– исследование социальных сетей кубанского казачества (формирующегося на территории Крымского ханства на рубеже XVII–XVIII вв.), казаков Северо-Восточного Кавказа, связанных не только с казаками Войска Донского, но и с представителями других казачьих сообществ России;

– изучение происхождения, религиозной принадлежности, антропонимии, семейно-брачных характеристик казаков, вступивших в подданство к Гиреям, кавказским «владетелям» (шамхал Тарковский и пр.) и связавших с Кавказом свою судьбу навсегда;

– исследование адаптационных практик казаков в процессе освоения «пространства мусульманского мира», их реакций на новые исторические «вызовы»; в частности, речь идет о постепенном «выстраивании» кубанскими казаками войсковой формы организации сообщества, создании стационарных поселений, «встраивае-

мости» казаков в языковую, этническую среду кубанских владений Гиреев и т. п.;

– изучение индивидуальных судеб казаков, включая биографии казачьих лидеров – С. Пахомова, Л. Маноцкого (Маныцкого), П. Мурзенко, И. Некрасова и др.

Решение указанных и других задач невозможно без новых усилий (вслед за архивными разысканиями В.Г. Дружинина, А.П. Пронштейна, Н.А. Мининкова, О.Ю. Куца, Б. Боука, О.Г. Усенко[9]) по расширению источниковой базы истории казачьих сообществ Дона и Северного Кавказа. Важная информация содержится в фундаментальных публикациях документов[10]. Определенная сложность, впрочем, состоит в том, что донское казачество (из «шаровар» которого, собственно говоря, исторически «выросло» казачество Кумы, Аграхани, Кубани) в типологическом отношении можно отнести к тем обществам, для которых письменная форма фиксации событий и самоописания долго оставалась малоактуальной. Сказанное, впрочем, не означает отрицания грамотности в казачьей среде, роли документооборота Войска Донского в истории его отношений с Россией (развивая канал письменной коммуникации, донцы узнавали, каким именно образом Москва представляет себе казаков и казачий Дон, а заодно нередко поправляли свое материальное положение). Речь о другом: значительное число источников создано не в казачьей среде, а порождены «внешней» для казаков российской стороной. В этих документах актуализировались, поддерживались дискурсы, существовавшие в среде российских бюрократов, политиков, военных. Значительная часть авторов таких текстов – сторонние наблюдатели, выступавшие своеобразными «контролерами» государства в отборе информации о казаках. Таким образом, авторов интересовали не все исторические факты, и в текстах проделана «некоторая интеллектуальная работа по определению того, что является “правильным”, что “законным”, и одновременно в них использованы приемы выстраивания легитимности...»[11]. Конечно, вряд ли целесообразно, как метко выразилась С. Черутти, искать «незамутненный» источник, но исследователям стоит внимательно отнестись к характеру навязываемых донским казакам российской стороной форм коммуникации, включая формат и содержание отписок Войска Донского, адресованных в Москву.

Можно впасть в крайность, например, характеризуя донских казаков XVII в. как русских людей без учета полисемантичности термина и специфики его использования на Дону, перенося обозначение указанной идентичности (часто зафиксированной в документах «наблюдающей», «русской» стороны) на коллективные представления донского казачества[12]. Те же отписки Войска, как

другой пример, содержат немало заверений со стороны казаков в верности Москве и при этом – самые частые просьбы помочь Дону боеприпасами, хлебом и т. п. Здесь видна весомая роль *прагматизма* казачьих лидеров, рассчитывавших на получение политических и материальных выгод от выражения столь прозрачных и вместе с тем символических форм подчинения. Отсюда возможен вывод о том, что исконная преданность казаков России, идеям обороны российских границ, защиты веры православной – миф исторический и, что особенно важно, *историографический*, конструкт, зачастую далекий от настроений рядовых казаков. Многочисленные факты сопротивления донских казаков усилению российского присутствия в области «казачьего присуда» даже в последней четверти XVII в. (имеется в виду контекст послеразинского развития Дона[13]) позволяют связать эту рабочую гипотезу с перспективами дальнейшего изучения социальной истории донского казачества.

Российское государство воспринимало донское казачество, Войско Донское, в первую очередь, как макрообъединение (Москва, конечно, различала казаков «нижних и верхних юртов», но это – отдельный разговор). Между тем в «реальности» это были «старые» и «новые» казаки, представители формировавшихся кланов, казаки верховые и низовые, тумы (потомки смешанных браков), изгои, нарушители войскового права – все те, об отношениях которых друг с другом даже на уровне горизонтальных казачьих связей по-прежнему известно поразительно мало. По аналогии с мыслью А.Я. Гуревича, то были самые широкие слои людей, оттесненных по ряду причин «от книги и письменной фиксации своих идей, побуждений и чувств»[14]. Как раз микрососообщества донских казаков проще смотрели на проблемы пересечения культурных границ, общения в пограничье Дикого Поля с другими группами и их представителями. Именно они, по аналогии с мыслью И. Андреева, осваивая Поле, охотно оглядывались по «сторонам»; для них, собственно говоря, и «сторон» не было: «все – настоящее, все впрессовано в сейчас происходящее, в неразорванное единое время»[15].

Тумы вполне могли актуализировать переход казаками «границы миров», участвуя в развитии неконфронтационного общения казаков с Азовом, Крымом. Имеются сведения, что Савелий Пахомов – лидер «старых» кубанских казаков – как раз был тумой и «прежде сего [до 1694 г. – *Д. С.*] живал в городке на устье Хопра»[16]. Ряд имен можно продолжить – еще одного крупного предводителя донских казаков, ушедших на Кавказ, Л. Маноцкого, донцы именуют в песнях тумой[17]. Очевидно, что горизонтальные связи / социальные сети имели важное значение в жизни этих микрососообществ, составлявших вместе такой феномен истории, как донское

казачество. Вероятно, значение горизонтальных (внутригрупповых, межгрупповых) связей на разных этапах могло быть бóльшим, нежели давление вертикальных связей, определявшихся отношениями господства/подчинения Москвы и Дона. Перспективной задачей остается изучение социальной истории донского казачества на микроуровне, в том числе раскрытие отношений между казаками в связи со взаимодействием их разных социальных структур. Можно согласиться с мнением, что изучение истории донского казачества XVI–XVII вв. в контексте микроистории, новой биографики, интеллектуальной истории по существу не проводилось[18].

В изучении этих проблем первостепенна роль архивной эвристики – систематического поиска документов в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ), Российском государственном архиве военно-морского флота (РГА ВМФ), Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН.

Сплошному просмотру должны быть подвергнуты материалы Ф. 111 «Донские дела» (РГАДА). Несмотря на относительную разработанность указанного фонда, находки возможны. Так, из дела № 12 следует, что 23 октября 1709 г. неподалеку от Царицына был убит кубанский казак, при котором нашли письмо от «воровского» кубанского атамана С. Пахомова с печатью, «грамотки» на Дон в казачьи городки и «татарское письмо»[19]. При изучении документов, копии которых отправили в Посольский приказ, оказалось, что российской стороне достались образцы уникальной переписки кубанских казаков (иные частные письма казаков Кубани неизвестны), актовый материал: грамота кубанских казаков, вероятно, адресованная Девлет-Гирею II, и редчайшая иммунитетная грамота того же крымского хана, выданная кубанским казакам[20]. Последние документы имеют принципиальное значение для развития дискуссии о времени складывания у кубанских казаков войсковой формы организации и причинах последовательной поддержки ханами своих новых подданных – казаков-христиан. В целях оптимизации поисков, вероятно, можно обратиться к материалам Издательского отдела ЛОИИ (Ф. 276, Архив СПб ИИ РАН), в частности к неизданным томам «Донских дел», относящихся к последней трети XVII – началу XVIII в.[21] В РГАДА поиски могут вестись не только в хорошо известных по своим «донским следам» фондах (Ф. 89. Турецкие дела; Ф. 127. Ногайские дела; Ф. 123. Крымские дела), но и в Ф. 119 (Калмыцкие дела), поскольку калмыки состояли в тесных связях с Доном, привлекались Россией к участию во многих операциях, имеющих отношение к истории казачьих сообществ региона. Так, в «Деле о присланных из Саратова от калмыцкого тайши плен-

ных...»[22] содержатся редкие сведения о первых годах пребывания казаков на Кубани в конце XVII в., их отношениях с ханом, об организации войсковой жизни, «старообрядческом следе» в истории указанного сообщества и т. п. Другое дело того же фонда[23] содержит неизвестные по другим источникам сведения о заключительном этапе борьбы царизма с донскими старообрядцами в конце 1680-х гг., что и привело к появлению постоянного казачьего населения на Кавказе, в том числе на Кубани.

Слабо разработаны специалистами-казаковедами фонды РГАДА: Приказные дела старых лет (Ф. 141), Приказные дела новых лет (Ф. 158), Приказные дела новой разборки (Ф. 159), в которых хранятся материалы делопроизводства, содержащие информацию о событиях церковного раскола на Дону, судьбах казаков-старообрядцев, осужденных на высылку в остроги, расспросные речи вышедших с Кубани пленных со сведениями о кубанских казаках, некоторых обстоятельствах ухода казаков с Дона на Восточный Кавказ и т. п.[24] Изучение фонда Разрядного приказа (Ф. 210) также окажет помощь в изучении освоения казаками Северо-Западного Кавказа в конце XVII в., их адаптации и участия в акциях против России. Конечно, речь идет о материалах далеко не всех столов. Наиболее ценные документы обнаружены в столбцах Белгородского стола. Работа по вводу в оборот новых источников существенно облегчается при обращении к соответствующим книгам «Описания документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции», с помощью которого можно быстро отследить «свою» тему[25]. Например, столбец № 1406 Белгородского стола (показания казаков-«ахреян», присланных в Белгород из Изюмского полка) содержит важные, местами исключительно подробные сведения о кубанских казаках конца XVII в., включая данные об антропонимии, происхождении, географии набегов казаков, их отношениях с османским Азовом, азовским Кубек-агой, определенным «надзирать» за ними, и, что немаловажно, о деталях воинского быта. Несмотря на навязанную казакам форму коммуникации (расспросные речи выступают как результат «вспрашивания» на допросе), их информативность высока, а рассказ членов казачьего сообщества – источник ценный и во многом достоверный.

Десятки дел по истории казачьих сообществ Кавказа конца XVII – начала XVIII в. содержит Ф. 178 (Астраханская приказная палата) Архива СПб ИИ РАН. Астраханским воеводам надлежало собирать информацию не только о землях Прикаспия, но контактировать с Войском Донским, царской администрацией на Тереке и т. п. Указанные документы отражают не только события из жизни казачьих сообществ Кумы и Аграхани, но дают новый материал о

переселении казаков на Кубань (до 1708 г.), их религиозной жизни, воинском быте, отношениях с Крымом, кавказскими «владетелями» – Тарковским шамхалом, эндереевскими (дагестанскими) мурзами и т. д. Публикация «астраханских» документов была начата еще до революции, продолжена затем Е.Н. Кушевой и Н.Г. Волковой[26], идет и сегодня. Перед нами, как правило, делопроизводственная документация ведомства астраханского воеводы: его переписка с Москвой (отпуски исходящей документации), с терским, черноярским воеводами (исходящая и входящая документация), отписки воеводе от разных служилых людей. Некоторые документы ветхие, тексты угасающие. Документы этого фонда позволили сделать ряд принципиальных выводов о характере и особенностях жизни казаков кумских, аграханских и кубанских, уверенно «вторгшихся» на рубеже XVII–XVIII вв. в местную политическую и социальную среду. Эти документы донесли информацию о контактах казаков с крымскими ханами, с самого начала занявшими лояльную позицию по отношению к просьбам этих «нечаянно приключившихся» беглецов. Поездка казачьей «депутации» с Кубани в Бахчисарай оказалась успешной: правовой статус казаков изменился принципиально. В результате рассмотрения казачьей челобитной о принятии в «холопство», «крымской хан принял их [казаков. – *Д. С.*]... с великою любовью и велел им жить... казыева улусу татаром», т. е. среди Малых ногайцев[27]. Считаем, что прорыв в изучении казачьих сообществ Кумы, Аграхани и Кубани[28] оказался возможным именно благодаря результатам архивной эвристики, изучения фонда 178 Архива СПб ИИ РАН. Отметим, что его документы практически не использовались при изучении ранней истории некрасовских казаков[29]. Так, согласно еще не переведенным на русский язык данным шведских дипломатов, уже в 1711 г. Некрасов находился в тесных сношениях не только с ханом Девлет-Гиреем II, но и со шведским послом в Крыму[30].

При изучении темы имеет смысл обратиться к научному наследию ученых, занимавшихся историей казачества либо смежными проблемами. Так, Ф. 99 (П.Г. Буткова) Санкт-Петербургского филиала архива РАН (ПФА РАН) содержит отдельные документы, относящиеся к ранней истории казаков на Куме и Аграхани, которая стала активно изучаться только в последние годы. Сам П.Г. Бутков писал, что из бумаг о казаках можно почерпнуть «любопытные сведения», никогда ранее не печатавшиеся[31]. В частности, нам удалось найти название городка казаков на р. Аграхань – Арвачев, нигде более не зафиксированное[32].

Обращение ученых к фондам региональных архивов также необходимо. Впрочем, вряд ли стоит ожидать особых успехов от поисков

в Государственном архиве Ростовской области: архив Войска Донского горел и переживал утраты неоднократно в XVI–XVII вв. Позитивен опыт Б. Боука, обнаружившего несколько ценных документов по истории отношений первых кубанских казаков с ногайцами в фондах Государственного архива Воронежской области (ГАВО)[33]. Недавно О.В. Андрющенко обратила внимание еще на некоторые документы того же фонда И-5 (Азовская приказная изба) ГАВО, содержащие информацию о первых казаках Кубани: их занятиях, расселении и пр.[34] Чрезвычайно важно, учитывая дискуссию об обстоятельствах основания первого казачьего городка, архивное свидетельство о том, что «воровские люди казаки охреяне живут в кубанском городке вместе с татарами, а другие татары рядом с ними в остроге и они все заодно»[35].

Перед учеными в числе прочих стоит проблема *научной организации* поиска источников по истории казачества Дона и Северного Кавказа. Особое внимание стоит обратить на системность и взаимосвязанность процессов, вызвавших массовый исход донских казаков в конце XVII в., их появление на Кавказе и в итоге – концентрацию разных групп казаков на Кубани. При этом необходимо отказаться от мнения, что анализ документов лишь определенных фондообразователей (Посольского приказа и пр.) способен дать весомый результат. Конечно, «рамочные» маркеры архивных поисков определить необходимо, что, впрочем, не требует особых усилий. Напротив, знакомство историка с *контекстом* проблемы, владение информацией о других возможных каналах фиксации события (исходя из состава участников, географии случившегося и тому подобных «малозначимых» деталей) сулит новые открытия. Примерно о том же пишет Н.А. Мининков, указывая, что для получения возможно более полной картины жизни донского казачества необходимо сопоставление информации из разных источников, «а иногда для исследования исторического фона... требуется привлечение источников, прямо не сообщавших о казаках или не называвших их, но дающих общее представление о том времени и о том регионе, где проживали и действовали донцы»[36]. Тема истории казачества *за пределами России* перестает быть маргинальной при изучении не только донского казачества, но и истории Крымского ханства, пограничных владений Османской империи, истории христианства и славянства на территории указанных государств и пр.

Теми же принципами можно руководствоваться, изучая казачество Дона, Крымского ханства, свидетельства о котором сохранились не только в российских архивах. Здесь обозначим еще одну проблему – поиск и ввод в научный оборот восточных источников по истории казачества, связанную с предметной областью архи-

вного востоковедения[37]. Отметим, что украинская османистика развивается не в последнюю очередь благодаря расширению соответствующей источниковой базы и, что немаловажно, в контексте истории отношений запорожского казачества с Крымом и Османской империей[38]. Казаки запорожские, как и донские, были хорошо известны туркам-османам, их история прослеживается по османским документам XVI–XVII вв. Зарубежные ученые успешно используют возможности архивохранилищ Турции при изучении запорожского казачества[39], «появляющегося» на страницах письменных источников, как и казаки Дона, в XVI в. К слову сказать, тема казачества получает свое развитие в новейшей турецкой историографии[40]. Отрадно, что российские специалисты все чаще обращаются к документам турецких архивов при изучении истории Северного Причерноморья, Кавказа и других регионов[41].

Есть основания полагать, что история донского казачества, казачьих сообществ Кавказа отразилась в переписке Бахчисарая со Стамбулом, Османов с русскими царями и, что особенно важно, в делопроизводстве администрации османских крепостей Причерноморья, включая переписку азовского санджакбея. Документацию азовского делопроизводства на османско-турецком языке уверенно можно отнести к важному «резерву источников» по истории донского казачества[42]. Еще в 2000 г. Б. Боук, изучавший отношения донских казаков с османским Азовом, писал: «Хотя исследователи отдают явное предпочтение тем явлениям экономики, которые были связаны с Русью..., при скудности источников все же есть основания считать, что торговля с Азовом и Кубанью была обычным явлением... Пока документы из Османских архивов не будут привлечены к рассмотрению этого вопроса, нельзя делать преждевременные выводы»[43]. Об изысканиях в архивах Турции необходимо говорить еще потому, что архив Крымского ханства почти полностью утрачен. Его богатым собраниям не повезло в ходе русско-турецкой войны 1735–1739 гг., когда Бахчисарай был сожжен русскими войсками, в результате чего серьезно пострадал и архив. Документы центральных и региональных архивов России зачастую не отражают событий, происходивших в одной и той же системе географических координат (например, на Северном Кавказе), но имевших отношение к истории разных государств. Такие события документировались различными фондообразователями. Нельзя не отметить, что российские архивы не в состоянии объективно восполнить такие лакуны еще и потому, что государства иногда замораживали дипломатические отношения. Случалось такое в истории отношений России и Османской империи конца XVI–XVII в.

Не менее важны восточные источники в изучении Кубани как части Крымского ханства, а Дона как части Дикого Поля и донского фронтира. В таких условиях важное значение имеют документы из фондов двух крупных турецких архивов – Başbakanlık Osmanlı Arşivi (BOA) и Topkapı Sarayı Müzesi Arşivi (оба – в г. Стамбуле). В первом из них сохранились сотни документов по истории отношений Крымского ханства с Османской империей, включая богатое делопроизводство султанской канцелярии, личную переписку Гиреев с Османами, правительственные постановления и тому подобную документацию[44]. Отметим значение для исследователей казачества (тюркского, запорожского, донского), русско-турецких войн, политической истории Крымского ханства, отношений Османской империи с Крымом и Россией таких коллекций BOA, как «Мюхимме дефтерлери» («Реестры особой важности») и «Наме-и хумайюн дефтерлери». Документы первой коллекции частично изданы[45], причем на высоком уровне – факсимильное воспроизведение текста, транслитерация, подробные указатели. Примечательно, что составители одного из выпусков «Мюхимме дефтерлери» выделили именно донских казаков, хорошо известных туркам-османам[46]. В другом выпуске находим уникальное свидетельство о М. Черкашенине – одном из самых известных казачьих атаманов[47]. Считаем, что по мере дальнейшей разработки фондов российских архивохранилищ значение восточных источников будет возрастать.

Примечания

1 Акценты сделаны здесь на неконфронтационных отношениях казаков с Крымом и Османской империей: *Сень Д.В.* Крымское ханство и казачество в последней четверти XVII – начале XVIII века: отношения в контексте международной политики (на примере донских и запорожских казаков) // 350-lecie unii hadziackiej (1658–2008). Warszawa, 2008. S. 531–550; *Он же.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов н/Д, 2009.

2 История донского казачества: Учеб. для студ. / Отв. ред. А.В. Венков. 2-е изд. Ростов н/Д, 2010. С. 11.

3 *Сень Д.В.* Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа... С. 169–203.

4 *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. С. 211–212.

5 Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12366, 12449, 12450, 12348 и др. (далее – АСПбИИ РАН).

6 *Сень Д.В.* «Нам тут на реке Аграхани жить не тесно...»: из истории начального этапа освоения донским казачеством Северного Кавказа в конце XVII в. – начале XVIII в. // Кавказский сборник. М., 2008. Т. 5(37).

[7] АСПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348. Л. 1.

[8] *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. М., 2006. С. 30.

[9] *Боук Б.М.* К истории Первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4; *Он же*. Фронтир или пограничье? Роль зыбких границ в истории донского казачества // Социальная организация и обычное право: Материалы науч. конф. Краснодар, 2001; *Дружинин В.Г.* Указ. соч.; *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб., 2009; *Мининков Н.А.* Донское казачество в эпоху позднего Средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д, 1998; *Пронштейн А.П.* Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д, 1961; *Усенко О.Г.* Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков. Тверь, 2000. Вып. 2.

[10] Акты исторические. СПб., 1842; Дополнения к актам историческим, собранныя и изданныя Археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т. 12; Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Новочеркасск, 1891. Т. 1.

[11] *Черутти С.* Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2006. С. 364.

[12] Выстраивая научный диалог, необходимо учитывать рациональное зерно рассуждений о роли «русских сходцев» в формировании донского казачества, семейных связей донцов с южными территориями Российского государства, что накладывало отпечаток на представления казаков о своей «русскости»: *Куц О.Ю.* Указ. соч. С. 406–407.

[13] Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. М., 1962. Т. 3. С. 145–149, 350–353 и др.

[14] *Гуревич А.Я.* Социальная история и историческая наука // Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М., 2005. С. 319.

[15] *Андреев И.* Алексей Михайлович. М., 2003. С. 216.

[16] РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стлб. 1406. Л. 177.

[17] *Мининков Н.А.* Указ. соч. С. 442.

[18] История донского казачества... С. 11.

[19] РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1709 г. Д. 12. Л. 2–4об.

[20] *Боук Б.М.* К истории Первого Кубанского... С. 35–36; *Сень Д.В.* «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002. С. 58–59.

[21] АСПбИИ РАН. Ф. 276. Д. 3, 4, 5.

[22] РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 9. Л. 3–8.

[23] РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1689 г. Д. 2.

[24] РГАДА. Ф. 141. Оп. 6. 1688 г. Д. 221, 328; Ф. 158. Оп. 1. 1702 г. Д. 142; Ф. 159. Оп. 1. 1688 г. Д. 1484; Там же. Оп. 2. Ч. 2. Д. 3467, 3598, 3599.

[25] Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве министерства юстиции. М., 1901. Кн. 12; 1903. Кн. 13; 1905. Кн. 14.

[26] Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в.: Сб. док. М., 1997.

[27] АСПбИИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 12348. Л. 1.

[28] *Сень Д.В.* «Нам тут на реке Аграхани жить не тесно...»...; *Он же*. Новые источники по истории казачества на Северном Кавказе конца XVII века // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 2; *Он же*. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа... С. 138–203.

[29] История некрасовских казаков требует отдельного изучения; цель упоминания отдельных групп источников – указать на возможности архивного поиска.

[30] *Возгрин В.Е.* Материалы по шведско-крымским отношениям в XVI–XVIII вв. в Архиве ЛОИИ СССР АН СССР // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Вып. 9. С. 328.

[31] Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 99. Оп. 2. Д. 8. Л. 87 (далее – ПФА РАН).

[32] Там же. Л. 106.

[33] *Боук Б.М.* К истории Первого Кубанского казачьего войска ... С. 34–35.

[34] *Андрющенко О.В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008. С. 183, 260.

[35] Там же. С. 260.

[36] *Мининков Н.А.* Указ. соч. С. 44.

[37] Архивное востоковедение: Тез. междунар. науч. конф. (г. Москва, 23–25 июня 2008 г.). М., 2008.

[38] *Остапчук В.* Проблеми і перспективи української османістики // Український археографічний щорічник. Нов. сер. Київ, 1992. Вип. 1; *Галенко О.* Коментар: Про османську титулатуру українських гетьманів // Східний світ. 1997. № 1–2; *Туранли Ф.* Османський документ про дипломатичну діяльність гетьмана Петра Дорошенка // Український археографічний щорічник. Нов. сер. Київ, 2001. Вип. 5–6; *Он же.* Архівній документ султана Ібрагіма про становище козаків та грошову реформу 40-х років XVII століття // Український археографічний щорічник. Нов. сер. Київ; Нью-Йорк, 2004. Вип. 8/9; *Федорук Я.О.* Туреччина та її васали у відносинах з Богданом Хмельницьким у 1654 р.: Автореф. дис... канд. іст. наук. Київ, 1996.

[39] *Лемерсье-Келькеже Ш.* Литовский кондотьер XVI в. князь Дмитрий Вишневецкий и образование Запорожской Сечи по данным оттоманских архивов // La Russie et l'Europe XVI-e – XX-e siécles. Франко-русские экономические связи. М.; Париж, 1970; Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par A. Bennigsen, Pertev Naili Boratov, Dilek Desaive, Chantal Lemercier-Quelquejay. Paris, 1978; *Ostapchuk V.* Five documents from The Topkapı Palace Archive on the Ottoman defense of the Black Sea against the Cossacks (1639) // Journal of Turkish Studies. 1987. Vol. 11.

[40] *Öztürk Y.* Özü̈den Tuna̍ya. Kazaklar-1. Istanbul, 2004.

[41] Документы по истории Волго-Уральского региона XVI–XIX веков из древлехранилищ Турции: Сб. док. Казань, 2008; История адыгов в документах Османского государственного архива. Нальчик, 2009; *Васильев А.Д.* Взаимоотношения

Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; *Курникова О.М.* Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI–XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

42 *Мустакимов И., Трепавлов В.* Новые османские документы по истории Большой Ногайской Орды // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2009. № 2; *Мустакимов И.А., Сень Д.В.* Три османских документа XVI в. о ранней истории донских казаков // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ (в печати).

43 *Боук Б.* Фронтир или пограничье... С. 152.

44 Başbakanlık Osmanlı Arşivi Rehberi. Ikinci baski. Istanbul, 2000. S. 43, 44, 179, 282, 305, 288.

45 83 Numarali Mühımme Defteri (1036–1037/1626–1628): Özet-transkrıpsıyon-ındex ve tıpkıbasım. Ankara, 2001; 85 Numarali Mühımme Defteri (1040–1041(1042)/1630–1631(1632): Özet-transkrıpsıyon-ındex ve tıpkıbasım. Ankara, 2002.

46 85 Numarali Mühımme Defteri... S. XXXV–XXXVI.

47 5 Numaralı Mühimme Defteri (973/1565–1566). Tıpkıbasım. Ankara, 1994. S. 190, Hüküm 466.

Г.А. Алпыспаева

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СТОЛИЦЫ КАЗАХСТАНА АСТАНЫ

Источники по истории Астаны разделены на три группы: письменные сведения русских авторов XVII–XIX вв., статистические обзоры и описания городов, уездов и областей, документальные архивные материалы. Анализ источниковой базы проблемы позволяет охарактеризовать основные этапы становления и развития города.

Ключевые слова: город, источниковедение, статистические обзоры, письменные источники, архивные документы, описания.

Огромный интерес к истории Астаны обусловлен динамичным развитием города в качестве столицы суверенного Казахстана. В последние годы активизировались археологические исследования средневековой урбанизации Центрального Казахстана. Начатые с конца 90-х гг. XX в. К.А. Акишевым археологические изыскания городища Бозок, расположенного в черте современной столицы Казахстана, значительно изменили представления об истоках формирования города[1]. Зарождение древней цивилизации Сары-Арки относят к эпохе бронзы, когда через нее проходили степные участки Великого шелкового пути. Научное освещение становления и развития столицы Казахстана в период новой и новейшей истории требует изучения различных письменных источников и зависит от степени разработанности источниковой базы исследования.

Многочисленные письменные источники по истории Астаны условно можно разделить на несколько групп. Первую группу составляют сведения об истории края, содержащиеся в трудах русских авторов XVII–XIX вв. Самые ранние сообщения появляются в описаниях древних городов Сары-Арки и Дешт-и-Кипчака, среди

© Алпыспаева Г.А., 2011

которых сохранилось описание древнего города Батыгай, расположенного на р. Нура, недалеко от современной столицы Казахстана. В тексте впервые это наименование появляется в конце XVII в., когда русские послы Ф. Скибин и М. Трошин, путешествующие к казахскому хану Тауке, нанесли на карту «Казачья орда» место нахождения города и описали его внешний вид и значение как торгового пункта[2].

В XVIII в. начинается изучение Казахстана в рамках русских экспедиций. В материалах экспедиций, как правило, содержались не только геологические и географические сведения, но и исторические заметки, наблюдения над образом жизни и поведением коренного населения казахской степи. Среди таких исследований книга «Сочинение коллежского советника Имперской академии наук Петра Рычкова» (СПб., 1762). В ней также есть описание городища Батыгай, который, по свидетельству автора, после смерти Тауке-хана постепенно пришел в упадок[3].

Замечательным изданием, содержащим сведения по истории края, были «Дневные записки путешествия в степи киргиз-кайсаков Средней орды» начала XIX в. Ивана Шангина[4]. Натуралист-исследователь И.П. Шангин (1783–1822) был участником и руководителем крупной военно-научной экспедиции в Приишимские степи, организованной летом 1816 г. администрацией Сибирской пограничной линии для обследования месторождений полезных ископаемых. Омская крепость, являвшаяся административным центром Сибирской пограничной линии, была одним из центров изучения степей Приишимья. Здесь накапливались сведения по истории, этнографии, о природных условиях края, составлялись географические карты. Но они были отрывочны и скудны, а самое главное, лишены научной достоверности.

В XIX в. интерес правительства России к природным богатствам Казахстана возрос. Вопросы хозяйственного освоения края требовали проведения серьезных географо-геологических, картографических исследований края специалистами. И.П. Шангин, имевший образование геолога и, самое главное, опыт службы на горно-металлургических заводах Алтая, неоднократно участвовал в поисковых экспедициях на Алтай и в Сибирь.

Экспедиция в составе трех отрядов, в том числе отряд Шангина, выступивший из крепости св. Петра, преодолела путь через Ишим в район гор Улутау и озера Кургальджино, обследовала верховья рек Нуры и Шерубай-Нуры. Шангин вел метеорологические наблюдения, подробно записывал точные данные и сводил их в таблицы. Его материалы позволяют изучить климатологию Приишимских степей. Он подробно описал рельеф местности, реки, озера, почвы,

растительный покров. «Дневные записки путешествия...» содержат приложения в виде атласа, карт, чертежей, рисунков, что существенно дополняет сведения о казахском крае. Исследователь фиксировал местную топонимику, записал легенды и предания, услышанные им из рассказов местного населения, а также собственные впечатления и размышления, возникавшие по свежим следам событий.

Вторую группу источников составляют официальные и неофициальные статистические обзоры – описания городов, уездов, областей. Такие описания появляются со второй половины XIX в. Полнота сведений, содержащихся в них, во многом определялась уровнем грамотности составителей. Как правило, это были российские чиновники, канцелярские служители. Среди них встречалось немало опытных, знающих и образованных людей своего времени.

Первое статистическое описание «окружного города Акмолы Области Сибирских киргизов», было составлено в 1864 г. коллежским секретарем Омского областного правления Уфинцовым по поручению военного губернатора Фридрихса[5]. Оно содержит характеристику природных условий, влиявших на развитие города (рельеф, водные источники, температурные режимы и пр.), административного устройства города, его планировку. Автор подробно описал наружное состояние города, дал сведения о развитии образования, торговли. Примечательно, что описание сопровождалось анализом причин, препятствующих или способствующих торговле. Наиболее ценными являются сведения о численности населения города, а также его половом, национальном, сословном составе.

В числе первых публикаций, посвященных дореволюционной Астане, была статья об Акмолинске, содержавшая статистические данные, а также географическое и топографическое описание города[6].

Богатейшей источниковой базой являются материалы обзоров областей Российской империи – «приложения к всеподданнейшим отчетам» (к губернаторским отчетам. – *Г. А.*). Они составлялись ежегодно по определенным формам, установленным с конца 60-х гг. XIX в. В основу их ложились сведения областной административной статистики, той ее части, которая представляет собой текущие сведения. Отмечено, что при всех недостатках «административная статистика окупается тем преимуществом, что при абсолютной однородности данных, одними и теми же органами по одним и тем же таблицам и формам получается возможность их обобщения»[7].

Появляются такие сведения и по Акмолинску, так как Акмолинское поселение, возведенное Указом Сената в ранг города в 1862 г., становится административным центром одноименного уезда. В результате административно-территориальных реформ 60-х гг. XIX в. в Казахском крае было выделено шесть областей: Семиреченская,

Сыр-Дарьинская, Тургайская, Уральская, Семипалатинская и Акмолинская. Последняя, учрежденная на основе «Временного Положения» от 21 октября 1868 г., территориально была самой крупной. Акмолинск формально имел статус областного города, но областным административным центром фактическим оставался Омск. В 1883–1917 гг. издавались «Обзоры Акмолинской области».

Богатую информацию для изучения истории края содержит издание Акмолинского статистического комитета «Памятная книжка. Адрес-календарь Акмолинской области на 1909 год»[8]. Помимо общего географического, топографического описания области в издании впервые рассмотрены факторы и обстоятельства изменения демографической картины, соотношение кочевого и оседлого населения, региональные особенности развития города. Относительно новыми были сведения о деятельности почтово-телеграфных, кредитных, сберегательных учреждений, различных общественных организаций и попечительских обществ, о численности населения города, соотношении полового состава населения. Была сделана попытка сравнения идентичных показателей с европейскими, азиатскими странами.

Безусловный интерес представляют материалы по киргизскому землепользованию, собранные в течение нескольких лет и разработанные экспедицией Ф.А. Щербины, исследовавшей степные казахские области в конце XIX – начале XX в. В составлении описания кроме Ф.А. Щербины участвовали также В.А. Владимирский, Н.Ф. Дмитриев, Л.К. Чермак, Е. Добровольский[9]. В материалах нашла отражение история заселения этой территории тюркскими и монгольскими племенами со II в. до н. э. и крестьянами-переселенцами в XIX в. Авторы сделали историко-географический анализ расселения племен и маршруты их хозяйственных миграций.

Среди исследований начала XX в. представляет интерес «Акмолинск в прошлом и настоящем. Описание Акмолинска», составленное Л.Ф. Семёновым, основателем первого краеведческого музея в Акмолинске. Семёнов состоял членом Акмолинского губернского общества по изучению местного края[10]. Под его руководством было проведено археологическое обследование бывшего Акмолинского уезда и собраны интересные материалы по истории города.

Описание Акмолинска было сделано Семёновым в 1929 г. по заданию Акмолинского отделения общества изучения Казахстана. Со слов автора, пособиями к составлению очерка служили материалы Акмолинского музея, отчеты городского совета 1927–1928 гг. и данные учреждений и общественных организаций города. И хотя автор во вводной части к исследованию признавал, что сведения, представленные им, «недостаточно полны и обработаны и

могут служить лишь материалом к ознакомлению с городом и его прошлым и настоящим», тем не менее они подробно характеризуют историю города[11].

В описании упоминаются многочисленные курганы, могильники, каменные ящики, каменные бабы, рисунки на скалах: «писанины» в Асан-Кайгинском районе, «Тамгалы тас» в бывшем Атбасарском уезде. Описанные автором находки из камня (топорик и наконечники стрел), бронзы (наконечники стрел, керейское зеркало, татарский божок XIV в. – датировка профессора Городцовой), изделия из железа (наконечники стрел, стремена, сабли и т. п.) дают представление о многовековой истории края. Семёнов охарактеризовал развалины древних городов: Татагай на р. Нура «положением верстах на 10», развалины Джуман-ана на Кенгире-реке, остатки могил Алача-хана, его сподвижника Домбулака, сложенные из каленого кирпича с облицовкой глазурованными кирпичиками. Краевед отмечал, что по заключению сотрудников ГАИМК, они «представляют собой полную новость» (отношение Академии на имя музея от 5 сентября 1927 г.)[12].

Л.Ф. Семёнов – автор еще нескольких отпечатанных на машинке и хранившихся в городском музее трудов по истории города и края: «Материалы к революционному прошлому города с 1882 по 1924 гг.», «Материалы к летописи Акмолинска за 100 лет (1824–1924 гг.)», «Акмолинск прежде и теперь» (очерк с 12 фото, планом города и крепости 1880 г.), «Казаки бывшего Акмолинского уезда» с 10 фото, «Краткое описание курганов Акмолинского округа» с 13 фото[13].

Для фундаментального научного исследования истории столицы Казахстана непревзойденное значение имеют источники законодательные, делопроизводственные и личного происхождения, составляющие третью группу. Именно в них отразилась многофункциональная природа города, духовный мир и особенности менталитета его населения. Документы Центрального Государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК), Государственного архива Омской области РФ (ГАОО РФ), Государственных архивов Акмолинской области (ГААО) и г. Астаны (ГАГА), Государственного архива Северо-Казахстанской области (ГАСКО) позволяют объективно изучить историю города со времени основания крепости и до настоящих дней.

Военное укрепление Акмола было основано в 30-х гг. XIX в. на высоком правом берегу р. Ишим в качестве административного центра Акмолинского внешнего округа «Области сибирских киргизов» (казахов. – *Г. А.*). Документы ЦГА РК (Ф. 338), а это различные рапорты, донесения и ведомости, подписанные начальником

Акмолинского военного отряда подполковником Ф.К. Шубиным, документы окружного приказа, предписания генерал-губернатора Западной Сибири и Омского областного начальника и служебная переписка содержат ценные сведения об обстоятельствах учреждения окружного приказа, открытия округа и возникновения поселения. Они характеризуют обстановку в казахской степи в первой половине XIX в., отношение казахского населения к политике властей, показывают ту огромную работу, которую проделала экспедиция Ф.К. Шубина для подготовки условий строительства Акмолинского поселения.

Источники характеризуют и другую сторону деятельности отряда Шубина, заключавшуюся в привлечении на сторону царской администрации казахской аристократии в лице султанов и биев. К этому времени казахское общество уже испытало последствия кризиса, вызванного хозяйственными и политическим ограничениями, а потому отношение большей части коренного населения к вновь вводимой системе было неоднозначным. Документы (Ф. 338, 744) рассказывают о приведении к присяге Шубиным на верность российскому престолу мятежного султана Саржана Касымова, брата легендарного Кенесары Касымова, который с 1824 г. вел борьбу против вводимых новых порядков в степи. Они освещают ход событий восстания Кенесары Касымова в пределах Акмолинского округа и роль администрации Акмолинского приказа в подавлении восстания. Сохранились сведения об осаде отрядами Кенесары Акмолинской крепости в мае 1838 г., донесения коменданта крепости Чирикова о нанесенном восставшими ущербе, оцененном в 38,1 тыс. рублей[14].

В документах встречаются уникальные сведения. Так, из донесения окружного приказа Омскому областному начальнику от 31 мая 1833 г. следует, что первыми строителями Акмолинской крепости были солдаты второго линейного батальона 29-й пехотной дивизии, а не казаки, как это считалось ранее[15]. Часть этих солдат распоряжением командования обосновалась в Акмолинском укреплении.

Не меньший интерес для исследователей истории города представляют годовые отчеты о строительных и ремонтных работах, материалы об учреждении и функционировании акмолинских ярмарок и первое статистическое описание Акмолинского внешнего округа за 1840 г., материалы, связанные с приданием Акмолинскому поселению статуса окружного города, списки жителей, сведения о торговле и промыслах, отчеты областного правления, городской полиции и пр.[16] В 50–70-х гг. XIX в. Акмолинское поселение постепенно теряло значение военной крепости, усиливалась роль Акмолы как торгового центра казахской степи. Поселение превратилось

в основной перевалочный пункт транзитной торговли России со среднеазиатскими государствами. Роль города в социально-экономическом развитии Казахстана становится еще более заметной после получения им в 1862 г. статуса окружного города. Тогда же город стал именоваться Акмолинском.

Наиболее ценными, на наш взгляд, являются источники, характеризующие развитие торговли в пределах округа. Они позволяют выявить факторы постоянного роста стационарной и ярмарочной торговли Акмолинска: удобное географическое положение города, дешевизна продукции скотоводства, меры российского правительства, связанные с отменой пошлин с привозимого скотоводческого сырья по Сибирской военной линии, рост местного рынка, интерес к нему со стороны русского купечества. Акмолинская торговля вовлекала в орбиту население края, и в этом заключалась главная причина устойчивости и роста местных ярмарок. Такие ярмарки, как Константиновская и Дмитриевская, заметно повлияли на развитие различных промыслов и кустарной промышленности среди местного населения, создавали условия для втягивания казахов-кочевников в товарно-денежные отношения и стимулировали развитие российского капитализма в целом.

Историю города конца XIX – начала XX в. позволяют реконструировать статистические описания города, содержащие данные о его социально-экономическом развитии[17]. В этот период город становился организующим центром экономической жизни уезда и края. Развивалась городская обрабатывающая промышленность: салотопенные, овчинные, кожевенные, шерстомойные, кишечные заводы, предприятия по переработке животноводческого сырья, ветряные, водяные и паровые мельницы, кирпичные заводы, предприятия пищевой промышленности (медоваренный завод, завод фруктовых вод, пряничный, маслобойни), предприятия по изготовлению товаров хозяйственно-бытового назначения (салосвечной, мыловаренный и гончарный заводы). Несмотря на обилие и дешевизну местного сырья, объемы и качество его переработки ввиду отсутствия квалифицированных специалистов, недостатков капитала и предприимчивости владельцев заводов оставляли желать лучшего.

В документах имеются сведения об общественно-политической и культурной жизни города второй половины XIX – начала XX в., о деятельности органов городского самоуправления, развитии образования и здравоохранения, деятельности общественных организаций и религиозных конфессий Акмолинска.

Велико значение архивных материалов для изучения наиболее сложного и драматичного по своим социальным последствиям пе-

риода в истории края – первой четверти XX в. Документы – приказы, циркуляры отделов управления, протоколы заседаний уездного революционного комитета (ревкома), съездов волостных ревкомов, инструкции, письма-циркуляры, постановления Сибирского ревкома, донесения, постановления, доклады и пр. – характеризуют борьбу за власть в Акмолинском крае между разными политическими силами. Они освещают особенности становления первых органов советской власти в городе, их деятельность в условиях гражданской войны и мирного строительства[18]. Документы позволяют выстроить сложную схему расстановки политических сил в городе в период между Февралем и Октябрем 1917 г., особенности системы двоевластия, осложнявшейся существованием в городе и крае нескольких ветвей власти.

Изучение архивных материалов выявляет особенности победы советской власти в Акмолинске и позволяет констатировать то, что она была установлена без кровопролития. Борьбу за власть вели разные политические силы, в ней переплелись классовые, национальные, политические интересы, столкнулись центростремительные и центробежные силы. Но перевес оказался на стороне большевиков, сумевших осенью-зимой 1917 г. взять инициативу в свои руки, нейтрализовать попытки противников к сопротивлению и захватить власть.

Обширный массив источников советского периода сосредоточен в более чем четырехстах фондах ГАГА. В наиболее объемном фонде (Ф. 32) содержатся документы о деятельности городского совета Акмолинска с 1923 г. Разнообразные по своему характеру и назначению документы позволяют проследить основные этапы становления и развития экономики и инфраструктуры города, изменение демографической карты и социального состава населения, развитие городского управления и благоустройства, особенности формирования городской архитектурной среды как системы, проблемы социокультурного развития города.

Для изучения истории Астаны в 20-е гг. XX в. полезны материалы ГАСКО г. Петропавловска. В 1921–1928 гг. Акмолинск входил в состав Акмолинской губернии в качестве административного центра одноименного уезда. Акмолинская губерния площадью 429,5 тыс. кв. верст была сформирована в мае 1921 г. путем выделения из Омской области четырех уездов: Петропавловского, Кокчетавского, Атбасарского и Акмолинского. Последний уезд был самым крупным, в его состав входили 76 русских и 43 казахские волости[19]. Административным центром губернии был г. Петропавловск.

Ценные материалы законодательного и административного характера сосредоточены в делах фонда «Акмолинского губернского

исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских депутатов (1921–1928 гг.)» (Ф. 55). В основном это протоколы сессий и отчеты президиума губисполкома, доклады и отчеты уездных исполнительных комитетов, а также постановления центральных органов власти, необходимые к исполнению на местах. В ведении губисполкома находились практически все вопросы развития губернии, и они регулярно рассматривались на заседаниях губисполкома.

Большой массив составляют документы о деятельности Акмолинского уездного исполкома: поквартальные и годовые доклады и отчеты уисполкома и его отделов за разные годы, протоколы заседаний, приказы, распоряжения, исходящая корреспонденция[20]. Из годовых отчетов вырисовывается динамика развития экономики города, его социальной сферы и инфраструктуры.

Документы, дающие возможность реконструировать экономическую историю города в 20-х гг., собраны в фондах Акмолинского губернского управления промышленностью, губернского статистического комитета, губернского отдела местного хозяйства и Акмолинского губернского отдела общества изучения Казахстана[21]. Здесь можно найти производственные характеристики промышленных предприятий, доклады и протоколы совещаний по проблемам промышленного развития, инструкции управления промышленностью, материалы, характеризующие процесс электрификации губернии и города в конце 20-х гг.[22]

Дополняют экономическую характеристику города документы с описанием промышленности Акмолинской губернии в 1923–1924 гг., создававшиеся в рамках Всероссийской городской переписи 1923 г. Статистические сводки систематизированы по отраслям промышленности и в соответствии с формами организации производства: кооперативная, частная, государственная и пр. В ходе переписи в обязательном порядке на каждое предприятие, независимо от его размеров и формы собственности составлялись промышленные карты. В них фиксировались полные и детальные сведения о предприятии: точное наименование, адрес и местонахождение, время основания, данные о владельце, форма аренды помещения, форма собственности до и после национализации, количество рабочих и служащих, масштабы применения наемного труда, понедельный и годовой режим работы, размеры заработной платы работающих, характеристика технического оборудования, производственных машин и аппаратов, уплата всех видов налогов, наименование и объемы выпускаемых изделий и пр. Эти сведения дают исчерпывающую картину состояния промышленного производства. Статистические материалы о развитии товарно-денежных

отношений в крае в годы новой экономической политики, сведения обо всех существовавших в губернии, в том числе и в Акмолинске, до революции базарах и ярмарках, а также действовавших в годы нэпа[23], позволяют провести сравнительный анализ объемов товарооборота и ассортимента товаров дореволюционных ярмарок и действующих в период нэпа.

Особый этап в развитии города связан с освоением целинных земель в Казахстане в 50–60-х гг. XX в., когда город стал организационным центром реализации грандиозной экономической программы. 26 декабря 1960 г. Президиум Верховного Совета Казахской ССР принял Указ об образовании Целинного края. В состав края вошли пять областей Северного Казахстана: Акмолинская, Кокчетавская, Кустанайская, Павлодарская, Северо-Казахстанская. Административным центром края стал Акмолинск. Целинный край занимал огромную территорию площадью около 600 тыс. кв. км, на которой действовало 508 совхозов и 107 колхозов. Только пахотной земли здесь насчитывалось более 18 млн га. Население Целинного края составляло 3,6 млн человек, почти ⅓ населения республики. В состав края кроме названных областей входило 14 районов краевого подчинения и более пяти тысяч населенных пунктов[24]. Указом Президиума Верховного Совета КазССР от 20 марта 1961 г. Акмолинск был переименован в город Целиноград. Материалы о развитии города в эти годы находятся в фондах ГАГА[25].

Приобретение статуса региональной столицы сопровождалось быстрым ростом экономики и инфраструктуры города, масштабным строительством объектов соцкультбыта, появлением в городе управленческих структур (управление железными дорогами, управление сельским хозяйством, управление культуры и пр.), резким ростом численности населения.

Дальнейшее социально-экономическое развитие города определили несколько исторических решений. 16 декабря 1961 г. Совет Министров СССР принял постановление № 1112 «О развитии г. Целинограда», по которому Совет Министров КазССР, Госстрой СССР и Целинный краевой исполком обязывались обеспечить разработку генерального плана развития Целинограда[26]. Разработка проектов генплана города была поручена ведущим проектным и научно-исследовательским институтам страны. Основную работу по разработке генплана взяло на себя Ленинградское отделение Горстройпроекта.

11 февраля 1963 г. вышло Постановление Совета Министров КазССР «Об утверждении основных положений проекта планировки и генерального плана г. Целиноград»[27]. В нем четко определялись основные направления и масштабы развития города, его промышленности, рост численности населения, территориальное

развитие, очередность строительства, мероприятия по реконструкции существующей застройки и поэтапное развитие города на ближайшие годы. Документы хорошо освещают проблемы реализации генплана строительства города, позволяют выделить факторы, сдерживающие поступательное развитие города, показывают масштабы шефской помощи трудовых коллективов Москвы и Ленинграда в строительстве города.

С конца 90-х гг. XX в. Астана вступила в совершенно новый этап развития, связанный с обретением городом статуса административного центра суверенного Казахстана. В феврале 1997 г. в соответствии с постановлением Правительства Республики Казахстан «О мерах по сбору и систематизации документов, отражающих историю передислокации столицы из Алматы в Акмолу» в ГАГА сформирован фонд «Новая столица»[28]. В нем собраны подлинники официальных документов по переносу столицы, материалы международной презентации Астаны в качестве новой столицы Казахстана в июне 1998 г., документы, отражающие динамичный рост и развитие экономики, инфраструктуры и благоустройства, формирование планировочной структуры и застройки города на качественно новом этапе.

Возросший интерес к историческому прошлому молодой столицы Казахстана актуализировал задачу изучения истории города и вовлечения в научный оборот всего комплекса источников по теме. Опубликованные и неопубликованные материалы помогают воссоздать историю города на разных этапах его развития, способствуют глубокому изучению конкретных сфер культурного пространства города. Выявленная источниковая база исследования может стать началом большой целенаправленной работы по публикации архивных источников об истории города, способствовать изучению этого социокультурного феномена, реконструировать общую историко-культурную динамику казахстанских городов.

Примечания

1 *Байпаков К.А., Хабдуллина М.Г.* Средневековая урбанизация Сары-Арки: истоки формирования Астаны // Историко-политическая роль Астаны: Сб. докл. науч.-практ. конф. Астана, 2005. С. 33–46.

2 Астана. История столицы и края в XVII–XIX вв. Астана, 2006. С. 7.

3 Там же. С. 8.

4 Там же. С. 13–152.

5 *Касымбаев Ж., Агубаев Н.* История Акмолы: XIX – начало XX века: исследования, источники, комментарии. Алматы, 1998. С. 54–56.

6 Акмолинск: Статистические данные, географическое и топографическое описание города // Акмолинские областные ведомости. 1875. № 20–21.
7 Астана. История столицы и края... С. 161.
8 Там же. С. 159–234.
9 Там же. С. 11–40.
10 ГАГА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 38. Л. 45–60.
11 Там же. Л. 45.
12 Там же. Л. 46.
13 Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 114. Л. 112.
14 ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 1; Ф. 774. Оп. 1. Д. 2.
15 Там же. Д. 553. Л. 443–445.
16 Там же. Ф. 374. Оп. 1. Д. 3053, 3056, 1456, 594, 3095; Ф. 345. Оп. 1. Д. 992.
17 Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 6747, 6717, 2190, 3514, 2190.
18 ГАОО РФ. Ф. 26; ГААО. Ф. 212, 114.
19 ГАСКО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
20 Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 424, 242, 314, 36, 37, 38.
21 Там же. Ф. 161, 99, 189, 1154.
22 Там же. Ф. 161. Д. 20, 24, 49.
23 Там же. Д. 116, 117, 120, 73, 13.
24 ГАГА. Ф. 170. Оп. 1. Д. 15.
25 Там же. Ф. 32, 869, 5451, 136, 121, 32, 85.
26 Там же. Ф. 32. Оп. 5. Д. 90. Л. 4.
27 Там же. Д. 190. Л. 1.
28 Там же. Ф. 424.

А.Б. Храмцов

ПИСЬМА ГРАЖДАН ВО ВЛАСТЬ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ТЮМЕНИ НАЧАЛА XX в.

Анализируются обращения жителей Тюмени, поступившие на рассмотрение городской управы. Письма являются своеобразным барометром жизни общества, особенно в условиях подъема экономики города, формирования массового сознания, а также революционных и социальных потрясений.

Ключевые слова: исторический источник, заявления, прошения, жалобы, повседневность, городское самоуправление, Тюмень.

Письменные обращения граждан (заявления, прошения, жалобы) могут оказать историку неоценимую помощь при изучении истории повседневной жизни России. Это подтвердили появившиеся в последнее время исследования и публикации источников[1]. Письма, направленные в органы власти, – особая разновидность делопроизводственных источников, способствующих познанию различных сторон жизни общества, лучшему пониманию того, как и чем жили люди в переломные периоды истории. Письма граждан дореволюционного периода, направленные в органы власти, вводятся в научный оборот не столь активно, что во многом объясняется их плохой сохранностью. Большинство из них не дошли до наших дней, поскольку нещадно уничтожались в текущем делопроизводстве учреждений или в процессе экспертизы уже в архивах. К тому же выявление в архивных фондах сохранившихся писем подчас требует больших усилий, так как чаще всего они не выделены в самостоятельные дела и не отражены в справочниках. Информационную основу данного исследования составили фонды Государственного архива Тюменской области (ГАТО)[2].

© Храмцов А.Б., 2011

Письма во власть как массовый источник выступают своеобразным «зеркалом» жизни населения, а также речевых особенностей авторского самовыражения. В то же время это не означает, что такие свидетельства есть абсолютное и полное отражение массового сознания, отношения жителей к центральной и местной власти. Письмо, по мнению исследователей, есть «отражение пестрой мозаики повседневности, а также базисных структур национальной психологии и культуры»[3]. Письма представляют собой «квинтэссенцию мыслей и чувств их авторов... это плод долгих рассуждений, попытка донести до адресата собственное понимание реальности»[4].

Исследование письменных источников неизбежно связано со сферой социально-психологических механизмов, обращенных к «коллективному бессознательному». Есть основания полагать, что вследствие роста массового общественного сознания элементы мифологического миропонимания резко усиливаются. По этой причине при анализе писем подчас непросто разделить реальность и иллюзию, правду и вымысел. Тем не менее «эго-документы» представляют особый исследовательский интерес как достоверный показатель того, что беспокоило их авторов (подателей), какие проблемы граждане поднимали перед органами власти и управления, каков был результат рассмотрения их обращений.

Особенностью таких источников является зафиксированное в них многообразие проблем, волновавших жителей, что позволяет тематически сгруппировать информацию писем в исследовательских целях: выборное производство, назначение и отстранение должностных лиц, уплата местных налогов и сборов, ходатайство о займах и пожертвованиях, общественный контроль за работой подведомственных городу учреждений; санитарно-противопожарная безопасность, частная застройка, торговля, промышленность, благоустройство, народное образование, здравоохранение, развитие культурной жизни, помощь малоимущим и другое.

Общепринятой классификации писем во власть не существует. В частности, В.В. Кабанов «в зависимости от того, для чего пишутся письма», подразделяет их на следующие группы: 1. Просьбы; 2. Жалобы; 3. Информативные письма; 4. Разоблачающие и критикующие действия отдельных должностных лиц и учреждений; 5. Предложения и прожекты; 6. «Философские письма», то есть письма-раздумья о понимании автором тех или иных теоретических положений, ситуаций в области политики, экономики, в сфере духовной жизни; 7. Поздравительные письма; 8. Доносы[5].

Письменные обращения можно систематизировать по их адресату (органы власти, учреждения, газеты, отдельные чиновники); адресанту (один автор-податель или группа); по социальной, со-

словно-профессиональной принадлежности авторов, содержательной части, мотивировке послания и прочее. В то же время письма по наименованию разновидности документа условно подразделяются на: 1) заявления; 2) прошения (ходатайства); 3) жалобы. Отдельной разновидностью источника исследователи считают «наказы» населения депутатам[6], поскольку «они затрагивали широкий круг проблем государственной и местной жизни... задавали “векторы” парламентской деятельности народных избранников»[7]. Однако данная классификация по наименованию разновидности на практике оказывается малорезультативной: в обращениях под названием «заявление» содержались самые разные вопросы.

Среди заявлений можно выделить «заявления-предложения» (инициативные письма), которые являлись импульсом (толчком) для городской власти для создания объектов инфраструктуры, предприятий, обществ и прочее. К примеру, с коллективного послания в местную управу 11 июля 1908 г. началась история учреждения Тюменской товарной биржи: «Мы нижеподписавшиеся как приезжающие, так и местные продавцы и покупатели кожевенных товаров и прочего на Тюменской Ярмарке для поддержания и развития местной торговли и промышленности и облегчению торговых сношений просим Тюменскую Городскую Управу войти с соответствующим ходатайством об открытии в Тюмени “Ярмарочного Биржевого Комитета” и принять расходы по сему комитету на счет Городской Думы». Подписи под документом поставили более 30 лиц[8]. В результате биржа открылась 6 января 1911 г.

Чаще других с предложениями обращались частные предприниматели, заинтересованные в правильной организации торговли в городе, развитии финансовых институтов и социальной инфраструктуры. Скажем, купец-меценат Н.М. Чукмалдин предложил создать музей[9], который был организован в Александровском реальном училище; по ходатайству купца И.П. Воинова тюменские власти учредили «родовспомогательный дом», на что он пожертвовал каменный дом и 20 000 руб.[10]; каинский мещанин В.П. Бурков 2 ноября 1907 г. обратился в управу с предложением об устройстве городским управлением электричества[11]. Рядовые «обыватели» также вносили предложения, о чем, в частности, свидетельствует заявление жителей затюменской и зареченской частей города о желательности открытия нового базара[12].

Другая разновидность – «заявления-просьбы»: о приеме на работу и увеличении жалованья; о сложении недоимок по городским сборам; о желании открыть трактир; выдаче пенсии, торговых свидетельств, удостоверений и прочее[13]. Например, один мещанин сообщил управе о том, что в городском корпусе на Спасской улице

свободные помещения находились в раскрытом виде, без запоров. После совершенной у него кражи заявитель просил повесить замки. Резолюция городского головы на документе указывает на то, что распоряжение по его просьбе последовало[14].

В качестве отдельного блока можно выделить заявления «торгового класса» о желании арендовать лавку на ярмарочной площади, содержать трактир, постоялый двор, гостиницу, буфет, об учреждении товариществ, фирм, контор и т. п.[15] На открытие подобного заведения претенденту необходимо было получить разрешение городской думы, которая оценивала целесообразность заявки, соблюдение требований законодательства, санитарное состояние в помещениях просителя, их месторасположение и другое. По разным причинам городская власть неоднократно принимала решения, запрещавшие отдельным лицам открытие таких заведений. В частности, управа отказала мещанину в открытии трактира, так как дом, в котором он проживал и планировал вести свое дело, постановлением думы был изъят из местностей ведения питейного промысла[16].

Наличие в фонде городской управы многочисленных частных заявлений по торговым вопросам можно объяснить, в первую очередь, спецификой г. Тюмени как крупного торгово-промышленного центра Сибирского региона. Среди таких источников также выделяются заявления об уменьшении налогового бремени, ставок местных налогов, гашении недоимок по сборам и т. п. Типичные мотивировки таких посланий были таковы: «для нас совсем уже не посильно»; «все мы люди бедные, других средств к жизни не имеем»; «в виду крайней моей бедности и слабого здоровья»; «не оставьте без куска хлеба» и другие. В частности, торговцы телегами, санями и колесами 26 марта 1913 г. обратились в управу в связи с тем, что им объявили о повышении сбора за место на площади до 1 руб. в месяц за кв. сажень. В силу особенностей их товаров (одна телега занимала почти сажень, арендовалось от 10 до 40 кв. саженей) заявители просили уменьшить сбор до 50 коп. Дума частично удовлетворила их просьбу, установив плату 4 руб. в год за кв. сажень[17].

Основная задача городского управления в сфере торговли заключалась в установлении общих правил игры («дорожной разметки»), урегулировании отношений между контрагентами, в защите интересов и нужд всего населения. В этой связи неизменно находились лица, недовольные его деятельностью, скажем, торговцы неоднократно просили отменить обязательные постановления, ограничивающие время торговли в воскресные дни, однако их обращения дума оставляла без последствий[18]. В январе 1909 г. извозчики ходатайствовали об увеличении таксы за проезд по городу. В данном случае управа, прежде чем отреагировать на их просьбу,

решила собрать сведения о таксах в соседних городах – Екатеринбурге, Перми, Омске[19].

Часто жители обращались по вопросам уплаты налогов и сборов, в связи с незаконными, по их мнению, взысканиями. В частности, крестьянка жаловалась в управу, что пристав II части города взыскивает с нее недоимку за лошадей, бывших у ее мужа. Между тем она утверждала, что лошади были проданы на базаре два года назад. Член управы по этому вопросу представил справку, из которой следует, что просительница «живет в крайне бедной обстановке, муж ее покинул, и она осталась без средств к существованию с семью маленькими детьми»[20].

Кроме этого, можно выделить «заявления-отказы», в частности от участия в местных выборах, от принятия звания гласного городской думы, от исполнения обязанностей по службе и т. п.; «заявления-претензии», «заявления-справки», «заявления-запросы», а также «заявления-жалобы»: избирателей о нарушениях в ходе выборов, о незаконном взыскании денег, на уличную грязь, большое число бродячих собак, бездействие полицейских чиновников и многое другое. В частности, жители заречной части города жаловались в управу по поводу купанья и мытья лошадей в реке в районе их проживания, что категорически запрещало обязательное постановление думы по санитарной части. Управа обратилась в полицию, чтобы та приняла меры и обязала нарушителей исполнять введенные санитарные нормы[21].

Таким образом, в «диалоге» городской власти и населения начала XX в. не сложилось особых смысловых различий для наименований отмеченных разновидностей обращений. При анализе писем жителей в управу концентрация внимания на названии документа не имеет практического смысла, определяющим является его содержательная часть. Вместе с тем полезно обращать внимание на делопроизводственные пометки и резолюции городского руководства на документах («выдать», «разрешить», «отказать», «удовлетворить», «оставить без последствий», «к делу»), благодаря чему можно получить данные относительно результата рассмотрения обращений.

Неудивительно, что наибольшее число посланий в городское управление составляли разного рода прошения (ходатайства), которые иногда подшивались в дела с журнальными постановлениями, в качестве подтверждения вопросов, внесенных на рассмотрение управы[22]. Как правило, суть принятого по делу решения фиксировалась непосредственно на просительном документе. В этой связи анализ таких источников посредством метода контент-анализа позволяет получить количественные показатели соотношения тематик прошений, сгруппировать их по отдельным категориям[23].

Чаще всего направлялись коллективные письма от группы граждан, объединенных по какому-либо признаку: торговцы тем или иным товаром; извозчики; домовладельцы одной улицы (района); содержатели публичных заведений; покупатели и другие. Жители, по всей видимости, полагали, что «сигнал» с большим количеством подписей быстрее найдет отклик у городской власти. В частности, торговцы хлебного и пряничного ряда базарной площади возбудили ходатайство об устройстве возле их лавок тротуара, так как в ненастное время здесь стояла непролазная грязь, не позволявшая покупателям подойти к лавкам. Управа поручила своему члену приступить к постройке тротуара[24]. Другой пример – многочисленные ходатайства солдатских семей об оказании материальной помощи в связи с призывом запасных воинских чинов на действительную службу по причине войны с Японией. По данным журналов управы, в 1904 г. было удовлетворено более 200 таких обращений[25].

Жалобы направлялись по наиболее злободневным проблемам местной жизни. Интересно, что жалоба как отдельная разновидность письменных обращений (по наименованию вида документа) широкое распространение получила только в начале XX в.[26] Показательно, что тюменцы часто жаловались в управу и полицию в связи с резким ростом масштабов проституции в городе. Причем они были настроены весьма агрессивно по отношению к проституткам и домам терпимости. Так, домовладельцы сообщали, что в доме Коробкина находился постоялый двор и публичное заведение, где нарушались не только правила проживания, но и общественный порядок. По их словам, находящиеся в нем женщины выходят днем на улицу полунагие, пьяные и сквернословят, не стесняясь ни проходящих, ни живущих рядом людей, что плохо влияет на подрастающее поколение, в связи с чем заявители просили закрыть дом терпимости. Один из горожан утверждал, что о существовании тайных притонов «хорошо известно тюменской полиции»[27].

Неизменной темой для жалоб являлись вопросы жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства города: плохое состояние улиц, тротуаров, площадей, мостов, проблемы с водоснабжением и вывозом мусора, слабая освещенность отдельных районов и другое. В частности, ломовые извозчики периодически жаловались, что весной подъездные пути к пристаням «были до такой степени топки и грязны, что на самых сильных наших лошадях приходилось вывозить, и то с большими усилиями... Не говоря о том, насколько это для нас убыточно в смысле заработка, у многих пострадали лошади...». Извозчики просили вопрос об устройстве мостовых к пристаням представить на рассмотрение думы, в противном случае они будут ходатайствовать перед губернским начальством[28].

Жалоба – это одна из форм оперативной реакции граждан на те или иные изменения, которые, по их мнению, ухудшали их повседневную жизнь. Например, местные жители жаловались на дороговизну, перебои с продуктами питания, особенно ситуация обострилась с началом Первой мировой войны. Как следует из журнала управы от 11 августа 1914 г., горожане в числе 70 человек, подписавших прошение, обратились к губернатору с ходатайством об установлении нормальных цен на продукты первой необходимости, заявляя, что торговцы, пользуясь обстоятельствами военного времени, неимоверно подняли цены[29]. Один крестьянин утверждал, что торговцы волости продают муку по завышенным ценам, не по таксе, установленной губернатором, на что продовольственная комиссия ответила, что таксы на муку для розничной торговли в уезде не существует[30]. Некоторые люди пытались получить дефицитные товары, заявляя ложные намерения, чем вызывали подозрение и недоверие у городской власти: например, одна крестьянка просила отпустить ей муку для печения белого хлеба и его продажи. Резолюция на заявлении гласит, что она «ранее выпечкой хлеба не занималась... ходатайство отклонить»[31].

В качестве характерных черт обращений граждан во власть исследователи выделяют такие, как: произвольная форма изложения, особый язык выражения мыслей и чувств, специфическая система доказательств (аргументов), эмоциональность, полифонизм (многообразие поднимаемых вопросов)[32]. Например, домохозяева IV участка Тюмени в июле 1905 г. утверждали, что на окраинах города проживали лица из разных уездов губернии без определенных занятий и видов на жительство, которые не преследовались полицией. По их словам, здесь чуть ли не кварталами допускалась тайная продажа водки, притоны проституции, особенно в местностях, прилегающих к пароходным пристаням, «отчего и совершаются буйства, грабежи и убийства... шляющаяся публика мало занимается трудами, а большей частью занимается легкой наживой в домах, кладовых и лавках...»[33].

Массовыми были жалобы горожан на уездного исправника, который, по их мнению, слабо наблюдал за общественным порядком, облав и ночных объездов никогда не проводил, а большая часть его стражников постоянно находились в нетрезвом виде. Они предлагали изменить штат местной полиции, а именно: организовать полицию по назначению городской думы, чтобы последняя имела право чиновников, не соответствующих должности, отстранять и избирать других по своему усмотрению[34]. Следовательно, в данном обращении жителей органично сочетались и факты, и оценки, и аргументы, и жалобы, и предложения.

С началом Первой мировой войны, когда в город хлынул поток беженцев, военнопленных, ссыльных, а учреждения из европейской части страны начали обращаться в Тюменскую городскую управу с просьбой предоставить помещения для их эвакуации (на что последняя неизменно заявляла им, что свободных помещений в городе нет), отдельные домовладельцы откликнулись на проблему «острого квартирного вопроса», сообщали управе об имеющихся у них незанятых квартирах[35]. Тем не менее жилых помещений не хватало. В этих условиях тыловой гарнизон размещался по квартирам тюменцев. Как видно из прошения жены призванного солдата, в ее дом на постой были определены два бойца. Женщина просила снять с ее квартиры постой, поскольку она имела четырех детей, квартира состояла из одной комнаты, что ее «страшно стесняло». Между тем она утверждала, что есть домохозяева, у которых никто не призван и квартиры свободные[36].

Посредством анализа совокупности письменных обращений можно представить панораму образа жизни различных социальных групп, их житейские нужды и интересы. Читая письма, можно ощутить «дух эпохи», ее стиль, специфику поведения людей в конкретных обстоятельствах. Как правило, апелляция к власти была связана с описанием повседневных проблем и коллизий, типичных ситуаций. В частности, один сельчанин 5 июля 1916 г. писал управе об отсутствии сахара в уезде, в то время как «для крестьян пришло самое рабочее время... ни рыбы, ни мяса у крестьян нет, сахар к чаю для них необходим»[37]. И подобных обращений немало. В этой связи для таких источников характерны: однотипность, обстоятельность, описательность, повторяемость и аналогичность содержания.

В «диалоге» с местной властью участвовали жители всех сословий: купечества, мещанства, дворянства, духовенства, крестьянства и другие. Анализ писем граждан по социальному статусу свидетельствует о том, что наибольшее количество обращений поступило от частных торговцев, приказчиков, городских служащих, госчиновников, рабочих (мастеровых), простых «обывателей» и солдат. Например, учитель Знаменского училища в заявлении от 4 сентября 1902 г. утверждал, что пьяницы и жулики, взяв водку в находящейся вблизи училища казенной винной лавке, тут же ее и распивали, устраивали карточные игры, драки и другие безобразия, смотреть на которые детям вовсе не следовало. Гласные думы сочли этот «сигнал» заслуживающим внимания и решили ходатайствовать о перемещении казенного питейного заведения в другое место[38].

По общему числу обратившихся первую позицию занимали представители мещанского сословия. Причем письма поступали как от грамотных, так и неграмотных людей. В последнем случае за

просителей подписывались их доверенные лица. Следует заметить, что в управу писали не только горожане, но и сельские жители, как из Тюменского уезда, так и других регионов: сельский обыватель Пермской губернии просил выдать ему справку о существующих в городе ценах на березовые дрова[39].

Письменные обращения населения и реакция на них местной администрации – это специфическая форма общественных отношений, реализации задач управления городом на базе обратной связи. «Диалог» власти и жителей посредством различных форм апелляции шел непрерывно. Конечно, этот диалог весьма условен, нельзя однозначно утверждать, являлись ли послания граждан действенным инструментом взаимодействия органов власти и общества, средством выражения общественного мнения, участия в управлении городом, воздействия на власть. При анализе данных процессов важнейшее значение имеет системный анализ, синтез исторического и логического подходов. Одним из интересных направлений для дальнейшего исследования проблемы может стать моделирование социально-психологического портрета «пишущего во власть» и его побудительных мотивов.

Нередки были случаи, когда местная власть отказывала жителям в положительном рассмотрении их заявлений, прошений и жалоб. Мотивировки для отказов были различны: прямой запрет в соответствии с законодательством; противоправность интересов заявителей в отношении других социальных групп; отсутствие денег для удовлетворения обращений; неосновательность, неясность и лживость заявленных требований; некомпетентность городского управления в разрешении дела и прочее. Скажем, прошение жителей заречной части города о необходимости сооружения пешеходного моста через реку Тюменку управа оставила без последствий, посчитав «сие сооружение слишком дорогим»[40].

Большая часть отказов относилась к сфере строительства частного сектора: в связи с нарушением строительных правил, возведением самовольных построек, новых зданий в запрещенных районах города, что считалось «весьма опасным в пожарном отношении». Отдельные граждане, отстаивая свою правоту и добиваясь справедливости, обращались в другие инстанции, чаще к губернскому начальству. В частности, один мещанин обжаловал постановление городской думы, отказавшей ему выдать разрешение на сооружение мастерской на принадлежавшей ему земле. Тобольское губернское присутствие не нашло достаточных оснований для отказа, в итоге просителю постройку разрешили[41]. Показательно, что прошение местного крестьянина о новой постройке в недозволенном для этого месте оставили без удовлетворения и губернатор, и дума с управой[42].

Тобольский губернатор пытался упорядочить работу с обращениями граждан в губернских учреждениях и органах местного самоуправления, о чем свидетельствует, в частности, его приказ № 73 от 1 июля 1916 г., в соответствии с которым «просители вправе рассчитывать на безусловно законное, внимательное, самое скорое и возможно справедливое разрешение их ходатайств, жалоб и заявлений»[43]. Однако письма граждан подчас становились поводом для конфликтов городского самоуправления с административной властью. Например, 11 декабря 1912 г. в управу поступило заявление от домовладельцев-торговцев в связи с тем, что полиция запретила въезд на Царскую улицу крестьянам «на дворнях» с грузом и пустопорожним, которые являлись покупателями в магазинах заявителей, отчего последние терпели большие убытки. Управа пришла в замешательство, не понимая, на основании каких законоположений полиция сделала такое распоряжение, и просила исправника о незамедлительной его отмене[44]. И подобных фактов немало.

Даже такой поверхностный анализ писем граждан во власть позволяет утверждать, что в подавляющем большинстве случаев обращения – это достаточно рациональный и продуманный поступок, имевший конкретные практические цели, связанные с решением повседневных нужд и интересов: обеспечение продовольствием, ремонт моста, мощение улиц, установление твердых цен, изменение ставки налога, предоставление жилья, льгот, гашение недоимок и другое. Значит, речь идет о некой стратегии социального воздействия на власть, основанной на сугубо прагматических доводах. В качестве мотивировки своих обращений авторы применяли самые разные приемы: драматизация реального положения дел, преувеличение значения одних факторов и полное замалчивание других, спекулирование фактами, расхожие рассуждения, оценочные клише. Частым был метод аналогий и сравнений: «...у нас непролазная грязь... а в городе N...»

Местная управа в письменной форме отвечала на обращения жителей, а также проводила ревизии по их прошениям для установления действительных обстоятельств и фактов, направляла на места экспертов, городских служащих и полицейских для «принятия зависящих мер». Например, по заявлению жителей затюменской части города, ходатайствовавших в июле 1892 г. о постройке нового моста взамен старого и ветхого, члену управы и городскому архитектору было поручено осмотреть означенный мост и представить свое заключение. В докладе отмечалось: «по осмотру кривого моста найдено, что мост очень плох... целесообразно построить новый»[45]. К исполнению и проверке жалобы одной мещанки на незаконные постройки ее соседки были привлечены как минимум шесть долж-

ностных лиц: заместитель главы города, член управы, архитектор, полицейский пристав, секретарь и делопроизводитель управы[46].

При анализе обращений граждан важно избежать недооценки их значения, хотя бы в проблемном и информационном аспектах. В письмах представлен широкий спектр взглядов и мнений людей на ту или иную проблему. Практически в каждом послании предлагался вариант решения поднимаемого вопроса, чем городское управление могло воспользоваться при выработке, реализации, а в ряде случаев и корректировке своей деятельности. Например, в журнале управы от 21 июля 1903 г. отмечалось, что вследствие многократных заявлений со стороны жителей г. Тюмени на неправильность надзора за исполнением обязательного постановления по содержанию в исправности городских улиц, мостовых и пр. городская управа была вынуждена обратиться к его пересмотру[47].

По нашим подсчетам, с апреля по октябрь 1914 г. местная управа рассмотрела 16 заявлений, вызванных наводнением в заречной части города. Обращения подписали несколько десятков домовладельцев этого района. Причем каждый из них рядом с подписью указал номер своего дома. Такие обращения можно рассматривать как «письма-отчаяния» или «письма-страдания», которые отличались особым эмоциональным выплеском, например: «С наступлением весенней талицы, – жаловались домохозяева, – нам угрожает опасность совершенно быть затопленными снеговой водой... не имея канав, тротуаров, местность представляет собой сплошное озеро... подполья, погреба и даже избы затоплены водой... приходится питаться не чистым и сильно отзывающимся на здоровье плохим воздухом... возможны жертвы, коих было уже 2 случая...»[48]. Наряду с описанием своего критического положения жители призывали управу принять «самые энергичные меры к спасению и охранению населения» от бедствия. В результате совместных усилий городской власти, полиции и самих граждан была укреплена дамба, устроены защитные валы, земляные заграждения, канавы для схода воды, учрежден специальный комитет оказания помощи пострадавшим, увеличено освещение местности, беднейшим жителям предоставлены бесплатные помещения для временного проживания, выделены пособия, новые участки земли и прочее.

В письмах содержится большой объем скрытой информации по различным аспектам социальной истории России. Скажем, в начале XX в. заявитель в обращениях чаще всего именовал себя «обывателем», «жителем», «домовладельцем», «гражданином», указывая только фамилию, имя и отчество[49], не подчеркивая, как в XIX в., свою сословную принадлежность, что подтверждает мнение ученых о том, что общероссийские процессы модернизации внесли

изменения в патриархальный образ сибирской жизни, сословные перегородки постепенно ослабевали и размывались. Более того, в посланиях, особенно коллективных, можно «увидеть» живые отголоски процесса развития гражданского общества, массового сознания в эпоху перемен.

Письма жителей – ценный и перспективный для исследования источник, содержащий самые разнообразные сведения по проблемам жизнедеятельности. Тематика обращений в городскую управу как «сигналов» с мест была достаточно обширна: урегулирование вопросов торговли и обеспечения продуктами первой необходимости, отвод земельных участков для частного строительства, улучшение жилищно-коммунального и городского хозяйства, проблемы участия в выборах, жалобы на бездействие чиновников, предоставление компенсаций, субсидий и социальных льгот, что представляет большой научный интерес и может являться предметом специального исследования. Письма не претендуют на комплексность и объективность освещения действительности. С помощью таких источников познаются будничные нужды и интересы авторов-заявителей, их интерпретация текущей ситуации в городе, регионе и стране. Хотя вопрос об эффективности такой формы взаимодействия городской власти и населения в разрешении повседневных проблем остается открытым.

Примечания

1 Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1997; Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002; *Миронов М.А.* Власть и народ: обратная связь. М., 1999; *Пушкарев В.С.* Письма граждан как уникальный источник по финансовой истории России (СССР) // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе: Докл. и тез. выступл. М., 1999.

2 ГАТО. Ф. И-1. Тюменская городская управа; Ф. И-2. Тюменская городская дума.

3 *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917–1927 гг. // Общественные науки и современность. 1999. № 2. С. 95.

4 *Ищенко О.В.* Письма как источник сведений о настроениях в среде томского студенчества в 1908–1909 гг. (по материалам ГАРФ) // Документ в контексте истории: Тез. докл. Омск, 2006.

5 *Кабанов В.В.* Источниковедение советского общества. М., 1997. С. 229.

6 *Кузнецов А.А.* Наказы сибирских крестьян в I и II Государственные думы // Социально-экономические отношения и классовая борьба в дореволюционной деревне. Калининград, 1979; Наказ крестьян Демьянской волости Тобольской

губернии депутату Государственной думы А.Н. Ушакову // Наш край в документах и иллюстрациях. Свердловск, 1966; Наказ тюменских рабочих депутатам Государственной думы от Тобольской губернии // Сибирские вопросы. 1907. № 6; *Родионов Ю.П.* «Наказы» сибирским депутатам Государственной Думы как исторический источник // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000.

7 *Рейзвих Ю.В.* Наказ как форма взаимодействия депутатов Государственной думы и населения Западной Сибири в 1906–1917 гг. // Актуальные проблемы отечественной истории XVI – начала XX в. Омск, 2005. Вып. 2. С. 150.

8 ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 307. Л. 1–1об.

9 ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 529. Л. 4.

10 Там же. Д. 501. Л. 16.

11 ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 438. Л. 4–4об.

12 Там же. Д. 3. Л. 221–222.

13 Там же. Д. 64. Л. 10; Д. 84. Л. 1; Д. 112. Л. 3, 6, 12, Д. 575. Л. 964, 1025, 1068.

14 Там же. Д. 580. Л. 7.

15 Там же. Д. 316. Л. 2, 6, 8, 12, 21–25; Д. 465. Л. 1–2; Д. 468. Л. 1.

16 Там же. Д. 17. Л. 1–1об.

17 Там же. Д. 579. Л. 33–34об., 37об.

18 ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 501. Л. 19–20; Ф. И-1. Оп. 1. Д. 65. Л. 9–10, 68–68об., 103–104.

19 ГАТО. Ф. И-1. Оп.1. Д. 538. Л. 2–7.

20 Там же. Д. 247. Л. 3–4.

21 Там же. Д. 580. Л. 73–75об.

22 Там же. Д. 50. Л. 130, 132, 138, 166, 168, 176, 178, 197–198, 271, 308–309.

23 *Червякова Е.М.* Прошения как источник по истории профессионального образования Тобольской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Словцовские чтения-2005: Материалы XVII Всерос. науч.-практ. краевед. конф. Тюмень, 2005. С. 202; *Талапин А.Н.* Прошения военнопленных Первой мировой войны о принятии в российское подданство как исторический источник (по материалам Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области) // Документ в контексте истории: Материалы II Междунар. науч. конф. Омск, 2009.

24 ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 60. Л. 44.

25 Подсчитано по: Там же. Д. 50. Л. 41–379.

26 Там же. Д. 584. Л. 46–46об.; Д. 326 а. Л. 128–129.

27 Там же. Д. 532. Л. 38, 77.

28 Там же. Д. 417 а. Л. 236–236об.

29 Там же. Д. 60. Л. 20–21.

30 Там же. Д. 326 а. Л. 181.

31 Там же. Л. 169.

32 *Кутырева Л.В.* Жалоба как источник по истории крестьянства Урала (Опыт контент-анализа) // Количественные методы в исследованиях по истории советского рабочего класса и крестьянства. Свердловск, 1991. С. 52.

[33] ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1210. Л. 1.
[34] Там же. Л. 3–3об.
[35] ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 561. Л. 27.
[36] Там же. Д. 551. Л. 166.
[37] Там же. Д. 339. Л. 38–38об.
[38] Там же. Д. 43. Л. 1–2об.
[39] Там же. Д. 331. Л. 44.
[40] Там же. Д. 584. Л. 62–63.
[41] ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 512. Л. 24об.–25.
[42] ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 387. Л. 24–24об., 26.
[43] Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты и документы. Тюмень, 2000. С. 456–457.
[44] ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 580. Л. 213–214, 217.
[45] Там же. Д. 417. Л. 1об.–2об.
[46] Там же. Д. 423. Л. 1–2.
[47] Там же. Д. 45. Л. 149.
[48] Там же. Д. 445. Л. 1–2, 3–3об., 4–5, 7–8, 32, 33, 43, 45, 46, 59, 60, 96, 100, 123, 125, 163–164.
[49] Там же. Д. 64. Л. 10, 18; Д. 235. Л. 114, 126, 144, 148, 161, 210; Д. 331. Л. 261; Д. 561. Л. 27.

А.Н. Мешков

ПРОТОКОЛ ЗАСЕДАНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ДОКУМЕНТ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА ВОЙСКОВЫХ КОМИТЕТОВ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ 1917–1918 гг.

Необходимость совмещать дескриптивную и прескриптивную функции привела к формированию нескольких разновидностей документов, имеющих общее название *протокола войскового комитета*. В одних традициях доминирует повествовательность, протокол близок к простому документу, а прескриптивная функция реализуется в форме известного конфликта со структурой документа. В других повествовательность урезается, а сам протокол организуется посредством контейнерной структуры списка или таблицы, облегчающего реализацию прескриптивной функции и навигацию по тексту в ущерб информативности рассказа о ходе заседания.

Ключевые слова: протокол, заседание, комитет, революция, речевой жанр.

Работа построена на материале протоколов войсковых комитетов XI армии российского Юго-Западного фронта 1917–1918 гг. Мы не имеем права утверждать, что выводы, полученные нами на этом материале, могут быть со стопроцентной уверенностью перенесены на все российское войско. И все же масштаб войскового объединения и разнородность его состава, включавшего в себя различные роды оружия и виды войск, позволяют надеяться, что коррективы должны быть не так велики.

Задачи комитетского делопроизводства определялись функциями самого комитета – той организации, которую «обслуживало» соответствующее делопроизводство. Порядок ведения делопроизводства войсковой выборной организации, начиная с уровня полкового комитета и равных ему организаций, вполне соответствовал несколько двусмысленному положению войсковых комитетов в армии 1917 г. Подавляющее большинство протоколов составляется

© Мешков А.Н., 2011

секретарями комитетов. Однако объем делопроизводственных работ довольно быстро начинает расти, а члены президиума комитета не всегда и не сразу освобождаются от служебных обязанностей. К осени 1917 г. комитеты все чаще обращаются к строевому начальству (командирам частей и соединений) с просьбами разрешить пользоваться услугами соответствующей канцелярии или выделить отдельного писаря в распоряжение комитета[1]. Главной проблемой комитетов представляется тиражирование документов, предназначенных для рассылки в ниже- и вышестоящие организации (для них самих и для распространения среди солдат) и строевому начальству. На это указывают многочисленные ходатайства о выдаче денег на покупку копировальных аппаратов (шапирографов) и печатных машинок или предоставлении их самих[2]. Таким образом, делопроизводство выборных войсковых организаций, известных под именем «комитетов», велось в двух центрах – собственно комитете и соответствующей канцелярии. На долю последней, как можно судить, оставалось преимущественно копирование уже составленных документов. Копии документов, распространявшиеся по строевой иерархии, за редкими исключениями, создавались в войсковых канцеляриях. Заверялись они адъютантом (старшим адъютантом), а в «мелких» частях и подразделениях – командиром (начальником) части, учреждения или подразделения.

В комитетском делопроизводстве протоколы безусловно доминируют. Их самоназвание – *протокол*, реже – *журнал* (около 3% общего числа) и *постановление* (также около 3%). Последний термин применяется также для другого рода документов, от которых протоколы следует отличать. По общему объему текста, листов, документов в составе комитетской документации с протоколами могут в какой-то мере сравниться только книжки (тетради) телеграмм и телефонограмм. Тетради телеграмм, однако, – специфический источник, объединяемый способом пересылки и не представляющий конкуренции протоколам по своей значимости.

Материалы комитетов хранятся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) в фондах соответствующих частей и соединений. Использованы фонд XI армии (Ф. 2148) и фонды частей и соединений, входивших в ее состав в 1917–1918 гг. Протоколы занимают уникальное место в архивных комплексах, оставленных комитетами 1917–1918 гг. Комплексы эти сохранились плохо. Множество протоколов имеются только в копиях, отсылавшихся в армейский штаб осенью 1917 г. и представляющих в том числе комитеты, собственные архивы которых не сохранились. От большинства организаций остались одно или несколько дел одного из трех родов: книга (тетрадь) протоколов[3]; отдельные протоколы

вперемешку с документами других разновидностей[4]; так называемая «*разная переписка*» – входящие документы всех возможных разновидностей и т. п.[5] Встречаются дела, составленные архивистами, но таких немного. Комплексы, включающие двадцать и более дел, немногочисленны, но и в них протоколы занимают ведущее место. Моновидовые дела (составленные преимущественно из одной разновидности источников) – это либо протоколы, либо теле(фоно)граммы. Но, как уже отмечено, телеграммы – специфический источник, они не могут являться основой документационного обеспечения организации. Из прочих на эту роль могут претендовать только протоколы. При помощи протоколов осуществляется вся коммуникация, связанная с комитетами: они предоставляются командирам, прилагаются к приказам, читаются перед строем, ими обосновываются действия. Вся прочая документация либо предваряет появление протоколов (повестки дня, телеграммы о созывах заседаний), либо определяется ими, либо носит второстепенный характер, обрамляет делопроизводственное ядро. Ядро же – это протоколы комитетов.

Протоколы войсковых комитетов использовались во всех действиях комитетов, требовавших некоего официального документа.

а) При обращениях в вышестоящие организации по любому вопросу предоставлялась копия протокола заседания с обсуждением этого вопроса или выписка из протокола. Обсуждению при этом подвергалось не «постановление», а «пункт X протокола Y»[6].

б) Для информирования нижестоящих организаций (включая общие собрания подразделений и низших частей) направляются также протоколы[7]. В делах низших комитетов мы находим обыкновенно не постановления или предписания высших комитетов, а именно их протоколы. Сказанное справедливо и для дел вышестоящих комитетов, наполненных протоколами подчиненных частей[8].

в) При сношениях друг с другом комитеты также обмениваются протоколами (либо непосредственно посылают делегатов на заседания соседей), исключения составляют резолюции по особо значимым вопросам[9].

г) Свои собственные решения комитет хранит в форме протоколов, рассматривает их как на пункты из протоколов и ссылается на них тем же образом[10].

д) Строевым начальникам (командирам) для утверждения также подаются протоколы, хотя ни в одном положении о комитетах форма подачи «решений» войсковых организаций командирам не оговаривается. Сами командиры при необходимости информирования кого-либо (своих начальников, высшие комитеты) о комитетских делах также прикладывают к своим рапортам, сношениям и предписаниям протоколы или ссылаются на них[11].

Чем объясняется значимость протоколов в комитетском делопроизводстве? Исходя из имеющихся в литературе определений протокола как «документа, фиксирующего ход обсуждения вопроса и принятия решения на заседаниях коллегиального органа управления»[12], трудно понять ту особую роль, которую играли протоколы в комитетском делопроизводстве. «*Ход* обсуждения... и принятия...» указывает на повествование – повествование о событии. Однако повествование в норме не способно выполнять перечисленные выше функции: в частности, повествование о событии не может выступать в качестве нормы и в качестве распоряжения. Повествоваться может о принятии нормы или распоряжения, поскольку *принятие* – это событие. Протоколы же ссылаются друг на друга как на нормы или распоряжения, которые можно, например, отменить. Отменить можно только действующие в настоящий момент норму или распоряжение, отмена повествования об уже прошедшем событии – языковой и логический нонсенс.

Итак, проблема состоит в том, что в центре комитетского делопроизводства – делопроизводства *распорядительного* – находится *дескриптивный (описательный)* жанр, в то время как мы могли бы ожидать жанр *директивный (распорядительный)*.

Здесь необходимо лингвистическое пояснение. С точки зрения прагматической лингвистики существуют несколько типов действий, совершаемых при помощи речи: *репрезентатив*, *директив*, *декларатив, комиссив, экспрессив* (речевые акты по Дж.Р. Сёрлю[13]). *Репрезентатив* представляет собой вербализацию суждения, т. е. истинностного высказывания. Во избежание терминологической путаницы с репрезентативностью для именования репрезентативов будем использовать также термин *дескриптив*. *Директив* представляет собой побуждение к совершению действия (приказ, просьба и проч.). *Декларатив* – речевое действие, описывающее само себя. Таковы формулы открытия и закрытия заседания («Объявляю заседание открытым», «Заседание закрыто»). Те же характеристики могут быть применены к более крупным речевым единицам, в частности к речевым жанрам. Протокол, согласно приведенному выше определению, является жанром дескриптивным, а должен быть директивным.

Рассмотрим в общих чертах систему войскового делопроизводства, сложившуюся в российской армии к Первой мировой войне. По «Положению о письмоводстве и делопроизводстве в Военном ведомстве» 1911 г. войсковая документация состояла из трех «нормальных видов служебных бумаг»: предписаний, рапортов и сношений[14]. Предписания, т. е. приказы, приказания и объявления, представляли собой документы, отправлявшиеся от верхней инстанции

к нижней, рапорты – от нижней инстанции к верхней, сношения – между равными инстанциями. Содержательно «служебные бумаги» могли включать в себя как директивы-предписания, так и репрезентативы-описания, хотя само название приказов и приказаний указывает на их преимущественно директивный характер.

Войсковое делопроизводство являлось составной частью системы войскового управления, дополнявшей и подменявшей систему устной отдачи приказаний и получения донесений там, где устной речи было недостаточно. Войсковая система управления была к 1917 г. системой единоличной: все инстанции, за некоторыми исключениями, замещались одним лицом. Соответственно все циркулировавшие в ее рамках пакеты информации должны были иметь единоличных адресанта (отправителя) и, с оговорками, адресата (войсковая система адресации в сравнении с комитетской представляет собой отдельную тему, которую мы затрагиваем лишь вскользь).

Приказ, рапорт, сношение имеют единоличного адресанта. В непосредственной работе над текстом могут принимать участие много авторов, но исходит он всегда от одного человека, приписывается одному адресанту (соответствующему командиру). В этом смысле приказ, рапорт, сношение суть *первичные речевые жанры*.

Понятие *речевого жанра* заимствовано нами из одноименной лингвистической теории, восходящей к М.М. Бахтину[15]. Не вдаваясь в подробные разъяснения, остановимся на главном для нас постулате: люди пишут и говорят не «просто так», а в соответствии с определенными моделями построения речи – речевыми жанрами. Подобные теории существуют в разных областях знания (от психологии до искусственного интеллекта) и описывают не только речь, но и *действие, знание, коммуникацию*. Сами модели именуются разнообразно: шаблоны, фреймы, схемы, скрипты, сценарии. Остановимся на бахтинском термине *речевой жанр*. Согласно этой теории, понятие речевого жанра в равной степени относится как к устной, так и к письменной речи, в том числе производимой несколькими коммуникантами; по М.М. Бахтину, речь вообще по своей сути диалогична. Описывая речевые жанры, М.М. Бахтин наметил несколько бинарных оппозиций, в том числе две оппозиции *первичных* и *вторичных* жанров (синхронная и диахронная оппозиции). Нас в данном случае будет интересовать только одна – синхронная. Ни один жанр (экземпляр жанра) в коммуникации не возникает «ниоткуда», его появление всегда инициируется другими жанрами. Так, жанр *повестка в суд* инициирует реализацию жанра *допрос свидетеля*; *допрос* не начинается сам по себе, он должен быть чем-то инициирован – *повесткой* или *задержанием*. Кроме отношений

инициирования жанры могут связываться как первичный и вторичный жанры, когда первый является исходным материалом для второго. Речь при этом не идет о протографировании – взаимоотношениях между двумя *экземплярами* жанра, а между двумя *жанрами*. Экземпляры одного жанра регулярно являются *протографами* для экземпляров другого, как жанр *допрос* является первичным жанром для *протокола допроса*[16]. Кроме того, в отличие от ситуации с протографом, регулярность взаимоотношений двух жанров обусловливает двустороннюю направленность их влияния.

Итак, документы войскового делопроизводства – приказ, рапорт, сношение – являются первичными жанрами. Они не требуют наличия в своем *коммуникативном прошлом* тесно связанного с ними первичного жанра, устного или письменного. *Конкретный* приказ может представлять собой переработанный рапорт подчиненного или составляться после долгого обсуждения в штабе полка. Но эти обстоятельства относятся к отдельным экземплярам жанра или к местным вариантам жанра, но не предполагаются его моделью как таковой. Приказ не имеет ни первичного (по отношению к себе) жанра, ни вторичного (опять же по отношению к себе). Приказ *предписывает* выполнить действия, равно речевые или «реальные», либо те и другие («выполнить и о выполненном донести»). Рапорт и сношения также являются первичными (первыми и последними) письменными жанрами и с устной коммуникацией жестких связей не имеют.

Войсковые комитеты, как (урезанная) система управления, и комитетское делопроизводство, коротко говоря – *комитетская коммуникация* являет собой прямую противоположность старой *войсковой коммуникации* – управлению и делопроизводству.

Если войсковая система управления принципиально единолична, то комитетская система управления принципиально коллективна (коллегиальна). В узлах иерархического дерева комитетов находятся не отдельные люди (вернее, единолично занимаемые должности), а коллективы. Так же как и строевая иерархия, комитетская пронизывала всю армию сверху донизу. Исключалось лишь строевое начальство, начиная с командиров отдельных частей; младшее офицерство, занимавшее должности ниже командира отдельной части, в «организациях» (комитетах, выборных судах, комиссиях) активно участвовало.

Нижний уровень составляли общие собрания подразделений и небольших частей[17].

Важнейшая особенность коллегиального управления, к которому относилась и система комитетов, состоит в том, что никакой (письменный) документ, имеющий адресантом коллегиальный

орган, не может быть первичным. Любое действие коллегиального органа, в том числе составление любого исходящего от всего органа текста, требует *собрания*, или *заседания* – специального речевого жанра, определенной последовательности действий собравшихся вместе лиц. Составляемый по итогам собрания документ может быть составлен и подписан *одним* человеком, но непременно должен быть результатом устного *собрания*. Для войсковых комитетов «заседание», насколько можно судить, представляет собой исключительно устный жанр при непосредственном голосовом и визуальном контакте всех участников, хотя в принципе каждое из этих условий не является обязательным. Уточним, что первичный устный жанр необходим только для документов/жанров, имеющих своим адресантом весь коллегиальный орган или коллегиальный же подорган (комиссия, президиум, бюро, исполнительный комитет). Документы, *исходящие* от председателя, секретаря, отдельных членов комитета, первичного устного жанра не требуют – но не они составляют ядро комитетского делопроизводства.

Следовательно, любой документ, *исходящий* от комитета, является вторичным по отношению к первичному устному жанру либо по отношению к другому вторичному письменному жанру (документу). Наиболее близкий, тесно связанный с *устным заседанием* письменный жанр должен отвечать следующим условиям: 1) элементы композиции письменного жанра должны иметь соответствие среди элементов композиции устного жанра; 2) элементы композиции письменного жанра должны располагаться в том же порядке, что и элементы устного жанра, т. е. строго хронологически (устная речь принципиально диахронна); 3) относительная значимость элементом устного жанра должна быть соотносима с относительной значимостью соответствующих элементов письменного жанра. Удовлетворить всем трем условиям сразу практически невозможно. Если первые два условия требуют максимальной точности *воспроизведения* протожанра, то третье – выделение значимого, что возможно только при нарушении исходных набора и последовательности элементов. Наиболее точным письменным воспроизведением устного жанра при отсутствии технических средств записи является стенограмма – запись реплик участников, чередуемая краткими описательными вставками о невербальных действиях (приход и уход участников, «бурные продолжительные аплодисменты» и т. п.). Если стенографировать заседание невозможно, часть текста может быть переведена из прямой в косвенную речь, заменена изложением, декларативы заменяются дескриптивами: «Председатель открывает заседание» вместо «Разрешите считать заседание открытым». В предельном случае весь текст полностью превращается в

повествование, реплики сворачиваются и теряют самостоятельное жанровое выражение. Второй случай идеально соответствовал бы приведенному выше определению протокола как документа, *излагающего* «ход заседания».

Коммуникативная цель таких документов (их функция) может быть двоякого рода.

Во-первых, повествование о заседании или стенограмма заседания – временно объединим их под именем *дескриптивного документа о заседании* – являются готовым отчетом о заседании. Адресатом такого отчета может стать как *публика* – совокупность лиц, которые не зависят от комитета и от которых не зависит комитет, так и узлы воинской и комитетской иерархий, расположенные выше и ниже данного комитета на иерархическом дереве. Но зачем *кому-либо* знать о заседании и вообще о деятельности органа что-то еще, кроме принятых решений и их легитимности? Предположительный ответ на этот вопрос – гораздо более глубокий, чем кажется – может быть таким: повествование о заседании и тем более стенографическая имитация прямой речи создают иллюзию сопричастности читателя происходящему на заседании. В предписании есть только адресант и нет действующих лиц (поскольку нет повествования). В дескриптивном документе есть не только адресант-комитет, но и действующие лица – участники заседания. Это позволяет посторонним – избирателям, командирам и проч. – составить представление об отдельных лицах, что невозможно в отношении директивных документов. Повествование о заседании позволяет разорвать видимость круговой поруки членов коллегии и тем самым лучше контролировать ее силам, имеющим доступ к повествованию.

Во-вторых, повествующий документ может не только «безответственно» рассказывать о заседании, но и удостоверять истинность рассказанного. Этим он отличается от не имеющего юридической силы газетного бюллетеня. Дескриптивный документ в норме не содержит в себе юридически значимых *предписаний*, не является приказом, перекладывающим ответственность за совершаемые действия с исполнителя-адресата на организатора-адресанта. Однако он может содержать юридически значимые *свидетельства* о порядке заседания, высказываниях участников, принятых решениях, т. е. определяет и удостоверяет коллективную ответственность комитета-адресанта и персональную – каждого из участников.

Полностью избежать письменной формулировки решений оказывается возможным, если принятые решения «проводятся в жизнь» немедленно, на месте, не являются предписаниями или передаются исполнителям в устном виде. Последнее означает, что а) предписание должно быть достаточно простым для передачи,

восприятия и запоминания; б) между предписывающим и исполнителем должны существовать доверительные отношения, исключающие возможность намеренного нарушения жанра. Чем сложнее сами предписания и иерархия управления, подменяющая контакты личного характера контактами должностными, тем бóльшую роль играют удостоверенные письменные сношения. Решения войсковых комитетов имеют еще одну особенность, требовавшую обязательной письменной формы: по «Положению о войсковых комитетах» (в приложении к приказу по Военному ведомству № 213 1917 г.)[18], а также по большинству местных положений в частях и соединениях, решения комитетов проводились в жизнь не непосредственно, а после утверждения соответствующим строевым командиром. Неформальное исключение нередко делалось для вопросов, касавшихся внутренней жизни комитета (таковые многими командирами помечались «Читал», «Принял к сведению», вовсе оставлялись без резолюций[19]). Введение еще одной промежуточной инстанции требовало, во избежание искажений, письменной формы всех принимаемых решений, в особенности адресованных за рамки комитета.

Следовательно, необходимость письменных предписаний налицо. Их взаимоотношения с первичным устным жанром заседания и вторичным письменным жанром дескриптивного документа должны определяться следующим.

Во-первых, формулировки решений данного заседания не могут послужить единственным источником для написания дескриптивного документа. Формулировка решения – это предписание, могущее включать краткое или подробное обоснование. Если формулировки решений заседания сведены в один документ и пронумерованы, можно попытаться восстановить последовательность разбора вопросов на заседании, но лишь в том случае, если нумерация соответствует действительной последовательности рассмотрения, а не последовательности *вопросов повестки дня*, могущей не совпадать с последовательностью *вопросов заседания*. Более того, как видно из дескриптивных документов, в *заседании* произнесение формулировки решения играет совершенно другую роль, чем письменный документ-предписание. Решение формулируется *до* его принятия и фигурирует на заседании как *проект резолюции*. Напротив, письменное предписание представляет собой уже не проект, а собственно *постановление* комитета – окончательный документ, обладающий юридической силой. Письменные предписания могут быть привлечены при составлении дескриптивного документа лишь как второстепенный источник, речь о первичном и вторичном жанрах здесь идти не может.

Во-вторых, письменное предписание не может происходить от дескриптивного документа по тем же самым причинам – описание и предписание основываются на разных элементах заседания. Описание все внимание уделяет *речам*, т. е. воспроизведению в прямой или косвенной речи выступлений участников, что вполне соответствует определению заседания как устного речевого жанра. Предписание же – воспользуемся аутентичным термином *постановление* – содержит совершенно иной текст, существующий не во внутренней коммуникации заседания (между его участниками), а в коммуникации между комитетом и внешним адресатом. Даже если постановление обращено к кому-либо из членов организации, он выступает в нем двояко: безлично, как частичка адресанта-комитета, и лично или под своей должностью – как адресат, противопоставленный адресанту-комитету. *Большинство* постановлений *эксплицитно* называют своим адресантом комитет как коллективного актора (при помощи соответствующих перформативов – «Комитет постановил...» и проч.). Между тем в заседании общаются между собой отдельные лица, это же общение описывается в повествующем документе. Адресантом выступления является выступающий – как член комитета, как частное или должностное лицо и т. п. Формулировка же решения *изначально*, уже в виде проекта резолюции на заседании имеет своим адресантом весь комитет и в такой форме встроена в заседание, в отдельные речи как в оболочку.

Следовательно и в-третьих, предписывающий и дескриптивный документы должны формироваться параллельно, независимо или в слабой зависимости друг от друга. Постановления (*резолюции*) крупных форумов (съездов) могут прилагаться и прилагались к повествующим документам – стенограммам и протоколам. Две разновидности документов объединяются механически – в одно делопроизводственное (затем архивное) дело, при публикации – в один том «материалов». Что интересно, приложениями выступают именно резолюции, а не описания.

Однако в войсковых комитетах 1917 г. объединение предписаний и описаний пошло по другому пути.

В документоведении уже много лет существует представление о простых и сложных документах. Простые документы посвящены какому-либо одному вопросу (имеют монотематическое содержание), сложные – нескольким. Сложный документ состоит как бы из нескольких мини-документов, каждый из которых посвящен отдельному вопросу, объединенных в одном документе по некоему стороннему признаку, например хронологическому (принятые в течение некоторого периода времени или в ходе одного коммуникативного события, например заседания комитета). Систему, основан-

ную на простых документах, в общем случае можно признать более удобной и развитой. Многочисленные трудности, возникающие в процессе упаковки набора однотипных, но построенных вокруг не связанных между собой тем элементов в один общий документ-контейнер, также давно описаны в литературе. Отметим, что *повествование* о заседании является простым документом: единственной его темой является *заседание*, или *ход заседания*, а не обсуждавшиеся вопросы, сколь бы многочисленны и разнообразны они ни были.

Между тем все сказанное о простых и сложных документах может быть с некоторыми поправками отнесено и к другим характеристикам документа, в частности к его функциям. Выше была описана ситуация раздельного существования описывающего и предписывающего документов, имеющих своим первичным жанром заседание коллегиального органа. Однако в 1917 г. такая – высокоразвитая – делопроизводственная система была свойственна очень немногим выборным войсковым организациям[20]. Напротив, делопроизводство большинства комитетов оказалось неспособным выявить в задачах *документационного обеспечения* две макрофункции – описание и предписание, требующие для своей реализации различно устроенных документов. В делопроизводстве войсковых комитетов нет отдельных директивного и дескриптивного жанров; в центре его находится единственный жанр – *протокол заседания войскового комитета*. Выполняя директивную функцию, протокол мог бы обойтись без повествования о заседании. Этого не позволяет необходимость реализации дескриптивной функции, функции повествования о событиях. Более того, само объединение ряда разнородных постановлений под одной шапкой протокола заседания обусловливается исключительно необходимостью выполнения дескриптивной функции, привязывающей постановления к прародителю-заседанию, а значит – и друг к другу.

Как уже было отмечено, дескриптивный документ о заседании, будь то стенограмма или повествование, должен быть простым документом. Директивная же функция может быть реализована набором однотипных документов-предписаний, существующих самостоятельно либо объединенных под одной шапкой в одном общем документе-контейнере. Набор обособленных предписаний не может реализовывать дескриптивной функции, поскольку а) полностью игнорирует элементы жанра *заседание*, которые не связаны напрямую с вынесением решений – прежде всего открытие и закрытие заседания; б) не упорядочивает свои элементы-предписания относительно друг друга, т. е. ничего не сообщает о структуре заседания как такового.

Следовательно, совместная реализация двух функций возможна одним из двух оставшихся способов. Во-первых, основанием

для документа может быть *описание* заседания с включением в него предписаний. Включения эти можно назвать механическими, поскольку предписания так же, как и в устном заседании, должны иметь другую систему адресации, чем дескриптивная основа протокола. Структура документа полностью задается композицией повествования, в которую предписания, иногда даже ограниченные кавычками, включаются на примерно тех же правах, что и прямая речь в текст художественных нарративов. Во-вторых, в основание протокола может быть положен документ-список, состоящий из отдельных предписаний, расположенных в некотором, например хронологическом, порядке. Такого рода документами являются, например, приказы или резолюции съездов. Дескриптивная функция в них может быть реализована тремя способами, каждым по отдельности или всеми сразу. Во-первых, повествования о начале и окончании заседания могут быть расположены до и после списка предписаний. Во-вторых, дескриптивные фрагменты могут быть включены между отдельными пунктами списка. В-третьих, сами пункты списка предписаний могут быть «разбавлены» повествованиями об обстоятельствах их принятия. Иногда повествование полностью вытесняет из пункта-предписания директивную часть. В таком случае мы можем говорить о *пустых постановлениях* или *квазипостановлениях*. Последнее характерно для «вопросов» о чтении телеграмм, приветствий и проч., в норме должных оформляться предписаниями о «принятии к сведению»[21].

Среди протоколов войсковых комитетов XI армии наибольшей популярностью пользовались различные конструкции второго типа – основанные на упорядоченном наборе предписаний. К первому типу могут быть отнесены только протоколы 10-й артиллерийской бригады (по меньшей мере, ранние), 1-й батареи 10-й артиллерийской бригады[22] и отдельные протоколы нескольких мелких частей и подразделений. Описание заседания в них, однако же, очень сжатое. Впрочем, необходимость выполнять также предписывающую функцию распространяется и на эти протоколы. На них могут присутствовать резолюции строевых командиров[23], о том же говорит полное отсутствие могущих им сопутствовать отдельных постановлений.

Документы второго типа характеризуются возможностью использования многомерности визуального восприятия. Повествование по самому своему характеру является имитацией устной речи, имеющей одно измерение и одно направление. Идеальный нарратив не требует разбивки ни на главы, ни на абзацы, поскольку введение какой бы то ни было навигации представляет собой отступление от изначальной однонаправленности. Бумага же предоставляет чита-

телю-зрителю возможность не только двунаправленного, но и двумерного восприятия, что и используется в документах второго типа.

Во-первых, как уже было отмечено, прототипом протокола второго типа является *список* предписаний. Список этот является упорядоченным: каждый элемент имеет постоянный номер и, в случае протокола, очередность предписаний соответствует очередности рассмотрения вопросов в заседании. Значимость их порядка, однако, невелика: при необходимости они могут поменяться местами, а читающий может, не нарушая жанра, передвигаться между пунктами-предписаниями в любом удобном ему порядке. Множество протоколов войсковых комитетов используют возможности, предоставленные двунаправленной одномерной структурой документа, т. е. списками, для организации двух наиболее объемных составляющих – повестки дня и перечня постановлений. Несмотря на имеющееся в литературе мнение о повестке как об оглавлении протокола[24], мы убеждены, что основной причиной появления ее даже в небольших протоколах является тесное взаимодействие с первичным жанром заседания, необходимость *описания* которого присутствует также и в протоколах второго типа.

Во-вторых, визуальное восприятие письменного документа позволяет использовать не только вертикальную, но и горизонтальную навигацию. Двумерным аналогом списка является таблица, состоящая из строк и столбцов, пересечения которых называются ячейками. Таблицы широко использовались для организации протоколов, хотя и несколько реже списков (соотношение примерно 1 : 3 – 1 : 4). Таблица позволяет заменить любое количество списков, соответствующие пункты которых имеют друг с другом некоторую общность, хотя бы попарную. В случае войсковых протоколов такой общностью служит *вопрос*. Протоколы-таблицы заменяют собой все два или три списка – вопросы, постановления и резолюции командира. Объединяя в себе все списки протокола, таблица исключает межсписочные пространства, в протоколах-списках нередко заполняющиеся нарративными фрагментами. Резко ослаблена и возможность вставить повествование между пунктами – в таблице это означает нарушить границы между столбцами. В силу этого реализация дескриптивной функции оказывается возможна только двумя способами: вынесением ее за скобки таблицы и соответствующим сокращением (в большинстве случаев), либо полной капитуляцией протоколиста перед табличной формой и заполнением ее «свободным» текстом, не соответствующим заглавиям столбцов[25].

Итак, необходимость совмещать две малосовместимые функции привела к формированию нескольких разновидностей и подразновидностей документов, речевых жанров, имеющих общее название

протокола войскового комитета. В одних традициях доминирует повествовательность, протокол близок к простому, а не сложному документу, а директивная функция реализуется в форме известного конфликта со структурой документа. В других повествовательность урезается, а сам протокол организуется посредством контейнерной структуры списка или таблицы, облегчающего реализацию директивной функции и навигацию по тексту в ущерб информативности рассказа о ходе заседания.

Примечания

1 РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986. Л. 110, 325–326; Д. 989, Л. 38об.; Ф. 3686. Оп. 1. Д. 620. Л. 60–61об.

2 Кроме указанного в предыдущем примечании также: РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986. Л. 247об.–392; Д. 989. Л. 135, 140–141об., 201 и т. д.

3 Например, дело № 1 (всего их два) комитета 27-го пехотного полка (РГВИА. Ф. 2641. Оп. 1. Д. 1).

4 Например, дело комитета 4-й артиллерийской бригады (РГВИА. Ф. 3680. Оп. 3. Д. 1).

5 Например, дело комитета 39-го пехотного полка (РГВИА. Ф. 2653. Оп. 1. Д. 1).

6 РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986. Л. 16–16об. (слушается «выписка из протокола»), Л. 9 («протокол»), Л. 137–138об. («протоколы»), Л. 147–147об. («протокол»), Л. 148–148об. («протокол»), Л. 306–306об. («протокол»), Л. 313 («протокол»), Л. 319–319об. («выписка из протокола») и проч.

7 РГВИА. Ф. 3329. Оп. 1. Д. 237. Л. 8–9 (любопытна формулировка вопроса: «заслушана часть протокола...»); Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986. Л. 227; Д. 989. Л. 89–90 («выписка из протокола»), Л. 130–130об. («протоколы и постановления») и проч.

8 Дело комитета 4-й пехотной дивизии (РГВИА. Ф. 2334. Оп. 3. Д. 2) включает в себя: протоколы комитетов 13-го пехотного полка (Л. 2–2об., 10–10об.; выписка – Л. 215), 14-го пехотного полка (постановления, не утвержденные командиром полка, – Л. 68; резолюция по вопросу о наступлении – Л. 131), 4-й артиллерийской бригады (Л. 168, 212), «мелких частей» дивизии (Л. 85–85об., 86–86об., 115об., 166–166об., 224, 225), управления штаба дивизии («постановление» – Л. 160), а также протоколы и выписки из протоколов комитета 63-го пехотного полка соседней 16-й пехотной дивизии (Л. 37–38, 130–130об.). Ту же картину представляют собой дела других частей и соединений.

9 РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986. Л. 232–233об.; Ф. 2629. Оп. 1. Д. 1. Л. 54–55об. (посылка делегатов), Л. 59–61об. (посылка делегатов).

10 РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 989. Л. 78–78об., 101–101об., 103–104, 225–226.

11 Там же. Д. 986. Л. 16–16об.

12 *Бардаев Э.А., Кравченко В.Б.* Документоведение: учеб. М., 2008. С. 194.

[13] *Сёрль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17: Теория речевых актов. С. 170–194.

[14] Положение о письмоводстве и делопроизводстве в Военном ведомстве. Изд. 5-е, доп. всеми изменениями и разъяснениями, объявленными по 1-е июня 1916 года. СПб., 1916. С. 3.

[15] *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 428–472.

[16] Взаимоотношения первичных и вторичных речевых жанров разобраны Н.М. Татарниковой на примере жанров допроса и протокола допроса: *Татарникова Н.М.* Координация первичного и вторичного речевых жанров в официально-деловом стиле речи. Иркутск, 2006. 283 с.

[17] Иерархия и сфера компетенции войсковых комитетов были детально прописаны во множестве приказов самого разного уровня, из коих важнейшими являются приказ № 213 по Военному ведомству от 16 апреля и приказ № 51 Верховного главнокомандующего от 30 марта 1917 г. (Войсковые комитеты действующей армии: Март 1917 г. – март 1918 г. / Отв. ред. Л.М. Гаврилов. М., 1982. С. 58–65, 78–89). Проблема документационного «обеспечения» комитетов в них даже не поднимается.

[18] Войсковые комитеты действующей армии: Март 1917 г. – март 1918 г. С. 78–89.

[19] РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986. Л. 204–204об.; Д. 989. Л. 38об., 40–41, 158–158об., 170–170об. и проч.

[20] Применительно к войскам XI армии традиция повествовательного протоколирования может быть характерна только для армейского комитета и армейского исполнительного комитета апреля–мая 1917 г. (РГВИА. Ф. 2148. Оп. 5. Д. 9), причем в существовании отдельного комплекта резолюций уверенности нет.

[21] Напр.: РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986. Л. 172–173; Описанные нарушения: РГВИА. Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986. Л. 107–109; Ф. 2540. Оп. 1. Д. 2. Л. 26–26об. и т. д.

[22] РГВИА. Ф. 3686. Оп. 1. Д. 588; Д. 620. Л. 45–46об.; Ф. 2148. Оп. 1. Д. 986. Л. 172–173.

[23] РГВИА. Ф. 3686. Оп. 1. Д. 620. Л. 66–66об.

[24] *Митяев К.Г.* История и организация делопроизводства в СССР: Учеб. пособие. М., 1959. С. 141.

[25] РГВИА. Ф. 3686. Оп. 1. Д. 620. Л. 65, 76; и т. д.

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

Е.В. Пчелов

СИМВОЛИКА РЕГАЛИЙ РОССИЙСКИХ ГОСУДАРЕЙ: ЭМБЛЕМАТИКА И СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Анализируются символические аспекты, связанные с семантикой, внешним оформлением и функционированием государственных регалий XVI–XIX вв.: венцов и корон, скипетров, тронов и тронных мест и т. д. Проанализированы особенности символики регалий: символические прототипы регалий (трон Соломона, рог единорога и др.), эмблемы регалий, в том числе символы животного мира (лев, дельфин, слон, попугай и др.), историческое переосмысление семантики регалий и их символическая преемственность.

Ключевые слова: регалии, троны, короны, символика, репрезентация власти.

1. Символические прообразы

В качестве символических прообразов русских государственных регалий могут служить, прежде всего, библейские образцы, актуальные при создании инсигний Московского царства. Так, в записках иностранцев отмечается подобие трона русских царей библейскому трону царя Соломона. К. Буссов, описывая аудиенцию у Лжедмитрия I, прямо указал: «В общем этот трон – подобие Соломонова трона, как его описывают в Библии»[1]. Однако только один из сохранившихся до наших дней царских тронов обнаруживает непосредственную аналогию с библейским описанием трона Соломона. Это знаменитый костяной трон, приписываемый Ивану Грозному (по всей видимости, безосновательно). Ряд его особенностей прямо отсылает к библейскому прототипу: 1. «Престол из слоновой кости»; 2. «Верх сзади у престола был круглый»; 3. «И были с обеих сторон у места сиденья локотники». Тот же прообраз исследователи усматри-

© Пчелов Е.В., 2011

вают и в «Мономаховом троне»[2], что не верно, поскольку количество львов и их местоположение у Соломонова трона были принципиально иными[3], нежели расположение фигур зверей в основании царского места. А кроме этого, больше никаких совпадений с библейским описанием не обнаруживается.

Другой символический прообраз – рог единорога, обладавший чудодейственной силой и использовавшийся как противоядие (в этой роли выступали, как правило, рога нарвалов). В то же время единорог символизировал Христа и христианское спасение. В Евангелии от Луки явление Христа метафорически именуется «воздвижением рога спасения нашего» (1, 68–69), в Псалтири «вознесение» рога единорога служит метафорой приобщения к Господу и победы над врагами (91, 11: «А мой рог Ты возносишь, как рог единорога»), там же единорог олицетворяет силу гласа Господа (28, 6: «И заставляет их скакать... подобно молодому единорогу»), в Книге Иова – силу Бога и бессилие человека (39, 9–12: «Захочет ли единорог служить тебе и переночует ли у яслей твоих?..»), в Книге «Числа» освобождение евреев из египетского плена соотносится с «быстротой единорога» (23, 22; 24, 8). На библейские «образцы» опирались и русские толкования XVI в. А.Л. Хорошкевич приводит примеры из текстов 1550-х гг., в которых возвышение «христианского рога» связывается с победами над татарскими ханствами и возвеличением «христианского Российского царства». В послании же новгородского архиепископа Пимена Ивану Грозному (1563 г.) воздвижение «рога спасения нашего» сопоставляется с вручением Господом царю скипетра «Российского царствия»[4].

Впервые скипетр в качестве регалии был зафиксирован Р. Ченслором и К. Адамсом в 1553 г.[5] Однако царский посох-жезл (в конечном итоге восходящий к образу пастыря) известен с более раннего времени. Он выполнял особую символическую функцию, являясь «осью мира, своего рода “мировым деревом”, проходящим сквозь руку государя и через него скрепляющим земное пространство с небесным»[6]. После появления скипетра посох сохранился среди регалий, хотя его значение уменьшилось. И скипетр, и посох Ивана Грозного были сделаны из «рогов единорога». «Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога..., – сказал Иван Грозный в присутствии Дж. Горсея, – этот жезл стоил мне 70 тысяч марок, когда я купил его у Давида Гауэра, доставшего его у богачей Аугсбурга. Найдите мне несколько пауков». «Он приказал своему лекарю Иоганну Ейлофу обвести на столе круг; пуская в этот круг пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подыхали. «Слишком поздно, он не убережет теперь меня»[7]. Так царский жезл использовался и в качестве противоядия. По сообщению Ж. Маржерета, в

царской казне Лжедмитрия I хранились два целых рога единорога, царский посох, сделанный также из этого материала, и еще половина рога, «которой повседневно пользуются в медицинских целях»[8]. Рога попали в руки польских захватчиков во время Смуты[9]. Посох царя Михаила Федоровича был сделан уже из слоновой кости[10].

В ноябре 1562 г. наименование рога единорога даже вошло ненадолго в царский титул: «...великого государя, яко рога инрога, царя и великого князя...»[11] – здесь царь (как и Христос в библейском тексте) даже непосредственно соотнесен с рогом единорога.

2. Символы-эмблемы

Эмблематика регалий включает в себя, прежде всего, эмблемы, имевшие геральдический характер, – двуглавый орел, всадник-змееборец, единорог, причем иногда они представлены в стилизованном виде. Показательны в этом отношении не только двуглавые орлы на Алмазных венцах царей Ивана и Петра, но и пластины («городки») второго ряда Казанской шапки, в которых можно увидеть декоративную форму того же двуглавого орла.

Помимо двуглавого орла и единорога в оформлении регалий использовались и другие символы животного мира. Среди них весьма распространенным был лев. Способствовали этому, конечно, библейские мотивы и, прежде всего, описание Соломонова трона. Приведем примеры символического оформления львами верховной власти в эпоху Московского царства. По описанию Г. Штадена, на северных воротах Опричного двора в Москве «было два резных разрисованных льва, вместо глаз у них были пристроены зеркала... Один стоял с раскрытой пастью и смотрел к земщине, другой, такой же, смотрел во двор». С. Немоевский при описании трона Лжедмитрия I отмечал, что у подножия трона находились «два больших серебряных льва, не позолоченные». Те же данные сообщаются и в «Дневнике Марины Мнишек»: «Колонны утверждались на двух лежащих серебряных львах вышиною с волка. На двух золотых подсвечниках стояли грифы, касаясь колонн»[12]. Особенно ярко была представлена львиная «тема» в оформлении дворца Алексея Михайловича в Коломенском. Дворцовые ворота были украшены фигурами деревянных львов, приходивших в движение и издававших рев. Четыре механических льва располагались и на ступеньках у трона Алексея Михайловича, что, конечно, соотносилось с библейским троном Соломона[13]. По сообщению Штадена, во рву у кремлевской стены при Иване Грозном находились живые львы, присланные английской королевой[14].

Если львы, единороги и грифоны привлекали внимание исследователей русской придворной культуры, то некоторые другие животные, чьи изображения можно видеть на регальных предметах и в придворном быту, остались пока вне поля зрения специалистов. Между тем они тоже чрезвычайно интересны. Так, примечателен рельеф столпа Грановитой палаты Кремля (восходящий к концу XV – началу XVI в.), центральное место в котором занимают дельфины. Причем это не единственные дельфины в этом контексте: на гравюрах из изданий «Записок» С. Герберштейна изображен Василий III, сидящий на троне, ручки которого выполнены в виде дельфинов[15]. Алмазный трон персидской работы, подаренный Алексею Михайловичу в 1660 г., украшают изображения слонов. Слон издавна был царственным подарком – достаточно вспомнить знаменитого Абуль-Аббаса, подаренного Харуном аль-Рашидом Карлу Великому в 798 г. Такие живые дары делались и московским царям. Так, в 1567 г. шамхал Тарковский прислал в Москву посольство с «великими поминками», в числе которых был и слон[16]. Штаден сообщал, что рядом с тем же кремлевским рвом – своеобразным зверинцем у стен Кремля – у ворот «стоял слон, прибывший из Аравии»[17]. И львы, и слоны призваны были, вероятно, подчеркнуть могущество русского царя, его власть даже над силами природы (царские зверинцы подобного рода – один из распространенных мотивов в разных культурах, так же как и личные победы правителя над дикими зверями – один из распространенных факторов его легитимации).

Двойной трон Ивана и Петра Алексеевичей украшен изображениями двуглавых орлов, львов, грифонов и... попугаев. Попугай вообще был чрезвычайно распространенным изображением на самых различных предметах, особенно второй половины XVII в.[18] Попугаи присутствуют в декоре золотой «геральдической» тарели Алексея Михайловича, сделанной в 1675 г. Ю. Фробосом[19], декоре двух саадаков мастера Прокофия Андреева 1673 и 1674 гг., также сделанных для Алексея Михайловича[20], резном белокаменном декоре Теремного дворца (отделка 1682 г.)[21], церкви Троицы в Никитниках (наличники окон, 1634 г.)[22], на изразцах второй половины XVII в.[23], на ручке золотой чарки последней четверти XVII в. (Оружейная палата)[24], на серебряном стакане конца XVII в. (Оружейная палата)[25], на серебряном футляре для очков XVII в.[26], на рукояти пистолета, инкрустированной перламутром (мастер Первуша Исаев, первая четверть XVII в., Оружейная палата)[27], на знаменах московских выборных солдатских полков[28]. Такая популярность попугаев, в том числе и в оформлении официальных царских вещей, требует своего осмысления.

3. Символическая преемственность

Любопытен тот факт, что регалии на протяжении долгого времени, как говорится, жили «полнокровной жизнью» и могли переделываться для новых монархов, иногда практически полностью[29]. Тем самым как бы обеспечивалась монархическая преемственность власти и на самом высоком символическо-предметном уровне. Известно, например, что красная шпинель (лал) переходила с навершия Казанской шапки на венец Михаила Федоровича 1627 г., а затем на Алмазную шапку Ивана Алексеевича 1687 г.[30] Венец Михаила Федоровича 1624 г. в источниках фигурирует последний раз в 1682 г., после чего жемчужины с него перешли на крест шапки Мономаха «второго наряда»[31], созданной для венчания на царство Петра Алексеевича в том же 1682 г., а фигурные запоны с эмалью и драгоценными камнями – на Алтабасную шапку Ивана Алексеевича 1684 г.[32], в результате чего к 1697 г. этот венец оказался «распорченным». Алмазы с несохранившегося венца Алексея Михайловича 1672 г. пошли на создание Алмазной шапки Федора Алексеевича 1679 г., алмазные детали которой, в свою очередь, были сняты на Алтабасную шапку 1684 г. и Алмазные шапки Ивана и Петра 1684 и 1687 гг.[33]

Даже знаменитая шапка Мономаха, главная русская коронационная регалия, не избежала общей участи. Так, по описи 1682 г. «вещам и платью, оставшимся по кончине Царя Федора Алексеевича» шапка Мономаха была украшена следующими «каменьями в золотых гнездах»: желтым яхонтом, лазоревым яхонтом, лалом, изумрудом, корой яхонта лазоревого, двумя бирюзами и четырьмя винисами (гранатами), т. е. одиннадцатью камнями, из которых три, названных первыми, украшают навершие шапки, а остальные восемь – пластины ее тульи. Эти восемь камней представляют собой четыре красных камня, три лазоревых (голубых) и один зеленый. По описи казны царя Ивана Алексеевича 1696 г. эти восемь камней уже таковы: четыре изумруда, два лала и две коры яхонтовые (причем красного цвета)[34]. Иными словами, четыре граната, лазоревый яхонт и две бирюзы были заменены другими камнями. Значит, семь из восьми камней на пластинах шапки Мономаха были заменены в период между 1682 и 1696 гг., в результате чего общий колорит камней в основной части шапки стал красно-зеленым (4 красных камня и 4 зеленых), а голубые (лазоревые) камни были вообще убраны. Это сочетание цветов, как уже отмечалось, особенно характерно для русской придворной культуры второй половины XVII в. Куда же перешли камни с шапки Мономаха? Скорее всего, они украсили ее «копию» – шапку Мономаха второ-

го наряда, которая была сделана в 1682 г. для венчания на царство Петра Алексеевича (Иван Алексеевич венчался на царство «первой» шапкой Мономаха). И действительно, на пластинах и навершии этой шапки присутствуют не только красные и зеленые, но и голубые камни. Таким образом, как и в других случаях, какие-то части новой шапки были заимствованы у предшествующей, и шапка Мономаха второго наряда была не просто копией (или вернее, подобием) «первой» шапки Мономаха, но и непосредственно включала в себя ее отдельные элементы. Преемственность регалий, следовательно, обеспечивалась не только на символическом, но и на чисто физическом уровне.

Такая традиция продолжалась и в дальнейшем. Драгоценные камни с короны Екатерины I 1724 г. перешли на корону Анны Иоанновны 1730 г. (включая увенчивающий корону турмалин), в результате чего от короны Екатерины I остался только серебряный позолоченный каркас[35]. Использование старой короны для создания новой, когда старая была практически уничтожена, могло означать символическое уничтожение императорского статуса Екатерины I и наступление новой эпохи – эпохи императрицы «природного», царственного происхождения. Создание новой короны для коронации Екатерины II (при сохранении коронационной короны Анны в нетронутом виде), безусловно, более роскошной и визуально презентабельной, символически олицетворяло начало нового периода в истории империи, призванного затмить предшествующие, при сохранении, однако, общей преемственности, символически воплощенной в подобии форм самих корон.

Кроме того, прежние регалии использовались в церемониях более позднего времени. После Екатерины II новая Большая императорская корона не была создана, и все государи XIX в. короновались короной Екатерины II. Корона же Анны была использована при коронации Николая I в Варшаве на польский престол в 1829 г. При венчании на царство императоров использовались и троны XVI–XVII вв., включая даже самый древний костяной – во время последней коронации 1896 г. он выполнял роль трона для императрицы Александры Федоровны. Этим подчеркивалась непрерывность монархической традиции, восходившей к временам первых русских царей.

Наконец, интересно переосмысление семантики регалий. Так, начиная с первой четверти XVIII в. древние венцы были «усвоены» различным царствам, названия которых входили в царский / императорский титул. Венец Михаила Федоровича 1627 г. стал шапкой Астраханской, Алтабасная шапка 1684 г. – шапкой Сибирской[36],

позднее шапка Мономаха второго наряда стала геральдической короной для щита с объединенными гербами древних русских столиц (Киевским, Владимирским и Новгородским) в Больших государственных гербах Российской империи 1857 и 1882 гг. Шапка Мономаха же увенчала в этих гербах щит с гербом Царства Херсониса Таврического (т. е. Крыма и Новороссии). Таким образом получила геральдическое воплощение идея о «дарах Мономаха» и преемственности Руси от Византии на уровне государственных регалий[37]. Показательны также и поздние «атрибуции» ерихонской шапки Михаила Федоровича Александру Невскому[38], а костяного трона – Ивану Грозному.

Примечания

1 Иностранцы о древней Москве (Москва XV–XVII веков). М., 1991. С. 208.

2 *Соколова И.М.* Трон царя Ивана Грозного в Успенском соборе. М., 2006. С. 23.

3 «К престолу было шесть ступеней... и два льва стояли у локотников; И еще двенадцать львов стояли там на шести ступенях по обе стороны» (III Царств, 10, 19–20) – таким образом, всего было 14 львов. Кроме того, трон украшали и фигуры тельцов (не это ли является прообразом символической пары «лев и единорог»?).

4 *Хорошкевич А.Л.* Герб // Герб и флаг России. X–XX века. М., 1997. С. 168–169.

5 Иностранцы о древней Москве. С. 29, 39.

6 *Юзефович Л.А.* Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. Конец XV – первая половина XVII в. СПб., 2007. С. 168. Посохи-жезлы были известны как знаки власти и в Древней Руси, древнейшим славянским вариантом этой инсигнии, возможно, был посох-*кий* (*Свердлов М.Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 255).

7 Иностранцы о древней Москве. С. 120.

8 Там же. С. 180.

9 Там же. С. 197 (К. Буссов: «Семь царских корон и три скипетра, из них один – из цельного рога единорога, очень богато украшенный рубинами и алмазами, а также несказанно много редкостных драгоценных изделий должны были познать, как идти... по миру – кочевать по чужим землям...»), 238 (М. Стадницкий: «Алмазы, драгоценные камни, рога единорогов, украшенные алмазами и жемчугом, и иные драгоценности: золото, серебро – были распределены между вождями и воинами»).

10 *Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых // Искусство Средневековой Руси. М., 1999. С. 300. (Материалы и исследования / ГИКМЗ «Московский Кремль»; 12).

11 *Хорошкевич А.Л.* Указ.соч. С. 169–170.

12 Иностранцы о древней Москве. С. 73, 207, 217.

13 *Суздалев В.Е.* Русское чудо. Царский дворец в Коломенском – шедевр русского деревянного зодчества второй половины XVII – первой четверти XVIII века. М., 2005. С. 23–27, 63–65; *Хромов О.Р.* Коломенские львы // Русская речь. 1989. № 1. С. 79–85.

14 Иностранцы о древней Москве. С. 72.

15 Об этом декоре в целом и о дельфинах в частности см.: *Звездина Ю.Н.* Рельефы столпа в Грановитой палате Московского кремля (попытка реконструкции смысловой программы) // Проблемы изучения памятников духовной и материальной культуры. М., 2000. Вып. 2. С. 77–89.

16 *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М., 1963. С. 239.

17 Иностранцы о древней Москве. С. 72.

18 При том, что славянские тексты не дают каких-либо внятных толкований этого символа (*Белова О.В.* Славянский бестиарий. М., 2001. С. 210), кроме того, что эта «дивная» птица «великую силу разума внимательного» имеет. Возможно, впрочем, что в некоторых случаях в виде попугая изображался пеларг – аист, символизировавший сыновнюю заботу о старших (Там же. С. 203–204).

19 *Мартынова М.В.* Московская эмаль XV–XVII веков: Каталог. М., 2002. С. 123–124 (№ 116).

20 *Мельникова О.Б.* Царская охота. М., 2004. С. 11–12.

21 *Маркова Г.А.* Большой Кремлевский дворец. Л., 1981. № 16.

22 Церковь Троицы в Никитниках / ГИМ. М., 1979.

23 *Баранова С.И.* Москва изразцовая. М., 2006. С. 106 (церковь Николая Чудотворца в Столпах, 1669), 125 (колокольня церкви Косьмы и Дамиана в Нижних Садовниках, 1689).

24 *Мартынова М.В.* Московская эмаль XV–XVII веков. С. 235 (№ 296).

25 Государственная Оружейная палата. М., 1988. С. 91 (№ 57).

26 *Суздалев В.Е.* Указ. соч. С. 59.

27 *Комаров И.А., Яблонская Е.А.* Парадное оружие русских государей XVI–XVII веков. М., 2006. С. 45–46.

28 *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006. С. 259. Здесь, впрочем, не все так просто, потому что попугаями первоначально именовали филинов.

29 На это особенное внимание обратила М.В. Мартынова (*Мартынова М.В.* Царские венцы первых Романовых. С. 305).

30 *Мартынова М.В.* Регалии царя Михаила Федоровича. М., 2003. С. 14–15.

31 *Она же.* Царские венцы первых Романовых. С. 300–301.

32 *Она же.* Московская эмаль XV–XVII веков. С. 150 (№ 136).

33 *Она же.* Царские венцы первых Романовых. С. 302–305.

34 *Жилина Н.В.* Шапка Мономаха: историко-культурное и технологическое исследование. М., 2001. С. 217–218.

35 *Бобровницкая И.А.* Регалии российских государей. М., 2004. С. 9–11.

[36] *Пчелов Е.В.* Образы Сибири в символике власти дореволюционной России // Сибирские чтения в РГГУ. М., 2007. Вып. 2. С. 74–76.

[37] *Он же.* Херсонис Таврический в императорском титуле и государственной геральдике России // Международная конференция «Северное Причерноморье: К глубинам славянской культуры» (V Чтения памяти академика О.Н. Трубачева): Материалы конф. Киев; М., 2008. С. 131–133.

[38] *Он же.* Воинские регалии Московского царства: символический аспект // Труды «Русской Антропологической школы». М., 2008. Вып. 5. С. 451–452.

С.И. Баранова

КЕРАМИЧЕСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ РОТОНДЫ ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА НОВОИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ

Исследуется фрагмент керамической надписи из ротонды Воскресенского собора. Выявлена не имеющая аналогов среди памятников древнерусской эпиграфики датировка от Воскресения Христа, которую автор связывает с программой строительства собора.

Ключевые слова: Новоиерусалимский монастырь, памятники архитектуры, ротонда, изразец, керамическая надпись.

Древнерусская лапидарная эпиграфика включает несколько больших разделов по содержанию (надгробные, строительные, бытовые и др. надписи) и технике исполнения (резные по камню, граффити, дипинти и др.). Все они осознаны как отдельные группы, кроме одной технологической подгруппы – керамических поясов-надписей, которые еще не стали предметом самостоятельного изучения. Причина – в малочисленности и фрагментарности сохранившихся образцов, отчасти в их труднодоступности, но главное – в особых свойствах этой группы, оказавшейся отчасти в области рассмотрения архитектурного декора, а отчасти – среди традиционных памятников эпиграфики.

Керамические пояса-надписи известны по памятникам XVI в. Пскова, Старицы, Звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря[1]. В 1644 г. керамическая надпись, рассказывающая об истории строительства, украсила фасады церкви Рождества Христова в Ярославле[2]. В конце XVII в. керамические надписи использовались в Зеленецком монастыре, а в начале XVIII в. – в Вяжицком монастыре под Новгородом и Благовещенской церкви в Тюмени[3]. В Москве выявлены два памятника, на которых находились керамические храмозданные надписи второй половины XVII в.: собор Покрова на

© Баранова С.И., 2011

Рву и церковь Адриана и Наталии в Мещанской слободе[4]. В ряде случаев до нас дошли лишь фрагменты надписей.

В большинстве случаев мы имеем дело с достаточно формализованными текстами надписей-летописей, рассказывающими о строительстве здания и его заказчиках. Иное место среди керамических надписей занимают пояснительные и толковательные надписи Воскресенского собора Новоиерусалимского монастыря[5]. Известно, что при создании Воскресенского собора использовалось описание иерусалимского храма, выполненное иеромонахом Арсением (Сухановым) после посещения Палестины. Среди тщательно зафиксированных надписей храма Гроба Господня в Иерусалиме не находится сведений о надписях подобного рода. Однако при описании церкви Рождества Христова в Вифлееме встречается упоминание о следующей надписи: «Церковь та великая вся вверху подписана мусиею чудным строением: праздники и святых седмь соборов; а подпись у них над иными по-грецки, над иными по-латыни; да в алтаре вверху на полуденной стене написано по-грецки сице: "Подписана та великая церковь, святый Вифлием, в царство Мануила, великаго царя, Порфирогенета, во дни великаго рега ерусалимскаго господина Армори, при вифлеемском епископ господин Равуль, в лето 6476, индикта вторага"». Надписи Воскресенского собора являются одной из групп монастырских надписей, вырезанных на каменных плитах, гравированных на медных досках, написанных на штукатурке. По жанру они представляют собой исторические «летописи», святоотеческие и вероучительные тексты, «каменный путеводитель» по Воскресенскому собору, эпитафии и памятные «таблицы»[6].

Керамические (изразцовые) надписи, занимающие особое место в системе декора Воскресенского собора в Новом Иерусалиме, находятся снаружи: на барабане крестовой части и внутри храма – на керамических иконостасах, по периметру крестовой части собора под сводами и по окружности верхнего яруса ротонды, под шатром.

Наружная надпись, выполненная из изразцов с желтыми буквами по синему фону, идет по круглому барабану центральной главы Воскресенского собора. Первоначальная надпись, содержавшая стихотворную благодарственную молитву о завершении строительства собора[7], была заменена в первой половине XIX в. новой с текстом: «Начало основанию Нового Иерусалима 1656 года. Святейший Никон Патриарх в царство великого государя царя Алексея Михайловича застрой, в 1679 году царь Феодор Алексеевич до сводов воздвиже, в 1685 году великие государи цари Иоанн и Петр Алексеевичи совершиша». Во время взрыва собора в 1941 г. надпись была разрушена. С 1979 по 1983 г. были проведены работы по ее

воссозданию по уцелевшим фрагментам, хранящимся в фондах музея «Новый Иерусалим»[8].

Под сводами по периметру крестовой части Воскресенского собора, включая и алтарь, находится изразцовая надпись с желтыми буквами на синем фоне, с утратами в центре западной стены, также пострадавшей от взрыва (отдельные изразцы хранятся в собрании музея «Новый Иерусалим»). Она состоит из крупных плоских прямоугольных изразцов высотой 33 и длиной 65 см. Текст надписи в алтарной части храма поясняет символическое значение храма и алтаря и некоторых богослужебных предметов и завершается фразой с датировкой: «Изообрази же ся сие таинство в лето ЗРОЕ сентября в А»[9]. Таким образом, надпись датируется 1 сентября 1666 г. 12 декабря того же года после низложения патриарх Никон был отправлен в ссылку в Ферапонтов монастырь.

Надпись в ротонде Воскресенского собора столетиями оставалась неизвестной. В отличие от надписи в крестовой части она была полностью закрыта широким карнизом во время перестройки храма в XVIII в. В ее существовании убедились лишь после разрушения храма во время взрыва 1941 г., когда была уничтожена северная часть карниза и в обвалах были обнаружены фрагменты надписи.

К настоящему времени надпись в ротонде собора сохранила лишь частично утраченный фрагмент общим размером 5 м 85 см в южной части, выявленный в ходе реставрационных работ 1950-х гг. Он содержит начало текста: «О*т*дади*м* образу пообразное познаи*м* наше достоинство почтим начало образное познаи*м* тайны с...»[10], выполненный непрерывной строкой почти без сокращений с несколькими надстрочными буквами. Фрагмент «...ачало обра...» утрачен. Сверху и снизу надпись была украшена лентой из орнаментальных изразцов, частично сохранившихся в нижней части. На сохранившемся фрагменте хорошо видны вбитые в изразцы железные штыри и кронштейны, на которых крепился карниз, закрывавший надпись.

Исследования тех лет не подтвердили полного уничтожения всей надписи, оставляя надежду на то, что она где-либо на отдельных участках уцелела и скрыта под лепниной. Однако в ходе дальнейших реставрационных работ 70–80-х гг. XX в. обнаружить под лепным карнизом следов надписи не удалось. Видимо, большая часть ее могла быть уничтожена во время обрушения шатра в 1723 г. По мнению исследователей, это было вызвано тем, что «шатер, будучи сильно армирован связями, в первые мгновения катастрофы сполз на запад как единое целое и рухнул всей массой на двухъярусную галерею, окружавшую ротонду»[11].

Первое описание изразцового декора собора было приведено архимандритом Леонидом: «Внутрь же всея великия церкви и двора

церковнаго и во главе имать поясы и подзоры видением и красотою зело различны, и летопись надписание вкруг всеа церкви и о таинствах церковных, ценинными словами образчатыми, еже в предбудущия роды родов написася»[12]. В нем впервые были приведены тексты надписей, в том числе и керамических, опубликованные по сокращенному списку описи XVIII в. из архива Новоиерусалимского монастыря.

Надпись в ротонде не была опубликована архимандритом Леонидом, так как отсутствовала в описи. Исследователь не счел возможным привести недоступную для прочтения, скрытую карнизом и, скорее всего, неизвестную ему надпись «двора церковного» – ротонды. Подлинник описи долгое время считался утраченным и лишь в 1999 г. был обнаружен в РГАДА А.Г. Авдеевым: «В 1998 г. небольшой фрагмент подлинника описи был опубликован А.В. Антоновым, который отождествил ее с “переписной книгой Воскресенского Истринского (?!) монастыря”. Эта “переписная книга” в 2001 г. и была отождествлена мною с подлинником Описи Остолопова. Причиной ее “утраты” явилось то, что рукопись, которая должна была храниться в делах Монастырского приказа (Ф. 237), попала “не на свое место”, в дела Поместного приказа (Ф. 1209), что, естественно, осложнило поиск. Затруднило поиск и то, что в 1939 г. Опись была объединена с выписками из сказок воевод, бояр, окольничих, стольников, думных дворян и думных дьяков о количестве числившихся за ними в 1696/97 г. крестьянских и бобыльских дворов. После реставрации в 1961 г. оба документа были сплетены»[13]. По полям подлинника идет скрепа: «Ди-як Бо-рис Ос-то-ло-пов. Стр-ои-тель ста-рецъ Серь-гий. Каз-на-чей ие-ромо-нахъ Варъ-ламъ»[14].

Известно, что дьяку приказа Сыскных дел Борису Ивановичу Остолопову было поручено составление описи после царского посещения монастыря в 1685 г. «А после их, Государского походу, (на освящение сего храма 1685 г, 18 Генваря) оставлены (в монастыре) Государственного Посольского Приказу Подьячий Иван Иванов, да живописец Карп Иванов, а велено им тоя великие каменные церкви учинить чертеж и листы все описать, измерить подлинно, и подписание списать по листам, таково же, как в новоосвященной церкви устроено, и меру всему снять, и что на таблицах подписано, и в подписях на колоколах вылито, списать же...» По замечанию А.Г. Авдеева, «Включение в текст описи списков с надписей – факт для практики монастырских описей XVII в. беспрецедентный – скорее всего, являлось инициативой царской семьи, в полном составе присутствовавшей при освящении Воскресенского собора 18 января 1685 г.»[15].

После счастливой находки мы располагаем тремя рукописными источниками, содержащими многочисленные разночтения, в которых приводится текст надписи в ротонде: опись Бориса Остолопова 1685 г., рукопись с описанием надписей Воскресенского Новоиерусалимского монастыря начала XVIII в. и список первой трети XIX в.[16]

Текст надписи по описи 1685 г. опубликован. Окончание надписи: «Тому слава во веки, аминь. Написася сие лета ЗРОД-го, а от воскресения Господа нашего Иисуса Христа тысяча ХЛВ года»[17]. Подтвердить подлинное написание окончания текста надписи помог сохранившийся изразец со словами «Христа тыся» из коллекции Московского государственного объединенного музея-заповедника, поступивший в музей в 1961 г. после разгрома в Крутицах мастерской П.Д. Барановского. Описание разгрома было зафиксировано в акте, в котором говорилось о том, что часть изразцов была разбита[18].

П.Д. Барановский начал работу в Новоиерусалимском монастыре еще в 1923 г., продолжив ее в 1950-х гг. Ротонда (как одна из самых пострадавших после взрыва 1941 г. частей собора) стала объектом исследования и реставрации, так же как и открытая часть керамической надписи в ней[19]. При разборке завалов ротонды были обнаружены и собраны из фрагментов семь изразцов надписи. Найденные в месте размещения конца надписи, они явились ее окончанием. Материалы фонда П.Д. Барановского, в первую очередь графическая реконструкция конца надписи, которая при отсутствии подлинников оказалась единственным свидетельством написания текста, позволили подтвердить происхождение фрагмента с текстом «Христа тыся»[20].

Реконструкция конца надписи в ротонде по Барановскому выглядела следующим образом: первый изразец – «...скр(е)шаема тому»; второй – «сл(а)ва вовеки ам*и*н»; третий – «лета ЗРОД *г*(о)»; четвертый – «о*т* воскр(есен) ия»; пятый – «Г(оспо)да н(а)ш(е)го Ии(су)са»; шестой – «Хр(ис)та тыся»; седьмой – «ча ХЛВ года».

Предложенная реконструкция требует некоторых уточнений. Это связано с тем, что текст надписи в ротонде оставался неизвестен исследователю. Не случайно в записках П.Д. Барановского при перечислении надписей собора указано: «Надпись внутри ротонды (вновь открытая) – ?»[21]. Этим объясняется выявленная при сопоставлении со списками неточность реконструкции первого изразца, который является, по спискам, завершением слова «совоскрешаема», а не «украшаема», как предполагал автор реконструкции. В ней отсутствует приводимый во всех списках фрагмент надписи «написася сие», следующий за словом «аминь».

Таким образом, конец надписи в ротонде выглядел следующим образом: первый изразец – «...скр(е)шаема тому»; второй – «сл(а) ва вовеки ам*и*н»; третий – «написася сие»; четвертый – «лета ЗРОДг(о)»; пятый – «о*т* воскр(есен)ия»; шестой – «Г(оспо)да н(а) ш(е)го Ии(су)са»; седьмой – «Хр(ис)та тыся»; восьмой – «ча ХЛВ года». То есть хранящийся в музее «Коломенское» изразец является седьмым фрагментом этой части надписи.

Он представляет собой крупный плоский прямоугольный (33×60 см) изразец из красной глины с коробчатой румпой (высота румпы 11 см). Рисунок желтых на синем фоне букв (высота около 23 см) раскрашен по выполненной предварительно по сырому черепку прориси. Все это свидетельствует о полной идентичности сохранившимся в ротонде изразцам с совпадением размером, цветом букв и фона, техникой написания. В свою очередь, они аналогичны изразцам надписи из крестовой части собора.

Ил. 1

Эпиграфические особенности надписи соответствуют надписям внутри Воскресенского собора, выполненных вязью, надпись характеризуется четкостью и относительной простотой, не снижающей ее безусловной декоративности. В надписи в ротонде это выражено подчеркнутой параллельностью удлиненных, вертикальных, одинаковых по толщине мачт, в соединениях при помощи углов отдельных частей букв. Здесь был выбран наиболее доступный для чтения (имеется в виду высота размещения) вариант более четкого написания.

Ил. 2

Ил. 3

Следует отметить и небольшие отличия. Буквы в этой части надписи более узкие по ширине, чем в ее начале и в надписи в крестовой части, что свидетельствует о стремлении к экономии места. Кроме того, в ней присутствует значительно большее количество сокращений разного вида, нежели в начале, имеющем лишь несколько надстрочных букв. Подобное более сложное и сжатое написание текста может объясняться неточностью расчета размера всей надписи, ограниченной оставшимся отрезком стены. Интересно, что в румповой части изразцов из крестовой части собора, хранящихся в фондах музея «Новый Иерусалим», хорошо видны процарапанные буквы под титлами, которые, очевидно, являются порядковыми номерами изразцов надписи. На изразце из ротонды, хранящемся в музее-заповеднике «Коломенское», не удалось обнаружить таких знаков. Возможно, более ранняя надпись в ротонде выкладывалась без предварительной разметки.

Обратимся к тексту конца надписи в ротонде в части даты. Первая дата снабжена титлом, вторая скорее всего также имела этот надстрочный знак в несохранившейся верхней части изразца, над тремя последними буквами-цифрами. Написание первой даты обычно: вместо традиционного, более распространенного в древнерусской письменности оборота «в лето» – «лета», буквенное написание даты с обозначением первой буквой цифры семь тысяч и завершением надстрочного окончания числительного – «го». Вторая дата включает словесное обозначение первого числа – «тысяча» и окончание текста словом «года» или «году», так как последняя буква не сохранилась, а в списках надписи это слово отсутствует[22].

Фиксация фрагмента изразца с текстом «от воскресения» не вызывает сомнения в точности реконструкции. В вышеназванных списках этот фрагмент имеет разночтения: по рукописи XVIII в. – «воплощения», XVII и XIX вв.– «воскресения». Дата везде одинакова – 1632 г. в буквенном написании с обозначением числа «тысяча» буквой «азъ» с характерным для тысячных чисел знаком. Однако ни в одной из рукописей не приведено подлинного написания первого числа даты – «тысяча». Таким образом, надпись содержит дату от Воскресения Христа, что при сложении со сроком его земной жизни составляло дату от Рождества Христова – 1665 г.

Форма двойного летосчисления – от сотворения мира и Рождества Христова – нередка в Новоиерусалимском монастыре, например, в надписях на колоколах, приведенных архимандритом Леонидом[23]. Она встречается и в «Никоновских» изданиях. В изданиях Служебника, содержавшем исправления «с древних греческих книг», указаны даты выхода из печати: «в лето от создания мира, 7166, от Р(о)ж(де)ства же Г(о)с(по)да нашего Иисуса Христа 1658,

индикта 11, м(е)с(я)ца декемвриа в 10 день»[24]; «в лето от создания мира, 7166, от Р(о)ж(де)ства же Г(о)с(по)да нашего Иисуса Христа 1658, индикта 11, м(е)с(я)ца маия в 15 день»[25]; «в лето от создания мира, 7166, от Р(о)ж(де)ства же Г(о)с(по)да нашего Иисуса Христа 1658, индикта 11, м(е)с(я)ца иулиа в 1 день»[26].

Восстановленный фрагмент позволяет также сузить рамки происходящего. Если события происходили в 1665 г., то возможно соотнести с первой датой «ЗРОД», то есть 7174 г. от сотворения мира. Соответственно, интересующие нас события происходили между сентябрем и декабрем. Известно, что строительный сезон в монастыре длился обычно от Благовещения до Покрова Пресвятой Богородицы, то есть с 25 марта до 1 октября. Можно предположить, что установление надписи могло происходить между сентябрем и октябрем и было торжественным завершением строительства этого года.

Таким образом, надписи в ротонде и крестовой части были выполнены во время пребывания патриарха Никона в монастыре, он же, без сомнения, и был их автором-составителем. Размещение надписей делало их доступными для обзора и прочтения как снизу, так и со второго яруса хор.

Изготовление керамических надписей – лишь один из эпизодов создания уникального изразцового убранства Воскресенского собора, связанного с личностью патриарха Никона. Его деятельность, в полном масштабе открывшего и оценившего возможности керамики, привлекшего к ее созданию западнорусских мастеров, вышла за рамки простого «заказа». Особая роль патриарха как заказчика дала невиданный толчок для дальнейшего развития архитектурной керамики.

Беспримерными были и условия в Ново-Иерусалимском монастыре, благодаря которым возникли уникальные по «плотности» контакты всех участников строительства. Здесь, на монастырском дворе, под неусыпным контролем не покидавшего монастырь в течение нескольких лет (1658–1666) патриарха решались все вопросы гигантской и необычной стройки, как творческие, так и производственные.

Документы довольно определенно говорят об участии патриарха Никона в этом строительстве: «На следующий день святейшему патриарху возвестили, что поспела печь с кирпичами и надо их выносить; он же по прежнему обычаю повелел звонить в колокол и созывать на работу... святейший патриарх хочет идти с братией носить кирпичи...» Об этом писал и архимандрит Леонид: «...душою и главным двигателем всего дела во все время оставался сам Патриарх,... который был в одно и то же время и мудрым зодчим и простым работником...»[27].

Исследователи, изучая строительную деятельность патриарха, утверждали, что «Никон сам входит во все подробности, в оценку материалов и квалификации рабочих»[28]; другие уверены, что рядом с патриархом обязательно должен был быть зодчий – каменных дел подмастерье. Был ли патриарх един в трех лицах – одновременно и заказчик, и идейный вдохновитель, и руководитель строительства, – сказать трудно. Судя по его биографии, можно допустить, что в течение своей жизни он приобрел необходимые познания и опыт для архитектурно-строительной деятельности. Утверждение Г.В. Алферовой о том, что «именно Никон был зодчим трех рассмотренных монастырей»[29], несмотря на приведенные доводы, остается гипотезой. Зато нет сомнения, что именно Никон остановился на изразцах как одном из главных элементов убранства Воскресенского собора и Скита монастыря: «...в применении к церковному украшению по воле и указанию Патриарха Никона, возымевшего счастливую мысль заменить у нас ценинными украшениями византийскую мусию»[30].

Замена была необходима, поскольку Воскресенский собор строился как копия храма Гроба Господня в Иерусалиме, облицованного внутри мрамором и мозаикой. Заменить эти цветные мраморы и были призваны многоцветные изразцы. Очевидно и то, что его роль в воплощении этого замысла не ограничивалась только выбором материала, но и принятием важных решений, в нашем случае составлением текста надписи в ротонде, в том числе введением уникальной датировки.

Использование в тексте даты из ротонды летосчисления от Воскресения Христова, не имеющего аналогов в древнерусских памятниках эпиграфики, а также в московских рукописных и печатных изданиях, бесспорно, было связано с посвящением этому событию главного престола собора. Программность надписи, которая цитирует 1 Слово на Пасху и 45 Слово на Пасху святителя Григория Богослова и Слово огласительное на Пасху святителя Иоанна Златоуста и размещается над кувуклией, очевидна, и датировка от Воскресения Христа была частью этой программы.

Представляется, что наивысшее воплощение идейный замысел патриарха Никона приобрел именно в этой части собора. «Здесь осознаешь, как велик был гений Никона, постигшего, что ни один народ не вместил идею Воскресения Христова, идею Пасхи, как вместил эту идею народ русский. И вот создан наш национальный храм, наш Ватиканский Петр, где каждое воскресенье поется канон пасхальный!» – писал С.В. Соловьев после посещения Воскресенского собора[31].

Таким образом, в ходе исследования удалось воссоздать часть утраченной керамической надписи, которая является программной

для данного памятника. Это позволяет уточнить обстоятельства создания и семантику ключевого фрагмента надписи. Кроме того, использование архитектурно-художественных материалов для источниковедческой работы по реконструкции и верификации данных письменных источников дает возможность воссоздания в Воскресенском соборе Новоиерусалимского монастыря не только фрагмента надписи с уникальной датировкой, но и реконструкции всей керамической надписи.

Примечания

1 *Плешанова И.И.* Псковские архитектурные керамические пояса // Советская археология. 1963. № 2. С. 211–226; *Жизневский А.* Изразцы на Старицком соборе, построенном в 1561 году. Тверь, 1888. С. 6–7; *Кавельмахер В.В., Чернышев М.Б.* Древний Борисоглебский собор в Старице. М., 2008. С. 64–68; *Шеляпина И.С.* Археологическое изучение памятников архитектуры начала XVI в. в Саввино-Сторожевском монастыре // Средневековая Русь. М., 1976. С. 306.

2 *Добровольская Э.Д.* У истоков каменного посадского зодчества Ярославля: Церковь Рождества Христова на Волге // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 130–136.

3 *Кондратьева Е.В.* Новые данные о деятельности керамической мастерской Валдайского Иверского монастыря // Памятники культуры: Новые открытия: 1980 год. Л., 1981. С. 467–468 (храмозданная надпись на изразцовом портале Троицкого собора); *Проскурякова Т.С.* О традиционализме в монументальной архитектуре Сибири XVIII века // Архитектурное наследство. М., 1996. Вып. 41. С. 114–115.

4 *Баранова С.И.* Керамическая «летопись» колокольни храма Святых Адриана и Наталии (Святых апостолов Петра и Павла) в Москве // Искусство христианского мира. М., 2003. Вып. 7. С. 221–233.

5 Цит. по.: *Арсений Суханов.* Проскинитарий // Православный Палестинский сборник. СПб., 1889. Т. VI, вып. 3. С. 170.

6 *Зеленская Г.М.* Святыни Нового Иерусалима. М., 2002. С. 95. Приношу глубокую благодарность директору Государственного историко-архитектурного и художественного музея «Новый Иерусалим» Н.А. Абакумовой за предоставленную возможность работы в музее.

7 Текст надписи:

«Господи Боже, Царю безначалный,
Отче, Сыне, Душе всепреславный,
Благодарим Тя, поем, прославляем,
Яко в начатки совершенства взираем,
Молим же Тебе и в прочем помощи,
Царей в милости к церкви сей привлещи,

Да начатое зде Алексием царем и Никоном отцем,
Призренное же Феодором царем,
Свершися же в воли Тя, истинна Света,
Царей Иоанна и Петра в царска лета
ЗРЧА-го месяца июня».

Цит. по: *Авдеев А.Г.* Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006. С. 197–198.

8 Новые исследования строительной истории Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря / Т.В. Бугаева и др. // Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». М., 1984. С. 28–34; *Гришин В.П.* Восстановление изразцовой надписи фриза барабана крестовой части Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря в г. Истре (1979–1983 гг.) // Там же. С. 54–57.

9 Цит. по: *Зеленская Г.М.* Указ. соч. С. 110–111.

10 Обмеры выполнены П.Д. Барановским. Архив Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева. Ф. П.Д. Барановского. (Материалы не инвентаризированы.)

11 Новые исследования... С. 30.

12 *Леонид, архим.* Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876. С. 78. В 1885 г. текст наружной надписи XIX в. на барабане большой главы был опубликован Н.В. Султановым: *Султанов Н.В.* Изразцы в древне-русском искусстве // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. СПб., 1885. С. 25.

13 *Авдеев А.Г.* Указ. соч. С. 30. Приношу глубокую благодарность А.Г. Авдееву за помощь в подготовке работы.

14 «В 1671/72 – 1673/74 гг. Борис Остолопов – дьяк Патриаршего двора, с 1674/75 по 12 апреля 1676 г. – дьяк в Севске, в 1678/79 гг. – дьяк у Денежного сбора, в 1684/85 гг. – дьяк Сыскного приказа, в 1696/97 – 1699/1700 гг. – вновь дьяк Патриаршего двора; одновременно – с марта 1697 по 5 апреля 1699 г. – дьяк Патриаршего разряда». См.: *Авдеев А.Г.* Указ. соч. С. 31.

15 *Леонид, архим.* Историческое описание. С. 69–70; *Авдеев А.Г.* Указ. соч. С. 30.

16 Опись дьяка Бориса Остолопова. 1685 г.: РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 4. Д. 5092. Л. 215–215об.; описание надписей Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Начало XVIII в.: РГБ ОР. Ф. 310. Собр. Н.М. Ундольского. № 1119. Л. 115–116; Ф. 178. Музейное собрание. № 871. Л. 20–20об. (список 1-й трети XIX в.). Текст надписи по рукописи XVIII в. с датировкой 1666 г. опубликован: *Лебедев Л.* Москва патриаршая. М., 1995. С. 366.

17 Цит. по: *Зеленская Г.М.* Указ. соч. С. 113–115.

18 *Баранова С.И.* История комплектования фонда керамики Государственного музея-заповедника «Коломенское» // Коломенское: Материалы и исслед. М., 1993. Вып. 5. Ч. 1. С. 111–112. После поступления изразец был отреставрирован с многочисленными восполнениями и тонировками. В 2002 г. в музее были проведены новые реставрационные работы с удалением восполнений и

минимальной степенью воздействия на основу памятника для сохранения его исторической подлинности.

19 Петр Барановский. М., 1996; *Бычков Ю.А.* Житие Петра Барановского. М., 1991.

20 Архив Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. А.В. Щусева. Ф. П.Д. Барановского. В это время были проведены работы по фиксации как сохранившихся надписей, так и найденных фрагментов. В фонде представлены зарисовки, обмеры отдельных изразцов, материалы, касающиеся изразцовых надписей, в том числе интересующей нас ротонды, кальки с воспроизведением фрагментов конца надписи, акварель с воспроизведением текста начала надписи, сохранившейся в ротонде Воскресенского храма, и реконструкция (карандаш, акварель) конца текста надписи.

21 Архив ГНИМА. Ф. П.Д. Барановского. Об этом же свидетельствует проект реконструкции интерьера ротонды Воскресенского собора с условным изображением надписи и графическая фиксация сохранившейся в ротонде части надписи, где реконструкция утраченного фрагмента выглядит как «аше пообр». По текстам описей следует читать утраченный фрагмент как «начало обр».

22 В.Н. Щепкин указывал, что в XVII в. окончательно закрепляется оборот «лета» вместо «в лето»: *Щепкин В.Н.* Учебник русской палеографии. М., 1918. С. 146. Может вызвать сомнение реконструкция изразца с окончанием слова «тысяча» – «ча» – слишком сильна утрата первой буквы, а сохранившийся фрагмент можно отнести и к букве «щ». Видимо, авторы реконструкции имели в виду небольшое расстояние от края изразца, в которое не могла вписаться буква «щ».

23 *Леонид, архим.* Историческое описание. С. 90.

24 Служебник. М.: Печ. двор, 10 дек. 1657. Л. [1]об.

25 Служебник. М.: Печ. двор, 15 мая 1658. Л. [1]об.

26 Служебник. М.: Печ. двор, 1 июля 1658. Л. [1]об.

27 *Шушерин И.* Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1997. С. 71; *Леонид, архим.* Историческое описание. С. 17.

28 *Алферова Г.В.* К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // Архитектурное наследство. М., 1969. № 18. С. 44, 38.

29 Там же. С. 44.

30 *Леонид, архим.* Ценинное дело в Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом монастыре, с 1656 по 1759 год // Вестник Общества древнерусского искусства. М., 1876. С. 81.

31 *Соловьев С.В.* Богословские и критические очерки. Томск, 1996. С. 67.

Г.А. Тюрина

АВТОГРАФ ИСААКА НЬЮТОНА В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ДРЕВНИХ АКТОВ

В недавно обнаруженном автографе Исаака Ньютона содержатся образцы средневековых греческих рукописей с фрагментами текстов Священного Писания. Автограф является уникальным свидетельством занятий Ньютона греческой палеографией.

Ключевые слова: Исаак Ньютон, палеография, новозаветная текстология, богословие.

Изучение истории создания рукописи, географии ее путешествий в пространстве и времени, обстоятельств ее приобретения тем или иным коллекционером или хранилищем является важнейшей составляющей работы исследователя манускриптов. Для науки особый интерес представляют жизнь и судьбы рукописей, входящих или входивших некогда в состав российских собраний, крупнейшими из которых являются собрания Синодальной и Типографской библиотек (ныне в отделе рукописей ГИМ) и Архива Коллегии иностранных дел (ныне в РГАДА). Работа по изучению и каталогизации рукописей этих хранилищ была начата в конце XVIII в. по инициативе и при поддержке Екатерины II. Самым значительным событием в этой области исследований стала публикация каталога греческих рукописей Синодальной и Типографской библиотек, составленного немецким филологом Христианом Фридрихом Маттеи (1744–1811). Только после выхода в свет этого каталога греческие рукописи московских собраний стали объектом исследований русских и европейских филологов[1].

В РГАДА Б.Л. Фонкич обнаружил рукопись с автографом Исаака Ньютона (1643–1727)[2]. Это кодекс в 4°, в твердом кожаном переплете, 198 листов. На первом листе имеется надписание ко-

© Тюрина Г.А., 2011

ричневыми чернилами: Specimina Codicum antiquorum MSS. manu D. Isaaci Newton, Cantabrigensis. Кодекс составляют образцы текстов греческих (а также незначительного числа греко-латинских) рукописей V–XVI вв. Священного Писания и святоотеческих творений. Большинство образцов сделано при помощи кальки – Ньютон накладывал ее на текст рукописи, обводил черными или коричневыми чернилами, а затем наклеивал кальку с фрагментом текста на бумагу. Копировался абсолютно точно не только сам текст, но и изображение начальных букв и заставок красными чернилами. Некоторые фрагменты, в которых начертание букв было не слишком сложным, списаны с оригинала сразу на бумагу. Комментарии, замечания и другие пометы сделаны на латинском языке коричневыми чернилами и карандашом. В рукописи имеется описание одного кодекса на английском, а также краткие пометы – на немецком языке.

Перед исследователем этой рукописи встает ряд вопросов: действительно ли она является автографом Ньютона, почему великий физик обратился к занятиям греческой палеографией и каким образом результат этих занятий оказался в московском хранилище.

Палеографическое и кодикологическое изучение рукописи позволяет сделать следующие выводы: тип филиграни бумаги (тип Pro Patria) свидетельствует о том, что рукопись была создана в начале XVIII в., основной ее текст, т. е. скопированные образцы греческих рукописей, написан одной рукой. Нет оснований сомневаться в том, что это рука Ньютона, как указано в названии рукописи. Подтверждением этому служат пометы в рукописи на латинском языке, почерк которых идентичен почерку в других латинских автографах Ньютона. О подлинности рукописи свидетельствует и ее содержание: ведь если бы создатель рукописи хотел сделать искусную подделку, вряд ли он выбрал бы такой странный и, казалось бы, не свойственный самому Ньютону предмет исследования, как греческая палеография. Читатель скорее поверил бы, что перед ним автограф Ньютона, если бы рукопись содержала трактат по физике, алхимии или богословию, которые являлись основными направлениями трудов ученого.

Однако большая часть комментариев к скопированным образцам принадлежит не Ньютону. На это указывает не столько различие в начертании букв или в орудии письма (одни пометы сделаны чернилами, другие карандашом), сколько содержание этих записей. Каждый скопированный образец сопровождается указанием на кодекс, откуда он взят, многие – ссылками на печатные каталоги или книги, в которых имеется его описание, при этом по крайней мере одно из этих изданий вышло в свет уже после смерти Ньютона. Очевидно, эти сведения добавлены в рукопись человеком, изучавшим

образцы, скопированные Ньютоном. Таким образом, можно сделать вывод о том, что начатая Ньютоном работа по изучению образцов письма в греческих рукописях была продолжена и восполнена после его смерти. Если вычленить из рукописи только то, что несомненно принадлежит Ньютону, а именно скопированные образцы и немногочисленные пометы, становится очевидным, что перед нами – «рабочая тетрадь» ученого, не предназначенная для использования другими людьми. На ее полях он упражнялся в расшифровке разных типов минускульного письма, буквенной и цифровой кодировки, вычислял дату. Его пометы не рассчитаны на постороннего читателя, а сделаны исключительно для себя. Поскольку некоторые рукописи, из которых Ньютон брал образцы, датировались от Сотворения мира, на полях своей рукописи ученый производил расчет даты от Рождества Христова, и делал это великий математик так же, как и все люди – в столбик. Впоследствии эти материалы оказались в распоряжении человека, который их упорядочил, пронумеровал листы и попытался дать комментарий. Его записи, выполненные карандашом, сделаны на латыни и по-английски. Имеющиеся пометы на немецком языке свидетельствуют о том, что рукопись изучалась также и немецким ученым. Таким образом, в рукописи имеются следы работы по крайней мере трех исследователей.

Первый образец рукописи (л. 4) имеет надписание: Specimen characterum in Codice MS. Paralipom. qui Theodori Archiep. Cantuar. fuiste fertur. Accurata manu D. Isaaci Newton, Cantabrigiensis («Образец письма в кодексе Паралипоменон, который, как считается, принадлежал Феодору, архиепископу Кентерберийскому. Скопирован рукой доктора Исаака Ньютона, Кембриджского»). Никаких сведений о кодексе не приводится; по-видимому, Ньютон его местонахождение не указал, а его преемнику в работе над образцами оно было неизвестно. Немецкий ученый также его не установил, а сделал лишь помету «NB». Сама принадлежность скопированного отрывка греческого текста английскому святому VII в. Феодору Кентерберийскому (602–690) кажется ошибочной, поскольку характер письма (в частности, система надстрочных знаков) свидетельствует о том, что рукопись создана значительно позже.

Следующие образцы сделаны с знаменитого Александрийского кодекса V в., с 1627 г. хранившегося в Лондонской королевской библиотеке[3]. В рукописи приводились три его образца (л. 5–7), один из которых, л. 6, утрачен. Несомненно, этот кодекс был хорошо известен и Ньютону, и его продолжателю. На л. 7об. последним указаны издания, в которых имеются эти образцы, среди них «Palaeographia Graeca» Монфокона и каталог английской Королевской библиотеки Кеслея[4]. Первый образец имеет подпись «mea manu», а третий –

«Grabii manu». Последняя подпись может быть свидетельством сотрудничества Ньютона с профессором теологии Оксфордского университета И.Э. Грабе (1666–1711)[5], стоявшим у истоков критического изучения текстов Священного Писания. Грабе принадлежит первое издание текста Ветхого Завета на основе Александрийского кодекса, с комментариями и вариантами чтения из других кодексов[6]. Именно Грабе предоставил образцы из Александрийского и некоторых других кодексов английских библиотек Монфокону для его «Палеографии»[7]. Возможно, и Ньютон просил Грабе прислать ему образец письма кодекса, а быть может, продолжатель Ньютона сделал подпись «Grabii manu», зная, что образец взят из издания Монфокона, а тот, в свою очередь, получил его от Грабе.

Далее (л. 10) следует образец Ватиканского кодекса[8], а именно начало Книги пророка Иезекииля, без каких-либо примечаний. Л. 11–17 занимают образцы одного и того же фрагмента текста из двух важнейших кодексов посланий апостола Павла: Сенжерменского[9] (X в.) и Клермонского[10] (VI в.). Эти кодексы содержат параллельные греческие и латинские тексты, причем первый является копией второго. В качестве комментария к Сенжерменскому кодексу приводится ссылка самого Ньютона на его описание у Монфокона[11]. Образец Клермонского кодекса сопровождается следующими пометами: «Vid. Simon Crit. 131, 145, 175» и «Millii prolegom. n. 1284». Первая сделана Ньютоном, а вторая – его продолжателем. Это ссылки на одну из работ Ришара Симона (1638–1712)[12] и масштабное издание критического текста Нового Завета, составленное английским теологом и текстологом Джоном Миллом (1645–1707), который работал над составлением критического текста Нового Завета, сличая латинские и греческие рукописи, а также восточные в латинском переводе. Главным трудом Д. Милла стало издание Novum testamentum græcum, cum lectionibus variantibus MSS. exemplarium, versionun, editionum SS. patrum et scriptorum ecclesiasticorum, et in easdem nolis. Oxonii, 1707. Эта книга была переиздана в 1710 г. в Амстердаме. Поскольку в рукописи Ньютона на л. 56 упоминается составитель второго издания Кюстер, ссылка, по-видимому, приводится на второе издание. Оба этих издания неоднократно упоминаются в рукописи Ньютона, из чего можно сделать вывод о том, что они, наряду с изданием Монфокона, были основными пособиями в занятиях ученого греческими рукописями.

Следующим кодексом, из которого Ньютон копирует образец письма, является так называемый Codex Ephraemi Rescriptus[13], палимпсест V в. Первоначально кодекс содержал полный текст Библии, однако впоследствии, в XII в. он был смыт, после чего на его листах были записаны гомилии преп. Ефрема Сирина. В конце XVII в.

были сделаны попытки восстановления первоначального текста кодекса. В рукописи Ньютона на л. 22 приводится его фрагмент, однако нет указания на то, откуда он взят. Можно сделать предположение, что ученый был знаком с трудами швейцарского теолога и текстолога И.Я. Веттштейна (1693–1754). В 1713 г. он защитил диссертацию «De variis Novi Testamenti lectionibus». После этого изучал рукописи в Париже и Кембридже. Осуществил несколько изданий критического текста Нового Завета, самым значительным из которых является Novum Testamentum Græcum editionis receptæ, cum Lectionibus Variantibus Codicum MSS., Editionum aliarum, Versionum et Patrum, necnon Commentario pleniore ex Scriptoribus veteribus, Hebræis, Græcis, et Latinis, historiam et vim verborum illustrante. Amstelodami, 1751, 1752. 2 vols.), впервые сделавшего в 1716 г. полную коллацию текста этого кодекса[14]. Однако первое печатное издание текста кодекса было осуществлено Константином фон Тишендорфом (1815–1874)[15] лишь в 1843–1845 гг. после того, как листы кодекса были обработаны специальным составом, позволившим более точно восстановить текст[16]. В рукописи Ньютона в связи с этим кодексом приводится только одна ссылка на издание, где исследуется фрагмент текста этого кодекса в сравнении с вариантами чтения этого фрагмента в других кодексах[17].

Еще несколько скопированных Ньютоном фрагментов принадлежат древнейшим Новозаветным кодексам: так называемому кодексу Безы (V–VI в.)[18], носящему имя французского писателя, теолога, видного деятеля Реформации и ученика Кальвина Теодора де Беза (1519–1605)[19], который в 1581 г. подарил его библиотеке Кембриджского университета (л. 95); кодексу Лауда (VI в.)[20], входящему в числе рукописей архиепископа Вильяма Лауда (1573–1645)[21] в состав Бодлейанской библиотеки Оксфордского университета (л. 37–40); Бернерианскому кодексу (IX в.)[22], приобретенному в 1705 г. в Голландии лейпцигским профессором Христианом Фридрихом Бернером (1663–1753)[23]. Образец последнего имеет помету, сделанную продолжателем Ньютона: «Cod. Boernerianus. Bärneri manu». По-видимому, Ньютон получил этот образец от владельца кодекса из Лейпцига. При образце кодекса Лауда, помимо ссылки на издание Милла, имеется запись: «Hearne». Это, несомненно, ссылка на исследование историка и знатока древних языков, много лет посвятитвшего работе с рукописями Бодлейанской библиотеки, Томаса Хирна (1678–1735)[24], посвященное этому кодексу[25].

Все указанные выше кодексы (за исключением первого) возглавляют классификацию унциальных рукописей Священного Писания, предложенную Каспаром Грегори[26] и действующую в текстологии и поныне[27].

В рукописи Ньютона приводятся образцы еще из 28 кодексов (X–XVI вв.), хранившихся в XVII в. в составе различных коллекций Бодлейанской библиотеки (7 кодексов из архива Томаса Бодлея[28], 3 – из коллекции Томаса Роу[29], 8 – из собрания Бароцци[30], 6 – из коллекции Лауда[31], 4 – из собрания Джона Селдена[32]), а также двух кодексов из библиотек оксфордских Линкольн колледжа и Корпорис Кристи колледжа и двух рукописей из частных лондонских библиотек[33]. Из этого числа только три манускрипта представляют собой сочинения отцов церкви: два кодекса содержат беседы Иоанна Златоуста (X и XVI в.)[34] и один – творения Григория Нисского (XVI в.)[35]; все другие рукописи являются списками текстов Священного Писания. В примечаниях к образцам, помимо уже указанных выше изданий, упоминаются каталоги Парижской королевской библиотеки и частной библиотеки Джорджа Велера[36], а также один из трудов Генриха Канизия (ск. 1610 г.), профессора канонического права в Ингольштадте (Бавария), который выпустил в свет множество трудов по истории, в том числе упоминаемую в рукописи Ньютона серию из шести книг Antiquae Lectiones, seu antiqua monumenta ad historiam mediae aetatis illustrandam. Ingolstadt, 1601–1604.

Таким образом, рукопись Ньютона представляет собой каталог важнейших новозаветных рукописей, как древних, унциальных, так и более поздних, минускульных, снабженный иллюстрациями и комментариями. Несомненно, она имеет непосредственное отношение к богословским изысканиям ученого, которым он посвятил значительную часть своей жизни и своих трудов. Одним из направлений этих изысканий была текстология. На основании данных авторитетных кодексов греческого текста Нового Завета Ньютон создал трактат, изданный лишь в 1754 г., через 27 лет после смерти автора, изначально адресованный английскому философу и государственному деятелю Джону Локку (1632–1704)[37], в котором ученый доказывал, что два важных фрагмента текста Нового Завета, а именно 7-й стих 5-й гл. Первого послания апостола Иоанна Богослова, а также 16-й стих 3-й гл. Первого Послания апостола Павла к Тимофею, из которых следует учение о божественной природе Христа, являются поздними добавлениями[38].

Благодаря открытию московской рукописи Ньютона с образцами греческих кодексов мы теперь знаем, что ученого интересовало не только содержание рукописей, но и сами манускрипты. Несомненно, к работе такого рода его подтолкнуло появление «Палеографии» Монфокона и тех первых текстологических исследований, которые упоминаются в его рукописи. Конец XVII – начало XVIII в. – время зарождения и становления текстологии как науки, и когда в печати появились упомянутые выше работы Грабе, Симона, Хирне, Милла

и Веттштейна, Ньютон, которому эта область исследований была очень близка, не мог остаться в стороне. Вообще Англия в то время была охвачена пламенем религиозной розни, конец которой положили события «Славной революции». Кембридж был научной крепостью Англиканской церкви, практически каждый его профессор был одновременно и богословом. Невозможно не отметить безусловного влияния на Ньютона его учителя в Тринити колледже Исаака Барроу (1630–1677)[39], который на протяжении всей своей жизни так и не смог решить, кто он – математик или богослов. Интересно, что Барроу, получивший классическое образование, пришел к занятиям математикой в результате своих богословских изысканий. Его воспитанник Ньютон и вовсе не разделял свои исследования на физику и богословие. В своем главном труде он писал: «Рассуждение о Боге на основании совершающихся явлений, конечно, относится к предмету натуральной философии»[40]. Цель всех его изысканий заключалась в том, чтобы показать в величии и красоте мира величие и красоту его Творца: «Когда я писал свой труд о системе мира, я направлял свое внимание на такие принципы, которые могут вызвать у мыслящего человека веру в Божество, и ничто не доставляет мне такой радости, как видеть себя полезным в этом отношении. Если я, однако, оказал человечеству таким образом некоторую услугу, то обязан этим не чему иному, как трудолюбию и терпеливой мысли»[41]. Путь же, который вел Ньютона к его цели, состоял в постоянном размышлении: «Я держу перед собой в уме предмет моего исследования до тех пор, пока лучи света, освещая его, мало-по-малу не сделают его совершенно ясным и полным»[42]. Заметим, что изучение рукописей и занятия греческой палеографией – тоже спокойное и неторопливое размышление, так что кажется вполне закономерным, что Ньютон посвящал этим занятиям значительное количество времени.

Как уже было указано, Ньютон начал работать с греческими рукописями еще до выхода в свет «Палеографии» Монфокона, однако кажется бесспорным, что создание ученым рукописи с образцами греческих текстов явилось следствием тщательного изучения труда Монфокона. Об этом свидетельствуют некоторые образцы, скопированные из этого издания. Так что Ньютон начал работу над своей рукописью не ранее 1708 г. Присутствие в ней образцов большого числа кодексов Бодлейанской библиотеки говорит о том, что Ньютон посетил Оксфорд и работал в тамошней библиотеке продолжительное время. В биографиях ученого нет упоминаний о его поездке в Оксфорд в последние годы жизни, возможно, ее целью было именно знакомство с библиотекой, богатой собранием греческих рукописей. В дальнейшем рукопись была доработана неким исследователем, знакомым с греческой палеографией и современными

ему изданиями по текстологии. О том, кто мог быть этим человеком, возможно сделать лишь самые общие предположения. Это был англичанин, писавший свои примечания на латыни и по-английски. Из печатных изданий, на которые имеются ссылки в рукописи, одно выпущено в свет спустя три года после смерти Ньютона: это каталог Лондонской королевской библиотеки Кеслея 1730 г. Можно, таким образом, сделать вывод, что продолжатель Ньютона был его современником или младшим современником, иначе он мог бы привлечь к работе и более поздние печатные издания. Рукопись, если она не была подарена кому-либо Ньютоном для упражнений в палеографии, должна была остаться в архиве ученого после его смерти в доме его племянницы и единственной наследницы Катарины Кондуитт. Первым разбором рукописей этого архива занимался Томас Пеллет с целью подготовить что-нибудь для публикации. Им были отобраны пять рукописей по богословию и хронологии, вряд ли его могли заинтересовать просто скопированные образцы. Издание в 1754 г. трактата об искажениях в текстах Священного Писания повлекло за собой обвинения Ньютона в антитринитаризме. Для того чтобы опровергнуть эти обвинения, новая наследница архива ученого, дочь Катарины, отправила в 1755 г. ряд богословских рукописей Ньютона писателю и теологу Артуру Эшли Сайксу (1683–1756) для обработки и публикации. В их числе могла быть и рукопись с образцами греческих текстов, поскольку в ней не содержится никаких следов еретических взглядов, но напротив, она свидетельствует о серьезном отношении Ньютона к богословским исследованиям. Сайкс ничего не издал, а хранил эти документы у себя. Он был специалистом в новозаветной текстологии, написавшим несколько работ, посвященных отдельным фрагментам текстов Посланий апостола Павла[43]. Конечно, ему были хорошо известны все рукописи и печатные издания, о которых идет речь в рукописи Ньютона, и он вполне мог быть тем человеком, который ее доработал. После смерти Сайкса эти документы были отправлены священнику Джефри Экинсу, в чьей семье они хранились до 1872 г., когда были переданы в библиотеку Нью колледжа в Оксфорде[44]. О научных занятиях Экинса сведений нет, и неизвестно, изучал ли он полученные материалы. Если рукопись с образцами не была в числе тех, которые были переданы Сайксу, значит, она оставалась в архиве Ньютона, но мы ничего не знаем о том, что кто-либо из наследников ученого был специалистом по палеографии или текстологии.

В какой же момент рукопись с образцами греческих кодексов покинула архив своего создателя и каким-то образом после двух веков скитаний оказалась в московском хранилище? Рукописное наследие Ньютона огромно, значительная его часть до сих пор не

издана. 35 лет жизни ученого связаны с Кембриджским университетом, в 1660 г. он был принят в Тринити колледж, а с 1669 г. стал его профессором. Каждый преподаватель этого колледжа был обязан до начала учебного года сдать в его библиотеку в письменном виде лекции, которые он был намерен прочитать студентам. Таким образом, библиотека Тринити колледжа стала первым хранилищем автографов Ньютона. После смерти ученого его архив, как уже упоминалось, оставался в доме его наследницы в Лондоне, а в 1740 г. он переместился в Хемпшир, поскольку его новая владелица, дочь Катарины Кондуитт, вышла замуж за представителя знатного рода Портсмут[45]. В 1872 г. пятый граф этой фамилии передал архив Ньютона во владение кембриджского Кингс колледжа. В 1888 г. появился его первый печатный каталог, составленный Д. Адамсом и Д. Стоуксом, в котором рукописи были поделены на разделы: Mathematics, Chemistry, Chronology, History, Mischellaneous papers, chiefly on theological subjects, Letters, Books и более мелкие разделы с личными материалами. В библиотеке Кингс колледжа сочли, что рукописей слишком много, и рукописи разделов Chronology, History и Mischellaneous papers, chiefly on theological subjects, а также бумаги Ньютона, связанные с его службой на Монетном дворе[46], как не относящиеся к основной его научной деятельности, были возвращены семье Портсмут. В 1936 г. эти материалы были выставлены на аукцион Сотби[47]. Коллекцию приобрел экономист Джон Кинес. Материалы, связанные со службой Ньютона на Монетном дворе, он сразу передал во владение Монетному двору, откуда они были переправлены в Public Record Office, Kew (PRO. Mint. 19/1-5) в Ричмонде, где находятся и поныне[48]. После приобретения архива Кинес начал разыскивать и скупать рукописи Ньютона в частных коллекциях. В состязание с ним вступил исследователь и бизнесмен Абрахам Яхуда, который особенно интересовался теологическими материалами. В 1946 г. Кинес завещал свою коллекцию Кингс колледжу в Кембридже, а архив Яхуды после его смерти поступил в Еврейскую национальную и университетскую библиотеку в Иерусалиме[49].

Такова судьба основной части рукописей архива Ньютона. Известно, однако, что множество рукописей ученого находилось в частных коллекциях (так, математик Вильям Джонс приобрел небольшую коллекцию рукописей Ньютона еще в 1711 г.) и выставлялось на продажу на аукционах еще в XVIII в. В настоящее время, помимо упомянутых собраний рукописей Ньютона в Англии и Израиле, около 70 автографов ученого находятся в Америке.

Драматична судьба библиотеки Ньютона, насчитывавшей около 2000 книг. После смерти Ньютона ее купил за 300 фунтов сосед

Ньютона в Лондоне, начальник морской тюрьмы Джои Хэггинс и переслал ее своему сыну в Оксфорд. В 1750 г. книги были вновь проданы за 400 фунтов Джеймсу Мэсгреву. В 1778 г. они перешли в наследственное баронетское имение Бэрнслей-парк. Владельцы Бэрнслей-парка мало интересовались «книжным старьем», и оно в 1920 г. вместе с другим имуществом было продано с аукциона, причем новые поколения владельцев уже не знали или забыли, что книги принадлежали когда-то Ньютону. Старые фолианты продавались за бесценок как макулатура тюками по 200 книг, и о значительной части ньютоновских книг в настоящее время ничего неизвестно.

До открытия рукописи Ньютона в РГАДА был известен только один его автограф в России. Это письмо-ответ Ньютона на латинском языке А.Д. Меншикову на письмо последнего Ньютону 23 августа 1714 г. на французском языке с просьбой принять его в члены Лондонского королевского общества. Ньютон, бывший с 1703 г. и до самой кончины президентом этого общества, ответил на это обращение очень благожелательно, и Меншиков стал первым русским членом столь почетного европейского научного учреждения. После очень высокопарного и пышного обращения Ньютон писал: «Поскольку Королевскому Обществу известно стало, что Император Ваш, Его Царское Величество с величайшим рвением развивает во владениях своих искусства и науки и что Вы служением Вашим помогаете Ему не только в управлении делами военными и гражданскими, но прежде всего также в распространении хороших книг и наук, постольку все мы исполнились радостью, когда английские негоцианты дали знать нам, что Ваше Превосходительство по высочайшей просвещенности, особому стремлению к наукам, а также вследствие любви к народу нашему, желали бы присоединиться к нашему Обществу. В то время, по обычаю мы прекратили собираться до окончания лета и осени. Но услышав про сказанное, все мы собрались, чтобы избрать Ваше Превосходительство, при этом были мы единогласны. И теперь, пользуясь первым же собранием, мы подтверждаем это избрание дипломом, скрепленным печатью нашей общины. Общество также дало секретарю своему поручение переслать к Вам диплом и известить Вас об избрании. Будьте здоровы. Написано в Лондоне 25 октября 1714 г.»[50]. В Лондонском королевском обществе хранились три черновика ответа Ньютона, один из которых в 1943 г. был передан в дар Академии Наук СССР, в архиве которой с тех пор и хранился. Этот автограф состоит из одного листа. Собственноручные пометы Ньютона имеются также в печатном издании его магистрального труда «Philosophiae Naturalis Principia Mathematica», которое хранится в Научной библиотеке

МГУ и является первым полученным Ньютоном из типографии экземпляром, в котором ученый своей рукой исправлял ошибки и опечатки. В собрание библиотеки МГУ эта книга попала после Второй мировой войны.

Рукопись Ньютона с образцами письма греческих манускриптов стала новым известным автографом ученого, находящимся в России. Она поступила в РГАДА в 1947 г. в числе 24 греческих рукописей, вывезенных в Москву из библиотеки Дрездена в качестве репарации по окончании Второй мировой войны. Эти рукописи являлись частью коллекции греческих рукописей, принадлежавшей немецкому филологу Х.Ф. Маттеи[51], которую он в 1788 г. продал в Дрезден в библиотеку курфюрста[52]. Ученый приобрел ее на аукционе G.A. Marchio за 9 талеров[53], где она была выставлена на продажу в коробке[54]. Исходя из фактов биографии Маттеи, это событие нужно отнести к временному промежутку 1784–1788 гг. До 1784 г. Маттеи занимал должность ректора университетских гимназий в Московском университете, а затем вернулся в Германию. Вероятнее всего, это произошло в Лейпциге, бывшем в то время центром книжной торговли в Германии. Маттеи, выдающийся специалист по палеографии и текстологии, конечно, не мог не заинтересоваться этой рукописью, она была очень полезна для его работы. Ученый незадолго до этого времени начал подготовку к изданию критического текста Нового Завета на основе множества открытых им в Москве греческих рукописей и мог почерпнуть из нее важные сведения о древнейших кодексах, находившихся в европейских собраниях. Однако пометы в рукописи на немецком языке не принадлежат руке Маттеи. По-видимому, поскольку рукопись находилась в Германии, ее изучал немецкий исследователь до того, как она попала к Маттеи. Остается неизвестным, как и когда рукопись переместилась из Англии в Германию, хранилась ли она в архиве Ньютона после его смерти или принадлежала частному лицу. В настоящее время сведениями, достаточными для того, чтобы более или менее определенно дать ответ на этот вопрос, мы не располагаем.

Итак, автограф Ньютона в РГАДА открывает богатейшие возможности для исследований самого разного рода, от палеографических и кодикологических до исторических и богословских. Это самый объемный из известных автографов Ньютона в России. Рукопись исключительна и по содержанию: из нее мы впервые узнаем, что тот, qui genus humanum ingenio superavit[55], прилежно и как-то очень «по-ученически» занимался греческой палеографией. Она служит наглядным доказательством того, что занятия Ньютоном предметами, на первый взгляд далекими от физики и математики, были для него столь же важны и увлекательны. Как подлинный

деятель эпохи Просвещения он интересовался всеми направлениями движения человеческой мысли, в особенности новыми, возникавшими в его время. Такой молодой наукой была и греческая палеография, обязанная своим рождением трудам Монфокона. Несомненно, она казалась Ньютону одним из тех красивых камешков, собиранию которых он посвятил всю свою жизнь: «Не знаю, чем я могу казаться миру, но сам себе я кажусь только мальчиком, играющим на морском берегу, развлекающимся тем, что от поры до времени отыскиваю камешек более цветистый, чем обыкновенно, или красную раковину, в то время как великий океан истины расстилается передо мной неисследованным»[56].

Примечания

1 *Matthaei Ch.F.* Accurata Codicum Graecorum MSS. Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Notitia et recensio. Lipsiae: Libraria Joachimica, 1805.

2 РГАДА. Ф. 1607. Дрезденские рукописные книги. Оп. 1. М. 13.

3 London. British Library. MS Royal 1. D. V–VIII.

4 *Montfaucon B.d.* Palaeographia graeca. Paris, 1708. P. 514; *Casley D.* A catalogue of the manuscripts of the King's library. London, 1734. P. 6. Tab. XI.

5 *Nelson R.* The life of Dr. George Bull, late Lord Bishop of St. David's. London, 1713.

6 Septuaginta interpretum. Oxonii, 1707, 1709, 1719, 1720. T. 1–4.

7 *Montfaucon B. d.* Op. cit. P. 513.

8 Vat. gr. 1209.

9 Ныне часть его находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ. Греч. 20).

10 Paris. gr. 107 AB.

11 *Montfaucon B. d.* Op. cit. P. 218.

12 Ришар Симон – французский текстолог и экзегет, специалист по восточным языкам. Начал свою исследовательскую деятельность с подготовки к изданию критического текста Ветхого Завета на основе сличения латинских, греческих и еврейских рукописей (издана в 1685 г. в Роттердаме). Затем обратился к рукописям Нового Завета. Симон осуществил всего четыре издания, посвященных Новому Завету, – в 1689, 1690, 1693 и 1695 гг. Ньютон ссылается на первое: *Simon R.* Histoire critique du texte du Nouveau Testament. Rotterdam, 1689.

13 Paris. gr. 9.

14 *Мецгер Б.* Текстология Нового Завета. М., 1999. С. 46.

15 *Black M., Davidson R.* Constantin von Tischendorf and the Greek New Testament. Glasgow, 1981; *Aland K.* Constantin von Tischendorf (1815–1874). Neutestamentliche Textforschung damals und heute // Sitzungsberichte der Sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Klasse. 1993. Bd. 133. H. 2.

16 *Tischendorf C.* 1) Codex Ephraemi Syri rescriptus sive fragmenta novi testamenti e codice Graeco Parisiense celeberrimo quinti ut videtur post Christum seculi. Leipzig, 1843; 2) Codex Ephraemi Syri rescriptus sive fragmenta utriusque testamenti e codice Graeco Parisiense celeberrimo quinti ut videtur post Christum seculi. Leipzig, 1845.

17 *Küster L., Sike H.* Bibliotheca librorum novorum. Trajecti ad Rhenum, 1699. P. 454.

18 Cambridge University Library. Nn. 2. 41.

19 *Mallinson J.* Faith, reason and revelation in Theodore Beza. Oxford, 2003.

20 Bodleian Library. Laud. Gr. 35.

21 Вильям Лауд – архиепископ Кентерберийский (*Benson L.*William Laud. London, 1888).

22 Dresden, Sächsische Landesbibliothek. A. 145b.

23 Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayrischen Akademie der Wissenschaften. Leipzig, 1875–1912. B. 3 (1876).

24 The lifes of those eminent Antiquaries John Leland, Thomas Hearne and Anthony à Wood; with an authentick Account of their respective Writings and Publications, from original papers. Oxford, 1772. V. 1.

25 *Hearne T.* Acta apostolorum Graeco-Latine, litteris majusculis e Codice Laudiano, characteribus incialibus exarato. Oxonii, 1715.

26 Каспар Рене Грегори (1846–1917) – немецкий и американский теолог. Составил список важнейших греческих рукописей Священного Писания, в котором каждая рукопись в качестве номера была обозначена буквой латинского алфавита: унциальные – заглавной, минускульные – строчной; так, Александрийский кодекс имеет обозначение **A**, Ватиканский – **B** и т. д. Исключение составляет Синайский кодекс, ставший предметом изучения уже после создания этой классификации. Он обозначен еврейским ℵ.

27 *Gregory C.R.* Die griechischen Handschriften des Neuen Testaments. Leipzig, 1908.

28 Томас Бодлей (1545–1613) – английский дипломат, основатель Оксфордской библиотеки. Его коллекция из двенадцати греческих рукописей первой вошла в фонд этой библиотеки. О нем: *Hearne T.* Reliquiae Bodleianae, or Authentic Remains of Sir Thomas Bodley, London, 1703.

29 Томас Роу (1581–1644) – английский дипломат. В 1628 г. передал Бодлейанской библиотеке 26 греческих рукописей.

30 Это собрание из 242 греческих манускриптов было приобретено в Венеции у Джакопо Барощци (1562–1617).

31 В архиве архиепископа Кентерберийского Вильяма Лауда находились 94 греческие рукописи.

32 Джон Селден (1584–1654) – английский юрист и историк. Из его собрания в Бодлейанскую библиотеку поступили 54 греческие рукописи.

33 Greek Manuscripts in the Bodleian library: An Exhibition held in connection with the XIIIth International Congress of Byzantine Studies. Oxford, 1966. P. 5–10.

34 Bodleian Library. MS. Laud Gr. 75 и Auct. E. 2.7. *Wilson N.* Mediaeval Greek Bookhands: Examples selected from greek manuscripts in Oxford libraries. Cambridge, Massachusetts, 1972. P. 18, Tab. 25–26.

35 Bodleian Library. MS. Laud Gr. 6. *Wilson N.* Op. cit. P. 37. Tab. 86.

36 Джордж Велер (1651–1724) – английский археолог и историк. Его лондонская библиотека насчитывала 37 греческих рукописей, переданных им перед смертью оксфордскому Линкольн колледжу и вошедших позднее в фонд Бодлейанской библиотеки.

37 *Dunn J.* Locke. Oxford, 1984.

38 *Newton I.* Two Letters to Mr. Le Clerc. London, 1754. Название ошибочно, письма были направлены Локку. Этот трактат стал известен под другим названием: An Historical Account of Two Notable Corruptions of Scripture (Историческое прослеживание двух заметных искажений Священного Писания).

39 *Feingold M.* Before Newton: The life and times of Isaac Barrow. Cambridge, 1990.

40 *Newton I.* Philosophiae Naturalis Principia Mathematica. Londini, 1686. P. 6.

41 Цит. по: *Вавилов С.И.* Исаак Ньютон. М.; Л., 1989. С. 198.

42 Цит. по: *Био Ж.Б.* Биография Ньютона. М., 1869. С. 51.

43 Напр.: *Sykes A.A.* A Paraphrase and Notes upon the Epistle to the Hebrews. London, 1755.

44 В настоящее время в библиотеке Нью колледжа находятся 4 рукописи Ньютона, посвященные хронологии и текстологии: New College Library. Ms. 361 (1–4).

45 Первый рукописный каталог этого архива был составлен лишь в 1777 г. S. Horsley и W.M. Godschall.

46 В 1696 г. Ньютон получил должность смотрителя Монетного двора, а с 1699 г. стал его директором. Эту награду ученый получил за организацию и осуществление перечеканки монет, позволившую навести порядок в финансовой системе Англии.

47 Для продажи был составлен их новый каталог: *Taylor J.C.* Catalogue of the Newton papers sold by order of the viscount Lymington. London, 1936. Коллекция была продана за мизерную сумму в 9000 фунтов, поскольку на этом же аукционе была выставлена коллекция импрессионистов Генри Оппенхеймера и основное внимание покупателей было приковано к ней. В 2001 г. на аукционе Сотби был выставлен на продажу один лист из теологической рукописи Ньютона, неизвестный заплатил за него 18 000 долларов.

48 Это собрание насчитывает 903 документа. С них были сняты микрофильмы, и в 1991 г. был опубликован каталог: *Jones P.* Sir Isaac Newton: A catalogue of manuscripts and papers collected and published on microfilm by Chadwick-Healey. Cambridge, 1991.

49 Собрание стало известно ученым только в конце 1960-х гг. Первым исследованием, основанным на изучении всех известных в то время собраний рукописей Ньютона, стала книга *Frank M.E.* The religion of Isaac Newton. Oxford, 1974.

50 Цит. по: *Вавилов С.И.* Указ. соч. С. 202.

51 *Тюрина Г.А.* Христиан Фридрих Маттеи и греческая филология в России во второй половине XVIII – начале XIX века // Вестник ПСТГУ. М., 2006. Вып. III: 2 (Филология). С. 157–168.

[52] *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи собрания Х.Ф. Маттеи в Российском государственном архиве древних актов // Памяти Лукичева. М., 2006. С. 789.

[53] *Белокуров С.А.* О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 18.

[54] *Gebhardt O.v.* Christian Friedrich Matthaei und seine Sammlung griechischer Handschriften. Leipzig, 1898.

[55] «Разумом он превзошел род человеческий» – надпись из Лукреция на статуе, воздвигнутой Ньютону в Тринити колледже в 1755 г.

[56] Цит. по: Ньютон, 1727–1927: Сб. ст. Л., 1927. С. 73. (Очерки по ист. знаний. Ч. 1).

Д.Н. Рамазанова

ГРЕЧЕСКИЕ И ЛАТИНСКИЕ КНИГИ XVI–XVIII вв. ИЗ СОБРАНИЯ АРХИМАНДРИТА ЕВФИМИЯ (ЛИВЕРИЯ) КОЛЕТТИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследуется состав личной библиотеки видного деятеля греческого просвещения, иерарха Русской православной церкви Евфимия (Ливерия) Колетти (1683–1738/1739). Выявлены и отождествлены десять греческих и латинских печатных изданий XVI–XVIII вв. На основании датировки помет и штампов установлено примерное время приобретения книг, характер которых свидетельствует о широких гуманитарных интересах владельца.

Ключевые слова: частные книжные собрания, греческие и латинские печатные книги, Евфимий (Ливерий) Колетти.

Изучение комплекса проблем, связанных с исследованием книжных собраний, делает необходимым понимание библиотеки как целостного явления, подлежащего рассмотрению не только в рамках книговедения, но и прежде всего источниковедения, палеографии и других вспомогательных исторических дисциплин. К этому кругу вопросов относится и задача реконструкции частных библиотек, в том числе собраний деятелей русской культуры XVIII в., которые уже давно привлекают внимание исследователей[1]. От личных библиотек деятелей XVIII в. сохранились описи отдельных собраний книг, принадлежавших как светским, так и духовным лицам, а также книжные комплексы, составлявшие частные собрания.

При изучении библиотек XVIII в., принадлежавших духовным особам, интерес исследователей был в основном сосредоточен на книжных собраниях видных церковных иерархов – Стефана Яворского[2], Феофана Прокоповича[3], Феофилакта Лопатинского[4], Симона Тодорского[5], Гедеона Криновского[6] и др.

К видным иерархам Русской Церкви первой половины XVIII в., очевидно, следует относить и деятеля греческого просвещения

© Рамазанова Д.Н., 2011

Евфимия Колетти (1683–1738/1739), успевшего на протяжении жизни в России стать архимандритом двух московских монастырей и членом Св. Синода. О библиотеке Колетти в научной литературе имеется лишь единственное краткое упоминание[7].

Полноценная биография Колетти, неоднократно менявшего род занятий и свое имя, до сих пор не написана. Отсутствие в научной литературе целостного представления о жизненном пути Колетти, вероятно, связано с тем, что исследователей интересовали разные периоды и аспекты деятельности ученого грека. Так, в историографии неоэллинизма Колетти, упоминающийся под именем «Ливерий» (Елеувферий), известен как выпускник одной из лучших итальянских школ, переводчик и редактор, в первой четверти XVIII в. быстро приобретший своей ученой филологической деятельностью известность в Италии и Германии[8]. В историографии же русской истории Колетти привлекал внимание исследователей лишь в качестве второстепенного участника крупных следственных процессов[9] – дела царевича Алексея Петровича (1718 г.) и дела о распространении прокатолического сочинения доминиканца Бернарда Рибейры (1732 г.). В научной литературе биография Колетти фактически оказалась разделенной на две части: европейскую и русскую.

Задачи настоящей работы, связанные с реконструкцией библиотеки Колетти (отождествление экземпляров, датирование помет, установление времени приобретения книг), требуют целостного изучения биографии этого деятеля греческого просвещения и Русской Церкви.

Ливерий происходил из Афин, о чем он сообщал в том числе в записях на книгах, называя себя «Ἀθηναίος». В 1696 г. он поступил во Флангиниевскую школу в Венеции, созданную в 1665 г. на деньги известного деятеля Венецианского греческого братства Фомы Флангиниса[10]. В том же году школу закончил другой грек (в будущем – епископ Вологодский, затем Суздальский) – Анастасий (Афанасий) Кондоиди, который ходатайствовал о приеме в это учебное заведение Ливерия Колетти. Учеба Колетти заняла 12 лет. Основу преподавания во Флангиниевской школе составляли филологические науки: древнегреческий и новогреческий, латинский и итальянский языки, грамматика, поэтика и ритмика, риторика, логика, философия[11]. По-видимому, незадолго до окончания школы Ливерий принял сан священника. Закончив Флангиниевскую школу, Колетти не прервал с ней связь, став участником работы над стихотворным сборником «Цветы благочестия»[12], вышедшим в Венеции в 1708 г. Авторами стихотворений были выпускники школы[13], Колетти же принадлежало составление стихотворных пролога

и эпилога к этому изданию; вероятно, именно Ливерий стал редактором всего сборника.

После окончания школы Ливерий Колетти поступил в Падуанский университет на факультет свободных искусств[14]. Предполагается, что он прервал обучение в университете для того, чтобы переехать в Галле для участия в проекте знаменитого немецкого богослова, ученого-филолога Августа Германа Франке (1663–1727) по изданию Нового Завета на древне- и новогреческом языках[15]. Здесь Колетти был переводчиком текста на новогреческий язык и научным редактором издания. По-видимому, в Галле Ливерий сотрудничал с Франке не только в издании Евангелия, но и преподавал в возглавляемом немецким ученым Восточном теологическом коллегиуме (Collegium Orientale Theologicum)[16]. Здесь же в 1711 г. Колетти, как предполагает И.А. Чистович, был рекомендован учившимся в университете Галле сыном главы Монастырского приказа П.И. Мусиным-Пушкиным в качестве духовника к пребывавшему тогда в Германии царевичу Алексею Петровичу[17]. По приглашению царевича Колетти прибыл в Москву, где в 1712–1714 гг. преподавал в греческой школе, находившейся на Новгородском подворье[18].

«За поездку к царевичу, о котором знал, что он в бегах, для чего взял 200 червонцев, и за составление цыфирной азбуки»[19] Ливерий в 1718 г. был лишен священства и 16 марта 1718 г. приговорен к вечной ссылке в Соловецкий монастырь, с личным уточнением Петра I: «в тюрьму»[20]. В ссылке Колетти принял монашеский постриг под именем Евфимий[21]. На Соловках ему пришлось оставаться до конца царствования Екатерины I, только Петр II освободил его из заточения.

По возвращении в Петербург в 1728 г. Евфимий Колетти подал прошение в Верховный тайный совет о назначении архимандритом Новоспасского монастыря, в чем был поддержан Синодом. В 1730 г. он стал членом Синода. 10 августа 1732 г., уже будучи архимандритом Чудова монастыря, Колетти был вновь арестован за связь с доминиканцем Бернардом Рибейрой и перевод его «тетрадей». До 1734 г. Евфимий номинально считался архимандритом, но в 1735 г. он был расстрижен, лишен священства, в связи с чем Синодом было указано именовать его прежним именем – Ливерий[22].

Дата смерти Колетти в историографии точно не установлена. П. Пирлинг полагал, что он «умер в 1738 или 1739 году»[23]; П. Бушкович, видимо, следуя Пирлингу, приводит те же годы, уточняя, что Колетти умер в Петропавловской крепости[24], однако эти сведения противоречат документу из дел Синода, согласно которому Колетти не умер в крепости, а был «казнен смертию»[25].

После кончины Евфимия Колетти сохранилась опись его библиотеки, включавшая 190 наименований[26]. Принадлежавшие Колетти книги и церковное имущество (иконы, мощи) по определению Синода от 18 января 1742 г. предполагалось передать в «Санкт-Петербургское Духовное правление для раздачи в церкви: что лучше – в градския, а прочия в сельския ведомства того Правления»[27]. Но спустя полгода после этого решения 20 августа 1742 г. в Синод обратился ректор Московской Академии архим. Кирилл Флоринский с просьбой «снабдить скудную библиотеку Академии» книгами, оставшимися «по смерти бывшаго Чудова монастыря архимандрита Евфимия Коллетия на разных диалектах»[28]. Прошение было удовлетворено: «Евфимиа Колетия книги на разных иностранных диалектах все без изятия отдать в библиотеку московской славеногреколатинской академии за скудость оныя»[29], 24 марта 1743 г. в Академию было принято 158 книг[30]. Несколько изданий из этого комплекса нам удалось выявить в собрании Отдела редких книг РГБ, определив их принадлежность Колетти по пометам и книжному штампу бывшего владельца.

Выявленные экземпляры можно выделить в две группы: к первой относятся книги, содержащие владельческую запись Колетти на греческом языке и с указанием имени «Ливерий» либо штамп с его инициалами; ко второй принадлежат экземпляры, имеющие русскую помету с именем «Евфимий». Характер самоименования во владельческих записях позволяет приблизительно определить время попадания книг в собрание Колетти. Так, экземпляры с именем «Ливерий» на греческом языке, вероятно, оказались в коллекции Колетти в домосковский период его жизни или, по крайней мере, до 1718 г., книги же, имеющие русские автографы, наверняка были приобретены в 1728–1732 гг.

К первой группе относятся следующие издания.

Во-первых, это – «Epithetorum Graeco-latinorum farrago locupletissima...» (Полное собрание Греко-латинских эпитетов...), составленное Конрадом Диннером (1540–?), немецким ученым, профессором поэтики Фрайбургского университета, и изданное в 1614 г. Габриэлем Картье (1542?–1618) (Epithetorum Graeco-latinorum farrago locupletissima ... collectore Conradum Dinnerum... Accessit epitome de poesi seu prosodia Graecorum Erasmi Sidelmanni – (S. l.) : excudebat G. Cartier, 1614)[31]. Первое издание этого труда вышло в 1589 г. во Франкфурте, после чего выходило еще дважды: в Лионе (1605 г.) и Ганновере (1607 г.). Выходные данные принадлежавшего Колетти экземпляра не содержат указания на место издания; не устанавливается оно точно и в библиографии. Поскольку издатель Габриель Картье работал в разных городах[32], наиболее вероятным местом

выхода книги в свет можно считать Женеву, поскольку близкие по времени издания Картье локализуются в Женеве.

На экземпляре по нижнему полю титульного листа – запись Колетти: «Ἐκ τῶν τοῦ Λιβερίου ἱερέως Κολέττου» («Из книг иерея Ливерия Колетти»), выполненная коричневыми чернилами. На корешке наклейки: «1344» (закрашенная чернилами); «238» (внизу); также коричневыми чернилами: «10/238» (XIX в.).

Следующая выявленная книга – это «Описание Ойкумены» писателя II в. Дионисия Александрийского (Периэгета), изданное в 1697 г. в Оксфорде, в университетской типографии, находившейся в Шелдонианском театре[33] (Διονυσίου οἰκουμένης περιήγησις. Εἰς αὐτὴν παλαιῶν σχόλια, καὶ Εὐσταθίου παρεκβολαί. ... Accedit Periegesis Prisciani, Cum notis Andreae Papii. Oxoniae, e Theatro Sheldoniano, An. MDCXCVII)[34].

«Описание Ойкумены» является написанной между 117 и 138 гг. при императоре Адриане географической поэмой дидактического жанра, в акростихах которой скрыты сведения о родине императора и датах его жизни[35]. Комментарии к поэме, опубликованные в этом же издании, были составлены в XII в. одним из крупнейших византийских эрудитов времени поздних Комнинов, Евстафием Солунским. Редактором издания был профессор греческой филологии в Оксфорде Эдвард Твайтс (1667–1711)[36], для которого публикация «Описания Ойкумены» стала одной из первых работ.

На Л. [2]об. экземпляра находится запись Колетти: «Ἐκ τῶν τοῦ Λιβερίου ἱερέως τοῦ Κολέτου καὶ Ἀθηναίου» («Из книг иерея Ливерия Колети Афинянина»). На обороте титульного листа находится штамп: «Библиотека Московской Духовной Академии». Со штампом, по-видимому, связана наклейка (XIX в.) с шифром книги, помещенная вверху корешка переплета: вытесненные типографским способом цифры «145» зачеркнуты карандашом и поверх тиснения написано «155»; также «155» указано внизу корешка. Этот шифр, судя по всему, являлся библиотечным шифром МДА.

К рассматриваемой группе следует отнести подгруппу из четырех книг, на которых отсутствует запись на греческом языке с упоминанием имени «Ливерий», однако содержится оттиск печати с инициалами «Λ Κ», отождествляемыми нами как Λ[ιβέριος] Κ[ολέττης]. Экземпляры с этим книжным знаком идентифицированы нами как принадлежавшие Колетти на основании составленной в Синоде описи[37], где приведены русские названия и годы изданий перечисляемых ниже книг. До настоящего времени в историографии ничего не было известно о печати Ливерия Колетти. Сохранившийся оттиск печати представляет собой круг с помещенными в верхней части литерами «Λ Κ»; под ними расположен четырехчастный герб.

Самое раннее издание – «Новеллы» («Novellae Constitutiones») Юстиниана[38], опубликованные в 1571 г. в Лионе французским издателем Жильермо Ровилье (Gulielmus Rovillius; ум. 1589) (Authenticae Seu Novellae Constitutiones Dn. Iustiniani sacratissimi Principis, Cum veteri Tralatione, Graecis nunc primum apposita. Additis quae hactenus desiderabantur pluribus Constitut. Suoque loco (ut iam aliunde repetedi molestia nulla esse queat) collocatis... Ant. Contio auctor. Lugduni, Apud Gulielmum Rouillium, 1571). Экземпляр имеет штамп «Библиотеки Московской Духовной академии» и шифр «32/47» (XIX в.).

Вторая книга подгруппы представляет собой конволют, содержащий три издания, датированных XVI–XVII вв. и происходящих из различных типографий. Два относятся к XVI в. Во-первых, это труд выдающегося немецкого филолога, редактора и переводчика классических текстов Фридриха Зильбурга (1536–1596), опубликовавшего сборник фрагментов из сочинений разных авторов – византийского богослова и комментатора Евфимия Зигави (ум. после 1182 г.), Феофана Исповедника (ок. 760–818) и др. Труд Зильбурга был издан в 1595 г. в Гейдельберге в типографии Иеронима Коммелина (?–1598) первым изданием[39] (Saracenica, sive Moamethica: in quibus. Ismaeliticae seu Moamethicae sectae praecipuorum dogmatum Elenchus: ex Euthymii Zigabeni Panoplia Dogmatica. De Saracenorum principe et pseudopropheta Moamethe historia; incerti auctoris. Saracenorum ad Christianam Ecclesiam sese aggregantium Catechesis, et Saracenismi anathematizatio. Ex Theophanis et Anastasii Ecclesiastica historia de Moamethicae festae primordiis narratio. ... Opera Friderici Sylburgii... Ex typographeio H. Commelini, Anno 1595)[40]. Следующая часть конволюта – это «Слова, послания, орации» французского ученого философа, логика и математика Пьера де ля Раме (Петра Рамуса) (1515–1572), опубликованные в 1577 г. в Париже типографом Дионисием Валенси (Denis Vallensis) (?–1590) (Petri Rami professoris Regii, et Audomari Talaei collectaneae Praefationes, Epistolae, Orationes: Cum indice totius operis. Parisiis, Apud Dionysium Vallensem... 1577)[41]. Эти две части XVI в. приплетены к лионскому изданию 1630 г., в котором опубликованы сочинения античного ритора Максима Тирского (II в.) (Maximi Tyrii, philosophi Platonici... dissertationes... Lugduni, Sumptibus Claudii Larjor, Typographi Regij. 1630)[42]. Конволют имеет штамп не Московской духовной академии, а Московской епархиальной библиотеки.

Следующий экземпляр – Θεοκρίτου, Μόσχου, Βιώνος, Σιμμίου τὰ εὑρισκόμενα. Theocriti, Moschi, Bionis, Simmii quæ extant Grace et Latine Cum Scholiis et notis Scaligeri, Casauboni et Heinsii. Ex Bibliopolio Commeliniano, 1604[43]. В книге помещены произведения

создателя древнегреческой буколической поэзии Феокрита (310–250 гг. до н. э.), а также его последователей Мосха (II в. до н.э.), Биона из Смирны (III–II вв. до н. э.) и поэта и филолога Симмия Родосского (ум. ок. 300 г. до н. э.). Кроме того, издание содержит комментарии к стихам крупнейших филологов своего времени – одного из основателей европейского антиковедения Жозефа-Жюста Скалигера (1540–1609), Исаака Касобона (1559–1614) и Даниэля Гейнзия (1580–1655). Книга была издана в Гейдельберге в 1604 г. в издательском доме Иеронима Коммелина (ум. 1598). Экземпляр также содержит штамп XIX в. «Библиотека Московской Духовной академии», расположенный на титуле и обороте титульного листа издания.

Последняя книга подгруппы, имеющая печать Ливерия Колетти, представляет собой издательский конволют, содержащий все книги «Трехчастной Грамматики» французского, немецкого и итальянского языков Джованни Баттиста Томмазини, опубликованной в Париже Лораном де Ури (Laurent d'Houry) (Triplex Grammatica, cujus ope Theoria et Praxis Linguae Gallicae, simul et Germanicae, et Italicae possunt facillime compari. Nec non Vocabulario, Colloquio, Historiunculis, et nonnullis Epistolis familiaribus Latino, Gallico, Germanico et Italico idiomate elaboratis, locupletata. Authore J.B. Thomasino, D.R. Nova Editio. Lutetiae Parisiorum, Apud Laurentium d'Houry, ...1682)[44].

Таким образом, все книги, содержащие греческие автографы Ливерия Колетти, были изданы до конца XVII в., самое позднее из выявленных изданий датируется 1697 г. – временем, когда Колетти уже учился в Венеции.

Ко второй группе изданий, содержащих русские автографы Колетти, относятся две книги, изданные в XVIII в. Первая из них – «История и описание Святой Земли и Святого града Иерусалима»[45], составленная иерусалимским патриархом Хрисанфом Нотара (1655/1660–1731) (Ἱστορία, καὶ περιγραφὴ τῆς Ἁγίας γῆς, καὶ τῆς ἁγίας πόλεως ἱερουσαλὴμ… Ἐνετίησι, παρὰ Ἀντωνίῳ τῷ Βόρτολι, 1728)[46]. Книга была напечатана в Венеции на средства Святого Гроба и предназначалась для бесплатного распространения; в XVIII в. она вышла единственным изданием в Венеции в издательстве Бортоли.

Издание состоит из 21 главы основного текста сочинения Хрисанфа. Важной иллюстративной частью труда является план Иерусалима и его окрестностей, а также план-схема храма Воскресения Господня. Кроме того, важное концептуальное значение для сочинения Хрисанфа имеет небольшой план Иерусалима в пределах стен города на титульном листе издания. Он во многом копирует основную карту, но содержит дополнительные цитаты из Священного

Писания. Все эти фрагменты Священного Писания на малом плане, а также карта и все сочинение Хрисанфа должны были способствовать утверждению концепции сакральности Иерусалима как центра мира в глазах православных верующих[47].

В России это сочинение Хрисанфа появилось почти сразу после выхода из печати: уже в марте 1728 г. иерусалимский патриарх через архимандрита Святого Гроба Германа направил Синоду просительную грамоту с просьбой о помощи Святому Гробу, вместе с которой находилась и «История и описание Святой Земли»[48]. Из текста грамоты следует, что Хрисанф, посылая книгу, надеялся на ее перевод на русский язык. Этим обращением он не ограничился: через полгода в посвящении Петру II от 9 августа 1728 г. иерусалимский патриарх вновь просит перевести свой труд, причем на этот раз послание он поместил в рукописный список «Истории и описания Св. Земли...», который и отправил в Москву. Настойчивость Хрисанфа не осталась незамеченной, однако русские власти откликнулись только на его второе обращение: известные русские списки «Истории и описания Св. Земли»[49] являются переводом рукописного греческого оригинала, но не печатного издания, поскольку они содержат в том числе и посвящение Петру II, отсутствующее в печатной книге. Присланный Хрисанфом греческий оригинал сочинения сохранился до настоящего времени в собрании РНБ[50].

На титульном листе находится русская владельческая помета: «Из книг Евфимия архимандрита Колетти», больше никаких записей нет. Следовательно, экземпляр не имел истории бытования вне пределов России. Как уже отмечалось, Евфимий Колетти в конце 1720-х – начале 1730-х гг., после возвращения из соловецкой ссылки, был архимандритом Новоспасского, затем Чудовского монастырей и членом Синода. Можно предположить, что положение Евфимия в тот период позволяло ему иметь контакты со многими приезжающими в Россию с Востока греками. В связи с этим весьма вероятно, что экземпляр, ставший собственностью Евфимия Колетти, мог быть именно той книгой, которая была привезена в Россию в марте 1728 г. от Хрисанфа для перевода. Это предположение основывается на том, что экземпляр должен был находиться в собрании Синода и содержать только русские владельческие пометы, поскольку книга была привезена в Россию сразу после выхода в свет в Венеции. Экземпляр могли передать через Колетти для перевода, либо же он мог получить книгу позднее в связи с отсутствием потребности у Синода в печатном экземпляре, поскольку русский перевод делался с рукописного списка[51].

После смерти Колетти этот экземпляр в числе других попал в состав библиотеки Московской духовной академии, о чем свиде-

тельствуют штамп на обороте титульного листа и шифр библиотеки МДА: «3, 181» (XIX в.).

Еще одно издание, содержащее русскую владельческую помету Евфимия Колетти, – «География древняя и новая» афинского митрополита Мелетия Митру[52] (1661–1714) (Μελετίου Γεωγραφία παλαιὰ καὶ νέα... Ἐνετίησι, 1728. Παρὰ Νικολάῳ Γλυκεῖ τῶ ἐξ Ἰωαννίνων)[53].

Сочинение было издано в 1728 г. в Венеции в первой греческой венецианской типографии, владельцем которой был греческий купец Николай Глика (1616–1693). Около 1670 г. он приобрел типографию Орсино Албрици; вместе с типографским оборудованием была куплена лицензия на издание определенного числа книг[54]. До этого греки лишь исполняли в возглавляемых итальянцами типографиях функции редакторов, корректоров и типографов.

Автор труда Мелетий Митру (1661–1714) был видным деятелем Греческой Церкви и просвещения, историком Церкви второй половины XVII – начала XVIII в. Выпускник Падуанского университета, затем преподаватель в школе Греческого Венецианского братства[55], а с 1703 г. и до кончины он был митрополитом Афин. Принадлежавшая Колетти книга Мелетия считается одной из главных работ этого автора, благодаря которой он получил прозвище «Мелетий Географ». Сочинение состоит из четырех книг, каждая из которых посвящена различным континентам: первая – Европе, вторая – «об Азии», третья – «о Ливии или Африке», четвертая – «Америка».

В России, судя по записям на обороте титульного листа экземпляра, это сочинение оказалось в начале 1730-х гг. Первая из них является владельческой, в ней сообщается о принадлежности книги архимандриту Святого Гроба Герману: «Καὶ τόδε πρὸς τοῖς ἄλλοις Γερμανοῦ ἱερομονάχου καὶ ἀρχιμανδρίτου τοῦ παναγίου καὶ ζωοδόχου τάφου τό ὁποῖον ὠνησάμην πρὸς ἐμοί καὶ τῶν πιστῶν φίλων αψλ$^{\varphi}$» («и эта книга среди других Германа, иеромонаха и архимандрита Святого и Животворящего Гроба, которая приобретена для меня и всех верных друзей. 1730». Далее следует продолжение первой записи: «νῦν δὲ ἐπούλισα τῷ ἁγίῳ ἀρχιμανδρίτῃ κυρίῳ Εὐθυμίῳ τῷ ἀθηναίῳ» («и теперь же я продал ее святому архимандриту кир Евфимию афинянину»). Из текста ясно, что по крайней мере до 1730 г. экземпляр «Географии» находился в собственности архимандрита Германа и он не мог продать его Евфимию в первое свое посещение России в 1728 г., когда вместе с грамотой привез для перевода упомянутую выше «Историю и описание Св. Земли». Однако возможно, что в тот приезд состоялась встреча Германа с Евфимием, который мог попросить посланца иерусалимского патриарха о привозе ему новых греческих книг. Повторно Герман

приезжал в Россию в 1730[56] и в 1731 гг.[57] Вероятно, в один из этих приездов (скорее всего в первый) он и продал книгу Евфимию.

Таким образом, исследование восьми книг (десяти в конволютах изданий) из собрания Евфимия (Ливерия) и записей на них показывает, что книжное собрание Колетти пополнялось на протяжении десятилетий. В домосковский период Колетти, по всей видимости, сам приобретал интересующие его издания, начиная со времени обучения во Флангиниевской школе, где большое внимание уделялось изучению языков. Оказавшись же в России, архимандрит был вынужден просить об услугах по доставке книг приезжих греков.

Выявленные издания представляют собой по большей части сложные научные труды по различным дисциплинам. Три издания – это филологические труды, три – географические трактаты, два – философские сочинения, одно – исторический труд и одно – юридический кодекс. Примечательно, что среди выявленных нами к настоящему времени книг отсутствует богослужебная литература. Даже получив статус архимандрита, Колетти продолжал активно интересоваться греческими изданиями и состоянием научных знаний. Существование выявленных изданий в собрании Колетти свидетельствует о широких гуманитарных интересах владельца, которым он не изменял до конца жизни.

Примечания

1 *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973; *Он же.* Книга в России в послепетровское время (1725–1740). Л., 1976; *Хотев П.И.* Книга в России в середине XVIII в. Частные книжные собрания. Л., 1989.

2 *Маслов С.И.* Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914.

3 *Иконников В.С.* Опыт русской историографии. Киев, 1882. Т. 1, кн. 2. С. 1087–1088; *Верховский П.В.* Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Ростов н/Д, 1916. Т. 2. Отд. 5. С. 3–71; *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время... С. 253–265.

4 *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время.... С. 266–274.

5 Каталог личных архивных фондов отечественных историков. М., 2001. Вып. 1: XVIII век. С. 256–257; *Хотеев П.И.* Указ. соч. С. 46.

6 *Титов Ф.И.* К биографии Гедеона Криновского, епископа Псковского и Нарвского // Православный собеседник. 1907. № 10. С. 466–467.

7 *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время.... С. 284–285.

8 *Καραθανάσης Ἀθ.Ε.* Ἡ Φλαγγίνειος Σχολή τῆς Βενετίας. Θεσσαλονίκη, 1975. Σ. 188, 217, 298; *Κακουλίδη Ε.Δ.* Γιὰ τὴ μετάφραση τῆς Καινῆς Διαθήκης. Θεσσαλονίκη, 1970. Σ. 14–15.

9 *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1859. Т. 6: Царевич Алексей Петрович. С. 181–186; *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 375–384, 425–434; *Pierling P.* La Russie et le Saint-Siège: Études diplomatiques. Paris, 1907. T. 4. P. 328, 391–393; *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 402–403.

10 *Καραθανάσης Ἀθ.Ε.* Ἡ Φλαγγίνειος Σχολή τῆς Βενετίας. Σ. 28–39.

11 Ibid. Σ. 187–209.

12 *Legrand È.* Bibliographie Hellénique, ou description raisonnée des ouvrages publiés par des grecs au dix-huitième siècle. Paris, 1918. T. 1. P. 59–62. № 47.

13 *Καραθανάσης Ἀθ.Ε.* Ἄνθη Εὐλαβείας. Ἀθήνα, 1978. Σ. κδ′-νθ′.

14 *Καραθανάσης Α.Ε.* Ἡ Φλαγγίνειος σχολή… Σ. 298.

15 Ibid.; Bibles imprimées du XVe au XVIII siècle conservés à Paris / Delaveau M., Hillard D. Paris, 2002. P. 560. № 1798.

16 *Sheehan J.* The Enlightenment Bible: translation, scholarship, culture. Princeton, 2005. P. 60.

17 *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 375.

18 РГАДА. Ф. 1182. Приказ Книгопечатного дела. Оп. 2. Д. 64. Л. 13, 26, 29об., 32об.–33, 34; Д. 110. Л. 7, 41, 51об., 70, 82, 95, 98, 117, 128, 147; Д. 69. Л. 2об.

19 *Устрялов Н.Г.* Указ. соч. С. 182.

20 *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 376–377.

21 Там же. С. 378.

22 *Чистович И.А.* Указ. соч. С. 431.

23 *Pierling P.* Op. cit. P. 393.

24 *Бушкович П.* Указ. соч. С. 403.

25 Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1913. Т. XIX (1739 г.). № 93. Стлб. 154.

26 Там же. № 576. Стлб. 651; РГИА. Ф. 796. Канцелярия Синода. Оп. 20. Д. 576. Л. 94–102 об.; Д. 93. Л. 93–94.

27 Описание документов и дел... № 93. Стлб. 154–155.

28 Там же. Стлб. 155; РГИА. Ф. 796. Оп. 20. Д. 93. Л. 97.

29 РГИА. Ф. 796. Оп. 20. Д. 93. Л. 100.

30 Описание документов и дел... № 93. Стлб. 155; РГИА. Ф. 796. Оп. 20. Д. 93. Л. 120.

31 РГБ. НИО ОРК (МК). № Инв. № МК VIII-8945.

32 Библиографы различных европейских библиотек, в каталогах которых имеется это издание, указывают в качестве предполагаемых мест издания Женеву, Кельн или Лион, основываясь, вероятно, на типологии шрифтов, использованных при наборе других книг, изданных в этих городах Габриелем Картье.

33 О типографии при Шелдонианском театре см.: *Madan F.* A Brief Account of the University Press at Oxford. Oxford, 1908.

34 РГБ. НИО ОРК (МК). Инв. № МК VIII-8945.

35 *Илюшечкина Е.В.* О двух акростихах в географической поэме Дионисия Периэгета // Восточная Европа в древности и Средневековье. Автор и его текст:

Материалы конф. М., 2003. С. 100–103; *Она же*. Дионисий Александрийский (Периэгет). Описание Ойкумены. Вступ. ст. // Вестник древней истории. 2005. № 4. С. 214; *Leue G*. Zeit und Heimath des Periegeten Dionysios // Philologus. 1884. 42. S. 175–178.

36 Bibliotheca Britannica; or a General index to British and Foreign literature / Watt R. Vol. II. Authors. Edinburg, 1824. P. 907.

37 *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время... С. 284–285; РГИА. Ф. 796. Оп. 20. № 576. Л. 94–102об.; Д. 93. Л. 93–94.

38 РГБ НИО ОРК (МК). Инв. № МК 9777. Благодарим Т.В. Гребенюк, указавшую экземпляры с книжным знаком Ливерия Колетти.

39 РГБ. НИО ОРК (МК). Инв. № VII-15372.

40 Philologia Orientalis. Leiden, 1976. P. 49. № 48 b.

41 РГБ. НИО ОРК (МК). Инв. № МК VII-15373.

42 Там же. Инв. № МК VII-15371.

43 Там же. Инв. № МК VIII-24693.

44 Там же. Инв. № МК – VII 15414, МК – VII 15415, МК – VII 15416, МК – VII 15417.

45 Там же. Инв. № МК IX-487.

46 *Legrand È*. Bibliographie Hellénique... XVIIIe siècle. T. 1. P. 221–222. № 184; *Παπαδόπουλος Θ.Ι.* Ελληνική βιβλιογραφία (1466–1800). Τόμος πρώτος. Σ. 330. № 4435.

47 Ibid. P. 272.

48 *Каптерев Н.Ф.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия // Православный Палестинский сборник. 1895. № 43. Т. XV, вып. 1. С. 414–415.

49 ГИМ. Увар. 169; РНБ. ОР. Погод. № 1546.

50 РНБ. ОР. Греч. 166.

51 Русский перевод по списку ГИМ. Увар. 169 опубликован архим. Леонидом (Кавелиным): Памятники древней письменности. СПб., 1887. Т. LXVII.

52 РГБ. НИО ОРК (МК). Инв. № МК IX-490.

53 *Legrand È*. Bibliographie Hellénique ... XVIIIe siècle. T. 1. P. 211. № 179.

54 Об издательском доме Николая Глики: *Veloudis G*. Das griechische Druck-und Verlagshaus «Glikis» in Venedig (1670–1854). Das griechische Buch zur Zeit der Türkenherrschaft. Wiesbaden, 1974 (переизд. с доп.: *Βελουδής Γ.* Το ελληνικό τυπογραφείο των Γλυκήδων στη Βενετία (1670–1854). Συμβολή στη μελέτη του ελληνικού βιβλίου κατά την εποχή της Τουρκοκρατίας. Αθήνα, 1987).

55 *Σάθας Κ.Ν.* Νεοελληνικὴ φιλολογία. Βιογράφιαι τῶν ἐν τοῖς γράμμασι διαλαμψάντων Ἑλλήνων, ἀπὸ τῆς καταλύσεως τῆς Βυζαντινῆς αὐτοκρατορίας μέχρι τῆς Ἑλληνικῆς ἐθνεγερσίας (1453–1821). Ἐν Ἀθήναις, 1868. Σ. 390–392.

56 *Каптерев Н.Ф.* Указ. соч. С. 416.

57 Там же. С. 418.

И.А. Вознесенская

ЛИЧНЫЕ ПЕЧАТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII–XIX вв. (ОТТИСКИ НА ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ДОКУМЕНТАХ)

Отмечается постепенное вытеснение личных печатей из сферы государственного делопроизводства: паспорта, судебные протоколы, свидетельства о дворянстве, выписки из метрических книг, медицинские справки. Подтверждение подлинности документа требовало наличия казенной печати. Личная печать должностного лица, имевшая в XVII в., а в ряде случаев и в XVIII в., равнозначную силу с казенной, в XIX в. рассматривается как недостаточное свидетельство подлинности документа.

Ключевые слова: поздняя сфрагистика, использование личных печатей в делопроизводстве.

Отечественная сфрагистика, становление которой связано с именами А.Б. Лакиера, А.В. Орешникова, Н.П. Лихачева и др., значительное место уделяла изучению древнерусских печатей[1], тогда как поздние сфрагистические памятники долгое время оставались за пределами интересов исследователей. Только во второй половине XX в. зарождается тенденция «расширить хронологические рамки изучения печатей»[2], появляются работы Е.И. Каменцевой, Н.Ф. Демидовой, Р.В. Овчинникова, посвященные печатям XVII–XVIII вв.[3] Однако эти работы являются лишь началом в изучении поздних сфрагистических памятников[4]. Как писала еще Елена Ивановна Каменцева: «Изучение печатей имеет важное значение. Сопровождая документ, печать является знаком, свидетельствующим о его принадлежности какому-либо лицу или учреждению. С помощью печатей можно определять подлинность документов, проверять и уточнять время его написания, устанавливать авторство. Печати являются в то же время самостоятельным историческим источником»[5].

© Вознесенская И.А., 2011

Исследование печатей XVII–XVIII вв. началось со второй половины XX столетия. Изучение таможенных печатей XVIII в. позволило Н.Ф. Демидовой поставить вопрос о методике исследования позднего сфрагистического материала, показать важность статистического анализа[6]. Печатям Московской большой таможни и Войска Запорожского из собрания ГИМ посвящены статьи Е.И. Каменцевой[7]. Р.В. Овчинников исследовал интереснейший источник XVIII в. – печати Емельяна Пугачева. Интересный вопрос о символике и регламентации применения цвета в печатях XVIII–XIX вв. был поднят О.И. Хоруженко[8]. Однако печати XIX в. до сегодняшнего дня остаются малоизученными.

Настоящее исследование посвящено личным печатям Российской империи XVIII–XIX вв. Источниковой базой исследования послужили оттиски печатей, сохранившиеся при различных документах из архива Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге.

Употребление личных печатей на Руси – явление широко распространенное. Как и в Западной Европе, для печатей использовали позднеантичные геммы, драгоценные и полудрагоценные камни с различными эмблемами, вставленные в перстневую или другую оправу, которая иногда служила для гравировки легенды. Известны печати текстовые (эпиграфические), например, на печати мог быть помещен фрагмент псалма. В легенде, если она присутствует на печати, чаще всего отражалось имя владельца, иногда сокращавшееся до инициалов. В XVII в. в изображении на личных печатях появляются геральдические признаки, однако говорить о личных гербовых печатях можно только начиная с XVIII в. После упразднения Разрядного приказа его функции были переданы Сенату, а составление новых списков дворян и служилых людей, проведение смотров было поручено первому герольдмейстеру С.А. Колычеву. На Герольдмейстерской конторе кроме организации службы дворян также лежала обязанность составления гербов[9]. Таким образом, по мере получения дворянином утвержденного герба его изображение помещалось прежде всего на личной печати.

Герб становится основным изображеним на личных печатях дворян в XVIII–XIX вв. Эмблематические печати постепенно выходят из употребления. Несмотря на то что их продолжают использовать, особенно в XVIII в., тенденция замены эмблемы на утвержденный герб очевидна. Форма и размер личных печатей очень разнообразны. Круглые, эллипсоидные, восьмигранные формы наиболее популярны. Размеры варьируются от 5 до 40 и более миллиметров в диаметре (ширине или высоте). Иногда для индивидуализации гербовой печати на щите герба или рядом помещаются инициалы

или вензель владельца. Кроме того, на дворянских гербовых печатях может встречаться символика негеральдического характера, например ордена.

Изображение на личных печатях недворян носит эпиграфический или эмблематический характер. Эпиграфические печати, как правило, представляют собой изображение имени или инициалов (вензеля) владельца, эмблема может отражать его профессиональную деятельность. Часто на таких печатях эмблема сочетается с вензелем или даже более распространенным текстом (легендой). Печати, несущие в себе информацию об имени владельца, в полном либо сокращенном до инициалов виде, принято называть именными. Легенды на личных печатях в основном кириллические, однако, учитывая многонациональный характер Российской империи, следует отметить, что национальные окраины сохраняли традиционную латиницу на Западе, грузинскую, армянскую или арабскую графику на Кавказе.

Основным материалом оттисков печатей в XVIII–XIX вв. продолжает оставаться сургуч красного, черного и коричневого цвета, активно используется сажа (копченые печати). Для личных печатей не характерно использование кустодий. Можно предположить, что большинство личных печатей-матриц представляли собой перстни-печатки. В то же время размеры многих оттисков слишком велики для носимых на пальце изделий и, вероятно, представляли собой подвесные или настольные печати.

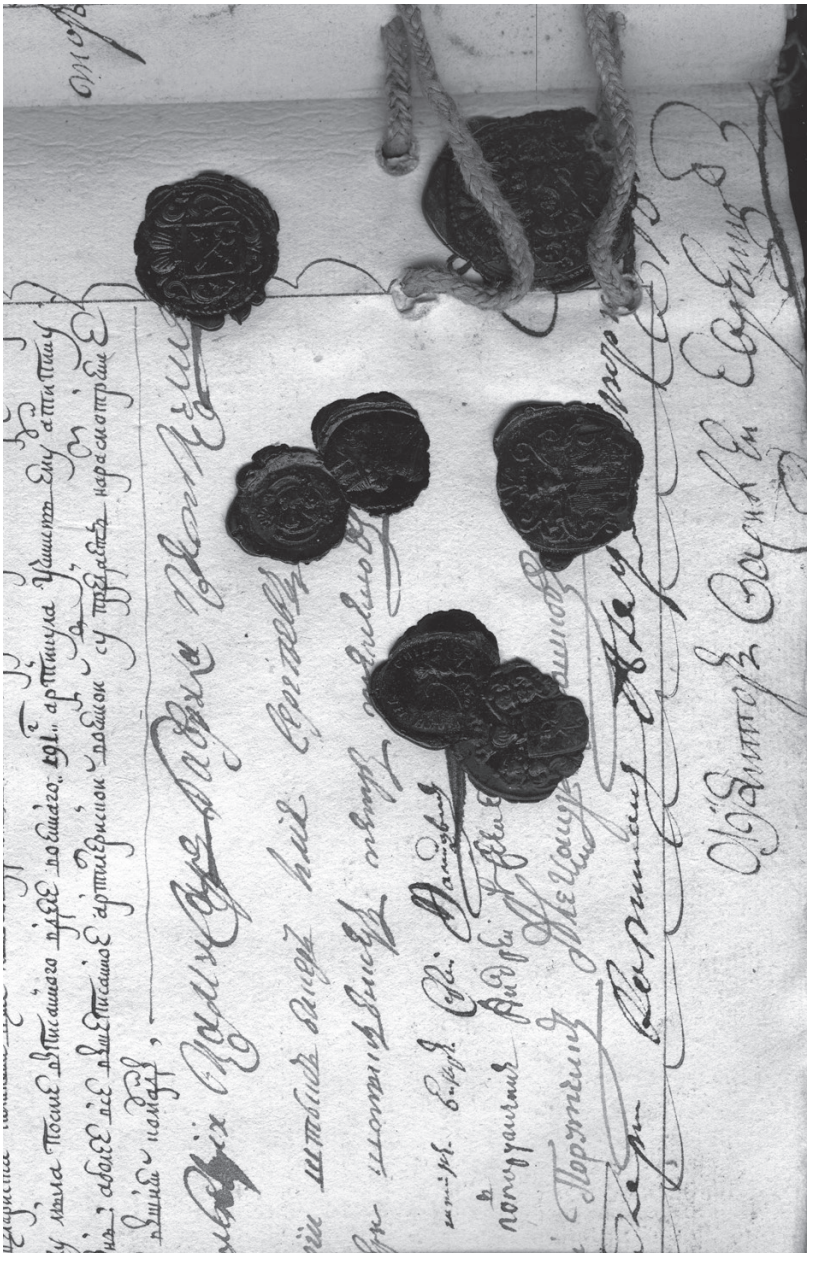
Сферу употребления личных печатей можно разделить на частную и государственную. К частной сфере естественно относится личная переписка, не только письма (эпистолярные источники), но и личные документы в целом, включая книги из личных библиотек, на которых иногда встречаются оттиски личных печатей владельцев, выполняя роль своеобразного экслибриса. Государственная сфера употребления личных печатей представляется более сложной. Контакты личности с государством и его представителями, как отдельными ведомствами, так и должностными лицами, осуществлялись в различных областях на протяжении всей жизни человека, требуя подтверждения подлинности документов. Однако применение личных печатей в государственном делопроизводстве XVIII–XIX вв. выходит за рамки простой фиксации контакта личности и государственного аппарата.

Традиционно в XVIII в. личной печатью подтверждались паспорта (документы для передвижения по стране и за ее пределами). Лицо, обладавшее правом выдачи паспорта, как правило глава того или иного ведомства (учреждения), подтверждало подлинность документа своей личной, а не казенной печатью. Рассмотрим это на примере артиллерийского ведомства.

Генерал-фельдцейхмейстер, возглавлявший все артиллерийское ведомство, имел особую Военно-походную канцелярию или Штаб генерал-фельдцейхмейстера, через который осуществлялось общее руководство всем ведомством. Документы, выходившие из Штаба, заверялись личной печатью генерал-фельдцейхмейстера. В настоящее время в фондах ВИМАИВиВС выявлено значительное число оттисков личных печатей генерал-фельдцейхмейстеров XVIII в. Якова Вилимовича Брюса, Эрнста-Бурхарда Миниха, принца Людвига Гессен-Гомбургского, Петра Ивановича Шувалова, Александра Никитича Вильбоа, Григория Григорьевича Орлова и главноприсутствующего Канцелярии Главной артиллерии и фортификации Ивана Ивановича Меллер-Закомельского.

Самыми распространенными документами, заверенными личными печатями генерал-фельдцейхмейстеров, являются паспорта, выдававшиеся служащим ведомства для передвижения по стране. Кроме оттиска печати паспорт содержит и подпись генерал-фельдцейхмейстера, с перечислением всех его титулов, должностей и заслуг. Интересно, что А.Н. Вильбоа одновременно использовал две матрицы, одна из которых (оттиск плохого качества) представляет собой овальный щит под графской короной с орденом Андрея Первозванного и щитодержателем с левой стороны[10]. Другая – в виде звезды также под графской короной и с лежащим львом внизу[11]. Возможно, первая матрица была уже старой и стершейся, и вторая была изготовлена ей на замену.

Важнейшей областью применения личных печатей в XVIII в. было судопроизводство. Судебные протоколы обязательно заверялись личными печатями членов суда. Например, в деле 1741 г. «о поколотье шпагой кадетского корпуса кадетом Богданом Скобелицким того же корпуса сержанта Льва Полчанинова» показания подтверждены подписями и личными печатями семи «презус насесоров»: подпоручиков Ивана Полева, Ивана Ремезова, лейтенантов Георга фон Радена, Иохана фон Эндена, капитана-поручика Иосифа Чепкири, капитан-лейтенанта Карла Фабера и капитана Фридриха Мума[12]. К подобному документу 1762 г. о краже фузелером Дмитрием Антипиным пожитков подканцеляриста Камор-Коллегии Алексея Полякова также приложены семь печатей: штык-юнкеров Ильи Сергеева, Петра Телешова, Сергея Фоминцына, подпоручиков Андрея Неелова и Александра Мошкова, обер-капитана Алексея Маркова и комиссара Гаврилы Ляткина[13]. Следует отметить, что две печати из семи негербовые, а представляют собой изображения головы в профиль (оттиск печати Петра Телешова) и амура с латинской легендой (оттиск печати Сергея Фоминцына).



Ил. 1

Еще одной важной областью применения личных гербовых печатей дворян в конце XVIII и в XIX в. является подтверждение дворянского происхождения. Несмотря на то что все дворянские собрания имели казенные печати, на свидетельствах или аттестатах о дворянстве довольно часто стоят оттиски именно личных печатей местных предводителей дворянства, уездных или губернских маршалов. Следует отметить, что такие документы не считались действительными и требовали дополнительного заверения казенной печатью. Так, на свидетельстве, заверенном печатью предводителя дворянства Верхнеднепровского уезда подпоручика Антона Калениченко, стоит надпись: «достаточны изключая печати»[14].

В некоторых особых случаях личной печати на документе все же бывало достаточно. В 1807 г. свиты его императорского величества по квартирмейстерской части полковник Гайюс выдал свидетельство, заверенное собственной личной печатью, сироте Николаю Факицци, сыну Тация Факицци, который служил в греческом легионе капитаном под командованием генерал-майора Папандопуло на острове Святой Мавры[15]. Правда, это свидетельство было подтверждено двумя консульствами России в Превезе и Арте[16]. Таким же особым случаем следует считать рекомендательные письма. В некоторых личных делах кадетов встречаются рекомендации за подписью и печатью Имеретинской царицы Анны и Грузинского царевича Давыда[17].

Некоторые особенности наблюдаются в свидетельствах о дворянстве, выданных в Польше в 1834–1835 гг. Документы скреплялись не только печатью Комитета Царства Польского, но и личными печатями членов Комитета. Так, мы можем видеть оттиски личных печатей графа А. Валевского, Е. Немоевского, графа И. Коморовского, подполковника Собеского, Н. Стржешевского, генерал-майора Панютина[18]. Интересен в плане печатей документ, на фарси с русским переводом, об определении в Дворянский полк Алияра и Мустафы Абдулаевых-Карчагских. Свидетельство о благородном происхождении кандидатов заверено личными печатями 13 дербентских дворян, главного афендия и дербентского полицмейстера майора Маграма Бека Гаджи Алиева[19]. Оттиски овальной и прямоугольной формы с арабским текстом, только на двух печатях изображение имеет иной характер.

Выписки из метрических книг, подтверждавшие факт рождения и крещения человека, как правило, подтверждались казенными печатями церквей и духовных консисторий. Тем более интересны факты подтверждения таких документов личными печатями духовенства. В результате исследования были выявлены несколько личных печатей священников. Печать иерея Кологривского Успенского собора

Семена Евтихьева Мусина (1828 г.)[20] представляет собой овальный сажевый оттиск (26×24 мм), на печати изображены всевидящее око в лучах, в центре вензель SM, легенда по краю печати: «иерея... (далее неразборчиво)». Печать протоиерея Екатеринославского кирасирского полка Алексея Кириллова (1824 г.)[21] – оттиск на сургуче красного цвета (Ø 25 мм). В изображении мы опять видим всевидящее око в лучах и вензель ПАК, по бокам лавровые ветви. Печать протоиерея Жандармского полка Гавриила Адоевского (1827 г.)[22] – красный сургучный оттиск овальной формы (28×30 мм). На печати всевидящее око в лучах, два креста на цепи и ленте, между которыми в центре вензель ГА, внизу: «Вниду в дом твой». Печать настоятеля Железницкого прихода священника Михаила Вишневского (1832 г.)[23] – овальный сажевый оттиск (28×25 мм) с изображением дворянского герба: щит с дворянской короной и нашлемником, по краям щита арматура. Как мы видим, дворянское происхождение обязывает использовать гербовую печать, обычные священники пользуются печатями именными с христианской символикой[24]. Документ 1834 г. за подписью Минской губернской мечети муллы Абрагима Рацкого имеет его личную печать[25]. Овальный сажевый оттиск (35×30 мм) с изображением полумесяца и сабли под короной с буквами A:R: и трудночитаемой легендой по краю: «Sigillum Magometanskiego zakonu Mul Magly». Следует отметить, что личные печати духовенства на документах встречаются редко.

Личными печатями довольно часто подтверждались справки о состоянии здоровья и привитии оспы. Личные печати врачей были как именными, содержащими изображение вензеля или монограммы, так и гербовыми, если врач, будучи дворянином, имел герб. Гербы врачей имели свои особенности: довольно часто использовалась профессиональная эмблема – змея, обвивающая клинок. Вензель мог быть помещен на щит герба, при наличии у владельца печати наград (орденов), их изображение помещали под щитом. Так, например, печать Бобруйского уездного штаб-лекаря надворного советника и кавалера Пола 1835 г. представляет собой овальный оттиск (29×26 мм) на сургуче красного цвета[26]. На печати изображен щит типа варяжский с буквой *P*, шлем с крыльями, нашлемник в виде змеи, обвивающей клинок, внизу два ордена на лентах. Именные печати иногда содержали не только вензель или монограмму, но и другие изображения. Печать Ржевского штаб-лекаря коллежского асессора Владимирского представляет собой овальный оттиск (24×22 мм) на сургуче красного цвета[27]. На печати изображена монограмма *AB* между двух ветвей, вверху птица с цветком в клюве. Если врач был доктором медицины, то этот факт мог быть также отражен на печати. Печать доктора медицины Ивана Васи-

левского 1834 г., овальный сажевый штамп (33×29 мм), содержит рассеченный варяжский щит со шлемом, дворянской короной и нашлемником. По обе стороны нашлемника буквы: *Dr. Med.*[28] Следует отметить, что личные печати врачей в большей степени характерны для западных регионов Российской империи.

Однако в сфере государственного делопроизводства не только документы о дворянском происхождении, но и выписки из метрических книг и медицинские справки, заверенные личными печатями, должны были дополнительно подтверждаться казенными печатями Дворянского собрания или опеки, духовной консистории, врачебной управы, судебными органами и т. д.

Таким образом, мы рассмотрели лишь несколько случаев использования личных печатей в сфере государственного делопроизводства Российской империи XVIII–XIX вв.: паспорта, судебные протоколы, свидетельства о дворянском происхождении, выписки из метрических книг, медицинские справки. Однако даже на настоящем материале можно сделать вывод о постепенном вытеснении личных печатей из сферы государственного делопроизводства. Прежде всего следует отметить, что заверительная функция личной печати исключается по мере развития института государственной (казенной) печати. Подтверждение подлинности свидетельств, выписок и справок требовало наличия на документе именно казенной печати. Узаконенная необходимость взимания так называемых печатных пошлин нивелировала использование личной печати в сфере государственного делопроизводства. И охранная функция личной печати, например, в частной переписке, также нивелируется в условиях тотальной перлюстрации почты. Личная печать должностного лица, имевшая в XVII в., а в ряде случаев и в XVIII в. равнозначную силу с казенной, в XIX в. рассматривается как недостаточное свидетельство подлинности документа. Однако, несмотря на требование закона, личными печатями продолжают заверять различного рода документы. Таким образом, в общественном сознании XVIII–XIX вв. личная печать продолжает оставаться знаком удостоверения подлинности документа.

Примечания

1 *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. СПб., 1855. Кн. 1–2; *Орешников А.В.* Материалы к русской сфрагистике // Труды Московского нумизматического общества. М., 1903. Т. 1, вып. 1; *Лихачев Н.П.* Русская сфрагистика. СПб., 1900. Историографию вопроса см.: *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991.

2 *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 33.

[3] *Демидова Н.Ф.* Печати русских государственных учреждений XVII–XVIII вв. и некоторые вопросы их учета и изучения // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. М., 1965. Т. 2; *Она же.* Русские городские печати XVIII в. // Города феодальной России: Сб. ст. М., 1966; *Она же.* Русские таможенные печати XVII–XVIII вв. // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970; *Овчинников Р.В.* Обзор печатей на документах Е.И. Пугачева, его Военной коллегии и атаманов // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. ст. М., 1961.

[4] *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* Русская сфрагистика и геральдика. С. 34.

[5] *Каменцева Е.И.* Печати госучреждений XVIII в. из собрания Государственного исторического музея // Археографический ежегодник за 1962 г. М., 1963. С. 287–288.

[6] *Демидова Н.Ф.* Русские таможенные печати XVII–XVIII вв.

[7] *Каменцева Е.И.* Две украинские печати XVIII в. Из собрания ГИМ // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1963. Т. I. С. 203–205; *Она же.* Печати учреждений XVIII в. С. 279–288.

[8] *Хоруженко О.И.* Символика и регламентация применения черновосковых и черносургучных печатей в России XVIII–XIX вв. // У источника: Сб. ст. М., 1997. Ч. II. С. 476–489.

[9] *Соболева Н.А.* Российская городская и областная геральдика XVIII–XIX вв. М., 1981. С. 32–39.

[10] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 1830. Л. 14.

[11] Там же. Л. 22.

[12] Там же. Д. 417. Л. 27.

[13] Там же. Оп. Кригср. Д. 16. Л. 37об.

[14] Там же. Ф. 52. Оп. 110/30. Д. 465. Л. 249.

[15] Там же. Л. 269.

[16] Там же. Л. 271, 273.

[17] Там же. Д. 465. Л. 100, 136.

[18] Там же. Д. 2. Л. 5.

[19] Там же. Д. 42. Л. 2об.

[20] Там же. Д. 96. Л. 7.

[21] Там же. Д. 93. Л. 4.

[22] Там же. Д. 6. Л. 3.

[23] Там же. Д. 14. Л. 4.

[24] *Каменцева Е.И.* Символика печатей духовенства из собрания отдела нумизматики ГИМ // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тез. докл. и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1990. Ч. 1. С. 95–97.

[25] Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/30. Д. 77. Л. 7.

[26] Там же. Д. 155. Л. 8.

[27] Там же. Д. 165. Л. 7, 12, 15.

[28] Там же. Д. 170. Л. 6.

С.И. Садовников

ЛИЧНЫЕ ОПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ЗНАКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: СОЗДАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ

Раскрывается назначение личных опознавательных знаков военнослужащих, история их создания и особенности применения в России, Советском Союзе и Германии. Медальоны и личные знаки периода Великой Отечественной войны рассматриваются как важный источник в поисковой работе по установлению имен и судеб погибших и пропавших без вести воинов.

Ключевые слова: солдатский медальон, личный номер, красноармеец, пропавший без вести, Книга Памяти, опознание, военнослужащий.

Идентификация останков военнослужащих армий мира, как правило, проводится по личным опознавательным знакам (ЛОЗ). На примере вооруженных сил нашей страны, а затем и армии противника проследим историю введения способов удостоверения личности военнослужащего.

Существовал ли в Российской царской армии какой-либо учет личного состава, имел ли солдат документ, удостоверяющий его личность, учитывались ли людские потери? Исходным документом, подтверждающим появление специальных знаков для нижних чинов царской армии, стал проект Устава внутренней службы, утвержденный Николаем II в сентябре 1902 г.[1] Приказом по военному ведомству в этом же месяце проект был направлен в войска для испытаний – до утверждения нового устава. Для всех нижних чинов были введены **личные номера**: они устанавливались особо для каждой роты (эскадрона, батареи) и присваивались на все время службы в этих частях. Одним из важных результатов введения личных номеров для нижних чинов стало изменение системы клеймения казенных и личных вещей. До этого времени, наряду с официально

© Садовников С.И., 2011

установленными клеймами, на всех вещах и амуниции делались надписи с фамилиями владельцев. Имя и фамилия надписывались самим нижним чином, часто неразборчиво и выцветающими чернилами. Теперь же вместо фамилии краской проставлялся личный номер. Такое клеймо на обмундировании и снаряжении было также предназначено для определения в военное время личности убитого или тяжело раненного солдата.

Появление личных номеров позволило урегулировать и порядок увольнений нижних чинов, для чего были введены «увольнительные знаки». Это была металлическая пластина произвольной формы размером от 1 до 1,5 вершка (от 4,4 до 6,6 см). На знаке выбивались буквами и цифрами: номер роты (эскадрона) или название команды, номер и название части и **личный номер** нижнего чина, которому принадлежит знак.

В июне 1909 г. на основе Проекта 1902 г. был утвержден новый Устав внутренней службы. За шесть лет испытаний в войсках проект 1902 г. был переработан и дополнен. Прежде всего, название «увольнительный знак» было заменено словосочетанием «личный знак». Это было сделано в связи с тем, что новое название более отвечало его назначению – «служить удостоверением личности нижнего чина, а не только удостоверением увольнения его со двора». Отныне «личный знак» становился своеобразным военным билетом, при этом выполняя и первоначальную функцию – увольнительного атрибута.

Устав 1909 г. был доработан, и в марте 1910 г. был утвержден его окончательный вариант, который, уже со всеми дополнениями, просуществовал до конца Российской империи. Поскольку для определения личности убитого или тяжело раненного солдата в тот период еще использовались клейма на обмундировании и амуниции, как предусматривалось правилами, то находка личного знака на теле солдата лишь дополняла имеющиеся сведения. Вполне возможно, что командиры отдельных частей давали указания своим подчиненным носить личные знаки на передовой при себе постоянно. Но это не было системой, установленной для всей Русской армии.

Имеются сведения о солдатских знаках, которые способны помочь в оценке общественного положения солдата в царской армии[2]. Так, польский историк, археолог-любитель Дамиан Черниевич (Damian Czerniewicz), интересовавшийся судьбой армии генерала Самсонова в Первую мировую войну, представил Ю.Г. Веремееву фотографии, где запечатлены круглые и шестиугольные металлические хорошо сохранившиеся жетоны, на которых отчетливо читаются надписи на русском языке. Эти жетоны Д. Черниевич отыскал в Польше, где в августе–октябре 1914 г. проходили операции Рус-

ской армии. Следует привести описания фотоизображений двух из нескольких сотен найденных жетонов, сделанные Ю.Г. Веремеевым:

«На одном жетоне читается: **“7р 192 п. Рымн. п. 38”**. Можно расшифровать эти аббревиатуры: “7-я рота 192-го пехотного Рымникского полка”. Число 38, скорее всего, означает номер солдата по списку роты. А был ли такой полк в Русской армии, и если был, то где воевал? Книга О. Леонова и И. Ульянова “Регулярная пехота 1855–1918”, где дан полный перечень всех пехотных полков на 1914 год, указывает: был такой полк и входил он в состав 48-й пехотной дивизии. А согласно книге О.Д. Маркова “Русская армия 1914–1917”, 48-я пехотная дивизия входила в состав 24-го армейского корпуса 4-й армии генерала Эверта. Эта армия участвовала летом–осенью 1914 г. в Люблин-Холмской, Варшавско-Ивангородской и Чен-стоховско-Краковской операциях. Это все территории нынешней Польши. Вот где отыскался след солдата 7-й роты Рымникского полка, списочный номер 38.

Уже один этот жетон неопровержимо говорит о том, что в Русской армии существовал персональный учет рядового состава и командованию было небезразлично знать, где солдат убит и где похоронен. А главное – найти его могилу после войны и уверенно сказать его родным: “Это останки вашего отца, мужа, сына”. Но может быть, это единичный случай?

На другом жетоне ясно читается: **“11 р. 23 п. Низ. п. 108”**. Это значит: 11-я рота 23-го пехотного Низовского генерал-фельдмаршала графа Салтыкова полка, списочный номер 108. Это 6-я пехотная дивизия 15-го армейского корпуса 2-й армии того же генерала Самсонова. Но 11-я рота? Сколько рот в пехотном полку? А рот в нем двенадцать. И здесь совпадает. Кстати, рядом с жетоном в земле Дамиан нашел остатки золотого генеральского погона (полного генерала) с римской цифрой XV на нем. Известно, что 15-м корпусом командовал генерал Н.Н. Мартос, который попал в плен в октябре 1914 г. Не его ли мундир обнаружил польский историк рядом с останками солдата 11-й роты Низовского полка?

Конечно, сегодня, по прошествии почти ста лет и бурных политических событий в стране за эти годы, мы едва ли сможем отыскать поименные списки солдат, павших в 1914 году в далекой Польше, но то, что такие списки существовали, что учитывался каждый павший солдат, в этом нет никаких сомнений».

Вероятно, учитывая опыт иностранных армий, где «смертные жетоны» доказали свою необходимость и полезность, на третий год войны и в Русской армии все же было принято решение об использовании специальных ЛОЗ. В приказе по Военному ведомству № 47 от 24 января 1917 г. говорилось: «...Государь Император, в

16 день января 1917 года, Высочайше повелеть соизволил установить особый шейный знак для опознания раненых и убитых и для отметки Георгиевских наград нижних чинов, по прилагаемому при сем чертежу. О таковой Высочайшей воле объявляю по военному ведомству с указанием, что знак должен носиться под мундирной одеждой на снурке или тесемке, надетой на шею, а вложенная в него записка должна быть отпечатана на пергаментной бумаге.

Подписал: Военный министр, Генерал от Инфантерии Беляев»[3].

Такой знак представлял собой медальон, состоявший из двух половинок, который изготавливался из жести и носился на шее под мундирной одеждой. За образец знака, практически без отличий, был взят «смертный медальон» австрийской армии[4]. В медальон вкладывалась пергаментная бумага с данными нижнего чина: необходимо было мелким почерком записать звание, имя, фамилию, год и место рождения, год призыва, сословие, вероисповедание, номер роты (эскадрона или сотни), указать полк (отдельный батальон, артиллерийскую бригаду, дивизион), а также имеющиеся награды. Но в действующую армию было отправлено лишь небольшое количество таких медальонов. Подобный медальон с читаемой запиской и даже фотографией владельца был найден в 2001 г. в Москве на чердаке особняка, идущего под реконструкцию. Он принадлежал Ивану Павловичу Черенкову, уроженцу села Барыбино Хатуньской волости Серпуховского уезда Московской губернии (ныне Чеховский район)[5].

Наряду с металлическими знаками, сведения о военнослужащем фиксировались и в сопровождающих его документах. Например, «Записная книжка» – именной документ, в котором отмечалась вся получаемая амуниция и денежное довольствие солдата. На обложке особой строкой указывался «Личный №» владельца книжки, что лишь подтверждает окончательное внедрение личных опознавательных знаков в армейский обиход. На обороте обложки помещалась инструкция по заполнению и хранению документа.

В Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА) солдатский медальон был введен приказом РВС от 14.08.1925 г. за № 856 «О введении в действие “Инструкции по использованию медальонов с личными сведениями о военнослужащих РККА и Ф(лота)”»[6]. В инструкции говорилось:

«1. Медальоны с личными сведениями о военнослужащих назначаются для облегчения личного учета при выдаче справок населению о всех военнослужащих РККА, находящихся на театре военных действий.

2. Медальон состоит из самого медальона (металлического), пергаментного листка в нем с краткими сведениями о военнослужащем и тесьмы для ношения медальона на груди.

3. Медальоны выдаются всем военнослужащим воинских частей, кораблей, штабов, управлений, учреждений и заведений военного и морского ведомства бесплатно – по приеме их на службу и по прибытии в свою часть одновременно с выдачей служебных книжек.

4. Сведения в медальоне заполняются в роте (эскадроне, батарее) ротным переписчиком под наблюдением комиссара роты и в штабах, управлениях, учреждениях, заведениях военного ведомства – лицами, заполняющими служебные удостоверения военнослужащих.

5. Медальон хранится, как и служебная книжка, на руках у военнослужащего, а на смотрах военнослужащие должны иметь медальоны при себе на груди.

6. В походе медальон носится всегда на груди.

7. При переводе военнослужащего из одной части (учреждения) в другую военнослужащий сохраняет медальон при себе и в новой части меняет только пергаментный листок.

8. В случае утери медальона военнослужащему, по его заявлению, немедленно выдается новый.

9. Медальон относится к табельным вещам, предметам снаряжения и является вещью бессрочной.

10. Начальствующие и инспектирующие лица обязаны проверять наличие медальонов у военнослужащих при посещении ими частей и учреждений.

Зам. Начальника штаба РККА Пугачев»[7].

Медальон образца 1925 г. был сделан из жести в виде плоской коробочки размером 50×33×4 мм с тесьмой для ношения на груди. В него вкладывался специальный бланк (вкладыш), изготовленный типографским способом на бумаге и заполняемый от руки. При использовании такого типа медальона в ходе боевых действий выяснилось, что он негерметичен, и потому пергаментный листок быстро приходит в негодность. Когда же приказом НКО за № 180 от 25.08.1937 г.[8] было отменено свыше пятисот приказов как «подписанные врагами народа», то среди аннулированных оказался и приказ РВС за № 856 от 14.08.1925 г., вследствие чего применение солдатских медальонов было прекращено.

Новый приказ Народного Комиссара Обороны СССР № 238 от 21 декабря 1939 г.[9] имел целью учет потерь личного состава Красной Армии. Приказом предусматривалось быстрое уведомление о судьбе погибших их родственников и оказание им государственной помощи. Приказ дополнялся Инструкцией «О порядке пользования медальонами с краткими сведениями о военнослужащих Красной Армии», а также Положением «О персональном учете потерь личного состава Красной Армии в военное время».

Опыт войны с Финляндией заставил вернуться к медальонам. Приказом наркома обороны СССР С.К. Тимошенко № 138 от 15 марта 1941 г.[10] было введено в действие «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время». Согласно положению, вводились новые медальоны в виде пластмассового пенала с вкладышем из пергаментной бумаги. Приказ дополнялся «Инструкцией о порядке пользования медальонами с краткими сведениями о военнослужащих Красной Армии». В ней принятые ранее положения дополнялись некоторыми новыми. Так, изменился способ ношения медальона: не на шее, а в специальном кармане пояса брюк с правой стороны...»[11] (именно в этой зоне поисковики с особой тщательностью перебирают землю при обнаружении скелетированных останков под слоем дерна или затопленного водой грунта).

Заполнение вкладного листка и внесение в него изменений возлагалось на командира подразделения. Указывать во вкладных листках название воинской части и должности военнослужащего категорически запрещалось.

В разделе 3 «Положения о персональном учете...» сказано:

«Для учета потерь личного состава в военное время и в целях привития навыков в хранении медальонов еще в мирное время каждому военнослужащему, с момента его прибытия в часть, выдается медальон с вкладным листком в двух экземплярах, который записывается в вещевой аттестат и хранится у него до увольнения в запас...

Вкладыш медальона заполняется в двух экземплярах. Один экземпляр вкладыша медальона у убитых и умерших от ран вынимается и хранится в штабе части или лечебном учреждении, а второй экземпляр, вложенный в медальон, остается при убитом или умершем от ран. Команды, наряжаемые для очистки поля боя, вынимают один экземпляр вкладыша медальона с убитого и передают в штаб той части, распоряжением которой они производили очистку поля боя. О смерти военнослужащего сообщает та часть, в которую передан командами после очистки поля боя вкладыш медальона, снятый с убитого, независимо от того, к какой части принадлежал военнослужащий. Вкладыши, изъятые из медальонов у убитых военнослужащих, командиры частей хранят в штабе части, на основании их составляют списки по форме № 2 и пересылают в штаб дивизии»[12].

Согласно приказу наркома обороны № 138, главный интендант РККА должен был к 1 мая 1941 г. снабдить войска медальонами и вкладными листками. Интенданты этот приказ в каком-то объеме выполнили: поисковикам удавалось найти и прочитать бланки медальонов с датой заполнения **май – июнь 1941 г.**

В некоторых частях их выдача личному составу осуществлялась в первые дни и даже часы войны. Так, фронтовик полковник в отставке Д.А. Мякушев вспоминал о том, как его эскадрон был поднят по тревоге ночью 22 июня 1941 г.: «Быстро оделись и, разобрав винтовки и шашки, побежали на конюшню седлать лошадей. Около конюшни построились и стали ждать команды. <...> Стало доходить, что это не обычная тревога, происходит что-то серьезное. Потом старший лейтенант, командир нашего взвода принес медальоны, и мы вдвоем с Григорием Малышевым в конюшне прямо, на полу, при свете фонаря "летучая мышь", заполнили бланки с адресами родителей сержантов и красноармейцев взвода и раздали их. Стало уже совсем светло»[13].

По статистике, выведенной нами из многолетнего поискового опыта, медальоны при обнаружении останков погибших встречаются примерно у каждого 10-го воина, а прочтению поддаются в среднем три-четыре из десяти медальонов. Таким образом, установить имя по медальону возможно лишь у троих-четверых из 100 павших бойцов.

Этому факту есть несколько объяснений. Ко дню нападения Германии на СССР не удалось полностью обеспечить медальонами даже личный состав частей Красной Армии в приграничных военных округах. А изготовление их в ходе войны было связано с большими трудностями. Так, 17 декабря 1941 г. начальник отдела по укомплектованию штаба Ленинградского фронта, бригадный интендант Васильев докладывал члену Военного совета Ленинградского фронта дивизионному комиссару В.А. Кузнецову: «Дальнейшее изготовление медальонов и снабжение войсковых частей прекращено из-за отсутствия электроэнергии. Для выполнения заказов на медальоны прошу вашего распоряжения об отпуске электроэнергии для "Фабрики пластмасс" – 250 киловатт и артели "Культпром" – 250 киловатт-часов»[14].

Среди красноармейцев отношение к сохранности медальонов и записок часто было небрежным: кто-то неплотно закрутил крышку, кто-то засунул внутрь для временного хранения иголку или металлические перья для ручки – и записка «окислилась», кто-то не заполнил бланк. А бывало и так, что записку – вероятно, из суеверия – выбрасывали сразу после получения медальона. Солдатский медальон был единственным документом, который «удостоверял личность» для рядового и сержантского состава – до выхода приказа наркома обороны СССР И.В. Сталина № 330 от 7 октября 1941 г. «О введении красноармейской книжки в военное время в тылу и на фронте». В нем говорилось: «...Красноармейцы и младшие командиры оказались на фронте без документов, удостоверяющих

их личность, а наша дивизия, которая должна являться замкнутой крепостью, недоступной для проникновения посторонних лиц, превратилась на деле в проходной двор. Противник воспользовался этим беспорядком и в некоторые части Красной Армии заслал своих людей, одетых в наше обмундирование. В одной из дивизий Северо-Западного фронта была обнаружена и расстреляна группа из 7 человек таких людей, засланных противником с шпионско-диверсионной целью. Далее, не может быть сомнения, что немало болтающихся людей в тылах дивизий и армий, одетых в красноармейскую форму, являются агентами противника, передающими сведения о наших частях, борьба с которыми невозможна по причине отсутствия документов у бойцов Красной Армии, чтобы можно было отличить своих людей от агентуры противника. И, наконец, отсутствие на руках документов у отправляющегося на фронт пополнения и убывающих с фронта по эвакуации больных и раненых бойцов и младших командиров лишило возможности органы снабжения проверять их обеспеченность обмундированием, оружием, снаряжением и другими видами довольствия. В целях исправления допущенной ошибки, обеспечения частей от проникновения вражеских элементов и упорядочения учета личного состава Красной Армии приказываю:

1. Немедленно ввести во всех частях и учреждениях Красной Армии как в тылу, так и на фронте, красноармейскую книжку с фотографической карточкой владельца, согласно объявляемому образцу.

2. Красноармейскую книжку считать единственным документом, удостоверяющим личность красноармейца и младшего командира. В красноармейскую книжку заносить прохождение военнослужащим военной службы и получаемые им от военного ведомства предметы довольствия (оружие, снаряжение и обмундирование)...

5. Наличие у красноармейцев и младших командиров красноармейских книжек проверять: в частях в тылу – ежедневно на утреннем осмотре, в боевых – при первой возможности, по усмотрению командиров рот, но не реже 1 раза в 3 дня.

6. Каждому красноармейцу и младшему командиру красноармейскую книжку иметь при себе. Красноармейцев и младших командиров, не имеющих красноармейских книжек, задерживать как подозрительных и направлять в военные комендатуры для выяснения личности...

12. Главному интенданту Красной Армии в 15-тидневный срок изготовить и обеспечить действующую армию и внутренние округа красноармейскими книжками утвержденного мною образца, а также дать указания войскам о порядке изготовления фотографических карточек.

13. Инспекторам родов войск и служб, а также всем прямым начальникам при посещении подчиненных частей проверять наличие у красноармейцев и младших командиров красноармейских книжек и правильность их ведения»[15].

Нередко складывались ситуации, когда у бойцов Красной Армии отсутствовали как медальоны, так и красноармейские книжки. Так, в докладе «О результатах проверки выполнения приказа НКО № 138-41 г. об учете персональных потерь в частях 9-й Гвардейской Краснознаменной дивизии» от 28 мая 1942 г. констатировалось: «Приказ № 138 есть во всех частях, бланков списков и извещений нет, их печатают на месте. Медальонами в данное время дивизия не обеспечена. Красноармейскими книжками без фотокарточек бойцы не все снабжены. В 28-м Гв. ап у 100 бойцов нет книжек»[16].

В очередной раз медальоны были отменены приказом наркома обороны СССР Сталина № 376 от 17 ноября 1942 г. «О снятии медальонов со снабжения Красной Армии»[17]. В нем утверждалось: «С введением по приказу НКО СССР № 330 от 7 октября 1941 г. красноармейской книжки, содержащей все необходимые данные о бойце, надобность в дублировании этих сведений в медальоне отпадает».

В соответствии с этим приказом красноармейская книжка стала считаться единственным документом, удостоверяющим личность красноармейца и младшего командира.

У убитых и умерших от ран красноармейские книжки изымались и передавались в штаб части или лечебного учреждения, где на их основании составлялись списки потерь личного состава. Так труп убитого или умершего становился безымянным.

С другой стороны, сама красноармейская книжка в качестве документа, удостоверяющего личность военнослужащего, не обеспечивала должной сохранности сделанных в ней записей и для опознания погибших могла быть использована далеко не всегда. Вполне очевидно, что отмена медальонов при введении красноармейских книжек обернулось вредительством, приведя к резкому увеличению числа «пропавших без вести» военнослужащих.

Правда, в красноармейской книжке было предусмотрено место для указания **№ личного знака** военнослужащего РККА (стр. 1, графа 6), который был введен по Приказу НКО СССР № 339 от 5 октября 1940 г. Личный знак красноармейца (личный номер для клеймения вещей красноармейца, курсанта и младшего командира) устанавливался по ротам, эскадронам, батареям, эскадрильям и командам в порядке номеров, начиная с первого. «Личный знак имеет форму круга диаметром 5 см, на котором ясно обозначаются цифрами: вверху – личный номер красноармейца (размер 17 мм), под

чертой слева – номер роты (13 мм), справа – номер части (13 мм). Личный знак должен быть металлическим и иметь отверстие 6 мм – для навешивания»[18].

Единичные находки таких знаков подтверждают, что он не получил широкого распространения в РККА и не мог использоваться для идентификации павшего ввиду отсутствия централизованного учета выданных знаков.

Таким образом, проведенный исторический обзор выявил сложный и противоречивый путь внедрения и использования в России, а затем и в Советском Союзе способов удостоверения личности военнослужащих. Непоследовательность и ошибки на этом пути имели для страны трагические последствия, не вполне оцененные и до сего дня.

Но ни одна армия в мире не может сравниться с германской по масштабам и опыту применения личных знаков военнослужащих. Только в годы Второй мировой войны более 15 млн человек, служивших в вермахте, получили личные знаки, причем, некоторые неоднократно (после утери). На телах 3,5 миллиона погибших чужие руки сломали эти знаки пополам, тем самым фиксируя гибель владельцев.

Более ранняя, нежели в России, история появления у немецких солдат личных опознавательных знаков начинается с легенды. В середине 60-х гг. XIX в. некий берлинский ремесленник, сыновья которого служили в прусской армии и отправлялись на войну, изготовил для них жестяные бирки. С их помощью кто-нибудь должен был опознать сыновей в случае несчастья на войне и оповестить отца в Берлине. Ремесленник был так горд своим изобретением, что посмел обратиться в военное министерство Пруссии с предложением ввести подобные знаки во всей прусской армии. Предложение было дельное, но вот аргументацию сапожник придумал неудачную. Он ссылался на успешный опыт применения в Пруссии специальных собачьих бирок для учета животных и взимания налогов с владельцев.

Когда обсуждение новой идеи в военном министерстве дошло до короля, обожавший своих солдат король Пруссии Вильгельм I был просто взбешен предложением надеть на них «собачьи бирки». Только спустя некоторое время он все же позволил убедить себя в пользе этой идеи и ради эксперимента согласился на введение личных знаков солдат в некоторых частях прусской армии[19].

На деле введение первых личных знаков в период австро-прусской войны 1866 г. встретило массовое неприятие новшества со стороны даже самых дисциплинированных прусских солдат. В «Истории обмундирования и снаряжения королевской прусской армии в 1806–1878 гг.» Миля о личных опознавательных знаках говорится:

«п. 593. С целью лучшего установления личности погибших в бою или обнаруженных без сознания раненых каждый военнослужащий получал при отправке на войну носимый на голом теле через шею на шнуре жестяной знак, который он сам снабжал номером владельца в списке личного состава части и названием воинской части, например: “75-Rh.Cur.R. 8 - 2.E”: 75 – это личный номер, Rh. – Рейнский, Cur. – кирасирский, R – полк, 2 E – 2-й эскадрон (в соответствии с п. 110 “Распоряжения о санитарном деле армии на войне” от 29 апреля 1869 г.)».

Сначала эти знаки были названы «знаками рекогниции» (Rekognitionsmarke) и имели форму прямоугольника. Распоряжением военно-медицинской службы от 10 января 1878 г. им дано название «Опознавательные знаки» (Erkennungsmarke – далее EM) и утверждена эллиптическая форма. Эти знаки имелись в прусской армии уже в 1869 г., и их выдавали солдатам при мобилизации 1870 г.

Однако у солдат имелось немало оговорок против «собачьих бирок». Выданные им личные опознавательные знаки они в массовом порядке просто выбрасывали, в лучшем случае – «забывали» в обозе. Дело в том, что любой солдат на войне рано или поздно становится суеверным. Говорили даже, что жестяная пластинка личного знака притягивает к себе пули. Такие настроения продолжали жить в немецкой армии вплоть до Второй мировой войны. Только активная пропаганда офицерами вермахта необходимости постоянного ношения личного знака как гарантии получения пенсии родственниками солдата в случае его гибели, в конце концов, переломила ситуацию, и ношение личных знаков всеми военнослужащими в немецкой армии стало нормой.

В германских служебных инструкциях для частей сухопутных войск военного времени от 29.06.1939 г. было установлено, что каждый военнослужащий частей военного времени (полевые и запасные воинские части) обязан был носить выданный ему личный опознавательный знак на шнуре вокруг шеи. Каждому солдату настойчиво внушалось, что невыполнение этого приказа может привести к тяжелой несправедливости в отношении его родственников (т. е. в случае отсутствия у погибшего военнослужащего опознавательного знака он может стать пропавшим без вести для своей семьи). ЛОЗы выдавались бесплатно всем солдатам и считались частью снаряжения. Даже военные священники носили личные опознавательные знаки своих частей. Воинские части обязаны были вести перечни ЛОЗ по всем выданным знакам. Порядковый номер в списке выдававшей части был одновременно и личным номером на опознавательном знаке.

В случае его утери военнослужащему выдавался новый знак, так называемый запасной знак (Ersatzmarke), который в качестве надписи имел название выдавшей его воинской части с новым личным номером. Каждая воинская часть была обязана возить с собой запас ЛОЗ в объеме 20% своей численности. Таким образом, в любой момент потерянные знаки могли быть заменены новыми.

ЛОЗы периода Второй мировой войны не содержали никаких личных данных. Как правило, это была аббревиатура воинской части (запасной или полевой), личный номер владельца, а иногда и группа крови.

В отличие от сухопутных войск, летный персонал и парашютные части из соображений секретности получали опознавательные знаки с другими надписями: вместо аббревиатуры воинской части на них указывался только 5- или 6-значный мобилизационный номер (или номер полевой почты). Ниже набивался номер в списке личных опознавательных знаков части, под которым были внесены личные данные владельца этого знака. ЛОЗ летного персонала изготовлялись из тугоплавкого материала и снабжались огнеупорным шнуром. Каждый солдат должен был хранить свой личный опознавательный знак в течение всего периода службы. Исключения составляли случаи утери знаков, перевода из летных частей ВВС или перевода из одного вида вооруженных сил в другой[20]. Часто жетон носили в нагрудном мешочке из мягкой кожи, шнурок которого продергивался через отверстия этого знака. Солдаты по-прежнему называли его «собачьей пластиной»[21].

Добровольцы в немецкой армии тоже получали опознавательный жетон согласно предписанию от 24.06.1944 г., как и солдаты, но с припиской «Frw.» (доброволец)[22]. Например, найденный российской поисковой группой в 1990-е гг. в Карелии (оз. Капанец под Лоухи) жетон имел следующий шифр: «–176– 1. E.K. Freiw. Legion Norwegen» – «личный номер 176, 1-я запасная рота добровольческого легиона “Норвегия”»[23].

Как отмечает Г. Рамм, сотрудник службы перезахоронения Народного Союза Германии «Немецкая забота о военных могилах», опознавательные жетоны немецких солдат не всегда, как это собственно полагалось, носили на шее, а часто и в сапоге или просто положив в карманы брюк или шинели[24].

Порой военнослужащие Красной Армии при осмотре личных вещей убитых и пленных немецких солдат фиксировали и наличие у них опознавательного знака, называя его по-разному: личный солдатский номер, личный металлический знак и т. д. Для примера приводим описи вещей, произведенные в полевых условиях советскими военнослужащими (публикуется впервые):

«Опись вещей, обнаруженных у убитого гренадера 5 роты 51 пехотного полка Курта Райха:

а) Солдатская книжка №14/9717
б) Удостоверение о получении пропуска
в) Личный солдатский номер 708
г) Портмоне
д) Фотокарточек – 19 шт.

Не позднее 8 августа 1941 г.»[25].

«Опись документов военнослужащего 10 роты 73 моторизованного полка Бройлера Вилли, взятого в плен в районе СВИТА:

а) Солдатская книжка – 1 шт.
б) Удостоверение водителя машины – 1 шт.
в) Блокнот (дневник) – 1 шт.
г) Фотокарточки – 6 шт.
д) Личный металлический знак – 1 шт.
е) Противохимический пакет – 1 шт.
ж) Значки: ВС, МОПР, ГТО, ГСП – 4 шт.[26]
з) Пропуск для перехода на сторону Красной Армии (листовка) – 1 шт.

Август 1941 г.»[27].

Идентификация немецких военнослужащих по личным опознавательным знакам производилась в соответствии с принятой вермахтом системой учета. Если у павшего военнослужащего отсутствовали личные документы или они не поддавались прочтению, единственным средством опознания становился шифр опознавательного знака. Личность владельцев можно было установить с помощью перечней личных опознавательных знаков, составлявшихся воинскими частями. По действовавшим в войну инструкциям, все части сообщали личные данные и надписи на опознавательных знаках в тогдашнее Справочное бюро вермахта. Эти перечни ЛОЗ с донесениями об изменениях личного состава в сухопутных войсках и ВВС (около 100 млн), как и картотека списков личного состава ВМС, находятся почти в полном составе в Немецкой Службе WASt (далее ВАСт). От других военных и полувоенных формирований имеются только остатки записей. И сегодня эти материалы применяются для опознания неизвестных погибших, которых обнаруживают при работах по перезахоронению внутри страны и за границей, и поэтому эти данные имеют неоценимое значение.

По германскому «Закону о содержании могил жертв войны и тирании» от 01.07.1965 г. найденные опознавательные знаки следует пересылать в Немецкую Службу ВАСт, если они могут содействовать прояснению случаев гибели на войне[28].

Здесь будет уместным сделать ряд дополнений, связанных с опытом поисковых экспедиций. При проведении поисковых работ силами добровольных объединений на территории бывшего СССР, на местах сражений минувшей войны, нередко обнаруживаются останки и солдат вражеских армий (немцев, венгров, румын, итальянцев и др.). Принадлежность военнослужащих определяется по сохранившимся фрагментам униформы или другим вещественным источникам. Среди таких находок встречаются и личные опознавательные знаки. Так, на территории бывшего плацдарма Красная Горка (Калужская обл.), где активные боевые действия длились в течение 1942–1943 гг., нашим Историко-архивным поисковым центром «Судьба» на боевых позициях были обнаружены останки нескольких десятков немецких военнослужащих, в том числе с опознавательными знаками. В дальнейшем, сделав запросы в Немецкую Службу ВАСт, мы узнали сведения о владельцах этих знаков. Следует отметить, что наличие целого (а не половинки) опознавательного знака у найденного погибшего немецкого солдата означает, что он не учтен как погибший и, следовательно, считается пропавшим без вести. В дальнейшем по своей инициативе мы официально передали при посредничестве Ассоциации «Военные мемориалы» представителям Народного союза Германии останки немецких солдат для захоронения на одном из сборных немецких кладбищ на российской территории. Соответствующие уточнения о фронтовых судьбах и месте гибели этих военнослужащих были в ФРГ внесены в учетные документы, в том числе и отделов по регистрации актов гражданского состояния, а также в электронные базы данных. Отметим попутно, что сам личный опознавательный знак не имеет материальной ценности. После экспертизы присылаемых в Берлин оригиналов этих знаков (она необходима для точной идентификации павшего) сотрудники Службы ВАСт по просьбе отправителя возвращают ему эту находку на память[29].

Таким образом, среди комплекса исторических источников, на основании которых поисковые исследования могут приводить к установлению имен и судеб павших военнослужащих, медальонам и личным опознавательным знакам принадлежит особо важная роль.

Примечания

1 *Федосеев С.* Личные (увольнительные) знаки русской армии и флота. СПб., 2008.

2 *Веремеев Ю.Г.* Солдатские жетоны царской армии [Электронный ресурс]. [Б. м., б. д.]. URL: http://army.armor.kiev.ua/hist/zeton.shtml (дата обращения: 05.03.2009).

3 Приказы по Военному ведомству. Пг., 1917.

4 *Федосеев С.* Указ соч.

5 Смертный медальон Первой Мировой войны // Древности и старина. Поиск. Находки. Открытия. М., 2002. № 1. С. 30.

6 РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 48. Л. 34; Руководство по поисковым и эксгумационным работам / Мартынов В.Е., Меженько А.В., Садовников С.И., Соколов Д.К., Толочко В.В. 3-е изд. М., 1997. С. 29–30.

7 РГВА. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2576. Л. 348; Руководство по поисковым и эксгумационным работам. С. 29; Без вести пропавшая... память? / Публ. И.М. Нагаева // Военно-исторический журнал. 1998. № 1. С. 70; *Садовников С.И.* К проблеме установления имен и судеб павших защитников Отечества // Археографический ежегодник за 2000 год. М., 2001. С. 155–156.

8 РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 82. Л. 182–185.

9 Там же. Д. 88. Л. 665.

10 ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 2. Л. 441–446; РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 97. Л. 263; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. М., 1994. Т. 13 (2–1). С. 258–261.

11 РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 23. Л. 719–720; *Буслаев А.А., Мазур К.А., Шумейко Ю.И.* Неоплаченный долг // Военно-исторический журнал. 1992. № 9. С. 28.

12 РГВА. Ф. 4 Оп. 12. Д. 97. Л. 275; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–1). С. 260.

13 *Мякушев Д.А.* От Леово до Сталиногорска // Военно-исторический архив. 2003. № 9. С. 114–115.

14 *Буслаев А.А., Мазур К.А., Шумейко Ю.И.* Указ. соч. С. 30.

15 ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 2. Л. 840–842; РГВА. Ф. 4. Оп. 12. Д. 99. Л. 274–277; СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945: Краткая хроника. М., 1970. С. 98; *Конасов В.Б., Терещук А.В.* Новый подход к учету безвозвратных потерь в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 185–186.

16 ЦАМО РФ. Ф. 58. Оп. 818883. Д. 1114. Л. 58.

17 Там же. Ф. 2. Оп. 920266. Д. 5. Л. 495; Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР. Т. 13 (2–2). С. 368; *Клейменов А.Н.* По долгу памяти // Военно-исторический журнал. 1990. № 4. С. 4.

18 РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 31 (1).

19 Deutsche Dienststelle (WASt) 1939–1999. 60 Jahre im Namen des Volkerrechts. Berlin, 1999. S. 138.

20 Ibid. S. 143–144.

21 Молот войны. Полная энциклопедия немецкой армии 1933–1945 гг. Минск, 2010. С. 33–34.

22 *Schlicht A., Angolia J.R.* Die deutsche Wehrmacht – Uniformierung und Ausrustung, 1933–1945. Stuttgart, 1993. Band 1: Das Heer. S. 411.

23 Ответ службы BACт от 24 Sept. 1996. Ref. IV / 1-A/ 193-471/ 267-Wv. S. 2.

24 *Ramm G.* Ein unbekannter Kamerad. Deutsche Kriegsgraberstatten zwischen Oderbruch und Spree. Woltersdorf, 1993. S. 106.

[25] ЦАМО РФ. Ф. 1535. (251 сд). Оп. 1. Д. 117. Л. 80.

[26] Очевидно, это трофеи, собранные немецкими солдатами. ВС – «Воин-спортсмен», МОПР – «Международная организация пролетарской революции», ГТО – «Готов к труду и обороне!», ГСП – искажено, вероятно «ГСО», «Готов к санитарной обороне».

[27] ЦАМО РФ. Ф. 1535 (251 сд). Оп. 1. Д. 117. Л. 36, 47.

[28] Deutsche Dienststelle (WASt) 1939–1999. S. 148.

[29] Информация службы ВАСт от 10.2002 г. // Архив автора; *Садовников С.И.* Установление судеб военнослужащих вермахта, пропавших без вести во Второй мировой войне // Источниковедческая компаративистика и историческое построение: Тез. докл. и сообщений XV науч. конф. М., 2003. С. 287–291.

В.И. Дурновцев

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ МУРАВЬЕВ: ИСТОРИК В ЗЕРКАЛЕ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена жизни и творчеству известного российского историка, профессора кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ В.А. Муравьева (1941–2009), который внес заметный вклад в изучение теорий феодализма в русской историографии, историографию Первой российской революции, в целом в историю российской исторической науки. Сохраняют научное значение результаты исследования им проблем источниковедения, исторической географии.

Ключевые слова: Виктор Александрович Муравьев, Историко-архивный институт РГГУ, историография, источниковедение, историческая география.

Время детального анализа научного наследия и педагогической деятельности известного российского историка и преподавателя Виктора Александровича Муравьева (17 января 1941 – 25 октября 2009) пока не наступило. Скорее всего, оно совпадет с задуманным его друзьями и коллегами переизданием самых ценных и очевидно значимых в настоящем и ближайшем будущем отечественной науки истории его работ. Цель этих заметок, написанных по свежим следам трудно восполнимой утраты, более скромная – восстановить в памяти всех, кто знал и любил В.А., основные этапы его жизненной и творческой судьбы[1].

В.А. родился за несколько месяцев до начала Великой Отечественной, и его не коснулись «свинцовые, пороховые». Но в его служебной автобиографии, написанной при поступлении на работу в МГИАИ в 1968 г., неявно содержится некоторое указание, что́ именно, наряду с другими обстоятельствами, предопределило вы-

© Дурновцев В.И., 2011

бор профессии – война и отец на войне. Через прошедшую войну стал пробуждаться интерес к истории.

В.А. переступил порог Московского государственного историко-архивного института на исходе лета 1958 г. Тогда, конечно, юный костромич не мог представить, что своим выбором места обучения и избранной профессией на более чем полвека, до самой кончины, он определит свою судьбу.

В.А. принадлежал к поколению советских/российских историков, которые развивались духовно, формировали историческое мировоззрение, приобретали профессиональные навыки в годы «оттепели». Идейные, научные, образовательные условия во второй половине 50-х гг. были несопоставимы с лютыми зимами, вопреки всякой природе и календарю, предшествующих годов. Прошел XX съезд КПСС, который, как вскоре оказалось, не только не смог преодолеть в политике, идеологии, культуре, массовом сознании страшное наследие сталинизма, но, больше того, на долгие три десятилетия породил двусмысленную и двойственную психологию миллионов людей, причудливо сочетавших в своем облике черты очевидного конформизма и глубочайшего внутреннего несогласия.

Но это в масштабе страны. А в ее бесчисленных микромирах мог быть и свой отсчет времени, и свои ценности, и свои герои. Для МГИАИ 40–50-е гг. – это время А.И. Андреева, В.К. Лукомского, А.А. Новосельского, Л.В. Черепнина, В.К. Яцунского... Это время высочайшего авторитета в научных кругах кафедры вспомогательных исторических дисциплин. И популярности среди студентов кружка источниковедения на кафедре под руководством Сигурда Оттовича Шмидта.

О кружке написано много, точно, хорошо[2]. Писал о нем и В.А., староста кружка после Ю.Я. Рыбакова, Е.Б. Рашковского, В.С. Мингалева. Его заметки по большей части хроникальны, насыщены информацией, в которой, как теперь известно, что ни фамилия, то имя, что ни доклад или дискуссия, то заметный историографический факт[3]. В кружке что-то было если не от легендарного Лицея, то наверняка от неповторимого ИФЛИ в Москве. Впрочем, у кружка источниковедения было свое, ни на что не похожее, очень умное и красивое лицо.

Инициатором выбора первой строго научной темы исследования, а она была посвящена Н.П. Павлову-Сильванскому, был С.О. Шмидт, обративший внимание В.А. на опыт изучения С.Н. Валком архива автора «Феодализма в Древней Руси» и «Феодализма в удельной Руси»[4]. В.А. было предложено для начала подготовить обзор материалов Н.П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах.

Существенную роль в выборе В.А. темы сыграли и другие факторы: возросший в 60-е гг. интерес исследователей к историографической проблематике, занятия в семинаре по источниковедению историографии, объявленном С.О. Шмидтом, немедленно откликавшимся даже на первых порах на едва заметные тенденции в развитии исторической науки.

Первая опубликованная статья[5], затем дипломная работа дали толчок разработке В.А. темы, к которой он будет обращаться часто и охотно – история научного освоения проблемы феодализма в России[6]. Потом В.А. продолжил архивные изыскания, в разные годы он опубликовал лекционные курсы Н.П. Павлова-Сильванского в высших вольных учебных заведениях Петербурга, две лекции историка в годы Первой российской революции[7]. Позднее С.О. Шмидт отметит пионерскую роль В.А. в общей разработке темы «Н.П. Павлов-Сильванский» и особенно ее источниковедческом оснащении[8].

После окончания института В.А. проходит необходимую для историка-архивиста практическую работу. Он – старший научный сотрудник Архивного отдела при Совете министров Башкирской АССР (1963–1965) и короткое время – старший научный сотрудник Костромского областного государственного архива.

С 1965 г. В.А. – аспирант, с декабря 1968 г. – преподаватель кафедры истории СССР досоветского периода (в настоящее время– кафедра истории России средневековья и раннего нового времени). У него новый научный руководитель, Владимир Евгеньевич Иллерицкий (но «старый» всегда рядом; в анкете для известного биобиблиографического словаря «Историки России XX века» В.А. на вопрос об учителях отвечает: С.О. Шмидт и В.Е. Иллерицкий), новая, но, в сущности, старая тема кандидатской диссертации, теперь она сформулирована как «Теории феодализма в русской историографии конца XIX – начала XX в.» и дополнена именами Б.И. Сыромятникова, М.Н. Покровского и М.С. Ольминского.

В 1970 г. В.А. успешно защищает кандидатскую диссертацию. Его оппоненты – А.А. Зимин и В.Б. Кобрин.

По сути, исследование В.А. выходит за пределы персонифицированного историографического анализа теорий феодализма. Первая глава диссертации – «Вопрос о феодализме в русской историографии до начала XX века».

В диссертации рассыпаны, как бы невзначай, мысли о передовых представителях «буржуазной» (читай: русской исторической науки), таких как Н.П. Павлов-Сильванский, о «тонких» противниках марксизма. А «историография эпохи империализма» не что иное, как русская историческая наука в начале XX в.

Показательно и то, что контрапунктом истории изучения в России вопроса о феодализме является именно творчество Н.П. Павлова-Сильванского, меньше Б.И. Сыромятникова и в самом общем виде М.Н. Покровского и М.С. Ольминского.

Статьи С.О. Шмидта и С.В. Чиркова и примечания последнего к известной публикации наследия Н.П. Павлова-Сильванского в серии «Памятники исторической мысли» хорошо показывают, что сделал В.А. в изучении творчества выдающегося историка начала XX в.[9]

Главной задачей своего диссертационного исследования В.А. считал «анализ причин и сущности постановки вопроса о феодализме в России, содержания концепций феодализма в творчестве тех исследователей, которые внесли в конце XIX – начале XX в. наибольший вклад в разработку и распространение этого взгляда»[10].

Каков же «сухой остаток» анализа В.А. проблемы феодализма в России с конца XVIII и до начала XX в.? Речь идет о результатах, которые сохраняют свое научно-историографическое значение и спустя 40 лет после того, как к ним пришел исследователь.

В частности, В.А. показал и доказал, что сама постановка вопроса во всех случаях была вызвана мотивами определения места России во всеевропейской истории, общности развития национального и всемирно-исторического. Понятие и содержание феодализма долгое время применялось для объяснения происхождения и политической истории «удельного периода». «Феодализм как политическая система противопоставлялся “единодержавию” и абсолютизму и находил всеобщее порицание». В первые десятилетия XIX в. проблема феодализма, с одной стороны, была связана с убеждением в общности исторических путей России и Европы, а значит, с надеждами на либеральные преобразования, с другой – отрицания какого бы то ни было сходства процессов образования государства, форм земельной собственности, отношений «народа» и «правительства», существования противостоящих общественных групп, наличия городской жизни в Древней Руси. Государственная школа в русской историографии не исключала факт зарождения феодальных отношений по типу с европейским, но личные феодальные отношения, считали ее представители, не переросли в классические феодальные поземельные отношения. Предпосылками возвращения русской историографии к вопросу о феодальных отношениях являлись усиление революционного и общественного движения, тотальное увлечение методологией «экономического материализма», общее состояние исторической науки в России и на Западе, связанное с распространением позитивистской методологии, введение в научный оборот актовых источников, писцовых,

кабальных и др. книг, изучение русской общины, землевладения, вотчинной организации, иммунитета. С именем Н.П. Павлова-Сильванского связан важный шаг в изучении феодализма в России. «Он полагал, что периоду натурального хозяйства соответствует общинная организация управления, первой стадии накопления капиталов в вотчинах и городах еще на основе натурального хозяйства – феодализму, денежному хозяйству – "автократия", капитализму – "гражданский строй". Однако Н.П. Павлов-Сильванский не придал должного внимания "основному отношению феодала и феодально-зависимого крестьянина"»[11].

Что касается концепции Б.И. Сыромятникова в части ее, касающейся феодальных отношений на Руси, то стадии феодализма этот историк, по мнению В.А., рассматривал как закономерный период существования натурально-хозяйственной формы государства, как такую социально-политическую организацию, когда земля является основной хозяйственной и политической ценностью, определяющей все общественные отношения[12].

Показателен основной вывод из изучения представлений о феодализме М.Н. Покровского и М.С. Ольминского. Тут важно не столько заявление, что эта проблема ставилась в непосредственное отношение к их стремлению рассматривать историю России с классовой точки зрения, сколько весьма аккуратное, но тем не менее недвусмысленное замечание о том, что эти марксистски ориентированные историки «делали значительные уступки... по ряду конкретно-исторических вопросов» другим специалистам в русской исторической науке[13].

С конца 60-х гг. наступает непростой и болезненный период в истории исторической науки. Отразился он и на МГИАИ. Институт покинули почти полтора десятка преподавателей. Одни ушли сами, других «ушли». Их место заняли те, кого на кухнях звали не иначе, как «черные полковники», «в честь» деятелей диктатуры в Греции[14].

Кафедра истории СССР досоветского периода, на которой работал В.А., никак не вписывалась в «новые условия» хотя бы потому, что она была «досоветской», а ее заведующий В.Е. Иллерицкий слыл либералом. Он и не мог быть другим в глазах нового руководства института и его «сопровождения»: историография «с Соловьевыми да Милюковым» была неуместной в «идеологическом вузе», «такая историография нам не нужна», хотя, конечно, терпеть ее приходилось из-за министерского учебного плана. Не могли поколебать подозрительность «черных полковников» (кстати, среди них были и вполне «гражданские») даже научные занятия Владимира Евгеньевича – история революционной исторической мысли (опасения

институтских властей предержащих были отчасти не напрасны: В.Е. Иллерицкий заканчивал первую, увидевшую свет в советские годы, работу о С.М. Соловьеве[15]).

В.А. был учеником С.О. Шмидта и В.Е. Иллерицкого – этого было достаточно для подозрительного отношения к нему нового руководства. Иногда он сам давал основания для усиления сомнений в лояльности. Принципы повиновения и послушания в иерархии ценностей «черных полковников» стояли на одном из первых мест. Деятельная, общественная натура В.А. в этих условиях не могла проявиться с должной силой и энергией, и она находила выход вне институтских стен.

После защиты диссертации В.А. естественно сосредоточивается как преподаватель и исследователь на историографической проблематике[16]. Проблемы преподавания отечественной истории исторической науки увязываются с конкретной историографической практикой. Развиваются творческие связи с историографическими школами страны.

В эти годы он сближается с профессором исторического факультета Московского университета А.М. Сахаровым (1923–1978). Предмет их общей заботы – развитие историографических исследований и повышение качества преподавания историографии в высшей школе[17]. В.А. осваивает новый для себя жанр – рецензий. Его отклики на работы коллег, инициативные и по заказам редакций, свидетельствуют о тонком анализе, умеренной принципиальности, умении увидеть в рецензируемой работе, сборнике то ценное, что не заметили сами авторы или составители. Этот историографический жанр сопровождает все дальнейшее творчество В.А. Сюда же примыкает отнимающее много творческих сил и времени официальное и неофициальное оппонирование кандидатских и доктор-ских диссертаций. Добавим постоянно ведущийся им мониторинг научной жизни, многочисленные информации о конференциях, симпозиумах, научных заседаниях.

Так В.А. стал историком текущей историографии, собирателем постоянно пополняющихся историографических фактов. Выбор им в качестве доклада на популярных в свое время «Историографических средах» в Институте истории АН СССР темы «Рецензия как историографический факт» был не случаен.

Осваивается и жанр энциклопедических статей, свидетельство безусловной эрудиции и широкого кругозора автора. И, в сущности, осознаваемой им просветительской миссии. Если некоторые энциклопедические статьи носили частный и случайный характер, то другие требовали от автора сочетания ценнейших качеств: точности в передаче фактов, лаконичности, умения соединить воедино трудно

сводимые точки зрения, т. е. раскрыть энциклопедическую тему на уровне современной науки.

В.А. много и охотно писал в соавторстве. Нередко в этих временных творческих содружествах его роль была первенствующей. В перечне соавторов: В.Е. Иллерицкий, А.И. Комиссаренко, О.М. Медушевская, А.Д. Степанский, Л.Н. Простоволосова, Л.В. Волков, М.П. Мохначева, Л.И. Демина, В.И. Дурновцев (коллеги из институтских кафедр), ученые из университетов и академических институтов (И.Д. Ковальченко, А.М. Сахаров, Ю.А. Мошков, В.П. Шерстобитов), коллеги из научно-педагогических центров (О.В. Волобуев, А.Г. Болебрух). Позднее постоянными соавторами и соредакторами В.А. стали М.Ф. Румянцева, Р.Б. Казаков...

В 70-е – середине 80-х гг. В.А. много сил отдает анализу вышедшей и разработке новой учебной литературы по историографии. После опубликования в 1971 г. «Историографии истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции» под редакцией В.Е. Иллерицкого и И.А. Кудрявцева, учебника, в подготовке которого принимал участие и В.А., начинается совместно с В.Е. Иллерицким работа над учебником по отечественной историографии «в эпоху социализма».

А еще были учебное пособие в соавторстве с Л.В. Волковым[18], многочисленные статьи и доклады по этой проблематике.

Не без сомнений приступает В.А. к работе над темой, разработка которой может привести к докторскому исследованию – исторические взгляды большевиков, так сказать, неакадемические формы выражения исторической мысли, которые в тогдашних условиях явно претендовали на приоритет по сравнению с профессиональной историографией[19].

Отчетливая конъюнктурность тематики бросалась в глаза. Постепенно у В.А. зрела мысль о разработке другой большой проблемы – историографии Первой российской революции[20] и параллельно – воздействия революционных событий на судьбы историков и в целом на русскую историческую науку. Конечно, она возникла под непосредственным изучением воздействия революции на проблематику и идейные позиции русских историков, при этом не только Н.П. Павлова-Сильванского, но и Б.И. Сыромятникова, М.Н. Покровского, П.Н. Милюкова, А.А. Кизеветтера, Ю.В. Готье, Е.В. Тарле, В.П. Волгина, Н.П. Лукина... Вывод В.А. в постановочной части проблемы однозначен: Первая российская революция явилась каналом, через который социальные противоречия России в наибольшей степени непосредственно воздействовали на историческую науку, на общественную и профессиональную активность русских историков. Кризисные явления в отечественной историографии, присутствую-

щие в ней и до 1905 г., в период революции быстро развивались, созревали и в своей совокупности вылились в состояние кризиса[21].

Впрочем, кризис исторической науки на рубеже XIX–XX вв. В.А. никогда не понимал в его упрощенном и даже примитивном истолковании, а таких суждений в литературе было сколько угодно, и в многочисленных дискуссиях той поры высказывался по этому поводу вполне определенно и недвусмысленно. Отправной точкой его рассуждений был тезис: кризис как момент развития. Кризис как методологическая авторефлексия исторической науки, за которой стоял неустанный поиск новых идей.

После назначения в 1976 г. ректором МГИАИ Н.П. Красавченко и последовавшей «демобилизации» «черных полковников» способности, знания, опыт В.А. оказались востребованными. Как полезен В.А. институту, как нужен институт ему, показало, в частности, празднование 50-летнего юбилея МГИАИ[22].

Вторая половина 80-х гг.... Вскоре после прихода в МГИАИ нового ректора, Ю.Н. Афанасьева, В.А. назначен проректором по научной работе. В институте в рамках ставших широко известных чтений «Социальная память человечества» начались бурные дискуссии по вопросам национального прошлого, вышедшие по своему значению далеко за пределы академической науки, вызвавшие всеевропейский и даже мировой резонанс и сыгравшие свою, не исключено, что строго отведенную им роль в дальнейшей судьбе советской цивилизации. Кто-кто, а В.А. знал о нерасторжимой связи революции и историографии. Теперь эту связь он увидел воочию.

В эти годы В.А. не только решительно поддержал, но и всемерно способствовал подготовке и реализации программ преподавания политической истории России, которая должна была заменить тотальную в системе высшего образования историю КПСС.

В 1987 г. В.А. защитил докторскую диссертацию. Она отличалась, как и все, что выходило из-под пера В.А., профессионализмом и точностью, хотя, конечно, в значительной мере была подготовлена по лекалам «доперестроечной эпохи»[23]. Эмпирическая составляющая этого текста может сослужить хорошую службу для так давно ожидаемого спокойного и взвешенного изучения судьбы отечественной историографии в XX в.

Потом в коллективе МГИАИ велась напряженная работа над концепцией нового гуманитарного университета, и В.А. принял в ней деятельное и заинтересованное участие.

С 1990 г. В.А. становится заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин, которая вскоре обретает ко многому обязывающее название – кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.

В личном деле В.А. сохранились отчеты о его работе в институте, в том числе и в должности руководителя кафедры. Изложим их с максимальным сокращением, сохраняя главное и напоминая, что сухая отчетная информация заведомо неполна и, как правило, не дает исчерпывающего представления об объеме, деталях и перипетиях жизни научно-педагогического коллектива. В 1990–2002 гг., по словам В.А., был обновлен состав кафедры, которая стремилась, насколько это было возможно в условиях действующих принципов организации обучения и учебных планов, к «соответствию содержания и форм обучения студентов фундаментальным требованиям восстанавливающейся современности».

Созданы принципиально новые программы учебных дисциплин: вещественное источниковедение, компаративное источниковедение, теория и методология истории, методология истории... Разработаны специализации «Памятники письменности Древней Руси» и «Памятники письменности средневековой Руси». Большая работа была проведена по учебно-методическому обеспечению читаемых курсов. Кафедра приняла деятельное участие в распространении преподавания «своих» дисциплин на других факультетах РГГУ.

Вошли в практику ежегодные научные конференции кафедры[24]. Успешно развивались международные связи.

В 1994 г. Ученым советом РГГУ была одобрена концепция развития кафедры, в которой определялись основные направления ее учебно-методической и научно-исследовательской работы: теория и методология истории, методы исторического познания, источниковедение, вспомогательные науки истории; положительно оценена попытка определить место кафедры и ее дисциплин в системе гуманитарного познания, ее реальную роль как одного из центров источниковедения и вспомогательных наук истории в высшей школе России.

По гранту «Открытого общества» было подготовлено издание «Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института»[25].

В эти годы В.А. весьма активен как ученый и преподаватель: он выступает с лекциями в России и за рубежом, организует и участвует в работе многочисленных университетских, российских и международных научных конференций, неизменно окружен студентами и аспирантами.

В новых условиях развития отечественной исторической науки В.А. среди тех историков, кто решительно поддержал, конечно, известные им и прежде новейшие методологические тенденции, которые раньше не могли быть реализованными в национальной

научно-исторической практике. В.А. доказывает, что историческая наука занимает особое место в системе гуманитарных наук, отмечает беспрецедентные процессы, в ней происходящие, акцентируя внимание на антропологически ориентированной истории. В иерархии гуманитарного знания, в дистанции, отделяющей человеческий опыт от его познания, историческая наука оказывается к нему ближе всего по сравнению с другими сферами гуманитарного знания[26]. При этом отдельные опыты осмысления им современных проблем и тенденций развития исторической науки, вспомогательных и специальных наук истории не лишены изящества.

В новых историографических практиках В.А. мощно звучит тема феноменальности русской истории. В сформулированном им вопросе, «предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории?», велика доля сомнения в положительном ответе. Основания для постановки вопроса В.А. видит в очевидной специфике российской реальности. «В первую очередь среди них – сравнительная удаленность от центров древних цивилизаций и от путей, соединивших общества, что наследовали этим цивилизациям; неблагоприятное соотношение пространства и населения и постоянная доминанта колонизационного центра (вырастающего в государственный центр) над слабыми колонизуемыми и присоединяемыми регионами; неблагоприятные условия для аграрной деятельности и труднодоступность минеральных ресурсов... неизменно общинная и рутинная организация материального производства, недостаточная экономическая активность и самодеятельность населения, постоянное “поравнение” внизу и особая, как казалось, жестокость в имущественных и социальных отношениях между “верхами” и “низами”»...[27].

Отсюда и историографический Левиафан оказывается мощнее историографического Ионы. Разработка антропологической истории России затруднена значительно меньшей, чем на Западе (в Европе) обеспеченностью источниками, отражающими ментальные явления, стоявшими вне государственной традиции и способными полноценно обеспечить антропологически ориентированное историческое изучение[28].

Характерной и отличительной чертой научного облика В.А. была редко встречающаяся в век специализации ученой работы способность одинаково комфортно чувствовать себя на двух полюсах исторического познания. На одном глобальные, всеохватывающие, тотальные идеи и представления, на другом – предельно частные, детальные, конкретные исследовательские объекты. Сравнительно новая для него область изучения и преподавания – историческая география – позволяла максимально сблизить эти крайности познавательной деятельности.

В одной из первых специальных работ на эту тему размышления о месте и роли исторической географии в системе исторических наук поистине стали возвышенными, соединились с пространством, временем и историей человека, вопросами взаимодействия гуманитарного и естественнонаучного знания.

«Исторические процесс, создав авторефлексию и исторические науки, познает себя как многомерное явление. Отсчет событий; счет царствованиям, временам и эпохам; противоположение "своей" и "чужой" истории – от миров эллинов и варваров Геродота до европоцентризма и антитез "Запад – Восток", "Север – Юг"; видение сменяющихся или сосуществующих цивилизаций – от Книги пророка Даниила до трудов А. Тойнби; иерархия обществ, государств, территорий; созданные в различных эпистемологических системах шкалы форм, сущностей и ценностей исторического процесса – это неисчислимый корпус мер в историческом познании, возможность сосуществования и конкуренции их определенного сомножества, споры о мерах даже в рамках одной и той же методологии восходят к трем главным феноменам истории человека, проявляющим себя и в историческом процессе, и в его познании. *Это – Время, Пространство, Событие*»[29].

Профессионально ориентируясь в общемировых проблемах истории исторического знания, В.А. был все же в первую очередь историком отечественной исторической науки. Новые и долгожданные требования к преподаванию историографии, историографической научно-исследовательской практике привели к решительному обновлению учебных программ и в целом крутому повороту в содержании, в методах и методике преподавания историографических курсов. Между прежними аналогичными опытами, а их у него было немало[30], и новой программой дисциплины «История исторической науки» по специальности «Историко-архивоведение» лежит пропасть не только идейного и методологического характера, но в первую очередь содержательного. Теперь в программе и, следовательно, в курсе предусматривается освоение студентами эволюции исторического познания в его средиземноморско-европейской традиции, а развитие российской историографии рассматривается в контексте мировой исторической мысли и исторической науки. «Историография представляется в курсе как сложный процесс постоянного "rewriting of history" (переписывания истории), создания сменяющих друг друга моделей исторического прошлого»[31].

Так исподволь нащупывается, а затем, благодаря известному понятию, и обнаруживается путь к «реабилитации» отечественной исторической науки советского периода.

В последние годы жизни В.А. часто обращается к теме, с которой

он, собственно, начинал свою научную деятельность – персонификации историографического процесса, антропологически ориентированной истории исторической науки[32].

Он пишет проникновенный очерк об А.А. Зимине, где милые сердцу студенческие воспоминания сопровождаются размышлениями историографа о поразительном феномене выдающегося ученого. Он находит еще один существенный – и неожиданный – ракурс для понимания судьбы национальной историографии в XX в. «Творчество Зимина, если воспользоваться термином того времени, хронологически полностью укладывается в т. н. период “расцвета советской исторической науки” (но, вопреки тогдашнему официальному пониманию этой формулы, размышляешь о том, что ведь действительным ее расцветом и были А.А. Зимин и С.Б. Веселовский, Н.Н. Воронин и Л.В. Черепнин, С.Н. Валк и А.И. Андреев, М.Я. Гефтер и К.Н. Тарновский)...»[33]. Спустя двадцать лет после смерти ученого В.А. находит ему точное место в новейшей российской историографии. Благодаря А.А. Зимину, «впервые в дореволюционной и советской “россике средневековья” оказалась сформированной альтернативная, построенная на иных основаниях, концепция исторического процесса и доказана самая возможность существования строго научной альтернативной русской истории... “Официально-государственный” и “москвоцентристский” характер подходов был решительно заменен историей людей, общества и “полицентричным” подходом.

Это было сделано А.А. Зиминым до появления в нашей науке понятий “историческая антропология” и “антропологически ориентированная история”, “альтернативная история” и “точки бифуркации”... В его трудах мы не найдем этих терминов. Но не Зимин ли был в числе тех, кто привел нас к этим, казалось бы, импортированным понятиям?»[34]

Терминологические и теоретические изыскания были несвойственны еще одному ученому, светлую память о котором В.А. сохранял до конца жизни.

В 2006 г. выходит в свет книга Н.П. Ерошкина, включающая три работы – «Крепостническое самодержавие и его политические институты», «Законодательный механизм России периода буржуазных реформ 60–70-х гг. XIX в.» и «Самодержавие накануне краха». Ответственным редактором книги «Российское самодержавие» и автором вступительной статьи был В.А. По общему мнению многочисленных учеников, друзей и коллег Николая Петровича Ерошкина, статья В.А. была одной из лучших, если не лучшая, о замечательном ученом, педагоге и человеке, статья, далеко выходящая за пределы формального предисловия. И кому как не В.А., которого связывали с Н.П. Ерошкиным далеко не формальные, очень близкие челове-

ческие отношения, было найти самые нужные и точные слова, в том числе и при характеристике места ученого в истории науки русской истории, конечно, подверженной трансформации в результате давления извне, но и несгибаемой до тех пор, пока в ее рядах остаются те, для кого научная честь и совесть не являются пустым звуком.

И каковы бы ни были перипетии судьбы, личные и творческие обстоятельства непростой жизни ученого историка Виктора Александровича Муравьева, в этих рядах и он оставался до своего последнего часа.

Примечания

1 Впервые это сделано в некрологе. См.: Памяти Виктора Александровича Муравьева (17.01.1941 – 25.10. 2009) // Вестник РГГУ. 2010. № 7. С. 300–302.

2 Мир источниковедения: Сб. в честь Сигурда Оттовича Шмидта. М.; Пенза, 1994.

3 *Муравьев В.А.* Кружку источниковедения истории СССР – 15 лет // Труды МГИАИ. М., 1966. Т. 24, вып. 2: Вопросы источниковедения истории СССР. С. 267–272.

4 *Валк С.Н.* Вступительная лекция Н.П. Павлова-Сильванского // Труды Ленинградского отделения Института истории. М.; Л., 1963. Вып. 5. С. 617–626.

5 *Муравьев В.А.* Материалы Н.П. Павлова-Сильванского в ленинградских архивах // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 22. С. 279–292.

6 *Муравьев В.А.* Когда был поставлен вопрос о «русском феодализме»? // Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки. М., 1981. С. 313–321.

7 *Муравьев В.А.* Лекционные курсы Н.П. Павлова-Сильванского в высших вольных учебных заведениях Петербурга // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 247–258; *Он же.* Две лекции Н.П. Павлова-Сильванского («История и современность», «Революция и русская историография») // История и историки, 1972: Историогр. ежегод. М., 1973. С. 337–364.

8 *Шмидт С.О.* Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 591.

9 *Шмидт С.О.* Сочинения Н.П. Павлова-Сильванского как памятник истории и культуры. С. 587–599; *Чирков С.В.* Н.П. Павлов-Сильванский и его книги о феодализме // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 600–638.

10 *Муравьев В.А.* Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1969. С. X.

11 Там же. С. 501–502.

12 *Тихонов В.В.* В.А. Муравьев как исследователь теорий русского феодализма в отечественной историографии (доклад на Историографических чтениях памяти В.А. Муравьева, 30 октября 2010 года, подготовлен к печати).

[13] *Муравьев В.А.* Теории феодализма в России в русской историографии конца XIX – начала XX в. С. 503.

[14] *Хорхордина Т.И.* Корни и крона. М., 1997. С. 86–88.

[15] *Иллерицкий В.Е.* Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980.

[16] *Мохначева М.П.* Источники по истории становления и развития историографии в МГИАИ – ИАИ РГГУ // Вестник РГГУ. 2009. № 4. С. 23–47; 2010. № 7. С. 56–82.

[17] Вопросы историографии в высшей школе (Всесоюзная конференция преподавателей историографии истории СССР и всеобщей истории университетов и педагогических институтов. Смоленск, 31 января – 3 февраля 1973 г.). Смоленск, 1975.

[18] *Волков Л.В., Муравьев В.А.* Историография истории СССР в период завершения социалистического строительства в СССР (середина 30-х – конец 50-х годов): Учеб. пособие. М., 1982.

[19] *Муравьев В.А.* К изучению исторических взглядов деятелей большевистской партии дооктябрьского периода (историография вопроса) // Труды МГИАИ. М., 1974. Т. 30, вып. 1. С. 26–36.

[20] Наиболее значимые опубликованные результаты проделанной В.А. работы в этом направлении: монография в соавторстве с О.В. Волобуевым «Ленинская концепция революции 1905–1907 годов и советская историография» (М., 1982), учебное пособие «Современная советская историография революции 1905–1907 годов» (М., 1985), статья «История революции 1905–1907 гг. в России в творчестве М.Н. Покровского» в сборнике «Советская историография отечественной истории. Ученые и их труды» (М., 1988).

[21] *Муравьев В.А.* Революция 1905–1907 гг. и русские историки (к постановке проблемы) // Интеллигенция и революция, XX век. М., 1985. С. 72–73.

[22] Московский государственный ордена «Знак Почета» историко-архивный институт. Пермь, 1984 (В.А. – член редколлегии, автор введения, совместно с Н.П. Красавченко и Д.М. Эпштейн).

[23] *Муравьев В.А.* Советская историография революции 1905–1907 годов. Проблемы освоения ленинской концепции истории Первой российской революции: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1987.

[24] *Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф.* Выступления В.А. Муравьева на ежегодных конференциях кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин как историографический факт (доклад на Историографических чтениях памяти В.А. Муравьева, 30 октября 2010 года, подготовлен к печати).

[25] Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: Сборник / Отв. ред. В.А. Муравьев. М., 2001.

[26] *Муравьев В.А.* Левиафан и Иона в России: предрасположена ли российская историографическая традиция к антропологически ориентированной истории // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации: Тез. докл. и сообщений науч. конф. М., 1998. С. 40–44.

[27] Там же. С. 43.

[28] Там же.

[29] *Муравьев В.А.* Пространство, время, история человека и общества: историческая география в системе исторических наук // Исторический источник: человек и пространство: Тез. докл. и сообщений науч. конф. М., 1997. С. 24.

[30] Программа по историографии истории СССР (проект). М., 1978; Программа дисциплины «Историография истории СССР» для государственных университетов. Специальность 2008 – История. М., 1987.

[31] Историко-архивоведение. Специальность 020800: Гос. образоват. стандарт высш. профес. образования и примерные программы дисциплин федерального компонента (циклы общепрофес. дисциплин и дисциплин специальности) / Редкол.: Минаев В.В. (отв. ред.) и др. М., 2003. С. 572.

[32] *Муравьев В.А.* В.О. Ключевский и «новая волна» историков начала XX века // Ключевский. Сб. материалов. Пенза, 1995; *Он же.* Б.И. Сыромятников // Историки России XVIII–XX веков. М., 1997. Вып. 6. С. 75–84; *Он же.* «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // Археографический ежегодник за 1998 год. М., 1999. С. 228–232.

[33] *Муравьев В.А.* Александр Александрович Зимин (1920–1980) // Историки России. Послевоенное поколение. М., 2000. С. 170.

[34] Там же. С. 174.

ПУБЛИКАЦИИ

ЗАВЕЩАТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО ИМЕРЕТИНСКОЙ ЦАРЕВНЫ ДАРЬИ АРЧИЛОВНЫ 1728 г.*

Публикуется по спискам, хранящимся в Центральном историческом архиве Москвы и Отделе рукописей Государственного исторического музея. Содержит распоряжения о денежном и материальном обеспечении поминания ее родственников.

Ключевые слова: Дарья Арчиловна, Донской монастырь, завещание, публикация.

Донской монастырь был основан в 1590 г. и пользовался особым расположением царского двора и представителей знатного дворянства[1]. С начала XVIII в. монастырь стал культурным и религиозным центром грузинской колонии в Москве, чье ядро составила родня и свита царя Имерети и Кахети Арчила II, поселившегося в России[2].

Имеретинская царица Дарья (Дареджан) Арчиловна (род. в 1665 или 1670 г., ум. 6 октября 1740 г.) была дочерью царя Арчила II. В семилетнем возрасте она была выдана замуж за Манучара Дадиани, сына мегрельского князя Левана I, но брак был расторгнут. В 1684 г. вместе с отцом и братьями Дарья переехала в Россию; до конца своих дней проживала в Москве[3].

Дарья Арчиловна много жертвовала на нужды Донского монастыря: 353 чугунные плиты для мощения Сретенской церкви, «сосуды, потир... всех этих сосудах золота было 1 ф[унт] 15 зол[отников], а серебра 2 ф[унта] 51 зол[отник]», а в 1727 и 1730 гг. на вечное поминовение своих родителей 2000 рублей, которые пошли на постройку соборной кровли, колокольни и на паникадила[4]. В Донском

---

* Вступительная статья и подготовка текста к публикации М.С. Девяткова.

© Девятков М.С., 2011

монастыре царевна была погребена (6 октября 1740 г.) «при гробех отца своего и матери»[5]. Со смертью Дареджан род царя Арчила пресекся, все имущество перешло ближайшим родственникам царевичу Бакару и Георгию Вахтанговичу и племяннице Дарьи (дочери царевича Александра) Софье Александровне.

«Завещательное письмо» царевны Дарьи Арчиловны публикуется по двум спискам. Основной список А (ЦИАМ. Д. 421. Оп. 1. Д. 1324. Л. 1–1об.), содержащий краткое описание оригинала и сведения о его архивной судьбе, сохранился в фонде Донского монастыря. Список Б (ОР ГИМ. Дон. № 18. Л. 473) был вклеен на форзац кормовой книги и синодика Донского монастыря.

Текст воспроизводится с сохранением вышедших из употребления букв. Восстановленные буквы заключены в круглые скобки. Выносные буквы переданы курсивом. Границы строк рукописи обозначены одной, конец листа – двумя вертикальными чертами. Деление на абзацы выполнено публикатором в соответствии с формуляром. Сопровождающие публикуемый текст литеры верхнего регистра (а, б, в) отсылают к вариантам, цифры (1, 2) – к примечаниям, цифры в квадратных скобках – к комментариям.

1728 г. ноября [1-30]. – «Завещательное письмо» имеретинской царевны Дарьи Арчиловны в моск. Донской м-рь об обеспечении кормом поминания ее родственников.

Имеретиская ц(а)р(е)вна Дария.

Повелѣла ѿ | написать сие свое завѣщател(ь)ное пис(ь)мо | и, написавъ, о*т*дала в обитель св(я)тую пр(е)святыя | Б(огоро)*д*(и)цы Донские въ Москвѣ архимандриту з бра|тиею впре*д*(ь) для вѣдения наслѣдникомъ[a] | по мнѣ дому моего і вотчинъ.

Понеже | ωпределено о*т* родителя моего, ц(а)ря Арчила | Вахтангѣевича[1], во ωною обитель ради по|миновения родителе*и* наших, положенных | во ωно*и* обители[2], о*т*давать из домовогω | нашего обихо*ду* д(е)н(ь)гами и питьемъ повся|го*д*но, которое ωпределенное и от менѣ | даетца во ωную обитель повсего*д*но и до*д*|несь.

А имянно, в ц(е)рковь Встрѣтения | Г(о)*с*(по)дня[3], гдѣ положены родители наши, для | поминовенiѣ их и повсе*д*невно*и* службы | и на понахиды девяноста рꙋ*б*левъ.

Да на | каждою родител(ь)скꙋю суботу на понахиды[6] | и литоргиї и на трапезу, по семи рублевъ | по *д*ватцети алтынъ, по ведру вина, да | по четверте во*д*ки.

Да сверхъ того февра|ля во второе[4], марта двадесятъ третьѣе[5], | апрѣля в шестое на десять[6], маия в се*д*(ь)мое[7] | да в третьѣе на де-

сять[8], июля двадесятъ | ѡсмое[9], ноября в двадесятъ четвертое[10], | декабря в двадесятъ девятое числа[11], на | каждое число на понахиды *ж* и литоргиї, | и на трапезѹ по семи рѹблевъ по *д*ватцати ‖ *л. 1 об.* алтынъ, да по ведру вина, по четверте | водки.

Ї дабы по мнѣ наслѣдником выше|показанное д(е)н(ь)гами и питьемъ отда|вать во ѡною обитель повсегодно | неотъемлемо.

А буде по сему моемѹ | завещател(ь)ному пис(ь)му по мнѣ наслѣд|ники вышепоказанного исполнять | повсягодно не будутъ и сие завещател(ь)ное[1] | мое пис(ь)мо уничтожатъ, и тѣмъ | св(я)тѹю ѡбитель обидятъ, и за то ѡным | отвѣтствовать на Страшном сѹдѣ | пред нелицемѣрнымъ Сѹдиею. |

У[в] подлинного завещател(ь)ного пис(ь)ма внизу | подписано по-грузинскиї[в]. |

Ноября[2] дня | 1728-*г*(о) г(о)ду. |

Сиѧ[в] копиѧ с подленнымъ завещател(ь)ным пис(ь)момъ | чтено, а подлинное пис(ь)мо отдано в ризницѹ[12] длѧ | охранениѧ ризничемѹ иеродиаконѹ Николаю[в]. ‖

Список А. ЦИАМ. Д. 421. Оп. 1. Д. 1324. Л. 1–1об.

Список Б. ОР ГИМ. Дон. № 18. Л. 473.

Варианты по списку Б. [а] наследниковъ [б] понихиду [в-в]*Отсутствует*

Примечания. [1]*Далее вычеркнуто (заключено в квадратные скобки) написанное дважды* мое [2]*Оставлено место для числа*

Комментарии

[1] ц(а)ря Арчила Вахтангѣевича – царь Арчил Вахтангович (род. 1647 г., ум. 16 апр. 1713 г.), сын царя Картли Вахтанга V. В 1661–1698 гг. (с перерывами) был царем Имерети; в 1664–1675 гг. царствовал в Кахети, затем выехал с семьей в Россию и поселился в Москве. До 1699 г. неоднократно предпринимал безуспешные попытки вернуть трон. Был женат дважды, в первом браке на дочери князя Нодара Цицишвили, чье имя неизвестно, во втором – на Кетеван, внучке царя Кахети Теймураза I. Все дети царя Арчила родились во втором браке.

[2] положенных во ѡноѝ обители – в Сретенской церкви Донского монастыря из семейства Арчила были погребены: его жена Екатерина Давидовна (Кетеван), сыновья царевичи Давид, Матвей (Мамука) и Александр, первая жена царевича Александра Феодосия Ивановна Милославская (*Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 166), вторая жена Александра Гликерия Ильинична (Элизбаровна) Давиташвили (*Надибаидзе Н.Г.* Жизнь и деятельность Александра Арчиловича Багратиона. Тбилиси, 1995. С. 8), князь Елисей Александрович Корганашвили, «крестник» царевича Александра.

[3] ц(е)рковь Встрѣтения Г(о)*с*(по)дня – при строительстве Большого или Старого (ныне Тихвинского) собора (1684–1698 гг.) под алтарем была устроена палата, очевидно, рассчитанная на устройство родового склепа. В 1711 г. царь Арчил похоронил там своего сына Александра и перенес с кладбища Новодевичьего монастыря останки двух других сыновей Давида (ум. 1688 г.) и Матвея (ум. 1693 г.). 12 сентября 1712 г. митрополитом Стефаном Яворским здесь была освящена нижняя Сретенская церковь. Через год там был погребен и сам царь Арчил. В 1729 г. по указанию царевны Дарьи церковь была расширена, прибавлено полукруглое помещение для алтаря. Кроме семейства царя Арчила в храме погребены князья Дадиани, Багратионы, греческие и грузинские иерархи, архимандриты Донского монастыря (*Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 63–64).

[4] февраля во второе – царевич генерал-фельдцеймейстер Александр Арчилович, сын царя Арчила, умер 2 февраля 1710 г., погребен 29 марта 1711 г. в Сретенской церкви Донского монастыря (*Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 166). В литературе укоренилась неверная датировка смерти Александра – 20 февраля 1711 г. (*Модзалевский В.И., Саитов Б.Л.* Московский некрополь. М., 1907. Т. 1. С. 19; Дворянские роды Российской империи. Т. 3. С. 46; *Кутищева А.В.* Некрополь грузинских государственных и политических деятелей в Донском монастыре // Макарьевские чтения. Можайск, 2000. Вып. 7. С. 351–367). Дата 2 февраля 1710 г. указана в «летописце» Донского монастыря (*Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 166), в письме дипломата князя А.Я. Хилкова к канцлеру Г.И. Головкину (Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. С. 498) и в публикуемом документе.

[5] марта двадесятъ третьѣе – царевич Матвей (Мамука), сын царя Арчила, скончался 23 марта 1693 г. (*Модзалевский В.И., Саитов Б.Л.* Указ. соч. М., 1908. Т. 2. С. 240). Изначально он был погребен в Новодевичьем монастыре, позже перенесен в Сретенскую церковь Донского монастыря (*Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 166).

[6] апрѣля в шестое на десять – царь Арчил скончался 16 апреля 1713 г., погребен 19 апреля 1713 г. в Сретенской церкви Донского монастыря (*Модзалевский В.И., Саитов Б.Л.* Указ. соч. М., 1907. Т. 1. С. 60; *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 166–167). В этот же день, 16 апреля 1719 г. скончалась его жена царица Екатерина Давидовна (*Модзалевский В.И., Саитов Б.Л.* Указ. соч. М., 1907. Т. 1. С. 428; *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 169).

[7] маия в се*д*(ь)мое – эта дата как день поминовения кого-либо из семьи царя Арчила неизвестна. В синодик Донского монастыря по вкладам царевны Дарьи внесены имена ее деда царя Вахтанга (день его смерти неизвестен), отца царя Арчила и матери царицы

Екатерины (оба поминались 16 апреля – см. коммент. № 6), братьев царевичей Александра (2 февраля – см. коммент. № 4), Матвея (23 марта – см. коммент. № 5), Давида (24 октября или 24 ноября – см. коммент. № 10), сестер или теток царевен Марии, Фомарии, Дарии, невесток княгинь Феодосии (погребена в Новодевичьем монастыре 18 марта 1689 г.), Гликерии (28 июля – см. коммент. № 9), и еще некой княгини Анны, возможно – жены царевича Матвея или, что менее вероятно с учетом возраста (он умер в 6 лет), Давида (ОР ГИМ. Дон. № 18. Л. 28–28об.).

[8] маия... в третьѣе на десять – см. коммент. № 7.

[9] июля двадесятъ ѡсмое – Гликерия Ильинична Давиташвили, вторая жена царевича Александра, скончалась 28 июля 1720 г., погребена в Сретенской церкви Донского монастыря (*Модзалевский В.И., Саитов Б.Л.* Указ. соч. М., 1907. Т. 1. С. 273; *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 170).

[10] ноября в двадесятъ четвертое – вероятно, память царевича Давида. В литературе днем его кончины значится не 24 ноября, а 24 октября, что следует считать ошибкой (*Модзалевский В.И., Саитов Б.Л.* Указ. соч. М., 1907. Т. 1. С. 353).

[11] декабря в двадесятъ девятое – см. коммент. № 7.

[12] в ризниц8 – ризница Донского монастыря, согласно И.Е. Забелину, была разграблена в Отечественную войну 1812 г. (*Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 85), вероятно, подлинник публикуемого документа был тогда утрачен.

Примечания

1 *Забелин И.Е.* Историческое описание Московского ставропигиального Донского монастыря. М., 1893. С. 1–2.

2 *Андроникашвили Б.Б.* Надежд питомцы золотых. М., 1992. С. 17–21.

3 Дворянские роды Российской империи. М., 1996. Т. 3. С. 45–46.

4 *Забелин И.Е.* Указ. соч. С. 83.

5 Там же. С. 180.

ДВА НЕИЗВЕСТНЫХ ПИСЬМА Р.Ю. ВИППЕРА К В.И. ГЕРЬЕ*

Публикуемые письма позволяют уточнить характер взаимоотношений В.И. Герье и Р.Ю. Виппера, охарактеризовать процесс преподавания в Новороссийском университете в конце XIX в.

Ключевые слова: Р.Ю. Виппер, В.И. Герье, Новороссийский университет.

Комплекс из 32 писем Р.Ю. Виппера (1859–1954) к своему университетскому учителю В.И. Герье (1837–1919) хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ (фонд Герье) и хорошо известен специалистам[1]. Однако два письма, хронологически и тематически вписывающихся в данный комплекс, находятся в РГАЛИ в фонде художника М.А. Доброва[2].

Судя по листу пользования рукописи, письма из РГАЛИ нельзя назвать полностью неизвестными, но в научный оборот они введены не были, и даже крупнейший исследователь творчества Р.Ю. Виппера Б.Г. Сафронов о них не упоминал[3]. Чтобы объяснить этот парадокс, необходимо кратко охарактеризовать историю взаимоотношений Р.Ю. Виппера и В.И. Герье, а также выяснить историю формирования фондов в РГБ и РГАЛИ.

В.И. Герье оказал огромное влияние на формирование исторического мировоззрения Р.Ю. Виппера, но их взаимоотношения были столь неоднозначными, что Н.И. Кареев считал Герье учителем Виппера скорее «де-юре», а не «де-факто». С точки зрения преемственности методологических основ данное высказывание имеет основания, но нельзя не учитывать тот факт, что Герье буквально «выпестовал» Виппера и, по собственным словам последнего, «помог сразу выйти на свободную дорогу [...], чтобы можно было отдаться одной чистой науке»[4].

---

* Вступительная статья и подготовка текста Т.Н. Ивановой.

© Иванова Т.Н., 2011

Герье заботливо опекал Виппера еще в студенчестве, приобщая к научным занятиям в своем историческом семинаре, хлопоча о предоставлении ему стипендии Н.В. Гоголя[5]. Однако в студенческих письмах Виппер не проявляет особой симпатии к учителю, сравнивая его с «Торквемадой в форменном фраке с курсом Римской истории в руке»[6]. На наш взгляд, опека Герье объяснялась не только талантами студента Роберта, но и тем, что его отец Ю.Ф. Виппер дружил с профессором и даже некоторое время преподавал на Высших женских курсах Герье[7]. Но после окончания университетского курса в 1880 г. Герье предложил оставить для приготовления к профессорскому званию не Виппера, а его однокашника и друга М.С. Корелина. Возможно, этот выбор определялся не только большей или меньшей талантливостью Корелина, а неким проступком, совершенным самим Виппером, или его недостаточным прилежанием. Как известно, его кандидатское сочинение загадочно исчезло, не сохранилось даже его название[8]. В 1885 г., приступив таки к подготовке магистерского экзамена, Виппер, стремясь, по его словам, «загладить приобретенную репутацию», пишет Герье: «Мне было совестно показываться на глаза людям, знавшим, сколько времени у меня прошло даром, как долго я откладывал свою подготовку, и Вам в особенности»[9].

Под руководством Герье, который подробно инструктировал ученика по каждому вопросу, в 1887 г. Виппер успешно сдал магистерский экзамен. Следуют мучительные поиски проблемы для магистерской диссертации, в которых поражает удивительное разнообразие тем, предлагавшихся Виппером для одобрения Герье. Именно по совету учителя в конце концов Виппер остановился на теме «Церковь и государство в Женеве XVI в. в эпоху кальвинизма», близкой по проблематике к докторской диссертации самого профессора. Именно Герье добился того, что за эту, не самую удачную в научном наследии Р.Ю. Виппера книгу на защите магистерской диссертации в 1892 г. ему, как и годом ранее Корелину, была присуждена сразу степень доктора[10]. По ходатайству Герье книге Виппера была дана большая премия С.М. Соловьева, что позволило несколько улучшить материальное положение диссертанта.

Так как профессорской вакансии в Московском университете не было, Герье при посредничестве Корелина, хорошо знакомого с профессором Новороссийского университета Ф.И. Успенским, помог Випперу получить кафедру в Одессе. Первые письма к Герье июля–сентября 1894 г. после назначения Виппера в Новороссийский университет полны оптимизма и благодарности учителю за «решающее содействие». Но уже в декабре 1894 г. в письмах появляются жалобы на недостатки в организации преподавания в

Одессе, низкий уровень подготовленности студентов и натянутые отношения в «профессорской»[11]. В 1895 г. отношения Виппера с местной профессурой еще более обостряются. «Меня больше, чем когда-либо, тянет побывать в Москве», – писал Виппер учителю и с жадностью расспрашивал о новостях в alma mater[12].

Именно к этому периоду, когда у Виппера все более возрастала учебная нагрузка в Новороссийском университете и, одновременно, возрастало желание перебраться в Москву, относятся два публикуемых ниже письма. Хронологически эти письма занимают место между хранящимися в РГБ письмами от 21 июля и от 12 декабря 1895 г.[13] В публикуемых письмах упоминались события, о которых шла речь в предыдущем и последующем письмах. Почему же именно эти два письма оказались изъяты из общего комплекса писем?

Виппер и в других письмах критиковал Новороссийский университет, но публикуемые письма отличаются особо резкими и нелицеприятными характеристиками целого ряда ученых. Возможно, письма были написаны в состоянии крайнего раздражения и депрессии. Судя по всему, Герье сделал замечание Випперу за тон этих писем, и в дальнейшем он уже не писал столь откровенных характеристик, а обещал по приезде рассказать «еще многое, что не хотелось бы предавать бумаге»[14].

Мы считаем, что публикуемые письма были не случайно забыты или потеряны, а осознанно изъяты из фонда Герье. Дело в том, что формированием личного фонда Герье занимались не посторонние лица, а его дочери Елена и Софья, хорошо знакомые с учениками отца и перипетиями его дел. Учитывая, что в письмах упоминались лица, ставшие позднее известными учеными, занимавшими видные посты, сестры, по нашему мнению, сознательно, по этическим соображениям или из осторожности, оставили данные письма у себя. Аналогичная судьба постигла и два письма В.В. Розанова к В.И. Герье[15]. После смерти сестер хранительницей их архива стала племянница Герье, супруга М.А. Доброва Лидия Ивановна, в фонде которого и оказались эти письма.

Возникает вопрос, если дочери Герье не считали нужным предавать огласке эти письма, то насколько этично это делать сейчас? Мы считаем, что письма содержат резкую, но в основных фактах достоверную характеристику обстановки в Новороссийском университете, о чем можно судить, сравнивая письма Виппера с письмами Е.Н. Щепкина и П.Н. Ардашева, позже преподававших в Одессе[16].

Кроме того, письма позволяют уточнить характер взаимоотношений Герье и Виппера. Можно предположить, что Виппер сознательно сгущал краски, стараясь пробудить у Герье сострадание и побудить его помочь в поисках вакансии в Москве. Когда не без

помощи учителя Виппер пытался перевестись в Москву в Лазаревский институт, судьба неожиданно преподнесла ему «шанс». В 1899 г. умер М.С. Корелин, и Виппер занял его место в Московском университете. После этого тон писем Виппера к Герье разительно меняется. В письмах начала XX в. вместо просьб и советов с учителем – чаще короткие вежливые отказы: некогда написать воспоминания о Корелине, некогда прийти на заседание исторического общества, некогда зайти в гости и т. д.[17] Можно объяснить эту холодность к бывшему учителю усилившимся расхождением в исторических и политических взглядах. Однако никакие разногласия не могут оправдать демонстративный отказ Виппера пойти в 1909 г. на юбилей престарелого профессора, отсутствие некролога и простых соболезнований с его стороны родным после смерти Герье[18]. Истоки этих спорных с этической точки зрения поступков Виппера можно увидеть уже в публикуемых письмах, где даются резкие характеристики Ф.И. Успенскому и А.Н. Деревицкому, помогавшим за год до того трудоустройству Р.Ю. Виппера. Это характеризует, на наш взгляд, некоторые особенности личности Виппера, проявившиеся и в последующей его судьбе.

Текст писем публикуется по оригиналу, написанному рукой Р.Ю. Виппера на листах почтовой бумаги размером 13,3×21 см с сохранением пунктуации оригинала. Вступительная статья и подготовка текста Т.Н. Ивановой.

РГАЛИ. Ф. 2432. Оп. 1. Д. 433. 6 л.

Л. 1. Одесса, Княжеская 12
3 октября 1895 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович

Как мне было жаль, что не пришлось дождаться Вас в Москве: накопилось много вопросов, по которым хотелось и посоветоваться с Вами, и порассказать подробно о пережитом; я собирался так сказать, пожаловаться Вам в целом и общем на одесскую университетскую жизнь. Мне думается теперь, что всю мерзость переживаемого нами времени можно почувствовать только в провинции и в особенности в таком изолированном учреждении, как здешний университет. Ни одного дела не делается на чистоту; всё смазывается какими-то тёмными ходатайствами, шушуканьями в углу [Л. 1об.]; на всём печать департаментского устроения человечков. От скуки пересуживается решительно всё, и профессорская – главный сток пустопорожних новостей. Умственный горизонт любых московских учителей, кто помоложе и поживее, – несравненно шире. Право уже теперь мерку теряешь для того, что ещё можно считать наукой

и профессорской деятельностью. По моему убеждению, одесский университет не может готовить учёных. Только упрямая фантазия туповатого Успенского[19], непременно желавшего, чтобы под его руководством вырастала «школа», заставляла чуть не каждый год оставлять по убогому стипендиату-историку исключительно за прилежание. Все оставшиеся впрочем отпали, и остался ныне один мой коллега, чех Режабек[20], жалкий [Л. 2] голодающий субъект, совершенно ни к чему не способный, в том числе и к профессуре. В настоящее время рассматриваю его диссертацию, весьма плохую, а уж несколько пар глаз за мной следят, иногда заводят в угол меня и пристают с ходатайствами пропустить книгу. Недавно был экзамен по истории искусства некоего Фармаковского[21], которого здесь лелеяли и препарировали, устраивали у нашего посланника в Греции, посылали на раскопки и т. д. (в этом отношении тот, кому посчастливилось на влиятельного в министерстве патрона, устраивается здесь наверно получше столичного удачника). Так как экзаменовали только по классической археологии и очень формально, я вмешался и задал очень общий вопрос по новому искусству, другой о [Л. 2об.] характере исторического метода в применении к древнему искусству, так как магистрант упоминал об этом методе. Оказалось, что общей культурно-исторической подготовки у него нет, что теоретические вопросы по искусству не только для этого будущего, но и для теперешнего профессора истории искусства, его экзаменатора[22], не существуют. – Учить здесь почти некого. В нынешнем году поступило 3 человека. Правда, лучшие студенты идут на историческое отделение, но сделать с ними немного можно при общей их неразвитости и при том одиноком положении, в каком стоишь с московскими приёмами планомерных, разработанных на основе общих мыслей курсов и практических занятий [Л. 3], в которых студент не только может рассеянно слушать, но и привлекается к самостоятельному делу. В мае я посещал, как депутат, учебные заведения, а теперь ревизую преподавание истории в мужских и женских гимназиях. Преподаватели, как и надо было ожидать, вышли из здешнего университета плохие.

Простите, что я так много занял Вас Одессой, хотя не сказал и десятой доли. Мне хотелось бы принять участие в московском историческом обществе[23] в нынешнем сезоне. Думаю приехать на Рождество в Москву, но боюсь, что к этому сроку я не поспею с каким-либо сообщением, так как работы сейчас очень много; вследствие этого придётся отложить до весны. Что касается книги Лампрехта [Л. 3об.], то не беспокойтесь пожалуйста посылать её; когда я приеду в Москву, я захвачу её. Вопрос о «доисторическом» Риме, который Вы хотите ввести в свой курс, чрезвычайно занимал меня. За неиме-

нием руководящих данных пришлось вовсе устранить его из своего курса нынешнего года, и мне очень любопытно было бы узнать, что Вы в этом отношении привезли из заграничного путешествия и пребывания в Риме и как Вы хотите трактовать этот вопрос[24].

Моё письмо чрезвычайно затянулось и пора его кончить. Жена[25] и я просим передавать наш искренний привет Авдотье Ивановне[26] и сердечное пожелание, чтобы для неё переход к московским условиям жизни и устроение в них обошлось как можно легче и благоприятнее.

Преданный Вам Р. Виппер.

Л. 4. Одесса, Княжеская 12
19 октября 1895 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович

Позвольте Вас приветствовать с новым назначением в Комитет по организации домов трудолюбия[27]. Дело это, по-видимому, станет прочно, тем более, что оно может привлечь не только платонические симпатии общества, но и всю энергию, на кото[рую] оно сейчас способно. Не совсем ясно представляю себе, в чём будут состоять Ваши функции, часто ли будет заседать комитет в своём полном составе. Собрание Исторического общества, посвящённое памяти Грановского и Соловьёва, сколько могу судить по письмам из Москвы, оставило хорошее и сильное впечатление[28]. Я очень жалею, что по своим занятиям [Л. 4 об.] я не мог даже небольшого сообщения сделать о Грановском в здешнем историко-филологическом обществе[29].

Давно я собирался написать Вам и, хотя этому трудно поверить, не находил получаса свободного. Это какая-то непрерывная фабрикация лекций, прочтёшь одну, придёшь домой и уже садись за новую. Самая подготовка, хоть и не даёт отдышки, в сущности очень радует; постоянно передумываешь материал в разных направлениях, прибираешь аналогии, ставишь явления в том или другом разрезе, наконец просто прочитываешь массу нового. Но дальше удовлетворения никакого. Студенты слушают охотно – на общий курс, который я озаглавил «главные проблемы исторической науки», ходит много и с других факультетов, но за очень немногими [Л. 5] исключениями у нас на факультете народ неразвитой, без знания языков (латинский язык, между прочим, считается «иностранным»), и кафедру обыкновенно оставляешь с тяжёлым чувством, что твоя работа, твои выводы, сопоставления и т. д. всё это прозвучало даром в стенах; никто даже не запишет. А в то же время у нас редкий студент из сколько-нибудь сносных не думает

о своём «праве» быть оставленным при Университете. Вдобавок ко всему Вас ещё и обманут. В прошлом году в январе я вследствие настоятельной просьбы декана[30] согласился прочесть, кроме текущих лекций, ещё обзор средних веков, так как выходящие студенты никогда этого отдела не слушали. Дело было для меня трудное, и я согласился только ради того, чтобы выручить кончающих.

[Л. 5об.] Исходатайствованная мне факультетом сумма была уменьшена правлением вследствие равнодушия декана, которому я во время не счёл нужным улыбнуться. Но и этой суммы я не получил и, очевидно, не получу. Этого мало; вчера в общем университет[ском] совете декан, проводя, по обыкновению, нужного ему человека[31], которого, при его полном ничтожестве, хотят посадить мне коллегою по всеобщей истории, и расхваливая его, позволил себе затронуть мой прошлогодний курс, и я должен был поднять целую историю. Извините, что я Вам всё это рассказываю, но здесь не только посоветоваться не с кем, пожаловаться некому по-человечески. Факультета нет, есть большинство ухаживающее и меньшинство из единиц, сводящих личные счёты; декан – нуль в науке, ранний [Л. 6] карьерист, прошедший под разными патронажами и пробирающийся в ректоры.

С этой компанией, чувствую я, никогда не ужиться.

Утешает ещё несколько библиотека. Выписал я для Университета великолепное издание Лютера [Knaake]; так и приглашает заняться. Много приобрёл и по французской революции (по поводу заданной мною темы на медаль о дворянских наказах 1789 г.); между прочим Société des Jacobins Aulard`a Cahiers de Paris chassin`a[32]; но когда самому придётся за всё это взяться, не знаю. Для московского исторического общества мне бы хотелось всё же к началу января, когда думаю приехать в Москву, приготовить сообщение о политических идеях во Франции в XVI веке. Жду с интересом Ed. Meyer`a [Л. 6об.] Die wisthschapthihe Entwifckelung des Alterthums – реферат на съезде франкфуртском историков[33]. Обо всём этом здесь можно только передумать за своим столом, поговорить не с кем.

Неужели верно, что диссертацию Дерюжинского о Habeus Corpus не пропустили в Москве[34], и притом за либерализм темы?

Какая в Москве зима? Здесь резкие перемены, и мы все простудились. Желаю Вам всего хорошего, жена и я просим передать наш искренний привет Авдотье Ивановне.

Преданный Вам Р. Виппер.

1 НИОР РГБ. Ф. 70. К. 38. Д. 117–119.
2 РГАЛИ. Ф. 2432. Оп. 1. Д. 423. 6 л.
3 *Сафронов Б.Г.* Историческое мировоззрение Р.Ю. Виппера и его время. М., 1976.
4 НИОР РГБ. Ф. 70. К. 38. Д. 117. Л. 7–8.
5 ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 476. Д. 5. Л. 32.
6 ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 1. Д. 6. Л. 1об. Письмо Р.Ю. Виппера к М.С. Корелину (1879).
7 Владимир Иванович Герье и Московские Высшие женские курсы: Мемуары и док. М., 1997. С. 14.
8 *Сафронов Б.Г.* Указ. соч. С. 13.
9 НИОР РГБ. Ф. 70. К. 38. Д. 117. Л. 7.
10 ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 1. Л. 34.
11 НИОР РГБ. Ф. 70. К. 38. Д. 118. Л. 9–10.
12 Там же. Л. 16.
13 Там же. Л. 20–21, 22.
14 Там же. Д. 119. Л. 4об.
15 Два неизвестных письма В.В. Розанова // Новый мир. 2009. № 8. С. 139–145.
16 *Ардашев П.Н.* Письма к Герье В.И. // НИОР РГБ. Ф. 70. К. 36. Д. 48. Л. 30; *Максименко И.В., Попова Т.Н.* Евгений Николаевич Щепкин: известные и неизвестные грани личности // Щепкин Евгений Николаевич (1860–1920): Библиогр. указ. Одесса, 1998. С. 25, 30.
17 НИОР РГБ. Ф. 70. К. 38. Д. 119. Л. 14–19.
18 *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье: портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. С. 332.
19 Успенский Федор Иванович (1845–1928) – русский византинист. С 1874 г. – доцент, с 1879 г. – профессор Новороссийского университета. В 1894 г. был назначен директором Русского археологического института в Константинополе, в связи с этим появилась вакансия профессора в Новороссийском университете, которую Успенский сначала предложил М.С. Корелину, а после его отказа и по рекомендации последнего – Р.Ю. Випперу. С 1900 г. – академик Петербургской АН, с 1917 г. – Российской академии наук, с 1925 г. – АН СССР. В 1921–1928 гг. – профессор Ленинградского университета.
20 Режабек Франц Иванович, чех по национальности, в 1884 г. закончил историко-филологический факультет Новороссийского университета, кандидатское сочинение посвятил средневековому историку Лиутпранду. Был оставлен стипендиатом для приготовления к профессорству. В 1887 г. сдал в Новороссийском университете магистерский экзамен и стал приват-доцентом.
21 Фармаковский Борис Владимирович (1870–1928) – известный специалист по классической археологии и истории античного искусства. В 1892 г. закончил историко-филологический факультет Новороссийского университета и остав-

лен для приготовления к профессорскому званию на кафедре истории искусства. В 1894 г. командирован за границу. В 1895 г. сдал магистерский экзамен, после чего вновь отправился за границу, где изучал музеи и методику археологических раскопок в Греции, Италии, Франции, Англии, Германии, Австрии и Турции. В 1898 г. назначен ученым секретарем Русского археологического института в Константинополе. В 1901–1918 гг. – член Археологической комиссии. В 1896–1926 гг. проводил археологические раскопки некрополя в Ольвии. В 1902 г. в Одессе защитил магистерскую диссертацию. В 1905 г. стал приват-доцентом Петербургского университета, с 1919 г. – профессор Петроградского университета. С 1914 г. – член-корреспондент Академии наук.

22 Имеется в виду Павловский Алексей Андреевич (1856–1913) – историк искусства. В 1890 г. в Киеве защитил магистерскую диссертацию «Живопись Палатинской капеллы в Палермо» и был назначен экстраординарным профессором Новороссийского университета. В 1896 г. защитил докторскую диссертацию «Скульптура в Аттике до греко-персидских войн».

23 Имеется в виду Историческое общество при Московском университете, формирование которого началось в 1893 г. по инициативе В.И. Герье. Р.Ю. Виппер входил в число учредителей данного общества, по итогам заседаний которого публиковались сборники научных трудов.

24 На заседании Исторического общества Герье прочел доклад о достижениях археологии в изучении Древнего Рима: *Герье В.И.* Научное движение в области древнейшей римской истории // Издания Исторического о-ва при Моск. ун-те: Рефераты, читанные в 1896 и 1897 годах. М., 1898. Т. 2. С. 323–360.

25 Супруга Виппера Анастасия Васильевна (урожд. Ахромович) в 1883–1886 гг. училась на Высших женских курсах Герье и была хорошо знакома с членами его семьи.

26 Авдотья (Евдокия) Ивановна – супруга Герье. В 1892 г. она тяжело заболела, будучи за границей. Лишь в 1895 г. после длительного лечения она вернулась в Москву.

27 В 1895 г. по инициативе Герье при Московской городской думе был создан благотворительный Совет, который координировал деятельность городских благотворительных обществ. Кроме того, Герье принимал участие в работе Совета «Попечительства о домах трудолюбия и работных домах», образованного под покровительством императрицы Александры Федоровны.

28 4 октября 1895 г. в годовщину смерти Т.Н. Грановского и С.М. Соловьева состоялось очередное заседание Исторического общества, на котором Герье произнес вступительную речь о своих учителях: Издания Исторического о-ва при Моск. ун-те: Рефераты, читанные в 1895 году. М., 1896. С. 167–168.

29 С 1889 г. в Новороссийском университете действовало «Историко-филологическое общество».

30 Деревицкий Алексей Николаевич (1859–1943) – ученый-эллинист. Декан историко-филологического факультета с 1894 г. В 1901 г. был назначен председателем историко-филологической испытательной Комиссии Санкт-Петербург-

ского университета, затем стал попечителем Казанского, позже – Киевского учебного округа. В 1918–1920 гг. работал деканом историко-филологического факультета Таврического университета. В 1921–1934 гг. – преподаватель Крымского университета и Крымского педагогического института.

31 Вероятно, речь идет о Ф.И. Режабеке.

32 Речь идет об известной серии книг, подготовленной французским историком А. Оларом (1849–1928): Etudes et leçons sur la Révolution française, ser. 1–7. 1893–1913.

33 Доклад Э. Мейера (1855–1930) на съезде историков во Франкфурте об экономическом строе Древнего мира.

34 Негативное мнение профессора кафедры полицейского права Московского университета И.Т. Тарасова, высказанное по поводу изданной в 1895 г. в Юрьеве книги В.Ф. Дерюжинского «Habeas Corpus Act и его приостановка по английскому праву», стало поводом для отказа ему в публичной защите на степень магистра полицейского права. С 1895 г. Дерюжинский редактировал «Журнал Министерства юстиции», в 1897–1917 гг. был редактором журнала «Трудовая помощь», где сотрудничал с Герье в делах организации благотворительности.

Е.В. Старостин

АВТОБИОГРАФИЯ[1]

Е.В. Старостин (1935–2011) – выпускник МГИАИ, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института. Автобиография написана для юбилейного издания к 20-летию РГГУ.

Ключевые слова: Е.В. Старостин, кафедра истории и организации архивного дела, Историко-архивный институт РГГУ, автобиография.

Родился я в городе Соль-Илецке 4 ноября 1935 г., куда мать приехала из Москвы к мужу Старостину Василию Николаевичу, который по партийной путевке строил Магнитогорск. Мать Мария Петровна Старостина (Михайлова), врач по профессии, была дочерью известного московского детского врача П.П. Михайлова. Возможно, и я пошел бы по этой стезе, но вмешалась война. Отца, батальонного комиссара, в сентябре 1942 г. убивают на Ржевском фронте. Мать, которая пропадала дни и ночи в военных госпиталях, записывает старшего сына Николая и меня в только что открывшиеся суворовские училища. С 1945 по 1956 гг. я учился в Кавказском Краснознаменном суворовском офицерском училище, которое находилось сначала в Майкопе, а затем во Владикавказе. Получив прекрасную военную, физическую подготовку и две лейтенантские звездочки на погоны, я выбрал местом будущей службы Дальневосточный приморский край. Два года службы командиром взвода в Советской армии убедили меня в абсолютной бесперспективности военной карьеры. Воспользовавшись неумными хрущевскими сокращениями армии, я демобилизовался из армии летом 1958 г. и сразу поступил в МГИАИ. Голова требовала интеллектуальных нагрузок, и я их получил сполна, погрузившись целиком в учебу.

© Старостин Е.В., 2011

Одновременно с МГИАИ я поступил на педагогический факультет Высших 5-годичных вечерних курсов иностранных языков (французский яз.). В армии я потерял пять лет и старался догнать упущенное.

Учеба, иностранный язык и спорт (я тогда играл за команду мастеров в МОЛМИ в гандбол) отнимали все время. Выдающийся лектор и коллекционер способных ребят С.О. Шмидт, встретив меня как-то в коридоре, пригласил на заседание кружка. Выступал Сережа Каштанов и, естественно, я стал верным сигуритом. Хотя одновременно вместе с Виктором Муравьевым, Леной Швейковской, Иосифом Беленьким и др. посещали кружок по западноевропейскому просвещению у Ф.А. Коган-Бернштейн. На четвертом году обучения французскому языку мои знания позволили мне завербоваться переводчиком в группу советских геологов, отправлявшихся в Гвинею. В этой далекой африканской стране я работал немногим больше года, и если не намного усовершенствовал свои знания французского языка, то частично решил квартирный вопрос. Моей женой стала студентка МГИАИ из разряда отличниц Инна Смирнова, с которой мы собираемся отметить скоро золотой юбилей. Диплом «П.А. Кропоткин как историк Великой французской революции» я писал у С.О. Шмидта (1964). Этот исторический персонаж стал основной темой будущей кандидатской диссертации. Отработав чиновником год в Минвузе СССР (там я вступил в ряды КПСС), я перешел на преподавательскую работу в МАДИ на факультет иностранных граждан, где в течение почти 10 лет читал им лекции на французском языке по русской истории.

Защита кандидатской диссертации «Источники о жизни и деятельности П.А. Кропоткина...» состоялась после учебы в заочной аспирантуре в мае 1972 г., во время которой Н.В. Бржостовская предложила мне продолжить чтение ее курса «архивы и архивное дело в зарубежных странах». Таким образом, с января 1973 г. я снова возвратился в Альма-Матер, но уже на преподавательскую должность. Не могу сказать, что история архивного дела очень привлекала меня. Я себя рассматривал, как историка общественной мысли России, русского народничества, анархизма. Но впоследствии и в этой области знания я обнаружил чрезвычайно интересные темы, изучение которых требовали глубокого образования и источниковедческого мастерства. В области зарубежного архивоведения я сосредоточился на изучении историографии, зарубежной архивной россики, теоретических проблем архивной теории.

Смягчающийся постепенно идеологический прессинг позволил в 1978 г. закончить Высшие 3-х мес. архивные курсы в Париже, в 1984 г. поработать экспертом ЮНЕСКО в Лаосе и в 1988 г. про-

читать цикл лекций в университетах Бельгии. Учеба и работа за рубежом позволили де факто познакомиться не только с выдающимися западными архивистами, но и с фактическим положением дел в области архивов зарубежных стран. Материал для докторской диссертации по зарубежному архивоведению практически был готов. Перестройка, приход Ю.Н. Афанасьева к руководству в Институте, и политизация учебного процесса, конечно, затормозили процесс моей научной работы. К этому следует добавить возросшие административные нагрузки. С 1981 г. после ухода по возрасту В.И. Вяликова меня назначили заведующим кафедрой ИОАД. Старики (В.В. Сорокин, Г.А. Дремина, В.Н. Самошенко) постепенно уходили. Появлялась талантливая молодежь в лице В.О. Седельникова, Т.С. Волковой, С.В. Чиркова, Т.И. Хорхординой. Можно было строить новые планы, искать другие пути решения научных проблем. Много времени и сил отняла у меня работа выбранным директором ИАИ с 1992 по 1996 гг. В последние годы я все больше и больше склоняюсь к мысли, что этот выбор был с моей стороны ошибкой. Внутренне я противился той политике в Университете, которую проводил ректор. Однако кое-что удалось совершить: мы сохранили институт, восстановили, а, по существу, заново создали факультет технотронных архивов, возвратили факультет документоведения, сберегли заочное и вечернее образование и т. п.

В 1992 г. я получил звание профессора, а через три года защитил докторскую диссертацию по зарубежному архивоведению. Надо отдать должное Ю.Н. Афанасьеву, который, зная о моем настроении, никогда не применял репрессивных мер. В 90-е годы я создал при кафедре Центр архивных исследований, который приступил к разработке трех научных проектов: зарубежная архивная россика, архивы Русской Православной Церкви и документы по истории еврейского народа в архивах России, Украины и Белоруссии. По всем направлениям изданы монографии и тома путеводителей. У кафедры установились хорошие профессиональные связи с французской Школой хартий (Б. Дельмас), с архивистами Украины (И. Матяш) и Белоруссии (М. Шумейко) и США (Ф. Блуин). С французскими архивистами удалось открыть совместную специализацию по «истории, культуре и архивам Франции» и магистратуру по «истории и новым технологиям». За труды по истории Франции в 2006 г. был награжден французским правительством орденом почетного легиона по литературе и искусству.

Через аспирантуру кафедры ИОАД прошли около сорока диссертантов, из них 25 защитились под моим руководством. Трое из них стали докторами исторических наук. В настоящее время готовлю к изданию Международный путеводитель по Архивам РПЦ,

хранящимся на Украине, Белоруссии и России. На это совместное издание ушло около двух десятков лет работы в хранилищах десяти стран Европы, Америки и Азии. Издал более 200 трудов: статей, докладов, сборников документов, монографий на русском, украинском, белорусском, французском, немецком, валлонском, английском языках. Наиболее полезным из моих трудов считаю учебник, изданный совместно с Т.С. Волковой, Т.И. Хорхординой по российским архивам (DVD), часть которого опубликована отдельной монографией. И статью, вошедшую в уч. пособие «Архивы РПЦ» (2011) – «Библия и архивы», рассматриваю как самую значительную из моего научного наследия. Конечно, и 47 выпусков студентов ИАИ тоже кое-что значат.

Е.В. Старостин
14.03.2011 г.

Примечание

[1] Евгений Васильевич Старостин (4 ноября 1935 – 23 марта 2011) – д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ. Автобиография была написана 14 марта 2011 г. для юбилейного издания к 20-летию РГГУ (в настоящее время готовится к печати в Издательском центре РГГУ), в которое предполагается включить автобиографии всех директоров Историко-архивного института; Е.В. Старостин руководил ИАИ в 1992–1996 гг. Текст Автобиографии для настоящей публикации предоставлен профессором кафедры истории и организации архивного дела ИАИ РГГУ Т.И. Хорхординой; хранится в ее личном архиве. В публикации сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

М.Ф. Румянцева

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В СВЕТЕ ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОЧНИКОВ : ХРЕСТОМАТИЯ : [УЧЕБ. ПОСОБИЕ ДЛЯ ВЫСШ. УЧЕБ. ЗАВЕДЕНИЙ] / РОС. АКАД. НАУК, ИН-Т ВСЕОБЩ. ИСТОРИИ [И ДР.] ; ПОД. РЕД. Т.Н. ДЖАКСОН, И.Г. КОНОВАЛОВОЙ, А.В. ПОДОСИНОВА. – М.: РУССКИЙ ФОНД СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ, 2009–2010. – 3000 экз.

Т. 1: Античные источники / сост. А.В. Подосинов. – 2009. – 344, [2] с.: ил., карт.
Т. 2: Византийские источники / сост. М.В. Бибиков. – 2010. – 372, [1] с.: ил., факс.
Т. 3: Восточные источники / сост.: Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. – 2009. – 250, [1] с.: ил., карт.
Т. 4: Западноевропейские источники / сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. – 2010. – 502, [1] с.: ил.
Т. 5: Древнескандинавские источники / сост.: Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. – 2009. – 378, [1] с.: ил.

Институт всеобщей истории РАН при содействии Университета имени Дмитрия Пожарского предпринял беспрецедентный фундаментальный труд – издание целостного корпуса иноземных исторических источников, фиксирующих восприятие их авторами Древней Руси.

В первый том вошли фрагменты произведений греческих и римских авторов: «Илиады» и «Одиссеи» Гомера, «Всеобщей истории» Полибия, «Географии» Страбона, «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, «Географического руководства» Клавдия Птолемея, «Печальных песен» Публия Овидия Назона, исторических сочинений Помпея Трога, Гая Плиния Старшего, Корнелия Тацита, Аммиана Марцеллина, Павла Оросия и др. Во второй том вошли выдержки из произведений византийских авторов Евсевия Кесарийского, Сократа

© Румянцева М.Ф., 2011

Схоластика, Олимпиодора Фиванского, Прокопия Кесарийского, Феофана Проповедника, Константина Багрянородного, Льва Диакона, Михаила Пселла и др. Наиболее сложен по составу третий том, куда включены фрагменты источников восточного происхождения – арабских и еврейских. Четвертый том охватывает широчайший круг западноевропейских источников – от «Бертинских...», «Барийских...», «Аугсбургских...», «Магдебургских анналов» до «Польской хроники» магистра Винцентия (Кадлубека) и «Деяний венгров» Шимона Кезаи. Пятый том включает древнескандинавские источники – рунические надписи, извлечения из скальдической поэзии, исландско-норвежской историографии, королевских, епископских и родовых, прядей об исландцах, исландских сочинений, саг о древних временах, исландских анналов и различных географических сочинений. Таким образом, как хронологический, так и географический охват публикуемых произведений весьма широк и репрезентативен.

Издание носит научный характер, имеет полномасштабный научно-справочный аппарат, несколько модифицируемый в зависимости от содержания тома, включающий биографические сведения об авторах и о произведениях, фрагменты которых публикуются в издании, научный комментарий, этногеографический или этнографический и географический, именной (личных имен или личных имен и анонимных сочинений – Т. IV) указатели, библиографию, а также генеалогические таблицы (Т. IV).

Полномасштабное осмысление этого издания – дело времени и в перспективе будет основываться на использовании опубликованных источников в научно-исследовательской работе и в практике преподавания истории Древней Руси, источниковедения, имагологии и других дисциплин в высшей школе.

Настоящая рецензия – первая и весьма общая реакция на этот труд. Выделим две проблемы – общеисторическую и собственно источниковедческую.

Конечно, после последних предложений по трансформации исторического образования в средней школе слова «Россия в мире» звучат несколько одиозно, но настоящее издание действительно выявляет роль Древней Руси в ойкумене, расширяя тем самым «умопостигаемое поле» (терминология А. Тойнби) древнерусской истории. Авторы-составители делают существенный шаг в отходе от традиционного деления на национальную и всеобщую историю. Хорошо известно, какую сложность представляют исследования интегрирующего характера, но в анализируемом издании найден для этого оригинальный источниковедческий путь.

Еще больший интерес представляет публикация «Древняя Русь в свете зарубежных источников» для практического источни-

коведения, а также разработки его теории. С точки зрения источниковедения мы оказываемся в парадоксальной познавательной ситуации, осмысление которой провоцирует рассматриваемое издание. Уход от позитивистского принципа отношения к историческому источнику как источнику «по истории» чего-либо, т. е. от восприятия исторического источника как хранилища достоверной / недостоверной информации об исторических фактах, которые надо «добыть» из источника путем его «критики», и движение в направлении понимания исторического источника как социокультурного феномена в его самоценности – явление в историческом знании, несомненно, позитивное, способствующее устрожению научного знания, более тонкому пониманию исторической реальности за счет акцента на процедурах *интерпретации* – научно значимого понимания исторического источника в контексте породившей его культуры, а не *критики* достоверности его информации с позиций парадигмально жестко определенного «здравого смысла». Но по этой причине современное источниковедение, в силу специального внимания к происхождению исторического источника и его функции в породившей его культуре, весьма определенно ориентировано на национально-государственный корпус исторических источников, очевидно связанный общностью происхождения.

Авторам-составителям анализируемой публикации удалось сконструировать целостный корпус исторических источников, представленный произведениями разной видовой природы, на принципиально иных основаниях, и тем самым создать новую культурную реальность, требующую своего теоретического осмысления. Здесь важно подчеркнуть, что это именно новаторский подход, а не попытка реанимировать позитивистскую формулу «источников по истории». Маркером нового подхода является название издания «Древняя Русь в свете зарубежных источников», которое в позитивистском варианте должно было бы иметь формулу «Зарубежные источники по истории Древней Руси».

Таким образом, современное гуманитарное знание, а не только историческая наука, получило фактически фундаментальное исследование, облаченное в форму публикации исторических источников, которое (1) принципиально по-новому очерчивает цивилизационное пространство Древней Руси, (2) дает богатейший материал для исследований в области истории, исторической и социальной антропологии, исторической географии, имагологии, (3) провоцирует разработку новых подходов в области теории источниковедения и нового исследовательского инструментария.

Н.В. Некрасова

ПЕРЕПИСНАЯ КНИГА ГОРОДА ТВЕРИ 1709 ГОДА / ГОС. АРХИВ ТВЕРСКОЙ ОБЛ., ТВЕРСКОЙ ГОС. УН-Т, НАУЧ.-РЕСТАВРАЦИОННЫЙ ЦЕНТР «ТВЕРЬПРОЕКТРЕСТАВРАЦИЯ»; ПОДГОТ.: Е.Н. ЕФРЕМОВА, А.М. САЛИМОВ, В.Н. СЕРЕДА, Т.В. ЦВЕТКОВА; РУК. ПРОЕКТА, ОТВ. СОСТ. Н.В. СЕРЕДА. – ТВЕРЬ: ГЕРС, 2007. – 832 с. – 300 экз.

Переписная книга хранится в Рукописной коллекции Государственного архива Тверской области (Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1734) и является копией, сделанной сразу после завершения переписи. Беловой – первый экземпляр с подлинными подписями лиц, дававших сведения, не сохранился. Н.В. Середа считает, что книга – единственный известный на сегодняшний день экземпляр Переписной книги г. Твери 1709 г.[1]

Переписные книги городов начала XVIII в. мало изучены и редко привлекаются исследователями в качестве исторических источников, что во многом обусловлено недостаточным количеством их публикаций. Издание Переписной книги г. Твери 1709 г. (далее – ПКТ) – второй опыт публикации таких источников[2].

ПКТ – важный источник сведений о налогообложении, имущественном расслоении жителей города, демографии, архитектуре и градостроительстве, истории учреждений конца XVII – начала XVIII в., генеалогии городских сословий. Она активно использовалась тверскими исследователями.

Издание ПКТ позволяет активизировать исследования целого ряда направлений истории Тверского края, а также изучение переписных книг начала XVIII в. как исторических источников, замыкающих собой комплекс писцовых материалов. ПКТ представляет несомненную ценность для исследования истории повседневности, микроистории, локальной истории, истории частной жизни и гендерных отношений, микротопонимики города, ономастики, истории языка. Книга содержит немало латентной информации, например, для изучения истории городских семей и династий, процесса формирования местной элиты, роли женщины в обществе.

© Некрасова Н.В., 2011

При подготовке к изданию в книге выделено пять частей. Анализ содержания книги показывает, что ПКТ содержит сведения не только о купцах, посадских и слободских людях, как было предписано указом 1705 г., а практически обо всех категориях населения города.

Публикация сделана на высоком археографическом уровне. Научно-справочный аппарат включает Предисловие, текстуальные примечания, Предисловие к указателям, Именной указатель, Предметный указатель, Указатель должностей, занятий, служб жителей города, Список сокращений.

Издатели ПКТ провели серьезное источниковедческое исследование, основные итоги которого изложены в Предисловии: сделано предположение, что в начале XVIII в. в различных регионах переписные книги составлялись на основании распорядительных документов разного содержания [С. 4] и что ПКТ была составлена на основании указа Петра I от 20 октября 1705 г. «Об учинении переписи купцов, посадских и слободских людей, с указанием достатка и промысла каждого»[3] [С. 5]; оговорены принципы издания, отмечены особенности публикации; дан краткий обзор истории изучения и использования переписных книг; проанализирован информационный потенциал ПКТ, а также охарактеризована структура книги, подробно описано содержание частей и описательных статей.

Объем книги 581 л., она написана скорописью петровского времени разных рук, имеет множество помет времени составления ПКТ, а также пометы XIX – начала XX в. Отметив наличие и проанализировав содержание потетрадных скреп и заверительной части описательных статей книги, составители сделали вывод о том, что данный экземпляр ПКТ – копия [С. 7–9]. Палеографические особенности книги оговорены в Предисловии [С. 5–9] и примечаниях.

При подготовке ПКТ к публикации составители руководствовались «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Но поскольку «Правила» имеют общий характер, составители «шли, прежде всего, за текстом» [С. 14]. Например, мягкий знак, который необходим с точки зрения современной грамматики в словах *деньги*, *девять*, *сажень*, составители ставили только в тех случаях, когда в тексте ПКТ имеется буква *ерь* или когда раскрываются титла. Сохранены орфографические, морфологические и стилистические особенности текста.

Указателей к ПКТ три – Именной, Предметный и Указатель должностей, занятий, служб жителей города Твери. Особенности составления указателей оговорены в Предисловии к ним [С. 723–724]. Предметный указатель включает перечень учреждений, строений, территорий, географических наименований, т. е. фактически объединил в себе предметный и географический указатели, что

несколько затрудняет получение информации. Указатель должностей, занятий, служб жителей города Твери дает дополнительные возможности для быстрого поиска информации. В него включены даже жители, кормящиеся «Христовым именем».

Как приложение к ПКТ издан План города Твери первой четверти XVIII в.

Высокий археографический уровень издания позволяет рассматривать его в качестве модели для будущих изданий переписных книг.

Примечания

1 *Середа Н.В.* Переписная книга гор. Твери 1709 г. // Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков: К столетию со дня рожд. П.А. Колесникова: Материалы XV Всерос. науч. конф. М., 2008. С. 280–288.

2 См. также: Переписная книга Новгорода Великого 1707 года // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII – начала XVIII в.: Сб. док. СПб., 2003. С. 242–481; Переписная книга Воронежского уезда 1646 года. Воронеж, 1998; Переписная книга Курска 1678. Курск, 2007; Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века: В 2 т. М., 2008.

3 ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. IV. № 2076.

С.И. Маловичко

ДНІПРОПЕТРОВСЬКИЙ ІСТОРИКО-АРХЕОГРАФІЧНИЙ ЗБІРНИК / ЗА РЕД. О.І. ЖУРБИ. – ДНІПРОПЕТРОВСЬК : ЛІРА, 2009–2010.

Вип. 3: На пошану професора Анатолія Григоровича Болебруха. – 772 с.
Вип. 4: З нагоди 60-річного ювілею Євгена Абрамовича Чернова. – 316 с.

Третий и четвертый выпуски «Днепропетровского историко-археографического сборника» выпускаются кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения Днепропетровского национального университета после восьмилетнего перерыва.

Третий выпуск редколлегия посвятила одному из мэтров кафедры, профессору А.Г. Болебруху. Однако задача, поставленная редакционной коллегией, не ограничилась представлением научно-педагогической деятельности профессора. Сборник был задуман тематическим, поэтому все его материалы выстроены вокруг актуальной проблемы «письма как исторический источник». Письмами историков представлен даже посвященный профессору А.Г. Болебруху первый раздел сборника («Материалы для изучения цеха днепропетровских историков»).

Во второй раздел «Эпистемологические исследования» составители включили статьи А.Г. Болебруха, С.В. Амбросимовой и В.М. Бекетовой об эпистолярных источниках и возможности их использования в исторических исследованиях.

Третий раздел сборника – «Использование информационных возможностей комплексов эпистолярных источников в исследовательской практике» – продолжает предыдущий раздел своей конкретной исследовательской направленностью. В представленных здесь статьях изучаются эпистолярные практики XVIII–XX вв. Исследователи рассматривают использование писем при рекон-

© Маловичко С.И., 2011

струкции политических, социальных, гендерных представлений их авторов, а также при изучении истории повседневности.

Четвертый раздел сборника «Археографические публикации» представляет большой интерес не только тем, что в нем представлены впервые опубликованные письма XVI–XX вв., но и методиками отбора, археографической подготовкой, а также полиграфическими приемами, используемыми при публикации источников. Авторы публикаций сопроводили документы источниковедческими, археографическими и по необходимости палеографическими комментариями.

Четвертый выпуск «Днепропетровского историко-археографического сборника» посвящен 60-летнему юбилею известного историка и историографа, активного члена редколлегии «Днепропетровского историко-археографического сборника» Е.В. Чернова. В сборник вошли сочинения историка, написанные за последние 30 лет. Структура издания определена научными интересами юбиляра.

В первый раздел редколлегия включила исследования Е.А. Чернова, посвященные Н.И. Надеждину. Этот раздел представляет интерес для историка, так как взгляды Надеждина традиционно интересовали прежде всего историков философии. Особенно актуальным, как представляется, станет исследование Е.А. Чернова об историографических взглядах Надеждина, написанное в 1982 г., но не утратившее актуальности по сей день.

Второй раздел сборника включает статьи Е.А. Чернова, посвященные проблемам региональной истории. Материалы, собранные здесь, интересны своей полемичностью и заставляют читателя задуматься об исторической урбанистике и юбилеях городов (т. е., по сути, о конструировании локальных мест памяти), о теории региональной истории и правомерности существования последней как отдельного направления, об историческом краеведении и связи региональной истории на Украине и в России с краеведческим наследием, а также желанием от него избавиться, о разнице российского и украинского научных ландшафтов, в рамках которых происходит институциализация региональной истории как научного направления.

Исследования Е.А. Чернова, посвященные вопросам теории и методологии исторического познания, составили третий раздел сборника. Некоторые статьи написаны в соавторстве с И.И. Колесник, О.И. Журбой и Т.В. Портновой. Эти материалы интересны не только актуальностью проблематики (применение количественных методов, методологическая подготовка студентов-историков, «историографический образ», функция историогра-

фии в современном познавательном пространстве, понимание сущности исторического как «прошедшего» и как «ставшего-становящегося» и др.), но и тем, что в них воплотилась эволюция теоретико-методологического инструментария историков в последние годы существования советской и становления новой украинской исторической науки. Тексты Е.А. Чернова показывают, что эти процессы развивались в тесной связи как с мировой, так и российской историографией.

В четвертый раздел («Исторические и историографические эссе») составители включили разнообразные статьи Е.А. Чернова, которые представляют юбиляра «историком очень разносторонних интересов» (с. 11). Проблематика исследований историка, действительно, охватывает время от XVII до XXI столетия. Автор обращает особое внимание на формирование историографической культуры и историографического мышления историков.

Заключительный, пятый раздел сборника включил работы Е.А. Чернова о кафедре историографии и источниковедения ДНУ и об ученых, связавших с ней свою судьбу.

Рецензируемые выпуски «Днепропетровского историко-археографического сборника» должны быть интересны российским историкам, в первую очередь специалистам в области историографии источниковедения, методологии истории и археографии.

ХРОНИКА

Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА ВИКТОРА АЛЕКСАНДРОВИЧА МУРАВЬЕВА 30 ОКТЯБРЯ 2010 г.

Обзор докладов чтений, проведенных кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Ключевые слова: В.А. Муравьев, историография, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет.

30 октября 2010 г. в Историко-архивном институте Российского государственного гуманитарного университета прошли Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева (1941–2009), организованные кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, на которой Виктор Александрович работал последние почти двадцать лет своей жизни и которой заведовал с 1990 по 2002 г.

Дневное заседание было в основном посвящено воспоминаниям о В.А. Муравьеве как о человеке, ученом и преподавателе высшей школы и исследованию его научного творчества. С.О. Шмидт (РГГУ) поделился своими воспоминаниями о В.А. Муравьеве как о студенте, преподавателе, профессоре, заведующем кафедрой.

А.Е. Шикло (МГУ) охарактеризовала исследования В.А. Муравьева по истории исторической науки, В.В. Тихонов (ИРИ РАН) остановился на изучении В.А. Муравьевым теорий русского феодализма в российской историографии. Р.Б. Казаков и М.Ф. Румянцева (РГГУ) акцентировали внимание на концептуальности научных построений В.А. Муравьева не только в изучении истории исторической науки (о чем говорила и А.Е. Шикло), но и при разработке

© Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф., 2011

научно-методических материалов практически по всем дисциплинам кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Специальное внимание авторы уделили концептуальным докладам В.А. Муравьева на ежегодных кафедральных конференциях, посвященным наиболее актуальным проблемам исторического познания.

В рамках дневного заседания были также заслушаны доклады по ключевым вопросам современной историографии и университетской педагогики. Доклад И.И. Колесник (Киев, Ин-т истории Украины НАН Украины) был посвящен роли сетевых подходов в изучении профессиональных сообществ историков. В.А. Муравьев не оставил обширного комплекса опубликованных произведений, реализовывая свой талант через общение со студентами, аспирантами, коллегами, при выступлении в качестве оппонента по кандидатским и докторским диссертациям и в иных трудноуловимых формах. В изучении научного наследия подобных ученых сетевые подходы, по общему признанию участников конференции, наиболее эффективны.

В развитие этой идеи Е.А. Вишленкова (НИУ ВШЭ) рассказала о результатах своего исследования российского университетского сообщества, а А.Е. Иванов (ИРИ РАН) воссоздал по студенческим мемуарам образ университетского преподавателя второй половины XIX – начала XX в.

Своими воспоминаниями о В.А. Муравьеве поделились В.В. Шелохаев (Москва, Институт общественной мысли), С.И. Маловичко (Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева), Н.В. Середа (Тверской ГУ) и Л.Б. Сукина (Институт программных систем, Университет г. Переславль-Залесского им. А.К. Айламазяна).

Проблематика вечернего заседания охватывала разные аспекты изучения истории исторического познания. Существенные характеристики советской историографии были выявлены в докладе Т.А. Булыгиной (Ставропольский ГУ). Вопросы источниковедения историографии были поставлены в докладе А.М. Сафроновой (Уральский ГУ) о Екатеринбургской библиотеке В.Н. Татищева. Несколько докладов были посвящены проблемной историографии. Л.Б. Сукина рассмотрела отечественную историографию XIX – начала XX века, посвященную человеку допетровской Руси. Н.В. Середа – отечественную историографию о структуре тяглого городского населения XVII–XVIII вв. Р.М. Шепарёв (Государственный центральный музей современной истории России) сделал историографический обзор исследований по истории перевооружения русской армии в 1850–1900 гг., а С.И. Садовников (Москва,

Научно-исследовательский институт развития профессионального образования) представил результаты историографического исследования Всероссийской Книги Памяти 1941–1945 гг.

Классической для историографии проблематике научного наследия ученых-историков были посвящены доклады специалистов из Брянского ГУ – А.М. Дубровского о В.И. Смирнове, В.В. Жибоедова о Н.М. Дружинине и К.П. Гришина об отношениях М.А. Дьяконова и А.С. Лаппо-Данилевского.

Традиционно на научных конференциях, организуемых кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, особое внимание уделяется проблемам преподавания. На этот раз Г.И. Селиванова (Уральский ГУ) проанализировала историографические аспекты при изучении общего курса отечественной истории. С.И. Маловичко представил результаты анализа сочинения по истории, написанного гимназистом середины XIX в., как историографического факта.

Прошедшие Историографические чтения положили начало осмыслению научного наследия В.А. Муравьева. По итогам состоявших Историографических чтений подготовлен к печати сборник статей.

Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцева

XXIII ЕЖЕГОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАФЕДРЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН «ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕКА VS ЧЕЛОВЕК В ПРОСТРАНСТВЕ»

Обзор докладов международной научной конференции, проведенной кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

Ключевые слова: историческая география, источниковедение, вспомогательные исторические дисциплины, научная конференция, кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет.

27–29 января 2011 г. состоялась очередная, XXIII ежегодная конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин «Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве», посвященная 70-летию со дня рождения профессора кафедры Виктора Александровича Муравьева (1941–2009).

Традиции преподавания исторической географии формировались на кафедре вспомогательных исторических дисциплин с 1930-х гг. В складывании этих традиций значительную роль сыграли В.К. Яцунский и О.М. Медушевская. В 1980-х гг. усилиями А.Л. Станиславского преподавание исторической географии было возрождено.

В.А. Муравьев обратился к проблемам исторической географии, руководствуясь интересами и потребностями кафедры в преподавании этой дисциплины, и начал читать курс с 1990 г. К этому времени В.А. Муравьев был уже признанным специалистом в области истории исторической науки. По-видимому, именно это обстоятельство, а

© Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф., 2011

также сложившиеся на кафедре традиции, которые Виктор Александрович хорошо знал как историограф и трепетно уважал как человек безупречной научной этики, помогли В.А. Муравьеву изначально задать высокий уровень осмысления исторической географии в социокультурной и теоретико-познавательной ситуации 1990–2000-х гг. Во многом усилиями В.А. Муравьева в рамках Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного института происходило переосмысление предмета, метода и – главное – дисциплинарного статуса исторической географии: из традиционной вспомогательной исторической дисциплины, целью которой была локализация исторических событий в географическом пространстве, она трансформировалась в самостоятельное проблемное поле, а также в метод гуманитарного познания. Этапные результаты этой работы были зафиксированы на конференциях, проведенных кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин как специально по проблемам исторической географии, так и по проблематике вспомогательных исторических дисциплин в целом: «Вспомогательные исторические дисциплины: высшая школа, исследовательская деятельность, общественные организации» (1994); «Исторический источник: человек и пространство» (1997); «Вспомогательные исторические дисциплины: специальные функции и гуманитарные перспективы: В честь Е.И. Каменцевой» (2001); «Вспомогательные исторические дисциплины: классическое наследие и новые направления: Памяти Е.И. Каменцевой» (2006); «Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: Памяти О.М. Медушевской» (2008); «Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания» (2009); «Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: К 90-летию со дня рождения профессора кафедры Елены Ивановны Каменцевой и 90-летию со дня рождения доцента кафедры Ирины Александровны Мироновой» (2010).

Цели конференции 2011 г., как их мыслили организаторы, состояли в том, чтобы (1) зафиксировать современное состояние исторической географии как научной дисциплины, (2) выявить параметры происходящих в исторической географии трансформаций и изменение ее дисциплинарного статуса, (3) очертить контуры предметного поля исторической географии и выявить характер взаимодействий со смежными предметными областями. Очевидно, что эти цели коррелируют с целями прежних конференций кафедры, посвященных проблемному полю исторической географии.

Трансформации предметного поля и дисциплинарного статуса исторической географии, в частности «культурный поворот» в ис-

торико-географическом и собственно географическом знании, сделали вопрос о дисциплинарных границах исторической географии весьма неоднозначным. Сознавая это, организаторы конференции не отсекали доклады, связь которых с традиционной проблематикой исторической географии была не очевидной. Таким образом, создалось максимально широкое пространство для дискуссии.

Пленарные доклады были посвящены современному состоянию исторической географии (И.Г. Коновалова, Р.Б. Казаков, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцева), наиболее существенным проблемам осмысления культурно-исторических пространств (Е.А. Мельникова, Р.А. Симонов, Е.Н. Швейковская), освоению пространства в культурных практиках (Е.В. Пчелов, М.Е. Бычкова, Ю.Э. Шустова, Е.Б. Смилянская).

В рамках конференции работали секции, проблематика которых системно представляет проблемное поле исторической географии:

- Историческая география как научная дисциплина: объект, предмет, метод;
- Историческая география: проблемы историографии;
- Историческая география: источники исследования;
- Историческая география в кругу вспомогательных наук истории;
- Историческая география: исследовательские практики;
- Новая локальная история. Пространство города;
- Пространственные факторы в исторических событиях и процессах;
- Виртуальные и символические пространства.

Представленные на конференции доклады охватили широкий спектр проблем, включая как традиционные вопросы исторической географии (локализация исторических событий, проблемы расселения и хозяйственного освоения территорий, история коммуникаций, роль географического фактора в исторических событиях), так и новые темы, обращение к которым во многом обусловлено «культурным поворотом» (в частности, обсуждались виртуальные и символические пространства, восприятие пространства, конструирование пространства в культуре).

Традиционно существенное место заняли доклады по проблемам новой локальной истории, в том числе и по вопросам урбанистики и сельской истории. В тесной связи с этой проблематикой находятся доклады, в которых реализуются микроисторические подходы.

Значительное число докладов было посвящено вопросам историографии и источниковедения исторической географии, а также специальному изучению географических карт и картографирования как культурно-обусловленного процесса.

Отдельная проблема, рассмотренная участниками конференции: междисциплинарные связи исторической географии со вспомогательными науками истории – палеографией, метрологией, геральдикой, генеалогией, сфрагистикой, бонистикой. Существенное место отведено ономастике, и особенно топонимике как источнику историко-географической информации. В качестве дисциплины, тесно связанной с исторической географией, выступила имагология, проблематика которой также была представлена на конференции.

В рамках конференции прошел традиционный круглый стол, посвященный проблемам преподавания. В.А. Муравьев не оставил большого количества научных публикаций. Однако, полагая, что целостный лекционный курс – это высшая форма концептуализации знания, он реализовывал в лекциях не только преподавательский, но и исследовательский талант. Мы выражаем особую признательность профессору Южного федерального университета Н.А. Мининкову, который в свое время взял на себя труд полностью прослушать лекционный курс В.А. Муравьева по исторической географии для студентов и магистрантов ЮФУ и осмыслил его в докладе, представленном на круглом столе. Выступление Н.А. Мининкова удачно дополнил доклад А.М. Пашкова о традициях преподавания исторической географии в отечественном архивном образовании рубежа XIX–XX вв.

В конференции принимали участие ученые из ведущих научных и учебных центров, в том числе из Института всеобщей истории, Института российской истории РАН, из ряда университетов, а также музеев и библиотек России и соседних стран.

Е.В. Пчелов, С.В. Зверев

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР ПО ГЕРАЛЬДИКЕ И ВСПОМОГАТЕЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА РГГУ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Представлена хроника заседаний семинара с мая 2009 по октябрь 2010 г.

Ключевые слова: научный семинар, вспомогательные исторические дисциплины, кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, Историко-архивный институт, Российский государственный гуманитарный университет.

2009, 27 мая

Заседание 121. Памяти д-ра ист. наук, проф. Г.И. Королёва (1936–2009). Пчелов Е.В., канд. ист. наук, доц. РГГУ. «Геннадий Иванович Королёв и его исследования в области вспомогательных исторических дисциплин».

2009, 24 июня

Заседание 122. Зверев С.В., канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора нумизматики Музея «Московский Кремль». «Нумизматическая и метрологическая реформы в СССР в 1920-х гг.».

2009, 24 сентября

Заседание 123. Баранов А.Г., канд. ист. наук, председатель Союза бонистов России. «Золотые займы Антанты. О выпуске казначейских билетов Российского императорского правительства для заграничного рынка (1915–1918 гг.)».

2009, 21 октября

Заседание 124. Стукалова Т.Ю., канд. ист. наук, ведущ. науч. сотр. ОН ГИМ. «Осада Замостья в 1813 г.: нумизматический аспект».

© Пчелов Е.В., Зверев С.В., 2011

2009, 18 ноября

Заседание 125. Гончаров А.И., канд. ист. наук. «Современные ордена Российской Федерации: история учреждения и создания».

2009, 24 декабря

Заседание 126. Незговорова В.В., ст. науч. сотр. Гос. центрального музея современной истории России. «Знамена МОПР: символика в контексте времени».

2010, 20 января

Заседание 127, посвященное юбилею д-ра ист. наук, проф. Рэма Александровича Симонова. Симонов Р.А., д-р ист. наук, проф. Московского гос. ун-та печати. «Кирик Новгородец: к грядущему юбилею древнерусского ученого».

2010, 25 февраля

Заседание 128. Шустова Ю.Э., канд. ист. наук, доц. РГГУ. «Интерпретация символики знаков зодиака в книжности Московского государства второй половины XVII в.».

2010, 24 марта

Заседание 129. Григорян С.Л. «Знаки всеармянских монархов в свете государственной символики Первой и Третьей Армянских республик».

2010, 26 апреля

Заседание 130. Мишин В.В., член Президиума Всероссийского геральдического об-ва, Логинов О.П. «Атрибуция герба на серебряных ложечках XIX в.: опыт практического применения родовой геральдики».

2010, 26 мая

Заседание 131. Пчелов Е.В., канд. ист. наук, доц. РГГУ. «Двуглавый орел на Руси до печати Ивана III».

2010, 30 июня

Заседание 132. Зверев С.В., канд. ист. наук, ст. науч. сотр. сектора нумизматики Музея «Московский Кремль». «Крест Ордена Св. Александра Невского: истоки появления».

2010, 6 октября

Заседание 133. Шустова Ю.Э., канд. ист. наук, доц. РГГУ. «Символика часов в книжности эпохи барокко».

2010, 27 октября

Заседание 134. Хоруженко О.И., канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Ин-та российской истории РАН, доц. РГГУ. «Печати князей Оболенских в сборнике “Снимки древних русских печатей” (М., 1882)».

IN MEMORIAM

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА СТАРОСТИНА (4 НОЯБРЯ 1935 – 23 МАРТА 2011)

Ушел из жизни видный российский историк, архивист, яркий педагог, заведующий кафедрой истории и организации архивного дела Историко-архивного института РГГУ, доктор исторических наук, профессор, почетный профессор РГГУ Евгений Васильевич Старостин.

Е.В. Старостин родился в г. Соль-Илецке Оренбургской области в семье врача. После гибели в сентябре 1942 г. отца, батальонного комиссара, на Ржевском фронте учился в суворовском училище. Служил командиром взвода на Дальнем Востоке.

С 1958 г. и до последнего дня жизни судьба Е.В. Старостина была неразрывно связана с Московским государственным историко-архивным институтом, с 1991 г. – ИАИ РГГУ). Студент, аспирант, кандидат, потом доктор исторических наук, доцент, профессор, директор Историко-архивного института РГГУ, заведующий кафедрой, почетный профессор РГГУ – вехи биографии Евгения Васильевича.

Между ними – плодотворная работа за рубежом, активная общественная и административная деятельность, но главное – напряженный, творческий, необычайно плодотворный труд над проблемами отечественной и всеобщей истории, зарубежной и отечественной архивистики. История общественной мысли, зарубежная архивная россика, историография, теоретические проблемы архивного дела – более 200 оригинальных трудов оставил после себя Е.В. Старостин. Многие из них переведены на европейские языки.

Деятельность Е.В. Старостина отмечена рядом наград – медалями «40 лет Советских вооруженных сил» (1958), «В память 850-летия Москвы» (1997), «Юбилей Суворовских училищ» (2003), памятным знаком «Почетный архивист», а также французским орденом Искусств и литературы (2007).

Евгения Васильевича бесконечно уважали и любили студенты – студенты 47 выпусков ИАИ слушали его лекции, учились у него

ремеслу историка. Более 25 человек под руководством Е.В. Старостина стали кандидатами и докторами наук.

Обширны и многообразны были творческие связи Евгения Васильевича с научными учреждениями Европы и России, архивами, библиотеками.

Евгений Васильевич был чрезвычайно отзывчивым человеком, необычайно духовно развитой личностью. Он был нашим Другом, Коллегой, Учителем. Мы скорбим и выражаем искренние соболезнования родным и близким дорогого нам Евгения Васильевича Старостина.

26–28 января 2012 г. состоится XXIV ежегодная научная конференция кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ, организованная совместно с Отделом специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории РАН, Археографической комиссией РАН.

Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археографии

Конференция посвящена 80-летию со дня рождения Сергея Михайловича Каштанова

На обсуждение выносятся следующие проблемы:

- Дипломатика в системе современного гуманитарного знания
- Кодикология как историческая дисциплина и перспективы ее развития
- Источниковедение, текстология и археография: взаимосвязи и взаимодействие
- Проблемы классификации актовых источников
- Проблемы публикации актовых источников
- Проблемы изучения рукописных книг и их каталогизации
- Историография дипломатики, кодикологии, археографии
- Актовые источники в изучении социальной истории

На конференции пройдет круглый стол по теме:
«Археография в системе современного гуманитарного образования»

Тезисы сообщений принимаются по электронной почте (ivid.konf@gmail.com) строго по 30 сентября 2011 г. С требованиями по

оформлению тезисов можно ознакомиться на сайте преподавателей кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин по адресу http://ivid.ucoz.ru/publ/calls/konf2012/3-1-0-34.

Телефон для справок – (495) 606-01-48 (Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин ИАИ РГГУ; отв. секретарь Оргкомитета – Ольга Владимировна Семерицкая).

Abstracts

D.A. Dobrowolski

ON TYPOLOGY OF OLD RUS' WRITTEN SOURCES

Article proposes critcal analisys of traditional approach to systematization of Old Rus' writen sources of XI–XVII centuries. Concerning actual studies on travelogues, old russian chronicles and literary art the new classification of written sources is proposed.

Key words: Old Rus, historical sources, source corpus, genre classification, foreign evidences, chronicles, literary artwork.

E.A. Arkhipova

FORMATION OF THE ECONOMIC CONCEPTION OF OLD BELIEF'S MOVEMENT IN THE WORKS OF A.P. SCHAPOV

This article investigates the views of A.P Schapov (1831–1876) on the business of Old Belief and its place in the formation and spread of the faith-based movement. Formation of A.P. Schapov's concept regarded as a process of interaction between social and political practice, ideological position of the historian, the method of work with sources. The author concludes that the A.P. Shchapov upgraded the phenomenon of the Old Believers XVII–XVIII centuries.

Key words: A.P. Schapov, historical conception, ideology, Old Belief, Schism, merchantry, Ministry of Internal Affairs.

K.A. Solovyov

V.I. KEL'SIEV'S PREFACES TO THE "COLLECTION OF THE GOVERNMENT DOCUMENTS ON THE RASKOLNIKI" AND THE POPULIST HISTORIOGRAPHY OF THE RASKOL

This article is an attempt to analyze the "Prefaces" completed by V.I. Kel'siev to his "Collection of the Government Documents on the *Raskolniki*" as a text which presents the populist historiography of the raskol. The examination of the main ideas contained in the "Prefaces" and their comparison with other works allows ascertaining that the "Prefaces" are one of the most considerable texts in the populist historiography of the

raskol and Kel'siev belongs to the authors who have elaborated their own conception of the genesis and the essence of the raskol.

*Key words:*populist historiography, raskol, struggle, state, people, consciousness.

V.G. Ananiev

ALEXANDER NIKOLAEVICH SPERANSKY: PROCEEDINGS OF THE SCIENTIFIC BIOGRAPHY

Analyzes the letters by A.N. Speransky to A.I. Andreev years 1936–1942 (St. Petersburg Branch of the Archives RAS), which allow you to specify a scientific biography of the first head of the Department of auxiliary historical sciences of Institute for History and Archives.

Key words: A.N. Speransky, A.I. Andreev, source study, Institute for History and Archives, history of historical science.

S.V. Zverev

THE COINS OF THE SVEDISH INTERVENTION OF NOVGOROD IN 1611–1617. THE HISTORY OF EDUCATION

Swedish troops Jacob Delagardi used the opportunity of coining money in the occupied Novgorod in 1611–1617 years. Analyzes the works of Russian and foreign scientists of the second half of XX – beginning of XXI century, devoted to the history of coinage Novgorod cents 1611–1617 years.

Key words: Novgorod, Mint, Kopek, Swedes, attribution.

I.E. Ermolova

TRIBUTARII IN THE LATE ANCIENT SOURCES

The author of this article try to understand the maintenance of one of the terms which there are in Roman sources and can mean some groups barbarian settlers; she find out the principal sings of such notion as tributarii; by this the problems of the Later Roman Empire's relations with various barbarians tribes are touched. This work consists in the successive analysis of the late ancient narrative tradition' data and law documents which contain the term tributarii.

Key words: Barbarians, tributarii, settlers, farmers, soldiers.

A.S. Schavelev

ANNALISTIC NOTICES ABOUT YAROPOLK SVYATOSLAVICH'S BAPTISM

Analyzed virtually unexplored chronicle the news of the commission a list of the First Novgorod Chronicle in younger redaction (XVth century) and Piskarevskiy chronicle (XVIIth century), which may go back to an authentic recording of the final brief reign Yaropolk. This allows us, without resorting to foreign sources, to formulate the hypothesis that Yaropolk really was baptized during his rule in Kiev.

Key words: Christianity in Old Rus, Yaropolk Svyatoslavich, Commission Transcript of the First Novgorod Chronicle, Piskarevskiy chronicle.

D.M. Timokhin

ARABIAN AND PERSIAN HISTORIANS AND ARMENIAN AND GEORGIAN HISTORIANS ON ACTIVITY HOREZMSHAH JALAL AD-DIN MANKBURNI IN CAUCASUS (1225–1231)

Conquest of Caucasus army of Jalal ad-Din Mankburni experted great influence over further development this region and was reflected in many sources, written by contemporary and the subsequent historians.

Key words: arabian, persian, armenian and georgian sources, horezmshah Jalal ad-Din Mankburni, Caucasus, historiography, mongols.

J.E. Shustova

THE LVIV ASSUMPTION CONFRATERNITY RECORD BOOK FOR THE YEARS 1599–1600 AS A SOURCE FOR HISTORY OF BOOK-PRINTING

The article contains a detailed analysis of "The Lviv Assumption Confraternity Record Book for the years 1599–1650" of Lviv Assumption Stavropihiyan Confraternity as a source for history of book-printing. Information on typography management, relations with brotherhood, sales and distribution of the books is concerned. The special attention is paid to the problem of reconstruction the nomenclature of books printed in the typography.

Key words: Lviv Assumption Stavropihiyan Confraternity printing-house, book sales, sources for the history of book sales.

M.S. Cherkasova

REGISTER BOOK OF USTIUG EPARCHY OF 1696/97 YEAR: FROM THE HISTORY OF ARCHIVISTICS IN THE RUSSIAN NORTH IN THE XVII CENTURY

The register (perepisnaya) book of Ustiug eparchy dating from the end of the XVII century (Russian State Archive of Ancient Documents –RGADA. F. 236) was examined. The book includes urban and rural parishes of Ustiug, Totma, Solvychegodsk and Yarensk. Inspection of 1696/97 years stated the structure of church archives and the rate of church cash assets, methods of accounting and storage of acts and office work documentation by churchwardens. This enables to make a reconstruction of church archives structure, to extend knowledge on variety of church land, trade and credit activities.

Key words: register book, parishes, archives reconstruction, archivistics, scientific discipline of documentation, document circulation.

D.V. Sen`

HISTORICAL SOURCES IN COSSACKS STUDIES ON DON AND NORTH CAUCASUS REGION (END OF XVII – BEGINNING XVIII). EXPLORATION ROUTE AND INTERPRETATION

Actual problems of search and study of sources on the history of the Don Cossack communities and the North Caucasus. Briefly reviewed the results achieved in the archives of the Russian Federation, the directions east search sources on the topic of research.

Key words: historical source, the Cossacks, Don, the North Caucasus, the Crimean Khanate, the Ottoman Empire.

G.A. Alpyspayeva

WRITTEN SOURCES ON THE HISTORY OF KAZAKHSTAN'S CAPITAL ASTANA

Sources on the history of Astana are divided into three groups: the written evidence of Russian authors XVII–XIX centuries, statistical surveys and descriptions of cities, counties and regions, documentaries, archival materials. Analysis of the source base problem allows us to characterize the main stages of formation and development of the city.

Key words: of cities, source study, statistic survey, written sources, archive documents, descriptions.

A.B. Khramtsov

LETTERS OF CITIZENS ADDRESSED TO AUTHORITIES AS A SOURCE OF STUDYING TYUMEN EVERYDAY LIFE AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Analyzes the appeal by the residents of Tyumen, which came to the city council. Letters are a barometer of society, especially in the economic recovery of the city, the formation of mass consciousness, as well as the revolutionary and social upheaval.

Key words: historical source, declarations, petitions, claims, daily routine, town self-government, Tyumen.

A.N. Meshkov

MINUTES OF THE MEETING AS THE BASIC DOCUMENT WORKFLOW MILITARY COMMITTEES OF THE ARMY IN 1917–1918

Military committees needed to combine the descriptive and prescriptive functions in one document or rather in some same-called documents, knowing as *minutes*. The description prevailed in some paperwork traditions, where the minute was close to the "simple" document and the prescriptive function was able to realize only in a conflict with the base structure of document. In others the description was reduced and minutes were organized as the some container, the list or the table. This organization favored the realization of the prescriptive function and the text navigation, but damaged the description.

Key words: minutes, meeting, committee, revolution, speech genre.

E.V. Pchelov

SYMBOLICS OF REGALIA OF RUSSIAN MONARCHS: EMBLEMS AND SYMBOLICAL SUCCESSION

The article deals with some symbolic aspekts of the semantics, appearance and functioning of state regalia: diadems and crowns, sceptres, thrones etc. The symbolical prototypes of the regalia (the throne of Solomon, the horn of unicorn etc.), emblems of regalia, also symbols of animals (a lion, a delphin, an elephant, a parrot etc.) as well as historical reinterpretations of regalia and their succession, are analysed on the basis of the sources of 16–19th centuries.

Key words: regalia, throns, crowns, symbolics, representation of the power.

S.I. Baranova

CERAMIC INSCRIPTION FROM ROTUNDA OF RESURRECTION CATHEDRAL, NEW JERUSALEM MONASTERY

We study a fragment of ceramic inscriptions from the rotunda Resurrection Cathedral. Revealed no analogues among the monuments of ancient epigraphy dating from the Resurrection of Christ, which the author connects with the program to build a cathedral.

Key words: New Jerusalem Monastery, architectural monuments, rotunda, tile, ceramic inscription.

G.A. Tyurina

ISAAC NEWTON'S AUTOGRAPH FROM THE RUSSIAN STATE ARCHIVES OF ANCIENT ACTS

The recently known autograph of Sir Isaac Newton is studied. It contains Medieval Greek manuscript samples with Holy Writ fragments. This autograph is the unique evidence of the Newton's involving into paleography

Key words: Isaac Newton, paleography, Textual Commentary on the New Testament, Theology

Dzh.N. Ramazanova

GREEK AND LATIN PRINTED BOOKS OF THE XVI–XVIII CENTURIES FROM PRIVATE LIBRARY OF EUPHEMIUS (LIBERIUS) COLETTI: SOURCE STUDY PROBLEMS

Investigate the composition of the private library of an eminent person of Neo Hellenistic enlightenment and later the hierarch of the Russian Orthodox Church of Euphemius (Liberius) Coletti (1683–1738/1739). Detected and identified ten Greek and Latin printed editions of XVI–XVIII centuries. Based on the dating of dung and die set to the approximate time of the acquisition of books, the character of which indicates the broad humanitarian interests of the owner.

Key words: private book collections, Greek and Latin printed books, Euphemius (Liberius) Coletti.

I.A. Voznesenskaya

PERSONAL SEALS IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE XVIII–XIX (PRINTS ON BUSINESS DOCUMENTS)

Has been a gradual replacement of personal seals from the sphere of public office: a passport, court records, certificates of nobility, extracts from registers, medical certificates. Confirmation of the authenticity of the document required the presence of breech printing. The personal seals of officials were applied in the 17th and in some cases in the 18th century equally with state seals, but in the 19th century the personal seals were already insufficient to confer credibility of documents.

Key words: late sigillography, use of the personal seals in the state documents' field.

S.I. Sadovnikov

INDIVIDUAL MARKINGS SOLDIERS OF THE SECOND
HALF XIX – FIRST HALF OF XX CENTURY: DEVELOPMENT
AND APPLICATION

The author describes the purpose of personal identification marks of servicemen, their transformation and peculiarities of use in Russia, the Soviet Union and Germany. During the World War II "the dog-tag" of soldiers and personal numbers are considered to be an important source for searching activities on tracing back the destinies of killed and "missing in action" servicemen.

Key words: «the dog-tag» of soldiers, personal number, Red Army soldier, «missing in action», Memory Book, identification, serviceman.

V.I. Durnovtsev

VICTOR ALEXANDROVICH MURAVIEV:
HISTORIAN IN A HISTORIOGRAPHY MIRROR

The article is devoted to the life and works of famous Russian historian, professor of Source and auxiliary historical sciences of Institute for History and Archives RSUH Victor A. Muraviev (1941–2009), who made a significant contribution to the study of theories of feudalism in Russian historiography, the historiography of the First Russian Revolution, in general, the history of Russian historical science. Preserve the scientific value of research results on the problems of Source, historical geography.

Key words: Victor A. Muraviev, Institute for History and Archives RSUH, historiography, source, historical geography.

TESTAMENTARY LETTER IMERETI PRINCESS DARYA ARCHILOVNA, 1728
(preface and prep. for the publ. M.S. Deviatkov)

Published on the lists stored in the Central Historical Archive in Moscow and the Department of Manuscripts, State Historical Museum. Contains instructions on money and material support of the remembrance of her relatives.

Key words: Darya Archilovna, Donskoy Monastery, a testament, publication.

TWO UNKNOWN LETTERS BY R. VIPPER TO W. GUERRIER
(preface and prep. for the publ. T.N. Ivanova)

Published letters allow to specify the nature of the relationship of W. Guerrier and R. Vipper, describe the process of teaching at the Novorossijsky university in the late XIX century.

Key words: R.Vipper, W. Guerrier, Novorossijsky University.

E.V. Starostin

AUTOBIOGRAPHY

E.V. Starostin (1935–2011) – MGIAI graduate, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of History and organization of archives, Institute for History and Archives. Autobiography was written for the 20-th anniversary of RSUH jubilee edition.

Key words: E.V. Starostin, Department of History and organization of archives, Institute for History and Archives RSUH, an autobiography.

M.F. Roumiantseva

RECENSIO AD OPUS: ANCIENT RUSSIA IN LIGHT OF FOREIGN SOURCES: READER

N.V. Nekrasova
RECENSIO AD OPUS: CENSUS RECORD OF TVER CITY. 1709

S.I. Malovichko
RECENSIO AD OPUS: COLLECTED ARTICLES
ON THE HISTORY AND ARCHEOGRAPHY

M.F. Roumiantseva, R.B. Kazakov
HISTORIOGRAPHICAL READING OF THE MEMORY
OF PROFESSOR VICTOR ALEKSANDROVICH MURAVIEV.
OCTOBER 30, 2010

Review reports of readings, conducted of the Department of Source and auxiliary historical sciences of Institute for History and Archives of the Russian State University for the Humanities.

Key words: V.A. Muraviev, historiography, the source study, auxiliary historical sciences, chair of a source study and auxiliary historical sciences, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities.

M.F. Roumiantseva, R.B. Kazakov
XXIII ANNUAL CONFERENCE OF THE DEPARTMENT
OF SOURCE AND AUXILIARY HISTORICAL SCIENCES
"HISTORICAL GEOGRAPHY: SPACE MAN VS
MAN IN SPACE"

Overview of the International Scientific Conference held in the Department of Source and auxiliary historical sciences of Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities.

Key words: Historical geography, historiography, the source study, auxiliary historical sciences, chair of a source study and auxiliary historical sciences, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities.

E.V. Pchelov, S.V. Zverev

SCIENTIFIC SEMINAR ON HERALDRY AND THE AUXILIARY HISTORICAL SCIENCES OF INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES RSUH (CONTINUED)

Brought news of the Seminar from May 2009 to October 2010.

Key words: Research workshop, auxiliary historical disciplines, the Department of Source and auxiliary historical disciplines, Institute for History and Archives, Russian State University for the Humanities.

IN MEMORY OF EUGENE VASILYEVICH STAROSTIN (1935–2011)

Сведения об авторах

Алпыспаева Галия Айтпаевна – канд. ист. наук, доц., Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина; galpyspaeva@mail.ru.

Ананьев Виталий Геннадьевич – канд. ист. наук, ст. преп., Санкт-Петербургский государственный университет; wostokzapat@newmail.ru.

Архипова Екатерина Анатольевна – преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет; arkhekaterina@yandex.ru.

Баранова Светлана Измайловна – канд. искусствоведения, Московский государственный объединенный музей-заповедник; svetlan baranova@yandex.ru.

Вознесенская Ирина Александровна – канд. ист. наук, ведущий науч. сотр., Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, Санкт-Петербург; voznesen@list.ru.

Девятков Максим Семенович – студент, Российский государственный гуманитарный университет; yationonaoni@gmail.com

Добровольский Дмитрий Анатольевич – канд. ист. наук, доц., Российский государственный гуманитарный университет; dmdobrowolski@gmail.com.

Дурновцев Валерий Иванович – д-р ист. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет; vdurnovcev@gmail.com.

Ермолова Ирина Евгеньевна – канд. ист. наук, доц., Российский государственный гуманитарный университет; merira@mail.ru.

Зверев Сергей Викторович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Музей «Московский Кремль»; svzverev@yandex.ru.

Иванова Татьяна Николаевна – канд. ист. наук, доц., Чувашский государственный университет; tivanovan@mail.ru.

Казаков Роман Борисович – ст. преп., Российский государственный гуманитарный университет; kazakov_r@mail.ru.

Маловичко Сергей Иванович – д-р ист. наук. проф., Российский государственный аграрный университет – МСХА им. К.А. Тимирязева; sergei.malovichko@gmail.com.

Мешков Александр Николаевич – аспирант, Российский государственный гуманитарный университет; gryckoid@gmail.com.

Некрасова Надежда Владимировна – историк-архивист; ollnekrasov@yandex.ru.

Пчелов Евгений Владимирович – канд. ист. наук. доц., Российский государственный гуманитарный университет; evg-pchelov@yandex.ru.

Рамазанова Джамиля Нуровна – канд. ист. наук, доц., Российский государственный гуманитарный университет; jamiliar@yandex.ru.

Румянцева Марина Федоровна – канд. ист. наук, доц., Российский государственный гуманитарный университет; mf-r@yandex.ru.
Садовников Сергей Иванович – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Научно-исследовательский институт развития профессионального образования; sadovnikovs@yandex.ru.
Сень Дмитрий Владимирович – канд. ист. наук, Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник; dsen1974@mail.ru.
Соловьев Кирилл Андреевич – аспирант, Российский государственный гуманитарный университет; kirsolnat@mail.ru.
Старостин Евгений Васильевич – д-р ист. наук, проф., Российский государственный гуманитарный университет.
Тимохин Дмитрий Михайлович – канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН, horezm83@mail.ru.
Тюрина Галина Андреевна – преподаватель, аспирант, Институт всеобщей истории РАН; tyurina_galina@yahoo.com.
Храмцов Александр Борисович – канд. ист. наук, доцент, Тюменский государственный архитектурно-строительный университет; khramtsov_ab@bk.ru.
Черкасова Марина Сергеевна – д-р ист. наук, проф., Вологодский государственный педагогический университет; mscherkasova@mail.ru.
Шустова Юлия Эдуардовна – канд. ист. наук. доц., Российский государственный гуманитарный университет; shustova@yandex.ru.
Щавелев Алексей Сергеевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт всеобщей истории РАН; alexis-schavelev@mail.ru.

General data about the authors

Alpyspayeva Galya A. – Candidate of Science in History, associate professor, S Seifullin Kazakh Agrotechnical University; galpyspaeva@mail.ru.
Ananiev Vitaly G. – Candidate of Science in History, senior lecturer, Saint-Petersburg State University; wostokzapat@newmail.ru
Arkhipova Ekaterina A. – academic teacher; Russian State University for the Humanities; arkhekaterina@yandex.ru
Baranova Svetlana I. – Candidate of Art History, Moscow State United Museum-Reserve; svetlanbaranova@ yandex.ru.
Cherkasova Marina S. – Doctor of Science in History, professor, Vologda State Pedagogical University; mscherkasova@mail.ru.
Deviatkov Maxim S. – student, Russian State University for the Humanities; yationonaoni@gmail.com
Dobrowolski Dmitrey A. – Candidate of Science in History, associate professor, Russian State University for the Humanities; dmdobrowolski@gmail.com.
Durnovtsev Valeriy I. – Doctor of Science in History, professor, Russian State University for the Humanities; e-mail: vdurnovcev@gmail.com.
Ermolova Irina E. – Candidate of Science in History, associate professor, Russian State University for the Humanities; merira@mail.ru.
Ivanova Tatjana N. – Candidate of Science in History; associate professor; Chuvash State University; tivanovan@mail.ru.
Kazakov Roman B. – senior lecturer, Russian State University for the Humanities; kazakov_r@mail.ru.
Khramtsov Aleksandr B. – Candidate of Science in History, associate professor; Tyumen State Architecture and Construction University; khramtsov_ab@bk.ru.
Malovichko Sergey I. – Doctor of Science in History, professor, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev (RSAU–MTAA); sergei.malovichko@gmail.com.
Meshkov Alexander N. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities; gryckoid@gmail.com.
Nekrasova Nadezhda V. – Historian and Archivist; ollnekrasov@yandex.ru.
Pchelov Evgeniy V. – Candidate of Science in History, associate professor, Russian State University for the Humanities; evg-pchelov@yandex.ru.
Ramazanova Dzhamilya N. – Candidate of Science in History, associate professor, Russian State University for the Humanities; jamiliar@yandex.ru

Roumiantseva Marina F. – Candidate of Science in History, associate professor, Russian State University for the Humanities; mf-r@yandex.ru.
Sadovnikov Sergey I. – Candidate of Science in History, senior researcher, Research institute of development of professional education; sadovnikovs@yandex.ru.
Schavelev Alexey S. – Candidate of Science in History, senior researcher, Institute of Global History, Russian Academy of Sciences; alexisschavelev@mail.ru.
Sen` Dmitry V. – Candidate of Science in History, Krasnodar State History and Archeological Museum; dsen1974@mail.ru.
Shustova Julia E. – Candidate of Science in History, associate professor, Russian State University for the Humanities; shustova@yandex.ru.
Solovyov Kirill A. – postgraduate student, Russian State University for the Humanities; kirsolnat@mail.ru.
Starostin Evgeniy V. – Doctor of Science in History, professor, Russian State University for the Humanities.
Timokhin Dmitrii M. – Candidate of Science in History, Institute of oriental studies, Russian Academy of Sciences; horezm83@mail.ru.
Tyurina Galina A. – a lecturer, postgraduate student, Institute of Global History, Russian Academy of Sciences; tyurina_galina@yahoo.com.
Voznesenskaya Irina A. – Candidate of Science in History, senior research fellow, Military Historical Museum of Artillery, St-Petesburg; voznesen@list.ru.
Zverev Sergey V. – Candidate of Science in History, the senior scientific employee of The State Historical and Cultural Museum-Preserve «The Moscow Kremlin»; svzverev@yandex.ru.

Заведующая редакцией *Е.Е. Жигарина*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *О.Н. Картамышева*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Формат 60×90 1/16.
Усл. печ. л. 20,7. Уч.-изд. л. 21,1.
Тираж 1050 экз. Заказ № 208

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
129663, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru